

**МОДЕРНИЗАЦИЯ ХОЗЯЙСТВА И СТАНОВЛЕНИЕ
РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ
(XIII – XIX ВЕКА)**

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Под редакцией

С. И. Невского, Н. А. Розинской и А. Г. Худокормова

(МГУ имени М. В. Ломоносова, экономический факультет)

Авторский коллектив:

*Р. Аллен, Л. П. Белковец, Р. Ю. Болдырев, Дж. Вайсдорф,
Е. Н. Калмычкова, А. В. Лазарева, Ал. А. Мальцев, С. И. Невский,
Р. М. Нуреев, Н. А. Розинская, Э. Феличе, А. Г. Худокормов, П. Шарп*

Москва
2016

**ECONOMIC MODERNIZATION AND THE FORMATION
OF MARKET RELATIONS
IN WESTERN EUROPE
(XIII – XIX CENTURIES)**

TEXTBOOK

Edited by

**Sergey I. Nevskiy, Natalia A. Rozinskaya
and Alexander G. Khudokormov**

(Lomonosov Moscow State University, Economics Department)

Authors:

*R. Allen, L. P. Belkovets, R. Y. Boldyrev, J. Weisdorf,
E. N. Kalmychkova, A. V. Lasareva, Al. A. Maltsev, S. I. Nevskiy, R. M. Nureev,
N. A. Rozinskaya, E. Felice, A. G. Khudokormov, P. Sharp*

Moscow
2016

УДК 330.81
ББК 65.02(4)я43
М 74

М 74 Модернизация хозяйства и становление рыночных отношений в Западной Европе (XIII – XIX века) : Учебное пособие / Под ред. С. И. Невского, Н. А. Розинской и А. Г. Худокормова. – М. : Издательство «Перо», 2016. – 333 с.

ISBN 978-5-906883-93-3

В данном учебном пособии рассматриваются особенности социально-экономического развития ведущих стран Западной Европы в XIII–XIX столетиях. Особое внимание уделено изучению предпосылок перехода хозяйственных систем западноевропейских государств на траекторию современного типа экономического роста. Подробно анализируется специфика национальных моделей индустриализации ключевых экономик Старого Света.

Для студентов и преподавателей экономических факультетов вузов, и всех, интересующихся экономической историей Европы.

ISBN 978-5-906883-93-3

УДК 330.81
ББК 65.02(4)я43

© Невский С. И., Розинская Н. А., 2016
(составление, перевод на русский язык, научное
редактирование текстов и примечаний)
© Коллектив авторов, 2016

УДК 330.81
ББК 65.02(4)я43
М 74

M 74 Economic Modernization and the Formation of Market Relations in Western Europe (XIII – XIX centuries):
Textbook / Edited by Sergey I. Nevskiy, Natalia A. Rozinskaya
and Alexander G. Khudokormov. – Moscow: "Pero" publishing
house, 2016. – 333 с.

ISBN 978-5-906883-93-3

The textbook reviews the specifics of social and economic development of leading West European countries in XIII–XIX centuries with particular focus on the preconditions for economic systems' transition to economic growth of modern type. An in-depth analysis of national models of industrialization in key Old World economies is provided.

The textbook is intended to be used by students and lecturers in economic history and all those interested in the economic history of Europe.

ISBN 978-5-906883-93-3

УДК 330.81
ББК 65.02(4)я43

© S.I. Nevskiy, N.A. Rozinskaya, 2016
(compilation, translation into Russian, editing of
texts and notes)
© Authors, 2016

Оглавление

Введение. Классификация причин хозяйственного упадка ведущих экономик мира (<i>Ал. А. Мальцев</i>).....	7
Часть I. Возвышение Средиземноморского мира в эпоху высокого Средневековья	
Глава 1. Италия: возрождение в плюралистическом мире (<i>Э. Феличе</i>).....	29
Глава 2. Португалия: первая торговая империя (<i>Н. А. Розинская</i>).....	54
Глава 3. Испания: мировая империя и ресурсное проклятие (<i>Н. А. Розинская</i>) ...	66
Часть II. На пути индустриализации: экономическое развитие стран-лидеров в начале Нового времени	
Глава 4. Голландия: первая страна современного экономического роста (<i>Н. А. Розинская</i>).....	87
Глава 5. Генезис капитализма в Англии: роль институтов, благоприятных для развития рыночного хозяйства (<i>Р. М. Нуреев</i>).....	105
Глава 6. Британская промышленная революция и начало современного экономического роста (<i>Р. Аллен</i>).....	138
Часть III. Модели индустриализации в Западной Европе	
Глава 7. Экономическая история Франции в XVI–XIX веках: от расцвета абсолютизма до «прекрасной эпохи» (<i>А. Г. Худокормов</i>)	190
Глава 8. Французская революция или промышленная революция? Новый взгляд на противоположный опыт Англии и Франции до 1800 года (<i>П. Шарп, Дж. Вайсдорф,</i>)	232
Глава 9. Монархия Габсбургов: исторический феномен династической империи (<i>Е. Н. Калмычкова</i>)	242
Глава 10. Экономическая история Германии в XVI–XIX веках: от территориальных княжеств к индустриальному государству (<i>С. И. Невский, А. В. Лазарева, Р. Ю. Болдырев, Л. П. Белковец</i>).....	260

Contents

Introduction. Classification of causes of economic decline of leading economies of the world (<i>Al. A. Maltsev</i>).....	7
Part I. The rise of the Mediterranean World during the Middle Ages	
Chapter 1. Italy: Renaissance in the pluralistic world (<i>E. Felice</i>).....	29
Chapter 2. Portugal: the first commercial empire (<i>N. A. Rozinskaya</i>)	54
Chapter 3. Spain: the global empire and the resource curse (<i>N. A. Rozinskaya</i>)	66
Part II. On the path towards industrialization: economic development of leading countries at the start of the Modern Era	
Chapter 4. The Netherlands: the first country of modern economic growth (<i>N. A. Rozinskaya</i>).....	87
Chapter 5. Genesis of capitalism in England: the role of institutions beneficial for the development of market economy (<i>R. M. Nureev</i>).....	105
Chapter 6. The British industrial revolution and the beginning of the modern economic growth (<i>R. Allen</i>).....	138
Part III. Industrialization models in Western Europe	
Chapter 7. The economic history of France in the XVI–XIX centuries: from the heyday of absolutism to "Belle Epoque" (<i>A. G. Khudokormov</i>)	190
Chapter 8. French revolution or industrial revolution? New light on the contrasting experiences of England and France up to 1800 (<i>P. Sharp, J. Weisdorf,</i>)	232
Chapter 9. The Habsburg Monarchy: a historic phenomenon of the dynastic empire (<i>E. N. Kalmychkova</i>).....	242
Chapter 10. The economic history of Germany in the XVI–XIX centuries: from principalities to the industrial state (<i>S. I. Nevskiy, A. V. Lazareva, R. Y. Boldyrev, L. P. Belkovets</i>).....	260

ВВЕДЕНИЕ

Классификация причин хозяйственного упадка ведущих экономик мира*

В современном обществоведении по-прежнему популярна однолинейная трактовка исторической динамики, исходящая из аксиоматического утверждения: «Общество, достигшее определенных успехов в осуществлении урбанизации, индустриализации, распространении грамотности на какой-то стадии модернизации, на следующей ее стадии не может опуститься на более низкий уровень развития»¹. Впрочем, подобные суждения можно встретить еще в «Энеиде» Вергилия (70–19 годы до н. э.), в которой высказывалась идея о получении потомками троянцев – римлянами – в награду от Юпитера «империи без сроков и пределов»². Спустя полторы тысячи лет аналогичную мысль озвучил автор концепции «Москва – Третий Рим», монах Спасо-Елеазаровского монастыря Филофей (1465–1542): «Два Рима пали, третий – стоит и четвертому не бывать»³. В свою очередь, стремительное геополитическое возвышение Испании в «золотом» для нее XVI столетии позволило Карлу V (1500–1558) также заявить: «Над моими владениями никогда не зайдет солнце»⁴. В конце 1990-х годов профессор парижской школы международных отношений Альфредо Валладао утверждал, что «двадцать первый век станет американским столетием»⁵.

Между тем, подобное эйфористическое видение будущего того или иного государственного образования препятствует формированию ре-

* Автор: *Александр Андреевич Мальцев* – кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург.

Данный раздел представляет собой расширенную версию статьи «К вопросу о “закате” крупных государств: *praeteritum et praesens*», впервые опубликованную в журнале «Мировая экономика и международные отношения». 2014. № 11. С. 115–124.

¹ *Huntington S. P. The Change to Change: Modernization, Development, and Politics // Comparative Modernization: A Reader / ed. by C. E. Black. L., N.Y., 1976. P. 30–31. Цит. по: Алексеев В. В., Гаврилов Д. В. Металлургия Урала с древнейших времен и до наших дней. М., 2008. С. 133.*

² Цит. по: *Pagden A. The Legacy of Rome // Early Modern Europe: Issues and Interpretations / ed. by J.V. Collins, K.L. Taylor. Malden, Oxford, 2006. P. 28.*

³ Цит. по: *Angold M. The Fall of Constantinople to the Ottomans. L., N.Y., 2012. P. 137.*

⁴ *Reinhard K. F., Hoffmaister G., Tubach F. C. Germany: 2000 years. N.Y., 1961. P. 167.*

⁵ *Valladao A. G. A. The Twenty First Century Will Be American. L., N.Y., 1996. P. XI.*

альной картины эволюции мировой экономики, представляющей собой постоянную смену лидеров хозяйственного развития. Об этом предупреждали еще представители античной научной мысли. Так, «отец истории» Геродот (484–425 годы до н. э.) писал: «Знай же, что человеческие дела функционируют по кругу, соответственно, это не позволяет одним и тем же народам всегда процветать»⁶. Другой выдающийся историк Полибий (201–120 годы до н. э.) также полагал, что «государство пройдет через естественный цикл к своему упадку»⁷. Кстати, даже в находившихся на пике своей геоэкономической мощи Соединенных Штатах отдельные эксперты ставили под сомнение возможность дальнейшего роста могущества экономики этой страны. Например, известный экономист, профессор Массачусетского технологического института Лестер Туроу в 1988 году задавался вопросом: «почему Рим просуществовал тысячу лет, Британская империя – около двухсот, а мы (США – *Ал. М.*) буксуем уже через пятьдесят?»⁸. Неудивительно, что на протяжении столетий задача, сформулированная в 1805 году одним из первых научных редакторов первого издания «Богатства народов» Уильямом Плейфером: «...выявить общие причины, воздействующие как с внутренней, так и внешней стороны на крах государств»⁹, по-прежнему остается на повестке дня современных общественных наук.

За ограниченностью места в рамках настоящего раздела сосредоточимся на выявлении первопричин «выхода из игры» стран-лидеров мировой экономической «гонки», оставив вопрос о (без)успешности «догоняния» за его рамками. В принципе, изучением драйверов упадка крупных социально-экономических систем занималось множество ученых, начиная с глубокой древности. В обобщенном виде можно выделить три основные детерминанты хозяйственной деградации: деформация институтов, обеспечивающих права собственности и торжество закона; изменение ценностных предпочтений населения, ведущее к замещению приоритета труда и созидания приоритетом эгоистического гедонизма и перепотребления; воздействие внешних факторов, в частности военных вторжений, эпидемий, природно-климатических катаклизмов, запускающих процессы гибели государственных образований. Отталкиваясь от их критического осмысления, сформулируем свое видение проблемы.

⁶ *De Romilly J.* The Rise and Fall of States According to Greek Authors. Ann Arbor, 1991. P. 11.

⁷ *Tainter J. A.* The Collapse of Complex Societies. Cambridge, 1988. P. 74.

⁸ *Nye J. S. Jr.* American Strategy After Bipolarity // *International Affairs*. 1990. Vol. 66. No. 3. P. 514.

⁹ *Playfair W.* An Inquiry into the Permanent Causes of the Decline and Fall of Powerful Wealthy Nations. L., 1805. P. 14.

Одна из наиболее распространенных интерпретаций хозяйственного упадка крупных держав объясняет его институциональными факторами. Так, «отец социологии»¹⁰ – арабский философ Ибн-Хальдун (1332–1406), известен, среди прочего, своей концепцией подъема и упадка династий. Согласно ей, «закат» государств предопределяет потеря обществом способности интегрировать разнородные интересы индивидов для достижения общего блага, а также рост непроизводительного потребления, ведущий к разгулу коррупции, усилению налогового гнета, затуханию инвестиционной активности бизнеса, что оборачивается «ослаблением цивилизации» и ее последующим покорением свободными от этих институциональных дефектов державами¹¹. Фактически эта же идея лежит в основе теории «институционального склероза», выдвинутой профессором Мэрилендского университета в Колледж-Парке Мансуром Олсоном. В своей книге «Возвышение и упадок народов» он утверждает, что замедление социально-экономического прогресса является следствием появления в политическом поле особых рентоориентированных распределительных коалиций, превращающихся в основных выгодоприобретателей экономического роста, что ведет к стагнации и последующему регрессу всей хозяйственной системы¹². Эти исследования получили продолжение в монографии «Почему нации терпят неудачу» американских профессоров Дарона Асемоглу и Джеймса Робинсона. По их мнению, «провал» той или иной страны объясняется мутацией гарантирующих права собственности и позволяющих людям делать самостоятельный выбор «инклюзивных институтов» (*inclusive institutions*) в дестимулирующие развитие «экстрактивные институты» (*extractive institutions*), ориентированные на «изъятие доходов и богатств одной группы общества (масс) в пользу другой (правлящей элиты)»¹³.

С институциональным объяснением хозяйственной деградации ведущих стран с точки зрения распространенности конкурирует культурологическое. Скажем, фаталистическая концепция истории Освальда Шпенглера (1880–1936) как раз зиждилась на принципах культурологического детерминизма, сочетающегося с биологической метафорой, уподобляющей эволюцию общества развитию живого организма, в котором культура выполняет структурообразующую функцию и подчиняется законам циклического движения: «детство, юность, период процветания, за

¹⁰ Baali F. Society, State, and Urbanism : Ibn Khaldun's Sociological Thought. Albany, 1988. P. 13.

¹¹ Rasler K. A., Thomson W. R. The Great Powers and Global Struggle, 1490–1990. Kentucky, 1994. P. 103–104.

¹² См. подробнее: Olson M. The Rise and Decline of Nations. New Haven, 1982.

¹³ Acemoglu D., Robinson J. A. Why Nations Fail : The Origins of Power, Prosperity and Poverty. N.Y., 2012.

которыми следует эпоха упадка и смерть»¹⁴. Грядущий закат современного Запада гарвардский профессор Самюэль Хантингтон видел в «культурологическом суициде» – ослаблении трудовой этики и ее замещении культом развлечения и «потворства собственным желаниям», что резко осложняет задачу конкурирования с азиатскими цивилизациями, придерживающимися ценностей «семейной ответственности, трудолюбия, коллективизма и воздержанности»¹⁵. С автором работы «Столкновение цивилизаций» солидарен его университетский коллега Ниал Фергюсон, предсказывающий ослабление роли Западной Европы в мировой экономике, в том числе с размыванием принципов протестантской религии и девальвацией ее сердцевины – «уникальной трудовой этики»¹⁶, выступающей катализатором хозяйственного роста Старого Света на протяжении последних пятисот лет.

Многие исследователи связывают упадок крупных стран с экзогенными факторами, не зависящими от «порчи» институтов и сдвигов ценностных установок населения. Так, американский ученый Уильям Макнил полагает, что начало упадку Римской империи положила «чума Антонина» (165 год н. э.), вызвавшая резкое сокращение численности населения государства, что серьезно осложнило задачу финансирования военных расходов и обслуживания громоздкого государственного аппарата, спровоцировав тем самым ускорение центробежных процессов¹⁷.

Биогеограф Джаред Даймонд видит разгадку «тайны» исчезновения цивилизации острова Пасхи в разрушении его экологической системы. Схематически алгоритм упадка выглядит следующим образом: удаленное расположение острова защитило его обитателей от эпидемий и вражеских нашествий, способствовал росту населения, которое, в свою очередь, в целях обеспечения пропитания всё больше расширяло вырубку деревьев. В результате темпы роста числа жителей Рапа-Нуи начали опережать скорость регенерации растительности, что вызвало эрозию почв и сокращение урожаев, обернулось дефицитом топлива и материалов для постройки рыболовецких плавательных средств, а также привело к уменьшению популяции птиц, являвшихся важной частью рациона питания местных аборигенов¹⁸. В довершение ко всему, правящая элита, пытаясь задобрить пред-

¹⁴ *Reeves J.* Culture and International Relations : Narratives, Nations and Tourists. Abingdon, N.Y., 2004. P. 39.

¹⁵ *Huntington S. P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y., 1996. P. 108, 304–305.

¹⁶ *Ferguson N.* The World; Why America Outpaces Europe (Clue : The God Factor) // The New York Times. 2003. June 8.

¹⁷ *McNeil W. H.* Plagues and Peoples. N.Y., 1976.

¹⁸ *Diamond J.* Easter's Island End. Электронный ресурс. URL : <http://www.hartford-hwp.com/archives/24/042.html>. [Режим доступа – 9.07.2016].

ков, с чьим гневом пасхальцы пытались связать обрушившиеся на них бедствия, активизировала возведение каменных идолов, на транспортировку и монтаж которых ушли оставшиеся лесные ресурсы, за чем последовало окончательное разложение всех общественных институтов и вырождение некогда развитой социальной системы в «кучку хилых дикарей, обитавших среди поваленных статуй»¹⁹.

Оригинальное объяснение заката британской эры в развитии мировой экономики на рубеже XIX–XX веков предложил профессор Йельского университета Пол Кеннеди, который провел взаимосвязь между хозяйственным упадком и высокими военными расходами, необходимыми для поддержания статуса сверхдержавы. По его мнению, Соединенное Королевство повторило ошибку Габсбургской Испании, нарушив – из-за амбиций и требований обеспечения безопасности своих разросшихся колониальных владений – баланс между «пушками, маслом и инвестициями»²⁰.

Вместе с тем, с нашей точки зрения, вышеперечисленные концепции имеют выраженный односторонний характер и не способны дать удовлетворительную интерпретацию комплексным процессам «провала народов». Так, сторонники институционального подхода зачастую абсолютизируют значение отсутствия или ущемления политических прав населения, выставляя нехватку демократии главным «виновником» потери страной позиций в мировом хозяйстве. Между тем современные исследования убедительно показывают, что «идея демократии – в смысле избирательных прав как неперемного условия развития – также неверна, как и утверждение, будто бедным странам необходима диктатура для спасения от нищеты»²¹. Более того, мировая экономическая практика богата примерами, когда демократизация политической среды при отсутствии или ослаблении институтов, обеспечивающих права экономических агентов, оборачивалась постепенным вытеснением страны на периферию глобальной экономики.

Например, Аргентина, опережавшая в 1913 году производству душевого ВВП (3,8 тыс. дол.)²² Францию, Германию и Нидерланды (3,5; 3,4 и 3,1 тыс. долларов соответственно)²³, не смогла воспользоваться откры-

¹⁹ Дерлугьян Г. Кризисы неизбежны – как с этим бороться // Эксперт. 2009. № 1. С. 14.

²⁰ Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers : Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. L., 1988. P. 535.

²¹ Barro R. J. Rule of Law, Democracy, and Economic Performance // 2000 Index of Economic Freedom / ed. by M. Miles. Washington D.C., 2000. P. 47.

²² В международных долларах 1992 года.

²³ Della Paolera G., Taylor A. M. Introduction // A New Economic History of Argentina / ed. by G. della Paolera, A. M. Taylor. Cambridge, 2003. P. 3.

шимся перед ней в начале XX столетия «окном возможностей» для ускоренной модернизации и «компенсировала» возникшие макроэкономические проблемы политическими лозунгами «фундаментальных перемен», предполагавшими, прежде всего, расширение участия населения в политической жизни²⁴. Это привело к чехарде отставок сменявших друг друга популистских правительств, затруднившей переход от аграрно-сырьевой к индустриальной модели развития, в результате чего к 1992 году страна оказалась отброшена на 75-е место в мире по душевым доходам населения (2,6 тыс. долларов)²⁵. Тем самым подтверждается гипотеза известных российских экономистов Виктора Полтеровича и Владимира Попова: «Демократизация при низком качестве институтов закона и порядка ведет к ухудшению качества институтов <...> росту коррупции, ухудшению инвестиционного климата, увеличению теневого сектора и снижению эффективности государственного управления»²⁶. Что называется, от обратного – одной лишь деформацией правовой надстройки – трудно объяснить относительный упадок таких институционально «образцовых» государств, как Великобритания и Нидерланды. В этой связи, немного перефразируя Джареда Даймонда, признаем – институты могут дать лишь 50 % объяснения «провалов государств»²⁷.

Концепции, ищущие истоки социально-экономической деградации стран в культурологической плоскости, также вызывают серьезные возражения. Скажем, сторонникам объяснения более чем семикратного снижения доли Поднебесной в мировом ВВП в 1820–1950 годах (с 32,9 до 4,5 %) ²⁸ спецификой конфуцианского вероучения, якобы подавляющего индивидуальную инициативу, требующего беспрекословного подчинения власти и осуждающего любые новшества, тяжело уйти от упреков в непоследовательности, когда эти же философско-этические принципы, отныне интерпретируемые как склонность к субординации, дисциплине и готовность к социальным компромиссам, предлагаются в качестве разгадки беспрецедентного хозяйственного взлета КНР на рубеже XX–XXI

²⁴ См. подробнее: *Кокиаров А.* Потерянное столетие // Эксперт. 2010. № 1; *Зотин А.* Популистский шторм // РБК. 2010. № 6.

²⁵ Электронный ресурс. URL : http://www.theodora.com/wfb/1992/rankings/per_capita_gdp_gnp_1. [Режим доступа – 9.07.2016].

²⁶ *Polterovich V., Popov V.* Democratization, Institutional Quality and Economic Growth // Political Institutions and Development : Failed Expectations and Renewed Hopes / ed. by N. Dinello, V. Popov. Northampton, 2007. P. 86.

²⁷ *Diamond J.* What Makes Countries Rich and Poor? Электронный ресурс. URL : <http://www.nybooks.com/articles/archives/2012/jun/07/what-makes-countries-rich-or-poor/?pagination=false>. [Режим доступа – 9.07.2016].

²⁸ *Maddison A.* The World Economy : A Millennial Perspective. Paris, 2001. P. 263.

столетий (1973 год – 4,6 %²⁹, 2015 год – 17,1 %³⁰ глобального ВВП). Аналогичные претензии в избирательности можно предъявить исследователям, связывающим превращение Южной Америки в аутсайдера глобального экономического соревнования с порочным «манана-синдромом» (*manana syndrome*), якобы воспитывающим в людях расточительность, праздность и леность. Между тем, в Чили с «неправильной» с точки зрения рационального рыночного поведения иберийской культурой за 1913–2015 годы душевой ВВП «подросток» с 33,0 до 42,1 % американского итога, в то время как в относящейся к «правильной», бизнес-ориентированной системе ценностей Британии аналогичный показатель, напротив, снизился с 86,0 (1910 год) до 73,8 %³¹.

Наконец, нельзя не обратить внимания на повторяющийся в целом ряде случаев абсолютно разный уровень социально-экономического развития в принадлежащих к одной культурно-цивилизационной традиции государствах, например, расположенных на Корейском полуострове. Так, если в 1950 году уровень жизни обитателей страны «утренней свежести» по обе стороны 38-й параллели в 1,4 раза уступал британской колонии Золотой берег³² (0,88–1,2 тыс. долларов)³³, то спустя шестьдесят пять лет разрыв в доходах жителей КНДР и Ганы возрос до 2,4 (1,8–4,3 тыс. долларов), в то время как южнокорейцы стали богаче ганцев в 8,5 раза (36,5–4,3 тыс. долларов), обогнав по производству среднедушевого ВВП Италию и Испанию (35,7 и 34,8 тыс. долларов соответственно)³⁴. По-видимому, последователи Макса Вебера предпочитают игнорировать отмеченную еще Жаном-Антуаном Кондорсе и Адамом Смитом закономерность: «Технологический прогресс и экономическое развитие неизбежно приведут к изменению нравственных ценностей людей»³⁵. В наши дни ряд авторов убедительно показал, что культурно-религиозные начала не оказывают определяющего воз-

²⁹ Maddison A. Op. cit. P. 263.

³⁰ GDP Share of World Total (PPP) Data for All Countries. Электронный ресурс. URL : http://www.economywatch.com/economic-statistics/economic-indicators/GDP_Share_of_World_Total_PPP/. [Режим доступа – 9.07.2016].

³¹ Рассчитано по: Barro R. J., Sala-i-Martin X. Economic Growth. Boston, 2004. P. 563, 565; GDP Per Capita (PPP), US Dollars Data for All Countries. Электронный ресурс. URL : http://www.economywatch.com/economic-statistics/economic-indicators/GDP_Per_Capita_PPP_US_Dollars/. [Режим доступа – 9.07.2016].

³² С 1957 года – Гана.

³³ Электронный ресурс. URL : http://www.nationmaster.com/graph/eco_gdp_per_cap_in_195-economy-gdp-per-capita-1950. [Режим доступа – 9.07.2016]

³⁴ Электронный ресурс. URL : <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2004rank.html>. [Режим доступа – 9.07.2016]

³⁵ Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change and Democracy : The Human Development Sequences. Cambridge, 2005. P. 16–17.

действия на экономический рост³⁶. Следовательно, нет никаких оснований делать культуру единственным источником долгосрочных проблем экономического развития и тем более перекладывать на духовно-нравственные аспекты общественного бытия ответственность за неудачи хозяйственного строительства. Поэтому трудно не согласиться с Владимиром Поповым, отмечаящим, что «в экономике <...> ссылки на эфемерные социально-культурные факторы делаются тогда, когда не получается объяснить различия в экономической динамике другими осязаемыми причинами – исходными условиями, внешними шоками, институтами, правительственной политикой»³⁷.

В отношении влияния экзогенных обстоятельств на процессы социально-экономического упадка мы разделяем точку зрения Вильгельма фон Гумбольдта (1767–1835): «Причины мировых событий могут быть сведены к одному из следующих трех факторов: к природе вещей, свободе человека и велению случая»³⁸. Признавая важность воздействия на экономику таких отрицательных экстерналий, как войны, эпидемии и природные катаклизмы, полагаем вместе с тем некорректным считать набор непредвиденных явлений двигателем исторического процесса. Это ведет к отрицанию «рукотворности» хозяйственной жизни, дает упрощенное представление об эволюции мировой экономики как некоем нагромождении обстоятельств непреодолимой силы. Вот почему нам представляется справедливым замечание, высказанное Шарлем Монтескье: «Если <...> частная причина погубила государство, то это значит, что была общая причина, приведшая к тому, что данное государство должно было погибнуть <...> одним словом, все частные причины зависят от некоторого всеобщего начала»³⁹. Поэтому внешние воздействия могут являться стартовым импульсом, но недостаточным условием заката той или иной страны, подготавливаемого логикой предшествующего развития и обусловленного целым спектром накопленных социально-экономических проблем.

Так, некоторые ученые связывают уход Соединенных Провинций с первых ролей в европейской мир-экономике с расстройством внешней

³⁶ См. например: *Jones E. L. Cultures Merging : A Historical and Economic Critique of Culture*. Princeton, 2006 ; *Sachs J. The End of Poverty : How Can We Make It Happen in Our Lifetime*. L., 2005. P. 315–318.

³⁷ *Попов В. Дракон и юань. Китай : экономический рост вопреки или благодаря религии? // Политический журнал. 2007. № 27. Электронный ресурс. URL : <http://pages.nes.ru/vpopov/documents/Religion--China-2008-PolitZhurnal.pdf>. [Режим доступа – 9.07.2016].*

³⁸ *Гумбольдт фон В. Язык и философия культуры*. М., 1985. С. 288.

³⁹ *Монтескье Ш. Л. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян*. М., 2002. С. 356–357.

торговли, вызванным 4-кратным за 40 лет снижением вылова сельди (1640 год – 40, 1680 год – 10 тыс. т)⁴⁰, формировавшей 1/2 голландского экспорта⁴¹, из-за чрезмерного промысла и изменения путей ее миграции⁴², а также связанного с этим упадка судоходства, когда за 1670–1780 годы тоннаж торгового флота снизился в 1,3 раза – с 568,0 до 450,0 тыс. т⁴³. Однако «рыбный фактор» стал лишь «детонатором» ослабления позиций Нидерландов в мировом хозяйстве, а фундаментальной причиной, по-видимому, выступил недостаток природных ресурсов, необходимых для развертывания индустриальной революции⁴⁴. Так, отсутствие легкодоступных залежей угля не позволило, как в Англии, осуществить минерализацию топливного баланса, чтобы, снизив стоимость энергии, металла и строительных материалов, создать спрос на новые технологии. Ситуацию усугубляла инерция институтов торгового капитализма, оказавшихся ригидными к вызовам грядущей промышленной эпохи.

Кроме того, мировая практика доказывает, что человечество способно минимизировать и даже использовать негативные аспекты внешней среды для перестройки оказавшейся тупиковой модели роста. Скажем, Япония, столкнувшись в XVI–XVII столетиях с проблемами перенаселения (за 1570–1670 годы число жителей страны возросло с 10 до 30 млн человек) и последствиями сокращения лесов (эрозия почв, оползни, обострение конфликта между знатью и крестьянами за право использования древесины: одними – для возведения замков и храмовых сооружений, другими – для обогрева жилищ и удобрений), смогла вырваться из экологической ловушки и избежать участи, постигшей цивилизацию острова Пасхи⁴⁵. Для этого правители из клана Токугава, с одной стороны, ограничили доступ в леса, запустили программы лесовосстановления и внедрили менее «древесиноемкие» строительные технологии, с другой – ввели жесткие меры, направленные на ограничение рождаемости. В результате

⁴⁰ Poulsen B. Dutch Herring : An Environmental History, 1600–1860. Amsterdam, 2008. P. 45.

⁴¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М., 1992. Т. 3. С. 188.

⁴² Richards J. F. The Unending Frontier: An Environmental History of the Early Modern World. Berkeley, Los Angeles, 2003. P. 51.

⁴³ Maddison A. Op. cit. P. 77.

⁴⁴ См., например: Pomeranz K. The Great Divergence: China, Europe and the Making of the Modern World Economy. Princeton, 2000; Goody J. Metals, Culture and Capitalism: An Essay on the Origins of the Modern World. Cambridge, 2012. P. 283.

⁴⁵ См. подробнее: Marten G. How Japan Saved Its Forests : The Birth of Silviculture and Community Forest Management. Электронный ресурс. URL : <http://www.ecotippingpoints.org/our-stories/indepth/japan-community-forest-management-silviculture.html>. [Режим доступа – 9.07.2016].

Стране восходящего солнца удалось стабилизировать численность населения и восстановить природный баланс, тем самым избежав попадания в «мальтузианскую западню» и заложив фундамент для перехода к современной модели хозяйственного развития.

С нашей точки зрения, по крайней мере с началом Нового времени решающим фактором изменения расклада сил в мировой экономике становились затруднения с переходом хозяйственной системы доминирующей державы, ставшей пионером в освоении некоей базисной инновации или ключевого ресурса эпохи, к новой технологической парадигме, когда вместо «созидательного разрушения» барьеров, препятствующих запуску очередной волны технико-экономического развития, страна, поддаваясь триумфалистским иллюзиям возможности сохранения главенствующей роли в глобальной иерархии за счет ускорения процессов терциаризации, запускала процесс переноса «устаревающих» производств на периферию, где плодами ее технических достижений начинали пользоваться конкуренты из «третьего мира».

Общий алгоритм потери лидерства крупной социально-экономической системой можно представить следующим образом. Страна-первооткрыватель уникального нововведения на определенный период времени становится получателем так называемой инновационной ренты, позволяющей резко снизить конкурентное давление, оказываемое государствами-соперниками, приступить к перестройке экономики на базе передовых открытий и тем самым в значительной степени укрепить свои позиции в международном разделении труда. Однако по мере роста нового технологического уклада нация-новатор сталкивается с эффектом «падения эффективности технических решений»⁴⁶, в результате чего во всех звеньях производственной цепочки происходит снижение нормы прибыли и капиталотдачи, а попытки внедрения новых технико-институциональных усовершенствований в инерционной и имеющей серьезное инфраструктурное обременение экономике вязнут в мощном противодействии, оказываемом сложившимися в ходе становления «старой» технологической парадигмы социальными структурами. В этих условиях страна-лидер, пытаясь избавиться от ставших низкоприбыльными производств, начинает процесс индустриального «разоружения» – активизирует вынос промышленного ядра на окраину мирового хозяйства и делает ставку на развитие сервисных услуг, превращая неторгуемый сектор в своеобразный клапан, призванный стравливать излишки не находящего применения капитала. Вместе с тем, несмотря на разбухание третичной сферы, торгово-услуговый комплекс не может выступить надежным генератором стабильного экономического ро-

⁴⁶ См., например: *Giarini O., Loubergé H. The Diminishing Returns of Technology : An Essay on the Crisis in Economic Growth. L., 1978.*

ста, что подрывает устойчивость хозяйственной системы к внешним шокам и в долгосрочной перспективе ослабляет конкурентоспособность государства на мировой арене. В деиндустриализированной стране обостряется борьба за контроль над сужающимися потоками добавленной стоимости, генерируемой устаревающим технологическим базисом, что ведет к росту имущественной поляризации и появлению широкого спектра институциональных дефектов, разлагающих общество изнутри. Наконец, деградация производительных сил не позволяет государству, даже прибегая к различным инструментам долгового финансирования, выполнять взятые на себя обязательства перед гражданами, размывает основу развитой страны – средний класс, обостряет проблему безработицы и социального антагонизма. Как итог, раздираемая внутренними противоречиями «выдолбленная экономика»⁴⁷ (*hollowed out economy*) начинает уступать в глобальной «табели о рангах» быстро копирующей инновации бывшего лидера и стремительно накачивающей индустриальную мускулатуру «догоняющим» странам⁴⁸.

Рассмотрим нашу гипотезу на примере Испании, Великобритании и Соединенных Штатов, занимавших соответственно в XVI, XIX и XX столетиях доминирующие позиции в мировом хозяйстве. Как известно, в эпоху меркантилизма могущество страны во многом детерминировалось объемом располагаемого государством золота и серебра, то есть нация, опередившая других в технологии добычи драгоценных металлов, получала шанс вырваться вперед в экономическом соревновании. Именно так спустя сто лет после завершения Реконкисты Испания превратилась в «политического гегемона Европы»⁴⁹. Если в 1500 году ее среднедушевой ВВП на 10 % уступал общеевропейскому итогу (9-е место на континенте), то к 1600 году показатели сравнялись, а страна утвердилась на пятой позиции в Старом Свете⁵⁰. Столь быстрая экономическая метаморфоза стала возможной благодаря внедрению в 1554 году севильским купцом

⁴⁷ См. подробнее: *Hobsbawm E.* World Distempers : Interview // *New Left Review*. 2010. Vol. 61. P. 133–150; *Edsall T. B.* The Hollowing Out. Электронный ресурс. URL : <http://campaignstops.blogs.nytimes.com/2012/07/08/the-future-of-joblessness>. [Режим доступа – 9.07.2016].

⁴⁸ Близкие идеи относительно причин, обуславливающих изменение расклада сил в глобальной экономике, высказывают исследователи из Лондонского университета Лусинэ Бадалян и Виктор Криворотов. См. подробнее: Рубченко М. На излете нефтяной эпохи // *Эксперт*. 2010. № 36; Закат эпох наступает, когда ее доминантный ресурс исчерпан. Электронный ресурс. URL : <http://www.odnako.org/magazine/material/zakat-epohi-nastupaet-kogda-ee-dominantniy-resurs-ischerpan/>. [Режим доступа – 9.07.2016].

⁴⁹ *Prados de la Escosura L., Álvarez Noga C.* The Decline of Spain (1500–1850) : Conjectural Estimates // *European Review of Economic History*. 2007. Vol. 11 (3). P. 321.

⁵⁰ Рассчитано по: *Maddison A.* Op. cit. P. 264.

Барталоме де Мединой заимствованной у немецких алхимиков технологии амальгамации, позволившей сделать рентабельной разработку месторождений бедных руд в Южной Америке и увеличившей экстракцию серебра на 500%⁵¹. Однако с ростом перевозок «серебряного флота» (ежегодный импорт серебра возрос с 18,7 (1546–1550 годы) до 273,7 т (1591–1595 годы) серебра в год⁵²) страна попала в плен ложных представлений, будто лишь «в серебре лежит безопасность и сила монархии»⁵³. Суммарный объем полученных испанскими Габсбургами средств из Нового Света в XVI столетии, по оценкам, составил астрономические 1,5 трлн долларов в ценах 1990 года, или 4,5 мировых ВВП образца 1600 года⁵⁴, что во многом объясняет сделанную страной ставку на развитие анклавного колониального «сектора» и игнорирование необходимости постепенного смещения приоритетов хозяйственной политики от поощрения торговли к сочетанию стимулирования внешней экспансии и закрепления proto-индустриальных трендов. Де-факто американское серебро инфицировало Испанию «голландской болезнью», спровоцировавшей 4-кратный рост внутренних цен за 1501–1600 годы.⁵⁵ С одной стороны, это подорвало конкурентоспособность испанских товаров на мировых рынках, с другой – спровоцировало увеличение импорта готовых изделий и продовольствия, оказав разрушительное воздействие на местных производителей. Так, за 1550–1634 годы выплавка железа в баскских землях просела с 3,3⁵⁶ до 1,0 тыс. т⁵⁷, ежегодный тоннаж спущенных на воду средней кантабрийской верфью судов снизился с 723 т в 1560 году до 297 т в 1600

⁵¹ *Malcom C. Mercury on a Galleon // The Navigator: Newsletter of the Mel Fisher Maritime Heritage Society. 2006. Vol. 22. No. 2; Stein J. S., Stein B. H. Silver, Trade and War : Spain and America in the Making of Early Modern Europe. Baltimore, 2000. P. 21.*

⁵² Silver and Gold Mining in Latin America. Электронный ресурс. URL : https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=4&cad=rja&uact=8&ved=0ahUKEwiR06zc4ujNAhWsO5oKHQT_DogQFggtMAM&url=https%3A%2F%2Fwww.economics.utoronto.ca%2Fwww.files%2Farchives%2Fmunro5%2FSpanishAmerica.xls&usq=AFQjCNFU2diOMCTwd3v2RMoJSrTB11_XWQ&sig2=w1K4zaQ_R1AVTiz8wbOVXw&bvm=bv.126130881,d.bGs. [Режим доступа – 9.07.2016].

⁵³ *Stein J. S., Stein B. H. Op. cit. P. 40.*

⁵⁴ Рассчитано по: *Maddison A. Op. cit. P. 261; Spanish Empire. Электронный ресурс. URL : http://www.newworldencyclopedia.org/entry/Spanish_Empire. [Режим доступа – 9.07.2016].*

⁵⁵ *Ramsey P. H. The Price Revolution in Sixteenth Century England. L., 1971. P. 45.*

⁵⁶ *Simmons M., Turley F. Southwestern Colonial Ironwork : The Spanish Blacksmith Tradition from Texas to California. Santa Fe, 2007. P. 6.*

⁵⁷ *Treasure G. The Making of Modern Europe : 1648–1780. L., N.Y., 1985. P. 354.*

году⁵⁸, но главное, страна утратила самообеспеченность по производству ключевых видов аграрной продукции – пшеницы, риса и сахара⁵⁹.

Кроме того, «проклятье Монтесумы» в виде галеонов, груженных драгоценными металлами, законсервировало архаичный рентоориентированный феодально-церковный уклад, представители которого и стали основными выгодоприобретателями открытия богатств Нового Света. При этом корона, формировавшая до 1/3 доходов своей казны из заокеанских источников, не намеревалась изменять сложившуюся институциональную конфигурацию и перенаправлять ресурсы на развитие обрабатывающих производств и сельского хозяйства⁶⁰. Вместо этого, поддерживая репутацию «непримиримого врага оппонентов католической веры»⁶¹, государство всячески боролось с возможными «тлетворными идеями» запретами на ввоз иностранных книг и обучение за границей, а в поиске виновных в хозяйственных неурядицах инициировало гонения религиозных меньшинств. Ситуацию дополнительно усугубляли геополитические авантюры⁶² испанских королей, преследовавших трудноосуществимую в условиях стремительного возвышения протестантизма цель строительства «великой католической империи», что истощало, даже учитывая «льющийся на испанцев золотой дождь»⁶³, финансовые ресурсы империи и вынуждало всё чаще прибегать к иностранным займам, объем которых только за годы правления Карла V разросся до 37 млн дукатов, ровно на 2 млн превысив суммарную стоимость ввезенного за этот же период времени золота из Новой Испании⁶⁴. Необходимость пополнения казны вынуждала правителей увеличивать налоговый гнет⁶⁵, который разорял, в первую очередь, говоря современным языком, средний класс – крестьян, производивших товарную продукцию, а также городских ремесленников и предпринимателей, подталкивая представителей этих сословий к миграции в страны с более благоприятным фискальным и религиозным климатом. Это привело

⁵⁸ Grafe R. The Strange Tale of the Decline of Spanish Shipping // Shipping and Economic Growth, 1350–1850 / ed. by R. W. Unger. Leiden, 2011. P. 89.

⁵⁹ Drelichman M. The Curse of Moctezuma : American Silver and the Dutch Disease. Электронный ресурс. URL : <http://papers.economics.ubc.ca/legacypapers/dp0311.pdf>. [Режим доступа – 9.07.2016].

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ The British Magazine, and Monthly Register of Religious and Ecclesiastical Information, Parochial History and Documents Respecting the State of the Poor, Progress of Education. 1840. Vol. XVII. P. 490.

⁶² Скажем, только снаряжение Непобедимой армады, построенной для вторжения в Англию обошлось Испании в пять годовых «доходов» от своих колоний // Myers P. A. North to California: The Spanish Voyages of Discovery, 1533–1603. Coral Springs, 2004. P. 359.

⁶³ Sowell T. Conquests and Culture : An International History. N.Y., 1999. P. 261.

⁶⁴ Venable S. L. Gold : A Cultural Encyclopedia. Santa-Barbara, 2011. P. 253.

⁶⁵ Gilpin R. War and Change in World Politics. Cambridge, 1981. P. 164.

к примитивизации социальной структуры общества и разрушению его сердцевины – среднего класса. «Средняя часть вся вышла, – сокрушался в 1600 году современник, – остались лишь одни богатые и бедные, больше не осталось золотой середины»⁶⁶. Как итог, Испания, продолжая развиваться в противоположном направлении от рекомендаций меркантилистов, неоднократно подчеркивавших, что «промышленность есть более выгодный рудник, сулящий больше прибыли, богатства и изобилия, чем рудники Потоси»⁶⁷, превратилась в страну, чья внешняя и внутренняя торговля, финансовая система и промышленность оказались под контролем иностранцев⁶⁸, а среднедушевой доход ее населения к 1700 году превзошла не только «догоняющая» Франция⁶⁹, «охотно тачавшая сапоги и плавившая железо для ленивых и богатых идалго»⁷⁰, но, по-видимому, и голландская Капская колония⁷¹.

Спустя три столетия в несколько менее драматичной форме ситуация повторилась в другой сверхдержаве – Великобритании. Так, за 1870–1913 годы удельный вес Соединенного Королевства в мировом валовом внутреннем продукте сократился с 9,1 до 8,3 %, в глобальном экспорте – с 24,3 до 18,5 %⁷², а по уровню среднедушевого ВВП страна перешла с первого (3,2 тыс. долларов) на четвертое место (4,9 тыс. долларов), пропустив вперед США (5,3 тыс. долларов), Новую Зеландию (5,2) и Австралию (5,5 тыс. долларов)⁷³.

Причины подобного относительного упадка одни ученые связывают с не зависевшей от Туманного Альбиона реконфигурацией мирового хозяйства, в котором появились мощные конкуренты, бросившие вызов «мастерской мира», другие доказывают, что британская экономика рубежа

⁶⁶ Feuer L. S. *Imperialism and the Anti-Imperialist Mind*. New Brunswick, 1989. P. 70.

⁶⁷ Reinert E. S., Reinert S. A. *Mercantilism and Economic Development: Schumpeterian Dynamics, Institution Building and International Benchmarking // The Origins of Development Economics : How Schools of Economic Thought Have Addressed Development / ed. by K. S. Jomo, E. S. Reinert*. New Delhi, 2005. P. 7.

⁶⁸ См. подробнее: Кулишер И. М. *История экономического быта Западной Европы*. Челябинск, 2004. Кн. 3. С. 206–207.

⁶⁹ Maddison A. *Op. cit.* P. 264.

⁷⁰ Бадалян Л., Криворотов В. На вираже. (Ре)индустриализация и ее альтернативы. Электронный ресурс. URL: http://www.odnako.org/magazine/material/show_13387. [Режим доступа – 9.07.2016].

⁷¹ Maddison Project Database / http://www.ggd.net/maddison/maddison-project/data/mpd_2013-01.xlsx

⁷² Рассчитано по: Maddison A. *Op. cit.* P. 261, 361–362.

⁷³ Рассчитано по: Maddison A. *Op. cit.* P. 261; Gallman R. E. *Economic Growth and Structural Change in the Long Nineteenth Century // The Cambridge Economic History of the United States / ed. by S. L. Engerman, R. E. Gallman*. Cambridge, 2000. Vol. II : The Long Nineteenth Century. P. 20.

XIX–XX столетий вошла не в полосу кризиса, а замедлила темпы роста в связи с ее переходом в стадию зрелости. Продолжатели гоббсовской традиции увязывают утрату лидерства Британии с экспансионистской сущностью капитализма, требовавшей постоянного расширения вовне, породив колониальную «утяжеленность», вытягивавшую капитал и «обезвоживавшую» метрополию.

Все вышеперечисленные точки зрения объединяет пренебрежение волнообразным характером эволюции производительных сил. Дело в том, что в последней четверти XIX – начале XX века стартовали процессы замещения «экономики угля», пионером в развитии которой являлась Великобритания, «экономикой нефти». Как итог, в полном соответствии с концепцией смены технологических траекторий страна, перегруженная производствами устаревшей технико-институциональной парадигмы, не смогла оперативно перестроить свою хозяйственную систему на основе новых технологий и уступила место не обремененным архаичной инфраструктурой Соединенным Штатам и Германии, опередившим Соединенное Королевство во встраивании в формирующийся третий технологический уклад. Так, за 1871–1913 годы среднегодовые темпы прироста совокупной факторной производительности в обрабатывающей промышленности Великобритании снизились с 1,1 в 1873–1882 годах до 0,3 % в 1907–1913 годах⁷⁴, а производительность труда в индустрии накануне Первой мировой войны в 1,5 раза уступала аналогичному показателю третичного сектора⁷⁵. Неудивительно, что ключевые факторы производства в поисках мест более прибыльных вложений стали перемещаться в сферу сервиса. На ее долю уже к 1911 году приходилось 44,1 % суммарной численности занятых⁷⁶ и практически 3/4 производства британского ВВП (1900 год)⁷⁷.

Исчерпание емкости национального рынка ускорило процессы перелива ресурсов на мировой уровень, постепенно превращая Британию в деиндустриальную финансиализированную экономику, могущество которой поддерживалось лишь гегемонией фунта стерлингов в международных расчетах и сохранением за лондонским Сити статуса кредитора мирового хозяйства. За 1880–1913 годы ежегодный объем средств, вывозимых с территории британских островов, возрос с 5 до 10 % ВВП⁷⁸, отток британских инвестиций к суммарному объему внутренних капиталов-

⁷⁴ Magee G. P. Manufacturing and Technological Change // The Cambridge Economic History of Modern Britain. Cambridge, 2008. Vol. II: Economic Maturity, 1860–1939. P. 88.

⁷⁵ Thomas M. The Service Sector // Idem. P. 127.

⁷⁶ Crafts N. Long-run Growth // Idem. P. 4.

⁷⁷ Болотин Б. М. Мировая экономика в цифрах / Под ред. И. С. Королева. Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет. М., 2003. С. 518.

⁷⁸ Eichengreen B. Capital Flows and Crisis. Cambridge (Mass.), 2004. P. 18.

вложений достиг 34 %⁷⁹, в результате чего норма накопления составила лишь 9,0 % валового внутреннего продукта против 19,8 % – в Германии и 21,9 % – в Соединенных Штатах⁸⁰. В свою очередь, дефицит инвестиционных ресурсов внутри британской экономики затруднял перестройку громоздкого производственного комплекса, а зародышевый характер развития третьего технико-экономического уклада не позволял полностью абсорбировать ресурсы, высвобождавшиеся из морально устаревшей технологической платформы, тем самым интенсифицируя имущественную дифференциацию общества на высокооплачиваемых работников «интеллектуального труда», работавших преимущественно в третичном секторе, и класс «синих воротничков», вынужденных трудиться в терявших конкурентоспособность отраслях, относившихся к раннеиндустриальному этапу формирования производительных сил. Так, к 1911 году доход занятых в сфере распределения на 1/5 превышал аналогичный показатель для работников обрабатывающей промышленности, а заработная плата домашней прислуги практически на 1/2 превосходила уровень оплаты труда в традиционном для Великобритании производстве хлопчатобумажных тканей⁸¹. В этой связи нельзя не согласиться с профессором Виргинского университета Марком Томасом, утверждающим, что «сервисный сектор сыграл роль в замедлении экономического роста Британии и ее „догонянии“ другими экономиками»⁸². Пожалуй, наиболее ярким индикатором потери хозяйственной системой Соединенного Королевства устойчивости стало разбухание финансовой сферы, когда за 1850–1913 годы отношение финансовых активов к материальным возросло с 68 до 146 %, в то время как в США данный показатель в 1913 году не превышал 42 %⁸³. С одной стороны, усиливавшаяся финансиализация позволяла Британии компенсировать расширение отрицательного сальдо внешнеторгового оборота товаров (с 19,6 млн фунтов в 1851 году до 133,9 млн фунтов в 1913 году) приростом «невидимой» торговли (с

⁷⁹ Goetzmann W. N., Ukhov A. D. British Investments Overseas, 1870–1913 : A Modern Portfolio Theory Approach. Электронный ресурс. URL : <http://scholarship.sha.cornell.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1367&context=articles>. [Режим доступа – 9.07.2016].

⁸⁰ Floud R. Britain, 1860–1914: A Survey // The Economic History of Britain Since 1700 / ed. by R. C. Floud, D. McCloskey. Cambridge, 1994. Vol. 2: 1860–1939. P. 25.

⁸¹ Mackinnon M. Living Standards, 1870–1914 // Idem. P. 274.

⁸² Thomas M. The Service Sector // The Cambridge Economic History of Modern Britain. P. 99.

⁸³ Davis L. E., Gallman R. E. Evolving Financial Markets and International Capital Flows: Britain, the Americas, and Australia, 1865–1914. Cambridge, 2001. P. 261–262.

31,2 до 367,8 млн фунтов за тот же период)⁸⁴, возвращая платежный баланс в положительную зону. Однако с другой стороны, всё рельефнее высвечивалась потеря английской промышленностью глобальной конкурентоспособности, превращая Великобританию в «одноногую» экономику, заложника «финансовых продуктов, созданных финансовыми инженерами из лондонского Сити»⁸⁵. Неудивительно, что наиболее дальновидные современники, наблюдая за стремительным разрастанием рынка финансовых услуг, чьи среднегодовые темпы прироста (7,6 %) в 1856–1913 годах практически в четыре раза превышали аналогичные показатели ВВП (2,0 %) ⁸⁶, справедливо указывали на опасность углубляющейся дивергенции между финансово-сервисной и «реальной» составляющими экономики. Как в последствии писал Джон Мейнард Кейнс, «когда расширение производственного капитала в стране становится побочным продуктом деятельности игорного дома трудно ожидать хороших результатов»⁸⁷.

На рубеже XX–XXI столетий «британские симптомы» – снижение эффективности технико-экономического уклада, некогда обеспечившего государству глобальное доминирование, активизация переноса производственных звеньев устаревающей технологической парадигмы на периферию глобального хозяйства и спровоцированный этими обстоятельствами рост структурной безработицы, усиливший эрозию среднего класса, – практически один в один повторились в экономике США. Так, за 1990–2010 годы удельный вес США в мировом промышленном производстве снизился с 21,6 до 18,2 %, в то время как доля КНР за этот же период возросла с 3,0 до 18,9 %⁸⁸. Параллельно доля обрабатывающей промышленности в структуре несельскохозяйственной занятости Соединенных Штатов сократилась с 16,2 до 8,9 %⁸⁹.

Нейтрализация этих негативных явлений форсированием строительства «экономики знаний» обернулась ситуацией, когда в США «сосредотачиваются обесценивающиеся технологии, а в развивающихся

⁸⁴ *Bagwell S. P., Mingay G. E.* Britain and America. A Study of Economic Change, 1850–1939. L., 1970. P. 98.

⁸⁵ *Lind M.* The British Seeds of American Decline. Электронный ресурс. URL: <http://www.theglobalist.com/storyid.aspx?storyid=9702>. [Режим доступа – 9.07.2016].

⁸⁶ *Burgess S.* Measuring Financial Sector Output and Its Contribution to GDP // *Quarterly Bulletin*. 2011. Q. 3. P. 235.

⁸⁷ *Кейнс Дж. М.* Общая теория занятости, процента и денег. М., 2002. С. 151.

⁸⁸ *Mellows-Facer A., Maer L.* International Comparisons of Manufacturing Output. SN/EP/5809. P. 4.

⁸⁹ Рассчитано по: *Statistical Abstract of the United States* : 2012. Washington D. C., 2012. P. 408.

(странах – Ал. М.) – добавленная стоимость»⁹⁰. До середины 2000-х годов подобное состояние дел не вызывало беспокойства американских элит, убаюканных заявлениями о переходе развитых стран в эру «безбрежного богатства», генерируемого производством новых знаний и информации. Истоки подобных представлений уходят корнями в 1970-е годы, когда под воздействием убывающей отдачи «перезревшего» четвертого технологического уклада, лидером в развитии которого являлись США, а также энергетических шоков, высветивших неэффективность морально устаревшего технологического базиса, резко активизировались процессы выноса индустриального ядра за пределы своей территории. Если еще в 2000 году капитаны американского обрабатывающего сектора на каждый доллар, инвестированный в отечественные производственные мощности, вывозили за границу 33 цента, то спустя девять лет – 71 цент, а в целом за 1970–2000-е годы капиталовложения в развитие индустрии снизились с 2,4 до 1,5 % ВВП, тогда как в Германии этот показатель в 2000-е годы равнялся 2,8 %, Израиле – 3,4 %, в Республике Корея – 7,3 % ВВП⁹¹.

Недоинвестированность и, следовательно, потеря национальной промышленной базой конкурентоспособности, помимо роста торговых дисбалансов обострила проблему безработицы. На протяжении 1999–2011 годов в США ежедневно сокращалось 1 276 рабочих мест в производственной сфере, что с учетом мультипликативного эффекта в смежных отраслях приводило к росту числа нетрудоустроенных в общей сложности на 3 676 человек в день⁹². В конечном счете, это вылилось в «вымывание» из американской экономики высокодоходного (доходы в промышленности в среднем на 9 % превышали заработную плату в других сферах⁹³) индустриального сектора, обеспечивавшего на протяжении XX столетия рост среднего класса, чья доля в структуре общества за 1971–2011 годы упала с 61 до 51 %⁹⁴. Данное обстоятельство нехотая наложило на общее «обеднение» американской семьи (ее чистые активы за 2001–2010 годы сократились с 129,6 до 93,1 тыс. долларов⁹⁵), а

⁹⁰ *Иноземцев В. Л.* Воссоздание индустриального мира : контуры нового глобального устройства // Россия в глобальной политике. 2011. Т. 9. № 6. С. 89.

⁹¹ *Atkinson R. D., Stewart L. A., Andes S. M., Ezell S. J.* Worse than the Great Depression: What Experts Are Missing About American Manufacturing Decline. Washington D. C., 2012. P. 47, 52, 53.

⁹² *Atkinson R. D.* et al. Op. cit. P. 5.

⁹³ *Ibid.* P. 68.

⁹⁴ *Smith A.* The Middle Class Falls Further Behind. Электронный ресурс. URL : <http://money.cnn.com /2012/08/22/news/economy/middle-class-pew/index.html>. [Режим доступа – 9.07.2016].

⁹⁵ *Fewer, Poorer, Gloomier.* The Lost Decade of the Middle Class. Washington D. C., 2012. P. 2.

размер долга домохозяйств (92 % ВВП) практически сравнялся с долговым бременем финансовых учреждений (98 % ВВП)⁹⁶.

Перенос промышленного производства за пределы страны изначально интерпретируемый как однозначно положительное явление, открывающее перед США «возможность направить выполнение рутинных инженерных задач в страны с излишками рабочих <...>, а самим передислоцировать рабочую силу и капитал в отрасли, создающие более высокую добавленную стоимость, и передовые НИОКР»⁹⁷, привел к неожиданным результатам. Вместо запланированного на 1998–2008 годы Бюро трудовой статистики создания 2,8 млн вакансий в *high-tech* индустрии произошло сокращение 68 тыс. рабочих мест в высокотехнологичных отраслях⁹⁸. Надежды на то, что низко- и среднеквалифицированные трудящиеся, подгоняемые усиливаемой глобализацией конкуренцией с мигрантами, будут повышать свою компетенцию и пополнят ряды специалистов в области высоких технологий, также не оправдались. Из 27,3 млн рабочих мест, созданных на территории Соединенных Штатов в 1990–2008 годах, 65% создавали сфера государственных услуг, здравоохранение, розничная торговля, строительство, гостиничный и ресторанный бизнес, а средняя добавленная стоимость на одного занятого в не торгуемом секторе в 2008 году более чем в 1,5 раза отставала от показателя торгуемой части американской экономики⁹⁹.

В целом, хозяйственные реалии последних десятилетий развенчивают заявления о том, что «вчерашние (американские – *Ал. М.*) фермеры и заводские рабочие будут сегодняшними компьютерными инженерами»¹⁰⁰. За 2004–2009 годы 85 % прироста рабочих мест в сфере НИОКР пришлось на зарубежные филиалы американских ТНК, а 57 % присуждаемых университетами страны докторских степеней по техническим наукам получали иностранцы, значительная часть из которых имела китайское гражданство¹⁰¹. В этом контексте не вызывает удивления тот факт, что в 2010 году 39 % суммарного экспорта Поднебесной составляли изделия *high-tech*, базировав-

⁹⁶ *Duncan R.* The New Depression: The Breakdown of the Money Economy. Singapore, 2012. P. 90–91.

⁹⁷ *The New Global Shift.* Электронный ресурс. URL: <http://www.businessweek.com/stories/2003-02-02/the-new-global-job-shift>. [Режим доступа – 9.07.2016].

⁹⁸ *Zaccone J.* Has Globalization Destroyed the American Middle Class? Электронный ресурс. URL: <http://www.njfac.org/GloblMClass.pdf>. [Режим доступа – 9.07.2016].

⁹⁹ *Spence M., Hlatshwayo S.* The Evolving Structure of the American Economy and the Employment Challenge // CFR Working Paper. 2011. March. P. 4, 13, 25.

¹⁰⁰ *Perry M. J.* The Truth about U.S. Manufacturing. Электронный ресурс. URL: <http://online.wsj.com/article/SB10001424052748703652104576122353274221570.html>. [Режим доступа – 9.07.2016].

¹⁰¹ Science and Engineering Indicators 2012. P. 2–5, 2–30, 2–31, 3–59.

шиеся на североамериканских и европейских разработках¹⁰², а наблюдавшийся до 1997 года профицит США во внешней торговле высокотехнологичными товарами сменился к 2010 году дефицитом в 100 млрд долларов¹⁰³. Кроме того, переизбыток производственных мощностей и снижение нормы прибыли (с 7,1 % в 1960-е годы до 1,3 % в 2000-е годы по 500 крупнейшим компаниям мира из рейтинга *Fortune 500*¹⁰⁴) привели к тому, что относительно избыточные объемы транснационального капитала, не находя мест прибыльного помещения в реальной экономике, стали всё активнее реинвестироваться в финансовый сектор США, образуя разрушительные «пузыри», угрожающие стабильности как американской, так и мировой экономики. В сложившихся условиях финансы, страхование и сектор недвижимости США получили опережающее развитие. Их совокупный вклад в ВВП к 2010 году достиг 21,7 %¹⁰⁵ против, например, 1,2 % транспортного машиностроения¹⁰⁶. В этой связи трудно не согласиться с известным ученым из ИМЭМО РАН Виктором Марцинкевичем, справедливо ставящим под сомнение возможность народнохозяйственной системы США сохранить конкурентоспособность «в ситуации, когда доля обрабатывающей промышленности <...> приближается к десятой части экономической активности страны»¹⁰⁷.

Подведем итоги.

1. На протяжении столетий социокультурной гипотезе, увязывающей хозяйственный закат крупных стран с искажением ценностных установок морально-этического развития населения, «противостояли» разнообразные экзогенные концепции, усматривающие причины деградации государственных образований в широком спектре внешних воздействий, оказывающих разрушительное влияние на жизнедеятельность социума. Набирающая популярность институциональная трактовка упадка отдельных стран и регионов, в целом удовлетворительно объясняя мутацию общественных структур в ходе процессов «провала народов», не может вскрыть глубинные первопричины запуска этих механизмов из-за игнорирования изменений, происходящих в технико-экономическом базисе.

¹⁰² *Иноземцев В. Л.* Указ. соч. С. 89.

¹⁰³ Science and Engineering Indicators 2012. P. 0–18.

¹⁰⁴ *Bello W.* The Global Collapse : A Non-Orthodox View. Электронный ресурс. URL: <http://mrzine.monthlyreview.org/2009/bello200209p.html>. [Режим доступа – 9.07.2016].

¹⁰⁵ Statistical Abstract of the United States: 2012. P. 730.

¹⁰⁶ Ibid. P. 437.

¹⁰⁷ *Марцинкевич В.И.* Социально-экономическая модель США: особенности и глобальная роль / Под ред. Э.В. Кириченко. США в поисках ответов на вызовы XXI века (социально-экономический аспект). Москва, 2010. С. 290.

2. В доиндустриальную эпоху главными причинами, детерминировавшими угасание цивилизаций, выступали преимущественно внешние шоки, провоцировавшие катастрофические изменения в хрупкой, зависевшей от природно-климатических условий хозяйственной системе, и расшатывавшие сложившуюся институциональную конфигурацию. Вместе с тем экзогенные импульсы, как правило, играли роль детонатора экономического регресса, корни которого вызревали внутри общественного строя задолго до начала экзогенного воздействия, одновременно высвечивая дефекты в структуре социальных отношений и усиливая имевшиеся противоречия.

3. В индустриальном мире упадок страны чаще всего обуславливался деградацией технико-экономического базиса, когда застывшая институциональная надстройка оказывалась ригидной к вызовам времени и не успевала активировать программу перехода к следующей технологической парадигме, предпочитая вместо этого форсировать опережающее развитие третичного сектора. Сужение потоков добавленной стоимости, генерируемой устаревавшими производствами, обостряло социальную фрагментацию общества, тем самым дополнительно замедляя экономический рост.

4. В постиндустриальной экономике промышленность сжимается до узкого *high-tech* сегмента, не обеспечивающего занятости широких масс населения и умножения среднего класса. Одновременно усугубляется разрыв между стагнирующим реальным производством и финансовым сектором, абсорбирующим ресурсы, не находящие применения в других сферах хозяйства, прежде всего в индустрии, тем самым провоцируя создание неустойчивой «экономики мыльных пузырей».

5. Разгадка успешного развития, по-видимому, кроется в отладке системы «созидательного разрушения» предшествующей технико-институциональной парадигмы, позволяющей, сохраняя обновленный материально-технический базис, надстраивать на нем новые производственные звенья и проводить соответствующую проживаемому этапу корректировку институционального климата. Опыт XX – начала XXI столетия в равной степени свидетельствует как о невозможности долгосрочного поддержания статуса лидера мирового хозяйства при помощи сервисной экономики с вынесенной за пределы страны промышленной сердцевиной, так и о тщетности претензий на доминирование в глобальном экономическом соревновании гипериндустриального хозяйственного комплекса со слаборазвитым сектором услуг.

ЧАСТЬ 1

**Возвышение Средиземноморского мира в
эпоху высокого Средневековья**

ГЛАВА 1

Италия: возрождение в плюралистическом мире*

1. Крах римского порядка

Почему античный мир рухнул? Почему римляне не смогли преодолеть географические ограничения, что не позволило им проводить дальнейшую экспансию, как в современную эпоху это сделали англичане? Почему между I и III веками империя перешла от экспансивной политики, которая в прошлом привела к колонизации Иберии и Галлии, к политике обороны, сдерживания, которая, в частности, обусловила отказ от завоевания Германии? Почему эта история была «прервана», положив начало разрыву между нашим и их миром?¹ Почему не был достигнут «линейный» прогресс, непрерывный с антонианской эпохи до сегодняшнего дня, который позволил бы нашей цивилизации процветать всё это время, а не только после долгого Средневековья?² Разумеется, мы не первые задаем себе эти вопросы, присутствующие в исторических и культурных дебатах нашего времени, по крайней мере с тех пор, как в эпоху Просвещения Монтескье опубликовал «Размышления о причинах величия римлян и их падения» (1734)³, а затем Эдуард Гиббон – «Историю упадка и краха Римской империи» (1766–1788)⁴, – а при желании,

* Автор: Эмануэль Феличе – Ph.D (экономическая история), доцент департамента экономики и экономической истории Независимого университета Барселоны (Испания).

¹ Schiavone A. La storia spezzata. Roma antica e Occidente moderno. Roma-Bari, 1996.

² Таким образом вопрос был сформулирован Фрэнком Уильямом Уолбенком в коротком эссе, опубликованном вскоре после Второй мировой войны: *Walbank F. W. The decline of the Roman empire in the West*. Londra, 1946.

³ *Considérations sur les causes de la grandeur des romains et de leur décadence*. Следующее издание 1748 года будет значительно «пересмотрено, исправлено и дополнено» автором. См.: *Montesquieu. Tutte le opere [1721–1754]. Lettere persiane / Il tempio di Cnido / considerazioni sulle cause della grandezza dei romani e della loro decadenza / Dialogo tra Silla ed Eucrate / Lo spirito delle leggi / Difesa dello spirito delle leggi / Lisimaco*, a cura di D. Felice. Milano, 2014. (Цит. по: P. 568).

⁴ *The History of the Decline and Fall of the Roman Empire*. Первый том был опубликован в 1776 году, второй и третий – в 1781 году, четвертый и пятый – в 1788 году. Превосходный итальянский перевод выполнен Джузеппе Фрицци: *Gibbon E. Storia della decadenza e della caduta dell'impero romano*. Torino, 1967.

тему можно отследить и еще раньше: в «Городе Бога» Августина (413–426) и в споре между христианским философом и языческими авторами⁵. Касательно одного только падения Западной Римской империи, – темы, к которой можно отнести некоторые из наших вопросов, и, пожалуй, по-прежнему актуальной с точки зрения истории экономики и политических институтов, но не с точки зрения истории культуры и социума⁶, – ученые выдвигают около сотни причин⁷: их таксономия включает религиозные причины (возникновение христианства), экологические (истощение почвы), внутривластные (плохо продуманное налогообложение), социально-экономические (неравенство и растущий конфликт между богатыми и бедными или неспособность правящих классов интегрировать широкие массы людей в провинциях, а не только элиты, в римское общество (*civitas*)⁸, связанные с миграцией германских народов или просто демографические (депопуляция западной части империи). Некоторые вопросы являются взаимодополняющими, а не исключаящими, – например, теория экологического кризиса и повышенного налогообложения, которые связаны с депопуляцией сельской местности и значительными миграциями (или варварскими нашествиями).

Конечно, неизбежно возникает вопрос демографического спада, который поднял еще Монтескье в «Духе законов»⁹. Мы уже упоминали работу Элио Ло Кассио¹⁰, который обращает внимание не на медленное изменение темпов рождаемости, а на две пандемии конца II и середины III

⁵ *Agostino*. La città di Dio // Introduzione, traduzione, note e apparati di L. Alici. Milano, 2010. См., в частности, тома 3–5.

⁶ Для классификации темы мы обращаемся к: *Lo Cascio E.* Il declino economico dell'Italia romana e il declino dell'impero: due scenari a confronto // *Rivista di Storia Economica*. 2006. Vol. 22. No. 1. Pp. 41–57.

⁷ Еще в 1980-е годы Александр Демандт насчитал около 400: *Demandt A.* Der Fall Roms. Die Auflösung des römischen Reiches im Urteil der Nachwelt. Monaco, 1984. Цит. по: *Lo Cascio E.* Il declino economico. P. 43.

⁸ *Rostovzeff M.* The Decay of the Ancient World and its Economic Explanations // *The Economic History Review*. 1930. Vol. 35. No. 2. Pp. 197–214.

⁹ См. книгу XXIII, главы 18–23 в: *Montesquieu*. Tutte le opere. Pp. 1752–1775. Впервые «Дух закона» был опубликован в Женеве в 1748 году. Монтескье также упоминается в некоторых (CXII, CXV, CXXI, CXXXI) Персидских письмах, опубликованных впервые в 1721 году. Как бы там ни было, в этих работах, а также в «Размышлениях о причинах величия римлян и их падения» (главы IX, X, XVIII, XIX), Монтескье особенно затрагивает политические, институциональные, культурные причины, которые также привели к сокращению численности населения.

¹⁰ *Lo Cascio E.* Il declino economico.

века, вызвавшие резкое снижение числа жителей¹¹, а также на последствия, которые эти невзгоды имели для социальной и институциональной архитектуры империи. Из-за небольшой численности населения и повышения уровня налогообложения в целях поддержания государственной структуры с эпохи Диоклетиана (284–305), империя вынуждена была запретить передвижение крестьян, которые в колониях стали рабами, а затем и ограничить определенные городские профессии. Ранее ослабленная возникшими пустотами, внутренними и внешними конфликтами, экономическая структура ужесточилась, в результате чего в дальнейшем она подавила продуктивные ячейки общества, но сэкономила немного дохода для земельной аристократии. Процесс коммерческого и финансового капитализма регрессировал, общество двигалось к автаркии феодализма.

На эти общие характеристики впоследствии были наложены определенные условия или события, которые скорее пагубно отразились, в основном, на Италии и западной части империи. Диоклетиан, в частности, провел комплексную налоговую реорганизацию, следуя тенденциям, предварительно намеченным в предыдущие десятилетия, предполагая общее увеличение налогообложения и впервые, с 290–291 годов, также включив Италию в перечень территорий, подлежащих налогообложению (до тех пор она от этого освобождалась). Но прежде всего новая система была построена в пользу наиболее густонаселенных районов и в ущерб менее населенным¹², в результате чего Запад оказался заброшен еще больше, и Италия потеряла свой системообразующий центральный характер. Далее, Константин (в 306–337 годах) перенес столицу из Рима в Византию, которая стала носить имя Константинополь (с 330 года): решение было принято по политическим (римский сенат, преимущественно языческий, был, вероятно, настроен к нему враждебно), религиозным (на примере и стимуле трибунала было бы проще построить с нуля мегаполис,

¹¹ Оценки, разумеется, очень неопределенные. Так, Томас Пекари, который также подчеркивает важность этой дискуссии, предположил порядок колебания спада населения от минимум 2–5 % до максимум 30 %; в последнем случае это было бы действительно сопоставимо с «Черной смертью» в Англии в XIV веке (*Pekáry T. Storia economica del mondo antico // Universale Paperbacks. No. 195. Bologna, 1986. P. 204*). См. также: *Gilliam J. F. The Plague under Marcus Aurelius // American Journal of Philology. 1961. Vol. 82. No. 3. Pp. 225–251*.

¹² Империя была разделена на двенадцать епархий, каждая из которых платила налог, обратно пропорциональный его плотности (он был результатом соотношения между уровнем земельного налога, *agrorum modus*, и числом поселенцев, *hominum numerus*). См., например: *Mazzarino S. L'Impero romano, volume secondo. Roma-Bari, 2010. Pp. 486–488* (первое издание: 1973); *Roger R. Diocletian and the tetrarchy. Edinburgh, 2004. Pp. 28–29*.

который станет центром продвижения христианства и вдобавок расположится ближе к Востоку, который в то время являлся сердцем новой религии) и стратегическим (исключительное место с точки зрения логистики, которое обеспечивало значительную неприступность новой столицы и, среди прочего, охраняло богатые восточные провинции от набегов варваров) причинам. Относительно перемещения столицы из Рима в Константинополь немаловажным представляется суждение Вольтера: «С тех пор Рим пришел в упадок. Древнеримский дух пал вместе с ним. Таким образом, Константин причинил империи самый большой вред, который только можно было причинить»¹³. Другие авторы отмечают, что упадок Рима начался раньше решения Константина, хотя, по правде говоря, не кажется, что этот упадок в то время рассматривался как особенно острый или необратимый, и что это было главной причиной переноса столицы, – даже по мнению историков, наиболее благосклонно оценивающих деятельность нового императора¹⁴.

Конечно, результаты изменений, внесенных Диоклетианом и Константином, стали не только символом начала поздней Античности: сама природа империи изменилась. Наиболее заметно проявились характеристики самодержавия на востоке, хотя, возможно, не всё было безвозвратно решено: выделяется попытка Юлиана (361–363 годы) вернуться к древним обычаям и реформировать систему путем снижения налогов и оживления *полиса*, эфемерная попытка, не более, из-за несчастной смерти молодого царя. Конечно, следует учесть, что новая столица переживет в течение IV века чрезвычайное и активное расширение, достигнув численности населения в приблизительно один миллион человек и переманив богатые и правящие классы, как с итальянского полуострова, так и из остальных провинций. В то время как Константинополь процветает, Рим угасает: покинутый правителями, он был дважды разграблен – вестготами (410 год) и вандалами (455 год), прежде чем книга истории Западной Римской империи не закрылась навсегда. Ее конец отличался невероятным всплеском предательства, недалёковидности и оппортунизма со стороны оставшихся органов власти. По наиболее достоверным оценкам, население Италии в V веке также резко сократилось, примерно на пятую часть, и это снижение стало еще более выраженным в VI веке (–32 %),

¹³ *Voltaire*. Dizionario filosofico. Tutte le voci del dizionario filosofico e delle domande sull'enciclopedia / A cura di D. Felice e R. Campi. Milano, 2013. P. 1015 (статья под заголовком: “Costantino”). Первое оригинальное издание на французском языке: 1764 год.

¹⁴ *Marccone A.* Costantino il grande. Roma-Bari, 2000. Pp. 81–96.

характеризуясь, среди прочего, длительной и кровавой войной Юстиниана за отвоевание (535–553 годы)¹⁵.

Но мы не должны забывать, что упадок Италии, усугубленный факторами, указанными выше, стал частью более широкого процесса упадка всего античного мира, или того, что Августин назвал *civitas hominis*. Основные ценности того мира были искажены, причем долгое время (к примеру, «честь» и роль государства в эпоху республики). Как и описанный выше демографический кризис III века это привело к радикальным политическим, институциональным и культурным изменениям. Они были направлены на экстрактивные характеристики экономики и иерархическое упрочнение общества – а также, хотя, возможно, не в такой степени, – на притеснение критического мышления¹⁶. Но кто же продолжил получать доход? Рантье мира поздней античности являлось правительство и его должностные лица, крупные землевладельцы, а также, во всё большей степени, церковная иерархия. Напротив же, элиты города, которым удавалось удерживать вместе кусочки империи в беспокойном III веке, начали ощущать слишком большое налоговое бремя, чтобы поддерживать коррумпированное и неэффективное правительство, которое больше не было в состоянии защитить их; даже они перестали верить в культуру и ценности, которые в прошлом уважали. Иными словами, реформы, последовавшие за кризисом III века, хотя в краткосрочной перспективе и смогли укрепить оползень, оказались смертельными из-за экономической составляющей и культурной динамики того общества (особенно в западной части империи, где все проблемы проявились в более тяжелой форме). Результат: в долгосрочной перспективе положение дел только ухудшилось и привело к окончательному краху «римского порядка».

¹⁵ *Bellettini A. La popolazione italiana: un profilo storico. Torino, 1987.* Менее надежной кажется оценка Ло Кассио и Паоло Маланимы (*Lo Cascio E., Malanima P. Cycles and Stability. Italian Population before the Demographic Transition (225 B. C. – A. D. 1990) // Rivista di Storia Economica. 2005. Vol. 21. No. 3. Pp. 197–232*), в соответствии с которой итальянское население увеличилось на 10 % в V веке, и сократилось на 27 % в VI веке.

¹⁶ Многочисленные религиозные элементы этих столетий, даже если мы хотим отыскать признаки трудностей, с которыми боролась та цивилизация, добавляют дополнительный серьезный элемент внутреннего конфликта (гонения христиан и манихеев, а затем столкновения между христианами и другими религиями и, даже в христианском мире, арийцев и афанасиан); это приведет к подавлению свободной философской мысли, которая с того момента действительно исчезла на добрую тысячу лет. Вдоль этой линии интерпретации точкой отсчета является историк Просвещения Гиббон (*Gibbon E. Storia della decadenza*). Но еще раньше Гиббона (и Вольтера) этот тезис обосновал византийский историк Зосим Панополисский, написавший между 507 и 527 годами «Новую историю». См. хорошее критическое издание: *Zosimo di Panopoli. Storia nuova / Introduzione, traduzione e note di F. Conca. III ed. Milano, 2010. (Первое издание: 1977).*

2. Возрождение в плюралистическом мире

Эту краткую картину античности интересно сравнить с тем, что произошло тысячу лет спустя – в Европе позднего Средневековья – в результате чумы XIV века. Около X века европейская экономика, равно как и итальянская, находившаяся в ее сердце, начали проявлять признаки оживления: леса сменились возделанными полями, увеличилось количество поселений и размеры городов. Медленно, но постепенно, они снова стали центрами производства, торговли и даже культуры, а также политической власти, концентрируя в себе роль и функции, которые ранее принадлежали замкам и монастырям. Многие инновации, пришедшие из мусульманского мира или с Востока, оказались особенно полезными для промышленности (механические технологии)¹⁷, навигации (компас, кормовой руль), финансов и торговли (от нумерации до двойной записи) и, естественно, часто сначала попадали в Италию (где иногда впоследствии совершенствовались), а уже потом – в остальную Европу¹⁸. Но также, например, такие изобретения, как тяжелый плуг и твердый хомут для лошадиной сбруи, появились прежде всего в результате постепенного расширения границ европейской цивилизации на землях континентального климата¹⁹; следовательно, их можно считать «эндогенным» продуктом новой европейской цивилизации, основанной на романо-варварской.

Следует отметить значительную неопределенность, отражающую главные тенденции в средневековой Италии, не только экономические, но и демографические. Примечателен случай с населением. В соответствии с новым предположением, выдвинутым Ло Кассио и Маланимой, Италия имела в 900 году приблизительно то же самое число жителей, что и шесть веков спустя, в 1500 году – примерно 9 млн²⁰. Этот неожиданный показатель, в основном, является результатом высокого значения, которое авторы приписывают римской эпохе²¹, что, впрочем, не кажется очень надежным: это противоречит всему, что мы знаем о запустении

¹⁷ *Al-Hassan A.Y., Hill D. R. Islamic Technology. An Illustrated History. Cambridge, 1986.* Арабская механическая технология достигнет своего расцвета благодаря Аль-Джазари (1136–1206), который в 1206 году опубликовал наиболее важный трактат об автоматических машинах (*Al-Jazarí. The Book of Knowledge of Ingenious Mechanical Devices: Kitáb fi ma'rifat al-hiyal al-handasiyya // A cura di D.R. Hil. Dordrecht, 1973*).

¹⁸ *Cipolla C. M. Tecnica, società e cultura. Alle origini della supremazia tecnologica dell'Europa (XIV–XVII secolo). Bologna, 1983.*

¹⁹ Относительно значения европейского тяжелого плуга см. прежде всего: *Bloch M. Land and Work in Medieval Europe. New York, 1966.*

²⁰ *Lo Cascio E., Malanima P. Cycles and Stability. P. 208.*

²¹ О том, как эти данные были получены для средневекового периода см. в: *Ibid. Pp. 204–205.*

городов и зарастании их территорий зарослями и лесами в Средневековье²², а также последующему возврату населения и процветанию на протяжении многих лет между XV и XVI веками (о которых мы знаем на примере знаменитого пролога «Истории Италии» Гвиччардини²³, но также на примере увеличения основных городских центров, от которых проистекает урбанизм наших городов). Не случайно традиционные оценки итальянского населения, равно как и всей европейской популяции, которыми мы располагаем, придерживаются совершенно иной тенденции: между 900–1000 и 1500 годами население Италии, в соответствии с населением континента, выросло примерно в два раза²⁴. Автор считает более надежными традиционные оценки, которые, по сравнению с новыми, указывают на более быстрый рост населения уже в период с X до середины XIV века, перед приходом «черной смерти».

Что касается экономики, учитывая общую неопределенность данных по ВВП, мы знаем, что экономические показатели постепенно набирали интенсивность между XI и XIII веками. За это время мы наблюдаем появление истинного класса «буржуа», который разбогател благодаря промышленности и бизнесу, а не возделыванию земли. Города – коммуны, как их часто называли сами жители, – стали новыми центрами экономической, а также политической жизни: особенно важную роль приобрели города центра и севера, первенство среди которых принадлежало Милану и Флоренции (они главным образом являлись производственными центрами), а также Венеции и Генуи вследствие их коммерческого и политического значения, которое простиралось далеко за пределы полуострова. В 1300 году с учетом городов, насчитывающих как минимум 5 тыс. жителей, Италия могла похвастаться уровнем урбанизации в 21 %, аналогичным Испании, но значительно более высоким, чем в Германии и Франции (около 8 %), не говоря уж о Великобритании (4 %) ²⁵. Еще более впечатляющими будут результаты, если принять во внимание одновре-

²² *Fumagalli V.* Paesaggi della paura. Vita e natura nel Medioevo, Bologna, 1994.

²³ «Я никогда не чувствовал Италию такой цветущей <...>. Потому что везде истошается мир и спокойствие, но только не на наших самых высокогорных и бесплодных равнинах, самых плодородных регионах, богатых не только жителями и благами <...>». *Guicciardini.* Storia d'Italia. Эта работа была написана между 1537 и 1540 годом и впервые опубликована в 1561 году в Флоренции. Последнее издание (Milano, 1988) снабжено критическим введением и примечаниями Этторе Маццали.

²⁴ *Maddison A.* Historical Statistics of the World Economy: 1–2008 AD. Parigi: Oecd, 2010; *Bellettini A.* La popolazione italiana.

²⁵ *Malanima P.* Italian Cities 1300–1800. A quantitative approach // *Rivista di Storia Economica.* 1998. Vol. 14. No. 2. Pp. 91–126 (здесь: р. 98). Цифры для других стран взяты из: *Bairoch P., Batou J., Chevre P.* La population des villes européennes de 800 à 1850. Ginevra, 1988.

менное увеличение количества жителей. Хорошо известны политические события того времени (борьба между гвельфами и гибеллинами), в том числе благодаря исключительным достижениям в искусстве (начиная с «Божественной комедии»), в которых они были запечатлены.

Италия снова стала «центром мира»²⁶, расширяющегося мира (в то время включавшего земли Северной и Восточной Европы), и распространила свою торговлю до самого сердца Азии; не в последнюю очередь именно по этой причине в ней наблюдалось улучшение технологий производства и торговли. В ней происходила «городская революция», что подчеркивает растущую важность города²⁷, но также и «революция коммерческая»²⁸. На это указывало и направление маршрутов в сторону Востока, и зарождение Великого Шелкового пути, и преобразование аграрных систем (за счет внедрения аренды и издольщины, что позволило сельскому хозяйству более эффективно удовлетворять потребности рынка), и развитие коммерческих компаний. Эти компании постепенно заменили купцов-путешественников, которые порой развивали настоящую сеть агентств и филиалов в Европе и Средиземноморье (среди самых богатых и престижных числились флорентийские Барди и Перуцци)²⁹.

Оценки ВВП, имеющиеся в нашем распоряжении и составленные Паоло Маланимой, показывают, что Центральная и Северная Италия достигли в первой половине XIV века ежегодного дохода на душу населения около 1500–1600 долларов (в значениях 1990 года)³⁰: это примерно в два раза превышает оценки для римской Италии в I веке (но всего на 50–60 % больше, если рассматривать оценку этого периода, составленную Ло Касцио и Маланимой)³¹ и находится значительно выше прожиточного уровня, который составлял 250–300 долларов. Это также очень высокое значение по сравнению с другими европейскими странами. В тот же период в Испании, которая имела схожие темпы урбанизации, показатель ежегодного дохода на душу населения находился на уровне 900 долларов, чуть ниже

²⁶ Обратим внимание, что под «миром» мы обычно имеем в виду только часть нашего полушария.

²⁷ См., например: *Vigo G.* Mille anni di economia italiana. Un profilo storico. Napoli, 2009. Pp. 9–22.

²⁸ *Lopez R. S.* The Commercial Revolution of the Middle Ages, 950–1350. Cambridge, 1976 (итальянский перевод: *La rivoluzione commerciale del Medioevo.* Torino, 1975).

²⁹ *Hunt E. S.* The Medieval Super-Companies: A Study of the Peruzzi Company of Florence. Cambridge, 1994; *Cipolla C. M.* Tre storie extra vaganti. Bologna, 1994.

³⁰ *Malanima P.* The long decline of a leading economy: GDP in central and northern Italy, 1300–1913 // *European Review of Economic History.* 2011. Vol. 15. No. 2. Pp. 169–219.

³¹ *Lo Cascio E., Malanima P.* GDP in Pre-Modern Agrarian Economies. (1–1820 AD). A Revision of the Estimates // *Rivista di storia economica.* 2009. Vol. 25. No. 3. Pp. 391–420.

он был в Нидерландах, в Великобритании он не дотягивал и до 800, а Византийская империя и Египет располагали показателем в 600 долларов, что было фактически на уровне античной эпохи или даже ниже³². Италия или, по крайней мере, ее северная часть, имела показатели гораздо более высокие, чем в остальной Европе и Средиземноморье. Кроме того, согласно этим оценкам, она была единственным регионом, демонстрировавшим значительный рост и улучшившим свое положение по отношению к римской эпохе. В других случаях с точки зрения дохода на душу населения мы сталкиваемся с длительной стагнацией ВВП на душу населения – это означает, что увеличения в общем объеме производства было едва достаточно, чтобы покрыть рост населения. Опять же, следует отметить, что данные должны быть обработаны с учетом большой доли их неточности. Но и за вычетом возможных вариаций остается в силе основной факт, подтверждаемый разнообразными точками зрения, – это бесспорное первенство итальянской экономики, как во времена Римской империи, так и в средневековую эпоху.

Между XIII и XIV веками также повысился уровень жизни населения. Это, в частности, отметил Карло Чиполла с помощью качественных аспектов: как минимум в более развитых городах люди были лучше одеты, лучше питались (однако «вилка по-прежнему оставалась редкостью»), жили комфортнее в более добротных домах, располагали большим количеством предметов для повседневных нужд (начиная с простой мебели). «Негодяи и моралисты были оскорблены», – подчеркивает Чиполла, как, собственно, и сам Данте³³, но при этом «большинство людей радовались»³⁴. И, несомненно, их ожидания были оптимистичными.

В самый разгар всего этого развития в мир приходит совершенно неожиданный бич. «Черная смерть» перекачивается из Азии в Европу в 1347 году³⁵. В течение нескольких лет болезнь убивает треть населения Европы – около 25 млн человек. Оценки подтверждают подобный масштаб бедствия, если не больший, и для Италии: жертвами пали около 5 млн человек, при том что общая численность населения составляла около

³² Bolt J., van Zanden J. L. The Maddison Project: collaborative research on historical national accounts // *The Economic History Review*. 2014. Vol. 67. No. 3. Pp. 627–651.

³³ Но Данте, возможно, не привносил в свои работы столько нравоучений, как можно предположить по некоторым из его стихов. См., например: Reynolds B. Dante. The Poet, the Political Thinker, the Man. London, 2006 (итальянский перевод: Dante. La vita e l'opera. Milano, 2007).

³⁴ Cipolla C. Storia economica dell'Europa pre-industriale. Bologna, 1974 (2002). P. 312.

³⁵ См. яркое и подробное описание ее распространения, предложенное Паоло Маланимой: Malanima P. Uomini, risorse, tecniche nell'economia europea dal X al XIX secolo. Milano, 2003. Pp. 18–20.

13 млн³⁶. Столкнувшись с подобным катаклизмом, развитие остановилось, экономика и общее производство неизбежно пошли на спад. Нет сомнений в том, что вся европейская цивилизация была шокирована этим бедствием. Для примера можно привести слова Чиполлы о запланированном расширении Сиенского собора: «В XIII веке, в Сиене воздвигли великолепный собор, изысканное и элегантно свидетелство растущего богатства. В начале XIV века жители Сиены были убеждены, что богатство и население будут продолжать расти, и в 1339 году Лоренцо Маитани курировал подготовку проекта колоссальной церкви, по сравнению с которой существующий собор мог бы исполнить роль разве что трансепта. Проект составили, и работа была начата. Но она не была завершена. Пустые арки, недостроенные стены, будто бы оторванные от старого собора, являются трагическими доказательствами хрупкости человеческой мечты»³⁷.

Подобная демографическая катастрофа, тем не менее, не имела последствий, которые мы наблюдали в римском мире: она не перешла в постепенный распад социальной структуры или же в более репрессивную политику и законы, нацеленные на предотвращение такого распада. Нет, произошло совершенно противоположное. Положение тех, кто остался в живых, даже улучшилось: увеличилась заработная плата работников, арендная плата за сельскохозяйственные орудия труда уменьшилась, а также улучшились условия жизни фермеров. Этот кризис феодального общества особенно явно проявился в Центральной и Северной Италии (но в некоторой степени и во всей Западной Европе). Уже в XV веке население начало расти и экономика вступила в новую фазу развития, которая завершилась в эпоху Возрождения. Укрепились структуры торгового капитализма, увеличилось промышленное производство, окреп бизнес, в сельском хозяйстве на некоторых территориях – в Ломбардии – даже стали появляться инновации (крупная аренда и непрерывный севооборот), что явилось предвестником сельскохозяйственной революции XVIII века в Англии и Голландии³⁸.

Впрочем, последствия оказались разнообразными, и не только с исторической точки зрения по сравнению с античным миром. Они также проявились в географических аспектах: внутри самой Европы XIV века,

³⁶ Это можно вывести из показателей итальянского населения, предоставленных Ло Кассио и Маланимой: *Lo Cascio E., Malanima P. Cycles and Stability*. P. 206. Относительно заниженных цифр умерших и выживших жителей см.: *Bellettini A. La popolazione italiana*. P. 497.

³⁷ *Cipolla C. Storia economica*. Pp. 312–313.

³⁸ *Malanima P. L'economia italiana nell'età moderna*. Roma, 1982. Pp. 70–71.

между западным и восточным побережьем континента. Сокращение населения привело к повышению заработной платы в городах, что сделало их еще более привлекательными в глазах фермеров, так что баронам-землевладельцам стало всё труднее сохранять узы крепостного права. Сами по себе города уже давно были привлекательными для них, поскольку воплощали в себе миф о свободе и самореализации, являясь, возможно, для средневекового сельского населения тем же, чем Америка стала в XIX веке для европейцев³⁹. Однако теперь они превратились в нечто большее. На раннем этапе ухода жителей из деревень феодалы реагировали посредством повсеместных поисков беглецов (как на западе Европы, так и на востоке) с целью восстановить древние обычаи, то есть попытаться снова привязать – так же или еще тяжелее – крестьян к земле, подобно тому, как это произошло в эпоху поздней Античности. Если на западе феодалы потерпели неудачу, то в Восточной Европе, где города были слабее и феодалы имели больше власти (часто именно они основывали местные города), последние смогли одержать верх и крепостное право было усилено. Экономисты Дарон Асемоглу и Джеймс Робинсон настаивали на особой оценке этого решающего момента, который с точки зрения истории институтов знаменует первый глубокий разрыв между обеими частями Европы⁴⁰. Как две эволюционные ветви одного и того же дерева, они развернулись в разные стороны, поэтому и образовался Восток и Запад, из-за различий в степени развития и урбанизации, которые накануне великой пандемии чумы были довольно-таки незначительны. Но, несмотря на всё это, в результате внешнего и неожиданного шока, такого как демографический коллапс, проявились различные результаты: на западе власть горожан усилилась и крепостное право распалось полностью, в ослабленных же восточных городах крепостное право возобладало вновь. И когда в XV веке наметился демографический рост, западная часть континента стала искать сельскохозяйственную продукцию на востоке. Это создало между двумя половинами Европы специализированное производство – разделение труда, как говорят специалисты, сохранившееся, правда, с небольшими вариациями, до современной эпохи. Здесь остается заметить, что нечто подобное произошло в тот же период и в самой Италии, между Центром, Севером (где городская реальность была гораздо сильнее), и той частью, что впоследствии станет Югом: в

³⁹ *Cipolla C. Storia economica*. P. 173.

⁴⁰ *Acemoglu D., Robinson J. Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. London, 2012. Pp. 100–101 (итальянский перевод: *Perché le nazioni falliscono. Le origini di prosperità, potenza e povertà*. Milano, 2013).

эпоху Ренессанса сельскохозяйственный Юг уже поставлял продукты питания промышленному Центру и Северу⁴¹.

Почему же тогда в Италии города-коммуны после эпидемии XIV века имели совсем иной исход по сравнению с римской эпохой? Частично мы уже ответили на этот вопрос, приводя сравнение с Восточной Европой. Основная причина заключается в большей диверсификации политики, которая была достигнута во всей Европе, включая Италию, в конце Средневековья. Не совпадение, что коммуны Центра и Севера полуострова, а также средние классы, которые взяли на себя инициативу, были среди наиболее агрессивных в отъеме привилегий, а также в захвате земель местной феодальной аристократии.

«В Центральной и Северной Европе, – резюмирует Чиполла, – один рядовой гражданин за другим начинал чувствовать себя достаточно сильным, чтобы атаковать и захватывать соседние земли с конкретной целью уничтожения местной феодальной власти, разрушения замков и усадеб знати. Таким образом, некоторые коммуны в конечном итоге сформировали действительно автономные и суверенные территориальные государства»⁴².

Политический плюрализм, который установился в этой части Европы в данный период истории, можно рассматривать в более широком смысле. Это не просто конфликт между городом и деревней, между современностью и феодализмом. Это более сложный процесс пересмотра сфер влияния с участием церкви и империи, городов и феодалов; он касается происхождения, определения и природы власти, ее легитимности. Ведь каждая великая эпохальная битва являлась битвой идеологической, культурной, а также правовой и законодательной, а в некоторых случаях – и военной. Эта битва велась в Центральной и Западной Европе с XI века и, пожалуй, в полной мере завершилась только с заключением Вестфальского мира в 1648 году, что ознаменовало конец великих религиозных войн и рождение современных государств в Европе (то есть формирование структуры старого континента в виде множества суверенных политических субъектов, с разными убеждениями и институтами, которые конкурируют друг с другом, но признают друг друга). Ничего подобного не наблюдалось в Римской империи, которая с точки зрения вопроса об «источнике власти» кажется монолитным блоком, в дальнейшем еще больше укреплявшимся вследствие самодержавных реформ Константина⁴³.

⁴¹ *Malanima P. L'economia italiana. Pp. 89–90.*

⁴² *Cipolla C. Storia economica. P. 175.*

⁴³ *Drake H. A. Constantine and the Bishops. The Politics of Intolerance. London, 2000.*

Решающий момент в этом процессе – отправная точка, если можно так выразиться, – это борьба за *инвеституру* между XI и XII веками, противопоставившая папство империи и завершившаяся в 1122 году (Конкордат Червей) существенной победой папства⁴⁴. Именно тогда за папой, а не за императором, было закреплено право назначать епископов, что впервые разделило единицу власти на различные сферы (священную, политическую и экономическую): священная была отделена от политической, признавалась ее нематериальная сила, которая не основана на праве собственности на землю. Именно в этом промежутке возникли пространства для освобождения экономической власти, для «международной республики денег»⁴⁵, которая также отделена от собственности на землю; и не случайно, что это нашло большой отклик в ордене францисканцев⁴⁶. Экономическая власть, часто в союзе со священной, предъявляла права на автономные пространства и в итоге завоевывала их в рамках правовых систем итальянских коммун или английской Великой хартии вольностей. События, которые последовали за этим, получили импульс из новой концепции власти: они стали пособниками расцвета свободных университетов, которые заявляли об автономных суверенных пространствах и выдвигали обширные теории тройственности власти – религиозной (*sacerdotium*), политической (*regnum*) и разумной (*studium*), а также рождения закона компаний и коллективных лиц – ключевых институтов торговой революции, которые до сих пор характеризуют современные экономические формы.

Классы, которые можно назвать буржуазными, сами оказались действующими во множественной среде, где различные учреждения признавали их автономию и власть правовую, политическую и даже военную, по сравнению с феодальным миром и властью, исходящей от земельной аристократии. Оказалось трудным попытаться вернуть их под влияние этого авторитета, тем более что из-за демографического коллапса экономический кризис еще больше ослабил власть крупных землевладельцев (в основном потому, что земля обесценивалась по мере того, так ее становилось больше, чем рабочей силы). Поддерживаемый средним классом рынок (который является не естественным состоянием человеческого общества, а исторической конструкцией) начинает развиваться в первые

⁴⁴ Prodi P. *Settimo non rubare. Furto e mercato nella storia dell'Occidente*. Bologna, 2009. В дальнейшем Паоло Проди придерживается установки Гарольда Бермана: *Berman H. Diritto e rivoluzione. Le origini della tradizione giuridica occidentale*. Bologna, 1998.

⁴⁵ De Maddalena A., Kellenbenz H. (a cura di). *La Repubblica internazionale del denaro tra XV e XVII secolo*. Bologna, 1986.

⁴⁶ Todeschini G. *Ricchezza francescana. Dalla povertà volontaria alla società di mercato*. Bologna, 2004.

века нового тысячелетия (речь идет об успехах ярмарок-выставок, торговых сетях, которые выходили за географические и институциональные границы), и эта реальность ярко и четко проявлялась в Италии уже в XIV и XV веках: локальные города являлись идеальным местом для возникновения рынка и торговли, которые в городских центрах уже имели непрерывный (а не временный) характер, и которые находили проявление даже в архитектурном облике, располагаясь по соседству (и не случайно) со зданиями политической и религиозной власти⁴⁷. По существу, рыночные механизмы – а именно политический плюрализм их и гарантировал – способствовали тому, что демографический кризис, вызванный «черной смертью», наделил большими правами слабые классы (как это отражено в законе о спросе и предложении, учитывая, что работа стала дефицитной), вместо того, чтобы вновь ограничить их свободу, как это было во времена Римской империи или в странах Восточной Европы. Можно считать это «прекрасным чудом», но на самом деле суть прогресса заключается в постепенном освобождении низших классов и их вкладе в экономику и историю.

3. К современной Италии

Италия эпохи Возрождения по-прежнему является наиболее развитой мировой экономикой, хотя, вероятно, в тот момент такие же экономические показатели были достигнуты в Нидерландах, которые в течение XVI века даже превзойдут итальянские показатели. Данные *таблицы 1* подкрепляют тезис о постепенном ослаблении итальянской экономики по сравнению с другими развитыми странами, которое продолжалось до XIX века.

Следует отметить, что даже для этой эпохи оценки остаются неточными, особенно в связи с циклическим трендом. Традиционное мнение выражает Карло Чиполла, который в 1952 году опубликовал статью в «Обзоре экономической истории», где называет XVII век периодом наибольшего кризиса. Чиполла отмечает, что даже в конце XVI века – а также в течение трех предыдущих столетий – итальянское процветание было основано на двух столпах: масштабном экспорте текстиля (шерсти и шелка), а также брокерско-кредитных услугах и мореплавании. Эта ситуация, не обремененная волнениями и ознаменованная процветанием, была безнадежно скомпрометирована в промежутке от 1600 до 1670 года – в течение семи «черных» десятилетий, за которые «производственная

⁴⁷ *Grohmann A. La città medievale. Roma-Bari, 2003. См. также: Zamagni V. Introduzione alla storia economica d'Italia. Bologna, 2005. P. 15.*

структура Италии рухнула»⁴⁸. Италия потеряла свои рынки сбыта, а также рынки посреднических, мореплавателейских и финансовых услуг, уступив их голландским, английским и французским конкурентам. В то время наблюдался перевод производств в сельскую местность; но этого было недостаточно, по словам Чиполлы, чтобы компенсировать распад городской промышленности⁴⁹. «В конце XVII века Италия импортировала в большом объеме продукцию из Англии, Франции и Нидерландов <...>. Теперь на экспорт, главным образом, шло только сырье или полуфабрикаты – в частности, масло, зерно, вино, шерсть и шелк. Даже с точки зрения морских услуг Италия вынуждена была занять пассивную позицию»⁵⁰. Следует также учитывать, что население после снижения численности в течение большей части XVII века, в основном из-за чумы, возобновило свой рост в последние десятилетия, и в начале XVIII века вернулось к уровню предыдущего столетия, а возможно и превысило его (примерно 13,5 млн).

Отталкиваясь от картины, очерченной Чиполлой, которая и на сегодняшний день кажется правдоподобной⁵¹, можно было ожидать снижения общего ВВП между 1600 и 1700 годами и даже снижения ВВП на душу населения (учитывая, что численность населения в 1700 году было примерно таким же, как и в 1600-м). Клиометрические реконструкции ВВП, однако, предполагают другую тенденцию (см. *табл. 1*): Мэддисон указывал на застой с 1600 по 1700 год, обзор же Маланимы (ограниченный Центральной и Северной Италией) даже показал рост. Однако для надежности этот обзор должен в первую очередь включать резкий рост сельскохозяйственного производства: это именно то, что предлагают ежегодные данные Маланимы для этого сектора⁵², которые, в свою очередь, отталкиваются от десятилетних данных, приведенных им в другой работе⁵³. Тем не менее,

⁴⁸ *Cipolla C. The Decline of Italy: The Case of a Fully Matured Economy // The Economic History Review. 1952. Vol. 5. No. 2. Pp. 178–187 (здесь: P. 178).*

⁴⁹ Но и в отношении снижения городских отраслей есть важные исключения: основной вероятно являлось шелковое производство Болоньи, еще мощное и жизненно важное в конце XVII века благодаря болонским шелковым комбинатам, по сути, находившимся на пике технологий Европы вплоть до промышленной революции. *Poni C. Per la storia del distretto industriale serico di Bologna (secoli XVI-XIX) // Quaderni storici. 1990. Vol. 25. No. 73 (aprile). Pp. 93–167.*

⁵⁰ *Cipolla C. Storia economica. P. 375.*

⁵¹ Можно также обратиться к данным, представленным Чиполлой в его «Экономической истории», а также в библиографии, приведенной в ней: *Cipolla C. Storia economica. P. 367–369.*

⁵² *Malanima P. The long decline of a leading economy.*

⁵³ *Federico G., Malanima P. Progress, decline, growth: product and productivity in Italian agriculture, 1000–2000 // Economic History Review. 2004. Vol. 57. No. 3. Pp. 437–464.*

пересмотр, предпринятый Маланимой, указывает не только на стабильность, но и на увеличение дохода на душу населения в XVII веке, причем также весьма существенное. Эту головоломку трудно увязать с историческими свидетельствами разных уровней, которыми мы располагаем (и на которые в своей статье ссылался Чиполла), и, вероятно, решение данного вопроса требует дальнейшего изучения, по крайней мере, в срезе оценки несельскохозяйственного продукта⁵⁴.

Таблица 1. Доход на душу населения в Италии и других крупных экономиках мира, 1500–1850 годы (в международных долларах 1990 года)

	<i>1500 год</i>	<i>1600 год</i>	<i>1700 год</i>	<i>1820 год</i>	<i>1850 год</i>	<i>1870 год</i>
<i>Мэддисон</i>						
Италия	1 100	1 100	1 100	1 117	1 350	1 499
Нидерланды	761	1 381	2 130	1 838	2 371	2 757
Франция	727	841	910	1 135	1 597	1 876
Англия	714	974	1 250	1 706	2 330	3 190
Германия	688	791	910	1 077	1 428	1 839
Испания	661	853	853	1 008	1 079	1 207
СССР	499	552	610	688	н. д.	943
Турция	600	600	600	643	н. д.	825
Египет	475	475	475	475	н. д.	649
Китай	600	600	600	600	600	530
Индия	550	550	550	533	533	533
Япония	500	520	570	669	679	737
Латинская Америка	416	438	527	691	н. д.	676
<i>Мир</i>	<i>566</i>	<i>596</i>	<i>615</i>	<i>666</i>	<i>н. д.</i>	<i>870</i>
<i>Новые оценки</i>						
Италия (Центральный)	1 533	1 363	1 476	1 511	1 481	1 542*
Нидерланды	1 454	2 662	2 105	1 874	2 355	2 755

⁵⁴ Для 1310–1861 годов Маланима оценил несельскохозяйственный продукт, исходя из утверждения, что в период после объединения (десятилетние серии с 1861 по 1936 год) доля промышленной продукции и услуг во всей продукции была оценена с учетом уровня урбанизации. Результат, таким образом, является корректным для попытки учета сельского населения, не занятого в сельском хозяйстве, которое с 1310 по 1861 год оценивается на основе порядка величин, вытекающего из первой переписи Королевства Италии (с 1861 по 1901 год.). См.: *Malanima P. The long decline of a leading economy. Pp. 181–185.*

	1500 год	1600 год	1700 год	1820 год	1850 год	1870 год
Англия	1 086	1 082	1 513	2 074	2 330	3 190
Испания	846	892	814	н. д.	1 079	1 207

Примечание: * Италия в пределах нынешних границ.

Источники: Maddison A. The world economy. Volume II: historical statistics. Paris: Development Centre Studies, OECD, 2006. Новые оценки взяты из: Bolt J., van Zanden J. L. The Maddison Project. У Болта и Ван Зандена показатели для Северо-центральной Италии взяты из: Malanima P. The long decline of a leading economy; новые оценки для Италии в 1870 году (в пределах нынешних границ) взяты из: Baffigi A. National Accounts, 1861–2011 // Toniolo G. (a cura di). The Oxford Handbook of the Italian Economy since Unification. Oxford, 2013. Pp. 157–186.

Очевидно, что клиометрическим оценкам еще предстоит дать более убедительное обоснование, поэтому мы придерживаемся циклической оценки, и сосредоточимся на долгосрочной тенденции, продолжавшейся с V до XIX века. Она указывает на длительную стагнацию доходов. В сравнительных терминах проблема заключалась в том, что этот застой произошел перед взлетом экономики других европейских стран, сначала Нидерландов и Англии, а затем, уже в XIX веке, Франции и Германии.

Спад в развитии полуострова неизмерим в абсолютном выражении, как это было для эпохи поздней Античности и Средневековья, он измерим относительно, по сравнению с той частью Европы, которая вступила в процесс индустриализации. Но даже с этой точки зрения в ретроспективе не наблюдалось резкого спада: на момент объединения Италия в целом не была среди наиболее отсталых стран Европы, а находилась в промежуточном положении; на самом деле она была лишь «частично слабо развитой страной»⁵⁵, которая всё еще получала выгоду от своего исторического статуса самой процветающей экономики старого континента. Но, несмотря на эти соображения, остается вопрос, почему промышленная революция и полная трансформация капиталистического общества, которую она повлекла за собой, не началась в Италии эпохи Возрождения: почему вместо этого она устремилась в Атлантику и Европу, почему мы вновь говорим в отношении Италии о «сломанной истории»?

Традиционные объяснения упадка современной Италии указывают на внешние факторы: перемещение торговых путей из Средиземного моря в Атлантический океан в результате Великих географических откры-

⁵⁵ Zamagni V. Introduzione. P. 22. Термин «слаборазвитая страна» можно встретить у Чиполлы, согласно которому, в конце XVII века «Италия начала свой путь в качестве недоразвитой европейской страны». Cipolla C. Storia economica. P. 375.

тий, что лишило Италию центрального статуса, который всегда ей принадлежал; политическая слабость; войны между иностранными державами, которые велись на итальянской земле (особенно между Францией и Испанией в течение всей первой половины XVI века); затем испанское господство, под которое попала большая часть полуострова, от юга до Ломбардии (также большинство независимых государств оказались под влиянием Испании); чрезмерное и плохо продуманное налогообложение, которое сдерживало развитие⁵⁶. Эти объяснения охватывают лишь некоторые из ключевых моментов, однако они не могут до конца прояснить ситуацию. Что касается иностранной оккупации, то, например, спад наблюдался в республике Венеция, а она ведь была единственным итальянским государством, практически свободным от контроля – прямого или косвенного – Испании. Роль географических открытий также изменилась: как отмечает Чиполла, рынки Европы и Ближнего Востока оставались на протяжении современной эпохи самыми важными, и именно на них итальянская продукция была заменена продукцией конкурентов из Северной Европы⁵⁷. Но даже признавая серьезный ущерб, причиненный экономике полуострова географическими открытиями или испанским господством (это, несомненно, отрицательные факторы), остается главная проблема – неспособность соответствовать новым вызовам или переломить негативные факторы. Вот простой пример: Нидерландам (тогда Республика Соединенных провинций), которые примерно в то же время, что и Италия также были завоеваны испанцами, удалось освободиться после длительной борьбы, которая длилась почти полвека (1566–1609), и это не помешало началу их знаменательного экономического господства в ту эпоху.

По сравнению с объяснениями, сосредоточенными на внешних элементах, которые могли бы помешать только зарождавшемуся капиталистическому развитию, в последние десятилетия истории экономики переключили свое внимание на факторы внутреннего порядка. Впервые было обнаружено, как скоротечность итальянского экономического развития, своего рода «рывок» или фальстарт⁵⁸, привела к тому, что самые инновационные компоненты, будь то производство и торговля, оказались без поддержки со стороны остальной части экономической системы. Например, в XVI веке сельскохозяйственное производство пыталось следовать в ногу с ростом спроса, вызванным увеличением населения и ро-

⁵⁶ Для анализа последствий испанской оккупации на юге Италии см.: *De Rosa L. Il Mezzogiorno spagnolo tra crescita e decadenza. Milano, 1987.*

⁵⁷ *Cipolla C. The Decline of Italy. P. 181.*

⁵⁸ *Zamagni V. Introduzione. Pp. 17–22.*

стом других отраслей экономики, что привело к повышению цен на зерно и продовольствие по сравнению с ценами на промышленную продукцию⁵⁹, а также повышению рентабельности земли. В результате, люди снова начали инвестировать в землевладение в ущерб промышленности и торговле; были перевернуты с ног на голову отношения между городами и сельской местностью, представители городской олигархии стали жить за счет дохода от более высокой земельной ренты. По мнению некоторых авторов, имела место рефеодализация аграрных отношений, по крайней мере, на юге⁶⁰. Иными словами, элементы современного общества всё еще рассматривались преимущественно в сельскохозяйственном контексте.

Необходимо всё же признать, что на самом деле преобладание аграрного хозяйства являлось общей чертой и для других развитых стран того времени, в целом не менее явно выраженной, чем в Центральной и Северной Италии⁶¹. Дело в том, что в рамках общей тенденции преобладания «бездействия по отношению к инновациям», актуальной для всех остатков старого режима (*ancien régime*), существовали некоторые специфические аспекты итальянского общества, институтов и, возможно, также культуры, которые выступали препятствием на пути дальнейшего развития капитализма, пока он полностью не утвердился в качестве системы. В контексте данной линии интерпретации ученые выявили три фактора итальянского экономического спада. Во-первых, менталитет правящих классов и предпринимательских кругов, считавшийся провинциальным и малоинновационным. В качестве примера можно привести отрывок из «Маршрута» исследователя и писателя Файнса Морисона, предположительно написанного в конце XVI – начале XVII века: «Итальянцы так убеждены, что они знают и понимают всё ... что никогда не путешествуют за границу, если только это не обусловлено необходимостью. Мнение, что

⁵⁹ См., например: *Malanima P. L'economia italiana*. Pp. 64–65.

⁶⁰ *Galasso G. Le forme del potere, classi e gerarchie sociali // Romano R., Vivanti C. (a cura di). Storia d'Italia. I caratteri originali*. Torino, 1972. Pp. 399–599. Однако разнятся результаты исследований, проведенных в сельской местности Ломбардии и Эмилии: *Sella D. L'economia lombarda durante la dominazione spagnola*. Bologna, 1982; *De Maddalena A. Dalla città al borgo. Avvio di una metamorfosi economica e sociale nella Lombardia spagnola*. Milano, 1982; *Cattini M. I contadini di San Felice. Metamorfosi di un mondo rurale nell'Emilia dell'età moderna*. Torino, 1984.

⁶¹ В основном сельскохозяйственными также были Англия и Голландия, и, по существующим данным, тенденция увеличения цен на пшеницу, наблюдавшаяся в Тоскане между XVI и XVII веками, также была характерна и для Англии. *Malanima P. Pre-Modern European Economy. One Thousand Years (10th – 19th Centuries)*. Leiden, 2009. P. 256.

Италия предлагает всё, что можно увидеть или узнать, делает итальянцев провинциальными и самонадеянными»⁶².

Вторым решающим (но не самым важным) фактором стало растущее неравенство, которое ограничивало рынок и делало невыгодным реинвестировать богатство в производственную деятельность.

Третий ряд причин принадлежит роли институтов, от экономических (корпораций) до политических (знать не носила масштабный характер, однако кое-где средние классы уступили место земельной аристократии). Трудно делать выводы о широте мировоззрения итальянских купцов и предпринимателей, которое, в некотором плане, можно даже считать анекдотичным. Что же касается второго и третьего факторов, то мы можем всё же попытаться сформировать чуть менее фрагментированное представление, не исключая, что инволюция менталитета в провинциальном смысле явилась следствием консолидации определенной социальной и институциональной структуры, которая благоприятствовала консерватизму.

На поляризации доходов настаивал Руджьеро Романо⁶³, а затем эту позицию занял и Паоло Маланима: в связи с увеличением населения мы наблюдаем снижение зарплат (как в сельской местности, так и в городах) и перераспределение богатства в пользу крупных землевладельцев (очевидно, что эти явления были более выражены на юге, чем в центре и на севере); с появлением региональных государств одновременно увеличилось и налогообложение, особенно косвенное, которое всё ощутимее давило на небогатые классы⁶⁴. Рост неравенства также подтверждается работой Гвидо Альфани, которую он провел, исследуя город Ивреа в XVII веке, чья история считается характерной для многих городов центра и севера Италии⁶⁵, а затем и всего Пьемонта с 1300 до 1800 года⁶⁶. Эта поляризация богатства привела к тому, что бóльшая часть населения вынуждена была сводить концы с концами, в результате чего внутренний спрос оставался низким. Из-за ограниченности рынка не существовало

⁶² Цит. по: *Cipolla C. Storia economica*. P. 371.

⁶³ *Romano R. Una tipologia economica // Romano R., Vivanti C. (a cura di). Storia d'Italia*. Pp. 254-304.

⁶⁴ *Malanima P. L'economia italiana*. Pp. 99–103. Но также они увеличили прямые налоги, в том числе такие, как подушная подать, которым облагались преимущественно бедные классы.

⁶⁵ *Alfani G. Wealth Inequalities and Population Dynamics in Early Modern Northern Italy // Journal of Interdisciplinary History*. 2010. Vol. 40. No. 4. Pp. 513–549.

⁶⁶ *Id. Economic inequality in northwestern Italy: A long-term view (fourteenth to eighteenth centuries) // Carlo F. Dondena Centre for Research on Social Dynamics. Working Paper No. 61. March 2014.*

никаких стимулов для промышленного предпринимательства, поэтому богатство направлялось в непродуктивные инвестиции – строительство церквей и дворцов эпохи Возрождения⁶⁷ (бесчисленные произведения искусства этого периода являются результатом этого процесса растущего неравенства), которые для городских элит представляли альтернативу инвестирования в промышленность и торговлю. Мало что известно об уровне неравенства в других частях континента (то немного, что всё же известно, очевидно подтверждает наш тезис)⁶⁸, однако бесспорным остается факт: невозможно найти в других странах Европы, особенно Атлантической, такой впечатляющей коллекции произведений искусства, созданных между XVI и XVII веками – эпоху итальянского декаданса (как написано у Джорджо Руффоло, это было «богатство, преображенное в красоту»).

Именно согласно этому базовому сценарию определяется негативная роль, которую играют некоторые экономические институты, в частности корпорации. Чиполла в своем подробном исследовании о крахе экспорта продукции обрабатывающей промышленности между 1600 и 1670 годами отмечает, что итальянская продукция, даже превосходящая конкурентов по качеству, была вытеснена с рынка по причине слишком высокой стоимости. Причиной этому были сами итальянские корпорации, которые своими жесткими уставами препятствовали инновациям и не сокращали расходы на производство. Также играл роль налог, влиявший на повышение цены, и тот факт, что позднее, в результате двух эпидемий чумы XVII века (1630 и 1657 годы), было отмечено резкое сокращение численности населения (в некоторых городах даже на треть) и, следовательно, рост заработной платы⁶⁹. Но эти два пункта (налоги и заработная плата) могли быть компенсированы в случае инноваций, реализованных в производственных процессах или продуктах, как это было в других частях Европы, что привело к сокращению остальных расходов. Именно этого инновационного процесса, который, как напоминает нам Шумпетер, являлся созидателем и разрушителем одновременно, в Ита-

⁶⁷ Маланима вспоминает, что только в Риме в XVI веке было построено 54 церкви и 60 дворцов, не говоря уже о виллах и фонтанах. Похожей, по словам автора, была история Неаполя, который видел в том периоде урбанизацию аристократии Королевства, а также многих центров Северной Италии: *Malanima P. L'economia italiana*. Pp. 105–106.

⁶⁸ Так, можно сказать, что в Пьемонте неравенство было большим, чем в Нидерландах, и что этот разрыв усилился в течение XVIII века. *Alfani G. Economic inequality*. P. 38.

⁶⁹ *Cipolla C. The Decline of Italy*.

лии так не хватало в течение всего XVII века: с одной стороны, из-за того, что не было никаких стимулов инвестировать богатство в производственные предприятия из-за поляризации доходов и высокой рентабельности земли; с другой – из-за того, что корпоративные законы жестко регламентировали каждый этап производства, таким образом блокируя зарождение возможных улучшений.

Даже политические институты оказались некомпетентными. Тому существовало несколько причин. Как уже упоминалось, создание региональных государств, будь то автономных или под иностранным господством, как правило, влекло за собой повышение налогов, что ударяло по наиболее незащищенным слоям населения и оказывало сильное давление на экономику. Также итальянские карликовые государства были не в состоянии проводить эффективную денежно-кредитную политику: дефляции XVII века, в первую очередь вызванной сокращением населения, не могли противопоставить адекватную экспансионистскую политику; это также усилило давление на экономическую деятельность, в частности на инвестиционные и кредитные мероприятия⁷⁰. Но прежде всего на судьбу Италии негативно повлияла ее фрагментация. Речь не только о том, что богатый полуостров превратился в поле боя иностранных армий и подвергся грабительской политике великих держав, – аспекты, которые рассматриваются не как внешние напасти, а, скорее, как результат неадекватной внутренней политики. Возможно, главным здесь является тот факт, что небольшие итальянские государства были не в состоянии проводить эффективную политику меркантилизма, как это было в других частях Европы, да и в принципе не могли реализовать эти мероприятия по поддержке предпринимательских классов, как того требовали обстоятельства. Они не могли защитить свои рынки от иностранной конкуренции, ввести дискриминационные меры. Им не удалось использовать свое политическое влияние, чтобы навязать другим странам благоприятные условия для собственной торговли, как это сделали англичане и французы против голландцев (в основном благодаря тому, что британцы выиграли торговую войну с голландцами и вытеснили их торговлю за океан). Они не смогли участвовать в первой гонке колониальной конкуренции⁷¹, которая предоставила странам Атлантической Европы новые земли – в Северной Америке, Восточной Индии – и уменьшила давление населения

⁷⁰ *Cipolla C. The Decline of Italy. P. 187.*

⁷¹ Также из-за отставания в технологическом развитии. Но, разумеется, свою роль сыграла и нехватка адекватной политической поддержки. См., например, неудачную историю «Генуэзской Ост-Индской компании» в период 1647–1649 годов, приведенную Чиполлой: *Cipolla C. Storia economica. P. 372.*

на ресурсы (так называемое мальтузианское ограничение на рост, которое в Италии, как мы сами увидели, вызвало увеличение рентабельности земли, а не промышленности и торговли). Они не мобилизовали свои ресурсы для строительства крупной транспортной инфраструктуры, такой как каналы или дороги на большие расстояния⁷². Они даже не обладали потенциалом для эффективного вмешательства – даже если их правящие классы и желали этого – с целью остановить процесс упадка.

Ограничения, связанные с политической раздробленностью, были известны современникам, начиная с мастодонтов истории и политической мысли XVI века, таких как Никколо Макиавелли в «Государе» (1532) или даже, в некоторой степени, Гвиччардини в «Истории Италии» (1537–1540). Тем не менее, мы вовсе не утверждаем, что власти итальянских региональных государств были исключительно неэффективными в каждой из областей. Скорее следует признать, что в общем и целом ситуация значительно улучшилась в течение XVIII века. В эпоху Просвещения, а затем и в первой половине XIX века, реформа некоторых правительств принесла позитивные результаты, особенно в Ломбардии (где был составлен прогрессивный Терезианский земельный кадастр на основе переписи всех земельных участков и зданий, построенных между 1718 и 1760 годами), а также, в меньшей степени, в Тоскане и, особенно в десятилетия перед Объединением, в Пьемонте и Лигурии. Даже в Королевстве обеих Сицилий в XVIII веке подавались надежды на реформы, но в конце концов всё зашло в тупик после того, как Венский конгресс обусловил резкий реакционный поворот, спровоцировавший затем неудачные движения 1848 года.

Другие территории Италии, например Сардиния, контролируемые Савойей, Папским престолом, продолжали управляться довольно неэффективно. Заметим, однако, что и в Сардинии, и в Королевстве обеих Сицилий официальная отмена феодализма произойдет только в XIX веке; стоит также отметить, что в этих областях, которые будут позже образованы на юге Италии, даже в канун единства сохранялся довольно высокий уровень неграмотности, в среднем 87–90 % (в Пьемонте, Лигурии, Ломбардии он был около 54 %, а в регионах так называемой третьей Италии – от Венето до Эмилии, Тосканы и Папского престола – от 74 и

⁷² В любом случае, стратегические решения по использованию этого ресурса, не менее важного чем ценная вода, как правило, отдавали привилегию потребностям сельского хозяйства, а не транспорту. Относительно Милана XVIII века см.: *Mocarelli L. Costruire la città. Edilizia e vita economica nella Milano del secondo Settecento*. Bologna, 2008. Pp. 52–53.

80 %) ⁷³. Другими словами, перед объединением государства были дифференцированы (в зависимости от их политических систем) ⁷⁴ весьма существенно между XVIII и XIX веками, с оттенками и цветами, которые теперь можно увидеть в основе региональных различий объединенной Италии. Дело в том, что даже при хорошем управлении размер отдельных государств был попросту недостаточным, чтобы выдержать глобальную конкуренцию по причинам, указанным выше, в том числе и в условиях иностранного господства, если уже не испанского, то теперь французского или австрийского.

С этой точки зрения нет никаких сомнений в том, что *Risordjimento* (итал. – возрождение, обновление. – *Примеч. ред.*) и создание национального государства было гениальным политическим ответом, давно ожидаемым, который итальянские правящие классы (аграрии, элита, средний класс, интеллигенция) были в состоянии дать вызовам модернизации. Вызовы сформировались в результате двух великих революций – политической французской и промышленной британской, которые запустили процесс беспрецедентных перемен сначала в Европе, а затем и в других частях земного шара, и привели к появлению нового буржуазного мира как в экономическом, так и в политическом аспектах, отбросив старый аристократический порядок. В самом деле, патриотическое чувство, возникшее сначала в кругу интеллектуалов, постепенно стало распространяться среди некоторых слоев населения, а затем всё стремительнее и стремительнее, начиная с вступления на итальянскую землю французских войск в конце XVIII века ⁷⁵. Стремление к единой политике сопровождалось требованиями к проведению реформ – *в первую очередь* к

⁷³ Подробнее о реформах в государствах перед объединением в XVIII и XIX веках см.: *Zamagni V.* Introduzione. Pp. 29–46. Подробнее о периоде перед объединением см.: *Felice E.* Perché il Sud è rimasto indietro. Bologna, 2013. Pp. 17–26, 41–74, а также относительно Королевства обеих Сицилий: *Malanima P., Ostuni N.* (a cura di). Il Mezzogiorno prima dell'Unità. Fonti, dati, storiografia. Rubbettino, 2013; *De Matteo L.* Una «economia alle strette» nel Mediterraneo. Modelli di sviluppo, imprese e imprenditori a Napoli e nel Mezzogiorno nell'Ottocento. Napoli, 2013.

⁷⁴ О различных политических и институциональных траекториях развития итальянских государств после Венского конгресса см.: *Dincecco M., Federico G., Vindigni A.* Warfare, Taxation, and Political Change: Evidence from the Italian Risorgimento // *The Journal of Economic History.* 2011. Vol. 76. No. 4. Pp. 887–914. Авторы подчеркивают роль внешних угроз, которые вызвали увеличение военных расходов, а вместе с этим и реализацию конституционных реформ в парламентском смысле, чтобы поддержать увеличение налогообложения.

⁷⁵ *Pécout G.* Naissance de l'Italie contemporaine. 1770–1922. Parigi, 1997 (итальянский перевод: *Il lungo Risorgimento: la nascita dell'Italia contemporanea (1770–1992).* Milano, 1999. Pp. 7 e sgg.).

принятию Конституции, которая гарантировала представительство предпринимательских классов или наиболее динамичных сил общества и их участие в политической игре. Национальное государство, не без имперских амбиций, также установило и институциональные рамки, необходимые для того, чтобы позволить промышленному капитализму развернуться в полную силу. В XIX веке это было верной траекторией развития, поскольку позволяло лучше аккумулировать ресурсы, необходимые для промышленной трансформации, а также расширить рынки для продажи новой продукции. Всё это имело воздействие, даже если экономические причины не были преобладающими в Рисорджименто – эпоху, которая казалась довольно оживленной в плане идеалов и культурных веяний⁷⁶. С этого момента Италия оказалась в состоянии участвовать на равных в «гонке» великих народов, которая была прежде всего экономической и финансовой, но также культурной и даже военной, – по сути, гонкой всех аспектов, связанных друг с другом, причем в гораздо большей степени, чем обычно принято считать.

⁷⁶ Carocci G. *Storia d'Italia dall'Unità a oggi*. Milano, 1975. Pp. 18, passim. Это подтверждается недавней реконструкцией торговли государств перед объединением, предпринятой Джованни Федерико и Антонио Теной: Federico G., Tena A. The ripples of the industrial revolution: exports, economic growth and regional integration in Italy in the early nineteenth century // *European Review of Economic History*. 2014. Vol. 18. No. 3. Pp. 349–369. Более детально об экономических факторах в Рисорджименто см. прежде всего: Candeloro G. *Storia dell'Italia moderna*. Vol. 2. Dalla Restaurazione alla rivoluzione nazionale. Milano, 1960.

ГЛАВА 2

Португалия: первая торговая империя*

На закате Римской империи на Пиренейском полуострове с согласия римского императора вестготскими племенами было создано государство, которое просуществовало около 300 лет, до завоевания этой территории арабами в 711 году.

Португалия, как и другие королевства полуострова, появилась в процессе *Реконкисты*, то есть отвоевания у мусульман земель христианами. Реконкиста началась с небольшой территории на севере Пиренейского полуострова, не захваченной арабами из-за сложности ее географического ландшафта и ее бедности. По мере отвоевания земель на данной территории формировались различные королевства и графства, которые то сливались в одно государство, то вновь дробились.

В конце XI века португальское графство было передано во владение бургундскому рыцарю Энрике за помощь леонскому королю в борьбе с маврами. Афонсу Энрикеш, сын Энрике, после очередной блестящей победы над маврами в 1139 году объявил об отделении своего графства от королевства Леон. Несмотря на то что уже в 1140 году Португалия получила статус королевства, ее самостоятельность оставалась под вопросом. Для укрепления своей независимости от Леона португальский король объявил себя вассалом папы римского, поставив тем самым страну под его защиту и покровительство и обязуясь выплачивать ежегодные взносы в пользу римского престола в размере 4 унций (120 г) золота. А с 1179 года, когда папа издал буллу об официальном признании Португалии королевством, взнос вырос до 460 г золотом¹. С одной стороны, это укрепило независимый статус королевства, однако, способствовало тому, что страна достаточно долго находилась под властью римских священников.

Еще более ста лет понадобилось португальцам на отвоевание у арабов земель к югу от португальского графства, что позволило государству удвоить свою территорию. Причем следует отметить, что войны велись не только с маврами, но и с христианскими претендентами на эти земли. Реконкиста для Португалии закончилась в XIII веке, именно в этот период страна оформилась территориально. Стоит обратить внимание, что

* Автор: *Наталья Анатольевна Розинская* – кандидат экономических наук, доцент экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

¹ *Варьяш О. И., Чепных А. П.* Португалия: дороги истории. М., 1990. С. 16–17.

Португалия является старейшей страной в мире, существующей в своих сегодняшних границах.

Новые земли необходимо было не только защищать, но и колонизировать: заселять людьми, строить города. Как правило, этим занимались дворяне, священники и духовно-рыцарские ордена, которые получали новые земли как плату за участие в ее завоевании. Для привлечения крестьян на свои земли они предоставляли различные льготы и привилегии. Так как на северных землях к тому времени уже установилось крепостное право, многие крестьяне бежали в южные регионы, хотя там оставались высокие риски набегов со стороны мавров.

Несмотря на то что король раздавал большое количество земель дворянам, в Португалии не сложились классические феодальные отношения, так как землевладельцы не получали на этих территориях привилегий, связанных с судебной и административной властью. Тем не менее дворянство обладало значительной властью, которая опиралась на земельные богатства этого сословия.

Другим влиятельным сословием в Португалии было духовенство. Как уже отмечалось, король был вынужден признать зависимость от папы римского. Это вело к тому, что священники, в том числе и присланные папой, активно проводили собственную политику, часто противоречащую интересам королей. Процесс освобождения из-под власти Рима занял несколько столетий. Только после правления Педро I Справедливого (1325–1357), который серьезно сократил права духовенства, королевская власть практически освободилась от опеки церкви. Однако католицизм остался одной из важнейших составляющих португальской идентичности.

Одной из особенностей Португалии стоит отметить сильную зависимость как светской, так и религиозной знати от короля. Это проявилось в том, что права собственности на землю оставались неопределенными намного дольше, чем в других европейских странах.

Помимо знати земли предоставлялись и общинам, члены которой рассматривались как поселенцы и распоряжались землей по контракту, который сильно ограничивал их права собственности на землю. По мере того как исчезает крепостное право в XIII веке, крестьяне превращаются в свободных держателей земель, наделенных личными и имущественными правами, но не имеющих возможности продавать, дарить или закладывать обрабатываемую ими землю. Как уже отмечалось, частная собственность на землю для всех слоев населения Португалии распространялась достаточно медленно.

Как и в других странах Западной Европы, борьба королей за усиление своей власти способствовала возвышению городского сословия, на

которое короли пытались опираться. Португальские короли активно раздавали городам привилегии (*форалы*), что позволяло горожанам иметь самоуправление, ополчение, проводить на регулярной основе ярмарки и некоторым из них, например, Браге, даже чеканить деньги.

Также росту городов в Португалии способствовало ее приморское положение. Уже в XIII–XIV веках складываются торговые отношения с Фландрией, Францией, Англией и почти со всеми регионами Средиземноморья. Большая часть португальского экспорта была типично средиземноморской: вино, оливковое масло, соль, а также пробка, изюм, фрукты, кожи, воск, рыба. Импорт состоял в основном из высококачественных тканей (парчовые, вышитые, шелковые, шерстяные), оружия, металлов, специй, зерна, дерева, копченой и соленой рыбы, предметов роскоши.

Северные города специализировались на торговле продукцией сельского хозяйства из северных регионов, а южные города концентрировались больше на рыбном промысле. Крупнейшим городом был Лиссабон, где к XVI веку насчитывалось 100 тыс. жителей, вторым по размерам был Порту с 50 тыс. горожан.

Рост торговли способствовал росту богатства горожан и соответственно росту их влияния. Впервые горожане были приглашены на собрание кортесов (парламента) в 1254 году. А кортесы, созванные в 1261 году, установили принцип, в соответствии с которым «обложение страны податями признавалось не королевской прерогативой, а поставлено было в зависимость от согласия населения»².

Еще одной особенностью Португалии было соседство с сильным государством, проводившим активную экспансионистскую политику, — Кастилией. Постоянная необходимость отстаивать свою независимость от могущественного соседа способствовала росту королевской власти, с одной стороны, а с другой стороны, короли достаточно рано осознали, что их доходы и военные возможности сильно зависят от благосостояния народа и развития хозяйственной деятельности государства. Уже в XIII веке мы видим в Португалии элементы политики, которую впоследствии назовут меркантилизмом³, и которая будет активно проводиться государями в Западной Европе с XVI века.

² Пискорский В. К. История Испании и Португалии от падения Римской империи до начала XX века. М., 2014. С. 102.

³ Стоит отметить, что политику португальских королей меркантилизмом можно назвать очень условно, так как, например, закон, подписывающий ввозить товаров на сумму не меньшую, чем сумма, полученная за вывезенные товары, противоречил классическому меркантилизму. Объяснялось появление этого закона тем, что казна получала доходы от обложения пошлинами импорта.

Такие короли, как Афонсу III (1248–1279) и Диниш I (1279–1325) прославились своими экономическими реформами: денежные реформы, фискальные реформы, поощрение внешней торговли и продвижение местных ярмарок и рынков. Короли активно покровительствовали развитию кораблестроения, морской торговли, разработке железных рудников. Например, Диниш I пригласил из Генуи мастеров корабельного дела для обучения судостроению ремесленников и для обучения португальских моряков навигации. Судостроение постепенно становится одной из главных отраслей экономики, при том что в целом ремесло в Португалии было не сильно развито. Кроме того, Диниш способствовал разведению лесов для кораблестроения. Эти начинания привели к тому, что примерно через 100 лет Португалия имела один из самых лучших флотов⁴.

В 1308 году Диниш I заключил с Англией договор о взаимной торговле и взаимных привилегиях. С этого времени Англия надолго становится торговым и военным партнером Португалии, помогая ее в борьбе против Кастилии и впоследствии Испании. Кроме того, этот король способствовал созданию первых касс морского страхования, появлению первой светской библиотеки и первого университета. Он приказал в официальных документах использовать португальский язык, при нем появилась первая мощеная улица⁵.

В XIV веке, за исключением периода «черной смерти» (1348–1353), в Португалии наблюдается экономический и культурный подъем. Рост внешней и внутренней торговли в XIV веке усиливает монетизацию хозяйственной жизни страны. Всё большее количество земель используется под экспортные товары (под виноградники и оливковые рощи) за счет уменьшения зерновых культур, что усиливает зависимость от поставок импортного зерна. Эти процессы были характерны для многих регионов Западной Европы, и, таким образом, можно сказать, что Португалия в этот период интегрировалась в европейскую экономику. Бурно развивающиеся товарно-денежные отношения вели к разорению многих дворян и обогащению торговой верхушки горожан, росту зависимости от цен и денежных доходов. То есть жизнь становилась всё менее стабильной, а социальная структура общества становилась всё более подвижной, что не могло рано или поздно не вылиться в социальный конфликт.

После смерти последнего короля Бургундской династии Фернанду I, король Кастилии Хуан I, используя свое право на португальский престол (он являлся мужем единственной наследницы португальского престола – дочери Фернанду), в 1383 году попытался силой присоеди-

⁴ Пискорский В. К. Указ. соч. С.101.

⁵ Варьяш О. И., Чепных А. П. Португалия: дороги истории. М., 1990. С. 44–46.

нить Португалию к кастильской короне. Эта ситуация вызвала гражданский раскол португальского общества. Часть дворянства выступила на стороне кастильцев, в то время как горожане, будучи достаточно многочисленной и богатой частью общества, выступили против объединения. Горожан поддерживали крестьяне и часть дворянства. Война могла стать гражданской, но Жуан Ависский, незаконнорожденный сын предпоследнего португальского короля Педру I, объявленный «спасителем Португалии», смог повернуть недовольство масс не против высших слоев населения, а против кастильцев. Война длилась несколько лет и в 1385 году закончилась победой Португалии, где на престол был возведен первый король Ависской династии Жуан I.

Эти события имели ряд серьезных последствий. Так как основной силой, выступившей за независимость Португалии и противостоявшей Кастилии, были горожане, их статус после войны несколько меняется. Одержав победу, немало горожан получили земли, конфискованные у дворян, поддержавших кастильского короля. И теперь многие из них, особенно городская верхушка, предпочитали жить на доходы от земли, а не от ремесла и торговли, или же участвовать в военных экспедициях, завоевывая новые земли и богатства. Кроме того, война с могущественным соседом и необходимость дальнейшего отстаивания своей независимости привели к разрыву большинства существовавших до этих связей с Испанией и развороту Португалии в сторону Атлантики. Усиливаются торговые и военные связи с Фландрией и Англией, а также возрастает интерес к поиску путей к богатствам Африки, либо минуя мавров, либо отвоевывая у них земли. Стоит отметить, что эти тенденции, с одной стороны, способствовали увеличению импорта и консервировали неразвитость собственной промышленности, за исключением, как уже отмечалось, судостроения, а с другой – активно стимулировали мореплавание и дальние экспедиции.

Помимо вышеперечисленных причин экспансия в Африку была вызвана тем, что, несмотря на окончание Реконквисты для Португалии еще в XIII веке, риск набегов мавров оставался. Для предотвращения набегов на свои земли португальцы предпринимали походы против иноверцев и пытались взять в свои руки укрепленные пункты в Африке. В 1415 году португальцами была занята крепость Сеута. Захват этого небольшого кусочка земли на севере Африки, который многими историками рассматривается лишь как эпизод длительного процесса борьбы христианской Европы с исламом, стал отправной точкой для Великих географических открытий, и португальцы в этот процесс внесли один из самых весомых вкладов. Вопрос о причинах экспансии является предметом жарких спо-

ров в португальской историографии: «На поставленный вопрос о «причинах» отвечают по-разному: географическое положение страны, диспропорция между демографическим ростом и внутренними ресурсами, большой навигационный опыт у жителей прибрежных районов, достижения мореходной науки, рост городского населения и растущие потребности в зерне и золоте, классовая идеология (торговый дух горожанина, рыцарский дух дворянина, авантюристский дух народа, дух крестоносцев у священнослужителей и королей), личные поступки, в частности инфанта Энрики и др.»⁶.

Сеута была завоевана под командованием португальского принца Генриха (Энрике) Мореплвателя (сын Жуана I), знаменитого активным поощрением мореплавания, созданием центра картографии, финансированием океанских экспедиций и фактически главным инициатором Великих географических открытий. Благодаря его активной деятельности в первой трети XV века португальцы открыли Азорские острова, Канарские, остров Мадейра и др., где очень скоро начали создаваться сахарные плантации. Важным этапом в дальнейшем продвижении в Африку было то, что в 1434 году европейцы впервые обогнули мыс Бохадор, который раньше считался непреодолимым из-за сильных ветров и суеверий (считалось, что море в этих местах кишит чудовищами).

Обогнув мыс Бохадор, португальцы, во-первых, начали прокладывать новый путь к югу Африки, а впоследствии и в Индию, и, во-вторых, обнаружили огромные возможности для обогащения. Если первоначально целями экспедиций было выяснить, насколько сильны мусульмане в северной Африке, а также поиски мифического царства Пресвитера Иоанна, которое якобы существовало за исламскими землями и обладало сказочными сокровищами, то по мере того, как португальцы открывали для себя возможности обогащения за счет торговли добытыми в Африке богатствами (золото, слоновая кость, красный перец и др.) и живым товаром – черными рабами для сахарных, хлопковых, кофейных плантаций, их цели трансформировались из сугубо военных (противостояние исламу) в более коммерческие, где армия, скорее, нужна была для защиты торговых интересов.

Товары из Западной Африки доставлялись в Португалию, а оттуда реэкспортировались во Фландрию, где с 1445 года существовала португальская торговая фактория. В 1482 году была создана Португальская Гвинейская компания, которая получила монопольное право торговли с этим регионом.

⁶ *Сарайва Ж. Э.* История Португалии. М., 2007.

В 1487 году португальцы под командованием Бартоломеу Диаша достигли южного мыса Африки и подтвердили существование морского пути в Индию вокруг Африки. Первым достиг Индии по новому маршруту Васко да Гама в 1498 году. Для того чтобы этот путь приносил прибыль необходимо было создавать порты и фактории в наиболее стратегически важных для контроля этого пути пунктах. С 1513 года после высадки португальцев на Амбоне (Молуккские острова) начинает развиваться торговля с Азией. Установив контроль над морским путем в Индию, португальцам удалось подорвать морскую торговлю мусульман в Индийском океане. Через пять лет Португалия устанавливает выгодные торговые отношения с Китаем.

К середине XVI века Португалией была создана сеть опорных точек и маршрутов, консолидированных друг с другом, которая позволяла контролировать торговлю, не допускать конкурентов и, соответственно, получать огромные прибыли. Стоит отметить, что португальцы в первоначальный период колонизации в Африке и Азии не захватывали новые территории, а ограничивались только созданием торговых факторий. Считалось, что установление власти в прибрежных государствах стоит очень дорого, а для контроля торговли нужна, скорее, армия в море, чем на суше.

Португальские короли, будучи главными инициаторами первых экспедиций, получали от торговой деятельности огромные доходы. Государство монополизировало торговлю на некоторые виды товаров, в частности на рабов, а остальные обладало очень высокими налогами. Кроме того, корона часто выступала как предприниматель, вкладывая деньги в отдельные торговые экспедиции. Доходы от заморской торговли составляли до 70 % от общего объема государственных доходов⁷.

С конца XV века к дальним плаваниям подключились испанцы. В 1492 году финансируемая испанским правительством экспедиция Христофора Колумба достигла берегов центральной Америки. Эта ситуация сильно встревожила португальцев, и для решения спора о принадлежности открытых в будущем земель было решено обратиться к римскому папе. В 1494 году при посредничестве и одобрении папы был подписан Тордесильяский договор, который устанавливал демаркационную линию между будущими владениями Испании и Португалии по «папскому меридиану» (в современных координатах: 49°32'56" з. д.).

⁷ Amaral L. "Economic History of Portugal". EH.Net Encyclopedia, edited by Robert Whaples. March 16, 2008. Электронный ресурс. URL: <http://eh.net/encyclopedia/economic-history-of-portugal/> [Режим доступа – 1.07.2016]

В 1500 году направляющийся по поручению короля в Индию Педру Алвариш Кабрал, уклоняясь от сильного ветра, несколько изменил маршрут⁸ и неожиданно оказался у берегов Южной Америки. А так как данная территория была расположена к востоку от «папского меридиана», то есть на португальской стороне, то португальский король объявил ее принадлежащей ему землей. Так была открыта Бразилия.

Поначалу португальцы не сильно интересовались этим регионом. Только с середины XVI века, когда их начинают активно теснить в Индии и Азии, стартовал процесс колонизации Бразилии. Здесь начинает развиваться плантационное хозяйство. Особенно выгодным становится выращивание сахарного тростника с использованием труда привезенных из Африки рабов. Первые рабы были вывезены из Африки португальцами еще в 1441 году. До середины XVI века основным рынком сбыта для черных рабов была Португалия. Когда же в Америке начинает развиваться плантационное хозяйство, торговля живым товаром превращается в одну из самых доходных статей португальского бизнеса. Ежегодно в XVI веке португальцами вывозилось из Африки более 10 тысяч рабов.

Эпоха Мануэла I Счастливого (1495–1521) считается «золотым веком» Португалии. За двадцать с небольшим лет португальцам удалось создать торговую империю, вытеснить своих главных конкурентов – мусульман и венецианцев – и стать главными поставщиками специй в Европу. Теперь не арабы, не генуэзцы и не венецианцы, а португальцы доставляли европейцам гвоздику, перец, корицу и другие пряности. Сеть торговых факторий и военно-морских баз являлась основой португальского могущества. Наиболее важными в Восточной Африке были Софала, Мозамбик, Момбаса; в Персидском заливе – Ормуз и Москат; в Индии – Гоа – центр португальской торговли на Востоке, а также Диу, Даман, Кочин; на Цейлоне – Коломбо; в Малайе – Малакка – один из важнейших рынков, захваченный знаменитым наместником короля в Индии Афонсу ди Албукерки; в Индонезии – Амбоина, Тернате, Тидоре, Соло; позже добавилось Макао⁹.

Однако экспансионистская политика и создание колониальной империи имели для португальской социально-экономической системы и негативные последствия. Внешняя торговля становится основой экономики страны. Это ведет к тому, что экономическая жизнь теперь максимально концентрируется в портовых городах на побережье океана. Именно туда поступают колониальные товары для реэкспорта и импортные товары для внутреннего потребления. Зависимость от импорта рас-

⁸ Есть версия, что это было сделано преднамеренно.

⁹ *Хазанов А. М.* Португальская колониальная империя. 1415–1974. М., 2014.

тет и расширяется, распространяясь на новые и новые товары, которые раньше производились внутри страны. Собственная промышленность стагнирует из-за обилия дешевых импортных товаров, за исключением судостроения – единственная отрасль, на которую создание империи имело позитивное влияние. За исключением прибрежных городов, вся остальная территория превращается в отсталую периферию.

Жесткий контроль торговли государством ведет к формированию определенного барьера между небольшой группой богатеющих на торговле купцов и аристократов и всей остальной экономикой. Особенно ярко это проявилось в бурном росте и увеличении богатства Лиссабона – столицы Португалии, превзошедшей в роскоши столицы многих других европейских государств. В XVI веке Лиссабон становится по величине пятым городом Европы, при том что население страны было, по европейским меркам, малочисленным – примерно один миллион человек. Зато быстрыми темпами растет государственная бюрократия. Так как основные доходы казны теперь формируются за счет торговли, король и правительство в своей политике оказываются независимы от горожан (которые раньше своими налогами формировали большую долю бюджета страны) и управляют государством посредством всё увеличивающегося числа чиновников.

В аграрном секторе, несмотря на появление новых культур (маис, картофель, рис), также консервируется отсталость. Существующая в Португалии форма собственности на землю, при которой дарованные королем земли нельзя было продавать, а при наследовании необходимо было подтверждать свои права, тормозило уже идущий в других странах аграрный переворот. Рынок земли и рынок труда формировались крайне медленно, а при отсутствии четких прав собственности на землю это вело к торможению модернизации экономических отношений. Кроме того, архаичные институты в аграрном секторе дестимулировали эффективное ведение хозяйства в поместьях. Португальцы всё чаще забрасывали ведение сельского хозяйства или другие виды деятельности и пытались разбогатеть более легкими способами, которые в избытке предоставлялись заморской экспансией и колониальной торговлей. А для страны с небольшим населением это вело и к демографическим проблемам, так как из-за миграции граждан в португальские колонии население сокращалось еще больше.

Но наиболее неприятной новостью для португальцев стало появление в середине XVI века новых конкурентов. На новые земли и участие в торговле в этих землях начали претендовать, помимо Испании, также Голландия, Англия и Франция. И если две последние в этот период еще

не были готовы к широкой экспансионистской деятельности, то голландцы начали реально теснить португальцев и подрывать их монопольные позиции в торговле с Индией и Азией.

Всё это способствовало тому, что со второй половины XVI века у Португалии начинаются экономические трудности. Цены на колониальные товары начали снижаться, а затраты на содержание фортов, крепостей, колониальной администрации возрастали. Денег в бюджете перестало хватать, чему также способствовали раздачи королевских привилегий и затраты на предметы роскоши со стороны элиты и королевского двора. Всё это еще больше усугубляло ситуацию в экономике страны. И после неожиданной смерти бездетного короля Себастьяна проблемы выливаются в полномасштабный социально-политический кризис, который заканчивается присоединением в 1580 году Португалии к ее могущественному соседу – Испанской империи.

Отсутствие какого-либо серьезного противостояния португальцев Испании историки объясняют рядом причин, среди которых можно выделить два важнейших фактора. Во-первых, Филипп II Испанский обещал предоставить Португалии широкую автономию: Португалия оставалась королевством в составе империи; главным языком оставался только португальский; все правительственные должности могли занимать только португальцы и т. д.¹⁰ И, во-вторых, элита португальского общества, зависящая от заморской торговли, нуждалась в защите от недавно появившихся конкурентов, и Испания эту защиту могла предоставить.

В XVII веке во многих странах Европы происходило укрепление монархической власти, усиливались абсолютистские тенденции. В Португалии это процесс начался еще в XVI веке. Как уже было сказано, короли всё меньше зависели от налогов со своих граждан из-за роста доходов от колониальной торговли и всё реже собирали кортесы (парламент). Последний португальский король Себастьян был практически абсолютным монархом. Однако при присоединении португальского королевства к Испании многие представительные институты получили второе дыхание, решения центральных и местных кортесов вновь стали иметь значение. До 20-х годов XVII века испанские короли не пытались изменить существующую систему управления в Португалии, однако, когда из-за Тридцатилетней войны, опустошившей испанскую казну, возникает потребность в дополнительных доходах, испанский король Филипп IV

¹⁰ *Amaral L.* "Economic History of Portugal". EH.Net Encyclopedia, edited by Robert Whaples. March 16, 2008. Электронный ресурс. URL: <http://eh.net/encyclopedia/economic-history-of-portugal/> [Режим доступа – 1.07.2016].

начинает усиливать налоговое давление на все части испанской империи, включая Португалию. Увеличение налогообложения и усиление попыток централизации для более эффективного сбора налогов привели к тому, что в Португалии вспыхивает восстание, следствием которого явилось провозглашение нового португальского короля в 1640 году и отделение от Испании. До 1668 года Испания вела войну, пытаясь вернуть Португалию, но эта борьба для Испании оказалась безуспешной, в том числе и потому, что практически все европейские страны и особенно Англия, пытаясь ослабить Испанскую империю, с энтузиазмом поддержали отделение Португалии.

После возвращения независимости Португалия находилась в тяжелом положении: экономика в упадке; в колониях теснят конкуренты (в Азии начали хозяйничать голландцы), Сеуту по итогам войны за испанское наследство пришлось отдать Испании; казна была пуста. Временным спасением оказалось открытие в Бразилии в конце XVII века золота и алмазов, что помогло решить финансовые проблемы государства и обеспечило сравнительно высокий уровень благосостояния некоторых слоев населения в первой половине XVIII века.

Однако период процветания продлился недолго. Условной датой его окончания считается 1755 год, когда страшное землетрясение разрушило Лиссабон и ряд других городов страны. XVIII век был периодом, когда в Европе господствовали идеи позднего меркантилизма о пользе защиты национальной промышленности от иностранных (в тот период преимущественно от английских) конкурентов с помощью протекционистской политики. Но новые короли Португалии не последовали по пути королей XIV века. В 1703 году между Португалией и Англией был подписан договор, по которому Англия сокращала ввозные пошлины на португальское вино, что делало его более конкурентоспособным на английском рынке по сравнению с французским вином. Португалия же, со своей стороны, обязалась разрешить практически беспошлинную торговлю для английских промышленных товаров и прежде всего – товаров текстильной промышленности. Этот договор, который многие историки рассматривают как важнейший фактор, затормозивший на долгий период экономическое развитие Португалии, был подписан, во-первых, потому что из-за обилия бразильского золота португальское правительство не испытывало необходимости развивать собственную промышленность: зачем, если можно покупать дешевые импортные товары? И, во-вторых, потому что Англия, которая наиболее активно поддержала Португалию в войне за независимость от Испании, стала ее главным торговым и воен-

ным партнером, имеющим возможности защищать португальские интересы в оставшихся у Португалии колониях.

Помимо бразильского золота, которое развращающе влияло на экономику, делая любую инициативу абсолютно ненужной, такой же эффект оказывало и рабовладение. Африканцы составляли примерно восьмую часть населения¹¹. Португалия была среди тех немногих стран, где рабовладение оставалось легальным до второй половины XVIII века. Оно было отменено королевским министром маркизом Помбалом, который пытался модернизировать страну в 1769–1778 годах, но так как его реформы были крайне непоследовательными, серьезных успехов в развитии экономики они не принесли. Глубинные экономические проблемы Португалии вышли на поверхность по мере сокращения притока золота во второй половине XVIII века. Недальновидная внешнеторговая политика государства и архаичная институциональная система с неопределенными правами собственности на землю стали важнейшими причинами долгосрочной стагнации и нарастающего отставания Португалии от других стран Западной Европы вплоть до XX века.

¹¹ *Варьяш О.И., Чепных А.П.* Португалия: дороги истории. М., 1990. С. 92.

ГЛАВА 3

Испания: мировая империя и ресурсное проклятие*

Социально-экономическая система Испании формировалась в достаточно специфических условиях. После падения Римской империи, чье господство на Пиренейском полуострове продолжалось почти шесть веков, в данный регион пришли германские племена вестготов. Они создали свое королевство, просуществовавшее почти триста лет. Это был период постепенного слияния и взаимопроникновения двух культур: достаточно развитой римской и находящейся еще на племенном уровне вестготской.

В начале VIII века на полуостров приходят арабы, принявшие недавно ислам, и в период с 711 по 713 год происходит падение вестготской монархии и установление арабского господства. Данное завоевание способствовало тому, что становление и развитие испанского государства проходило в специфических условиях, значительно отличающихся от условий развития других европейских государств.

Падение вестготской монархии и завоевание Пиренейского полуострова произошли очень быстро. Однако на севере и на востоке полуострова остались территории, не занятые арабами. В эти регионы бежали вестготские дворяне и простое население, не готовые мириться с властью мусульман. Именно на этих территориях возникают королевства, которые при первой же возможности начинают отвоевывать у арабов захваченные ранее земли. Этот процесс, который длился почти восемь веков – до 1492 года – получил название «Реконкиста».

К середине XIII века, когда мусульманской оставалась только южная часть полуострова – Гранадский халифат, на отвоеванных территориях сформировалось несколько королевств. В X веке из королевства Леон, которое появилось одним из первых в IX веке как остаток Вестготской монархии, выделилось графство, ставшее в XI веке королевством Кастилия. В XII веке от Леона отделилась Португалия. В XIII веке Леон объединился с Кастилией и превратился в сильное королевство – Кастилия. На востоке к этому времени сформировалась Арагонская федерация, состоявшая из Арагона, Валенсии и Каталонии. Таким образом, в средние века на Пиренейском полуострове существовало три государства: Кастилия, Португалия и Арагон (если не считать Наварру, находившую-

* Автор: *Наталья Анатольевна Розинская* – кандидат экономических наук, доцент экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

ся в зоне французского влияния). Несмотря на то что все эти королевства имели много общего, так как формировались в схожих условиях – в процессе борьбы с мусульманами и на территориях, у них отвоеванных, – эти государства значительно отличались по своему социально-экономическому и политическому устройству.

Особенностью Кастильского средневекового королевства было активное участие горожан, и в определенный период даже крестьян, в социально-политической жизни страны. Впервые горожане получили право участия в кортесах (представительное собрание, парламент) уже в 1188 году¹. В Англии в этот период парламента еще даже не существовало. В XIII веке влияние городов настолько усилилось, что по некоторым вопросам голоса представителей городов оказывались важнее, чем дворянства и духовенства.

Столь относительно демократичное устройство общества было связано с тем, что формирование страны и расширение территории происходили в постоянной борьбе с маврами. Короли вынуждены были привлекать к участию в этой войне все социальные группы (не только дворянство) и, соответственно, предоставлять им различные льготы и привилегии. Общины, которые заселяли отвоеванные территории, освобождались от феодальных повинностей, наделялись правами и привилегиями. Разрастаясь, община превращалась в практически независимое муниципальное объединение. Среди важнейших привилегий горожан были гарантии гражданской неприкосновенности; право выбирать судей и полицейских из местного населения; право самостоятельно управлять городом через органы, сформированные из горожан; право убивать представителей аристократов, если они насильственно вторгались в жилища граждан данного муниципального союза. Так же, как и в других европейских странах, действовало правило, в соответствии с которым крепостной крестьянин, поселившийся в городе, становился свободным. В конце XIII – начале XIV века муниципальные общины объединились в союз, который защищал вольности и интересы горожан, прежде всего – от незаконного взимания податей².

Однако стоит отметить, что, в отличие от городов других стран Западной Европы, которые смогли возвыситься за счет развития ремесла и торговли, кастильские города были важны для государства, прежде всего, как военно-административные центры и крепости для защиты от мавров. Поэтому в XV веке, когда Реконкиста вступила в завершающую ста-

¹ Пискорский В. К. История Испании и Португалии от падения Римской империи до начала XX века. М., 2014. С. 64.

² Там же. С. 60.

дию и линия фронта отодвигалась всё дальше на юг, города постепенно теряли свое военно-политическое значение и их влияние уменьшалась.

Из свободных поселений формировались не только городские, но и сельские общины. Наличие свободных сельских общин в средневековой Европе было довольно необычным явлением. Положение крестьян сильно зависело от места их проживания: чем дальше от регионов, где велась война с маврами, тем жестче были формы крепостного права. В начале Реконквисты практически всё сельское население было либо лично, либо материально зависимым от местных землевладельцев. Но по мере вовлечения новых отвоеванных земель, которые для удержания необходимо было обрабатывать и защищать, всё большее количество крестьян освобождалось от феодальной зависимости. И в XIII веке уже практически все крестьяне пользовались правом свободного перехода от одного землевладельца к другому.

Период второй половины XIV – XV веков был периодом бурного экономического роста Кастильского королевства. Победы над маврами привели к значительному расширению территории. После демографического провала, вызванного чумой, во второй половине XIV века начинается рост населения. Также за счет увеличения земель в этот период усиливается дворянство и, несмотря на то что кастильские дворяне не имели судебных и полицейских прав в своих землях, как, например, французские или арагонские, они пытаются всё больше ограничить королевскую власть и проводить политику в интересах своего сословия.

Этому способствует и рост благосостояния дворянства за счет расширения пастбищ для разведения овец. Количество овец увеличилось с 1,5 млн в начале XIV века до 5 млн к концу XV века³. Рост овцеводства был вызван несколькими факторами: во-первых, ростом цен на шерсть из-за сокращения поставок английской шерсти на европейские рынки (Фландрия, Флоренция); во-вторых – желанием заменить растениеводство овцеводством, так как последнее требовало меньшего количества рабочей силы, которая после великой чумы была в дефиците; в-третьих, после отвоевания Мурсии и долины Гвадалквивира кастильские купцы смогли плавать по кратчайшему пути из Фландрии в Геную через Гибралтарский пролив. Всё это способствовало увеличению доходов владельцев пастбищ. Однако кастильские дворяне, в отличие от английских, не считали возможным для себя заниматься хозяйством. Они предпочи-

³ *Banaza M. Geografia e historia de Espana y de los Paises Hispanicos Iberica. 5th edition. Vicens Vives, 1996. P. 121.*

тали привлекать овцеводов и давали им различные привилегии на своих землях.

Впервые объединение овцеводов Кастилии и Леона – Места – появляется в 1273 году. Уже на раннем этапе члены Месты за определенные регулярные отчисления получают важные привилегии: освобождение от военной службы и право прохода для перегона овец. Необходимость перегона овец была связана с климатическими условиями Пиренейского полуострова. Зимой овцы могли пастись в южных регионах, а летом – в северных. Рост торговли шерстью способствовал, с одной стороны, расцвету городов, особенно тех, где находились наиболее крупные ярмарки, а с другой стороны, вел к ряду противоречий между крупными землевладельцами и средними, а также мелкими землевладельцами.

До того, как Кастилия отвоевала южную часть полуострова, между испанскими и арабскими землями существовала буферная территория, на которой никто не жил. И именно эта земля использовалась для перегона овец. Когда же после завоевания эти земли были распределены между участниками походов, право прохода овец по этим территориям вошло в конфликт с правами собственников этих земель, большинство из которых выращивало на этих землях оливки или виноград, а проходившие по этим землям овцы, естественно, губили урожай. Однако, аристократия и короли были на стороне овцеводов, так как получали от последних крупные денежные выплаты.

Социально-экономическая система *Арагона* значительно отличалась от кастильской. Арагон состоял из нескольких практически независимых государственных образований: собственно, Арагон, Каталония и позже, уже в XV веке, к ним добавилось Неаполитанское королевство. В отличие от Кастилии, которая была скорее сухопутной страной и которая на протяжении веков была поглощена основной задачей – борьбой с маврами на Пиренейском полуострове, Арагонская федерация имела длинную береговую линию, что делало ее скорее морским, чем сухопутным государством, гораздо более вовлеченным в общеевропейские дела. Наличие мощного для того времени флота позволяло Арагону и завоевывать новые территории, и участвовать в международной торговле.

Арагонские и, прежде всего, каталонские купцы активно торговали как с христианскими – Франция, Италия, Сицилия, Константинополь, так и мусульманскими регионами Средиземноморья – Тунисом, Египтом и т. д. Важно отметить, что среди торгуемых товаров значительную долю занимали изделия собственного производства: шерсть, льняные ткани, строительные и корабельные принадлежности, продукты металлообработки и кожаные изделия. Участвуя в посреднической торговле, купцы с

Востока везли специи, сахар, шелк, а из Европы – хлеб, лес, изделия из металла и др. Самыми развитыми и богатыми городами королевства были Барселона и Валенсия. Таким образом, Арагон и особенно Каталония были экономически гораздо более развитыми, чем Кастилия.

В отличие от кастильского дворянства, дворянство в Арагоне было более привилегированным сословием и играло более важную роль. Подобно французским дворянам, арагонские были организованы в соответствии с феодальной иерархией. На принадлежащих им землях высшее дворянство имело широкие судебные, административные и полицейские права по отношению к своим вассалам, в том числе устанавливать налоги, взимать судебные пошлины, наказывать крестьян по своему усмотрению.

Еще в 1283 году кортесы добились от короля издания Генеральной привилегии, которая, «подобно английской Великой хартии вольностей, содержит в себе ряд постановлений, ограждающих личность и собственность арагонских сословий от правительственного произвола и ставивших их под твердую охрану закона»⁴. Дворянству, кроме этого, удалось добиться от короля права отстаивать свои привилегии с помощью военной силы, то есть дворяне заставили государство поделиться с ними монополией на применение силы.

Одним из следствий столь большого количества свобод у дворянства было крайне тяжелое положение крестьян. Расширение дворянских привилегий вело к росту произвола во взаимоотношениях дворян с крестьянами. С середины XIII века дворянство получило полное право распоряжаться не только имуществом, но и жизнью своих крестьян.

В середине XV века сестра кастильского короля Изабелла среди трех кандидатов в мужа – сына французского короля Карла VII, португальского короля Альфонсо V, сына арагонского короля Хуана II – выбрала последнего – Фердинанда, несмотря на то, что первые два казались гораздо более перспективными с политической точки зрения. Однако именно этот брак послужил началом для становления испанского государства, после того как Изабелла стала королевой Кастилии в 1475 году, а Фердинанд – королем Арагона в 1479 году.

Как видно из вышеизложенного, социальное, политическое и экономическое устройство Кастилии и Арагона сильно отличалось. В краткосрочной и даже среднесрочной перспективе объединение этих двух государств создавало серьезный синергетический эффект. Объединение сухопутной, получившей огромный опыт в войнах с маврами кастильской армии и достаточно большого, современного для того времени ара-

⁴ Пискорский В. К. Указ. соч. С. 73.

гонского флота способствовало тому, что объединенное королевство – Испания – стало одним из самых сильных государств в Европе. С другой стороны, различия в социальной организации и разные правовые системы вели к появлению ряда противоречий, что в долгосрочной перспективе ослабляло государство. Окончательное объединение Арагона и Кастилии произойдет только в начале XVIII века, когда после войны за испанское наследство (1701–1714) король из династии Бурбонов издаст ряд законов, способствующих централизации власти и устраняющих политическую автономию различных частей государства.

Правление Фердинанда и Изабеллы начинается целой серией реформ, главная задача которых – укрепление королевской власти и, соответственно, сокращение влияния аристократии и городов. Процесс формирования государства с сильной централизованной властью в этот период наблюдался не только в Испании. Кроме нее, в XV веке появляются такие сильные централизованные государства, как Англия, Франция, Турция и Россия. Несмотря на наличие особенностей в каждом отдельном случае, во всех этих государствах в этот период проводились схожие реформы – в военной, административной и финансовой сферах.

Одной из первых реформ католических королей было создание боевых сил, подчиненных непосредственно королевской власти, для поддержания внутреннего порядка. В кастильских городах еще со средневековых времен существовали братства – отряды, формирующиеся из местного населения и за счет местных налогов для защиты от бандитов, грабителей, произвола дворянства и т. д. Эти отряды были переподчинены королевской власти, получили статус постоянной организации с очень широкими полномочиями и были распространены на все регионы Испании. Данная структура получила название Святая Эрмандада.

Также были проведены судебная и административная реформы: были созданы Королевская аудиенция – высшее судебное учреждение Кастилии, Государственный совет, из которого по мере усложнения государственного управления выделялись дополнительные советы (Совет по иностранным делам, Финансовый совет, Совет по делам инквизиции и др.), для управления городами стали назначаться магистраты (судьи).

По мере формирования бюрократических структур, с одной стороны, уменьшалась влияние дворянства, сокращались их привилегии, запрещалось им строить новые замки, а с другой стороны, падало значение кортесов, которые собирались всё реже и реже.

Тем не менее, все эти реформы способствовали снижению социальной напряженности в стране, росту общественного спокойствия, уменьшению произвола со стороны дворянства, укреплению прав собственно-

сти. Неудивительно, что в этих условиях наблюдается достаточно бурный экономический рост. В Кастилии растет производство зерна и шерсти. Развитию сельского хозяйства также способствовала окончательная отмена крепостного права в 1486 году. За счет развития текстильной и металлургической промышленности увеличивается благосостояние таких городов, как Бургос, Сеговия, Толедо, Куэнка.

На северном побережье Атлантического океана вырос город Сантандер, центр судостроения и порт, связывающий внутреннюю Испанию с северной Европой. Такие южные города, как Кадис и Севилья, успешно развивались благодаря торговле и кораблестроению. Особенно активно судостроение начинает развиваться после принятия Изабеллой навигационного акта в 1500 году, по которому кастильские товары можно было перевозить только на кастильских кораблях. Кроме того, для стимулирования развития торгового флота государство выдавало субсидии для строительства кораблей свыше 600 тонн. Продолжала процветать Барселона, которая была важнейшим торговым центром Европы еще со Средних веков.

Также росту экономики способствовали усилия государства по строительству новых и ремонту старых дорог, создание почтовой системы, создание гильдии перевозчиков, которым давался привилегированный статус на испанских дорогах и разрешалось не платить местные налоги.

Концентрация власти и материальных ресурсов в руках испанских королей, а также растущая конкуренция с другими усиливающимися в тот период государствами Европы способствовали тому, что Изабелла согласилась на реализацию достаточно спорной на тот момент идеи генуэзского мореплавателя Христофора Колумба. Для поисков нового пути в Индию была снаряжена экспедиция в западном направлении. В 1492 году корабли Колумба пересекли Атлантику, открыли Новый Свет и положили начало расширению заморских территорий Испании, которые впоследствии принесли огромные богатства и сделали Испанию на некоторое время самым могущественным государством Европы.

Очень важные изменения в этот период происходили в социально-религиозной сфере испанского общества. Продолжительная борьба с мусульманами за земли Пиренейского полуострова способствовала развитию у испанского населения религиозного фанатизма. По мере того как у мавров отвоевывались земли, возрастало неприятие испанцами нехристианских народов. При Изабелле и Фердинанде усиливается роль инквизиции, появившейся в Испании в XIII веке. В 1478 году папа Сикст IV своей буллой дал право испанским королям назначать инквизиторов. Руководствуясь стремлением укрепить религиозное единство страны и – в определенной степени – желанием увеличить государственные доходы,

католические короли в 1492 году после взятия Гранады выпускают Альгамбрский эдикт. Это был первый эдикт, в соответствии с которым с территории Испании изгонялся целый народ, – евреям, которые до 31 июля 1492 года не примут христианство, было приказано покинуть испанское королевство. Впоследствии та же участь ожидала и мусульман, причем репрессиям со стороны власти и инквизиции подвергались как те, кто отказывались принять христианство, так и те, кто перешли в христианство. Десятки тысяч евреев и мусульман покинули Испанию, тысячи были сожжены на кострах.

Данная политика по отношению к религиозным меньшинствам имела очень тяжелые экономические последствия. Изгнав евреев, страна практически полностью лишилась сословия торговцев и финансистов, королевство покинули в огромном количестве ремесленники, врачи, юристы. Изгнание мусульман и морисков (мусульман, перешедших в христианство) привело к сокращению высококвалифицированной рабочей силы в сельском хозяйстве, так как именно мусульмане развивали и умели поддерживать ирригационное земледелие Испании. Однако негативные последствия этой политики скажутся несколько позже – во второй половине XVI века, Изабелла же и Фердинанд наслаждались краткосрочными выгодами (например, ростом доходов казны за счет конфискованного у нехристиан имущества) до конца своего правления.

После смерти Изабеллы (1504) и Фердинанда (1516) единственным наследником и Кастилии, и Арагона являлся их внук Карл Габсбург (сын Хуаны Безумной – дочери Фердинанда и Изабеллы и Филиппа Габсбурга – сына императора Священной Римской империи германской нации). После того как Карл, во-первых, получил по линии матери в наследство Испанию (Кастилию и Арагон) с колониями в Новом Свете и Южную Италию, завоеванную еще Фердинандом; во-вторых, по линии отца унаследовал обширные владения Габсбургов в Европе, включая Бургундию и один из самых богатых регионов Европы – Нидерланды; и, в-третьих, был избран в 1519 году императором Священной Римской империи, Испания оказалась частью огромной империи, охватывавшей большую часть Западной Европы и земли Нового Света.

Родившийся и получивший воспитание в Бургундских Нидерландах, говоривший на шести европейских языках⁵ и ставший монархом

⁵ Историки приписывают Карлу V следующую фразу: «С Богом я говорю по-испански, с женщинами – по-итальянски, с мужчинами – по-французски, а со своей лошастью – по-немецки». Источник: *Burke P. Languages and communities in early modern Europe. Cambridge, 2004. P. 28; Holzberger W. G. The letters of George Santayana. Cambridge, Massachusetts, 2001. P. 299.*

столь огромной империи, Карл V (I – в Испании) ставил перед собой исключительно амбициозные общеевропейские цели. Главной опасностью для Европы он считал экспансионистскую политику Османской империи, которая в этот период находилась на пике своего расцвета. Правление Сулеймана Великолепного (1520–1566) являлось «золотым» веком Турции. Для противостояния усиливающемуся влиянию исламской империи Карл считал необходимым объединение христианской Европы на основе католицизма под властью одного монарха.

Однако выполнению поставленной задачи мешали два противника: во-первых, Франция, которая также претендовала на роль лидера в Европе и для укрепления своих позиций пошла на союз с мусульманской Турцией против империи Габсбургов; и, во-вторых, протестанты, чья деятельность вела к религиозному расколу христианской Европы (с 1517 года в Европе идет процесс реформации церкви). Для ведения войн с этими врагами и реализации поставленных целей Карлу требовалось всё более значительное количество материальных и людских ресурсов. Для этого была задействована вся огромная империя: немецкие и итальянские банкиры финансировали военные кампании императора, большие налоговые поступления шли из Нидерландов, итальянские инженеры и фламандские картографы вносили свой весомый вклад в общее дело, немецкие солдаты были существенным источником людских ресурсов⁶. Однако важнейшую роль в попытках Карла создать единую Европу выполняла именно Испания, где со времен окончания реконквисты оставались сильная армия и мощный флот, куда стекались богатства из Нового Света и которая являлась главным оплотом католицизма.

Получив кастильский и арагонские престолы, Карл сразу же начал требовать от кортесов достаточно крупные суммы денег. Однако этот факт вызвал возмущение практически всех социальных групп Испании. Кроме того, недовольству способствовало то, что с Карлом в Испанию приехало большое количество его фламандских советников, которые вели себя крайне неуважительно даже по отношению к самым знатным испанцам, что, однако, не помешало недавно избранному королю назначать их на самые важные и ответственные посты в государстве. Всё это вместе, а также случившиеся в это время неурожай и эпидемии привели к одному из крупнейших в истории Европы восстанию (1520–1522), которое получило название *Восстание комунерос*. Переманив на свою сторону испанское дворянство, Карлу с большим трудом удалось его подавить. Результаты этих событий были крайне негативны для всего испанского общества. Стремясь предотвратить такого рода события в дальнейшем,

⁶ Кеймен Г. Испания: дорога к империи. М., 2007. С. 36, 73, 111, 137, 668.

Карл ограничил полномочия кортесов и, главное, он запретил дворянам появляться на собраниях кортесов, что подорвало влияние этого сословно-представительного органа и его возможность ограничивать власть монарха. Таким образом, основными последствиями были: снижение политического и экономического влияния городов (позже это стало одной из причин их упадка), усиление зависимости дворян от монарха и усиление абсолютистской власти короля, что позволило последнему практически беспрепятственно использовать ресурсы Испании для реализации своих имперских целей.

Испанское дворянство становится основой высшего и среднего командного состава армии императора. После окончания Реконквисты испанские дворяне не имели никакого желания, да и возможностей встраиваться в мирную жизнь. Практически все формы экономической деятельности: ремесло, торговля, финансы, управление поместьем – ассоциировались у испанцев с иноверцами, что в ситуации, когда идея «чистоты крови» получила широкое распространение из-за деления общества на «старых» и «новых» христиан, делало все эти виды деятельности практически неприемлемыми для дворян Испании.

Стоит отметить, что дворяне составляли достаточно большую долю в испанском обществе. По переписи населения 1591 года в Кастилии дворяне составляли примерно 10 %, в то время как во Франции в этот период дворянство составляло примерно 1–2 % населения⁷. Причем испанское дворянство было сильно стратифицировано. В связи с тем что в Испании была широко распространена система майората, при которой титул и все земли переходили старшему сыну без права каким-либо образом отчуждать это имущество или его часть, земля и, соответственно, доходы от нее концентрировались в руках небольшого количества дворян, носивших звание грандов. Оставшаяся многочисленная часть дворянства делилась на кабальеро, представлявших в основном городское дворянство, и идальго, представлявших сельскую и наиболее бедную часть испанского дворянства. Кабальеро и идальго даже в случае владения землей крайне редко занимались ведением хозяйства. Из-за презрительного отношения к любым видам хозяйственной деятельности в Испании не сложился слой, аналогичный английским *джентри*, занимающийся управлением своих имений и живущий за счет прибыли, полученной от этой деятельности. Таким образом, основная часть дворянства для получения средств к существованию выбирала между карьерой в армии, службой при дворе или в церкви. Испания постепенно превращалась в страну солдат и монахов.

⁷ История Испании. Т. 1. С древнейших времен до конца XVII века. М., 2012. С. 495.

Помимо использования испанского дворянства в качестве основы своей армии, большое значение для Карла имел испанский флот. Удобное географическое расположение Испании, позволяющее иметь выходы и в Средиземное море, и в Атлантический океан, обилие удобных портов и гаваней, грамотная политика католических королей, направленная на развитие судостроения, способствовали тому, что Испания в XVI веке стала главной морской державой в Европе. Флот имел огромное значение как для торговых целей, особенно в свете растущей торговли с колониями, так и для военных целей. Но особую роль он приобретает в результате продолжения завоеваний в Новом Свете и необходимости транспортировки захваченных там богатств.

Именно в период правления Карла V (I) происходят основные завоевания на Американском континенте, способствующие притоку благородных металлов в Европу. Впервые значительные богатства были захвачены при завоевании государства ацтеков Фернаном Кортесом в 1519–1521 годах. В 1532–1535 годах под предводительством Франсиско Писарро испанцы завоевывают империю инков, в результате чего из Америки вывозится более шести тонн золота. Но наиболее важным событием было открытие серебряных рудников Потоси (современная Боливия) в 1545 году, дававших более половины мировой добычи серебра, и Сакатекаса в Мексике в 1546 году, которые до XVIII века оставались важнейшими финансовыми источниками Испании. По официальным данным, с начала XVI по середину XVII века из Америки в Испанию было ввезено более 181 т золота и более 16 000 т серебра⁸. Пятая часть от ввозимых богатств доставалась короне, остальное в основном тратилось на предметы роскоши, чаще всего – на товары иностранного производства, что вело к оттоку денег из страны, так как стимулы для инвестирования внутри страны практически отсутствовали.

⁸ История Испании. Т. 1. С. 528.

Приток золота в Испанию, XVI – XVII вв.

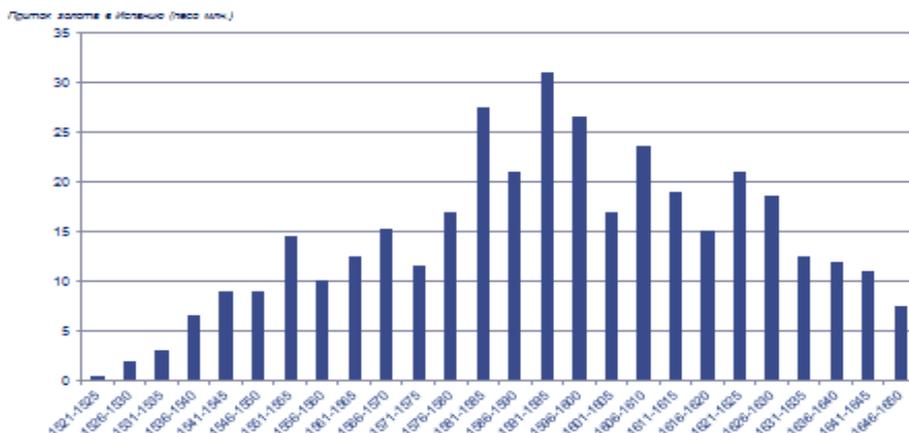

Рис. 1. Объемы притока золота в Испанию в XVI – XVII веках (в млн песо).

Источник: Расчеты по: Fiscal crisis and the decline of Spain (Castile) // The Journal of Economic History. 1982. Vol. 42. P. 142.

Таким образом, Испания и ее владения оказались важнейшим источником материальных и людских ресурсов для императора. Но, к глубокому разочарованию Карла, даже при использовании всех предоставленных в его распоряжение колоссальных ресурсов, ему так и не удалось реализовать свою мечту – победить религиозную разобщенность Европы. В борьбе с Францией Карлу сопутствовал успех: после ряда крупных побед над армией Франциска I, среди которых особенно стоит выделить битву при Павии (1525), он получает контроль над Италией. С Турцией войны шли с переменным успехом, но расширение Османской империи в Европе удавалось сдерживать. Что же касается борьбы с протестантами, то, несмотря на ряд военных побед, Карл осознает невозможность искоренения протестантской ереси и объединения Европы на основе католицизма. Это приводит к подписанию Аугсбургского мира в 1555 году, по которому лютеранство признается официальной религией.

И в 1556 году уставший, больной, отчаявшийся император, понимая бесперспективность дальнейшей борьбы, принимает решение устранившись от дел и уйти в монастырь. Надеясь, что его сын Филипп продолжит политику отца – сдерживание Турции, расширение империи и укрепление католицизма, Карл отдает ему Испанию со всеми зависимыми землями в Италии, в Новом Свете и в Азии, а также Нидерланды, являющиеся в тот

момент самым богатым регионом Европы. Фамильные земли Габсбургов в Германии Карл отдает своему брату Фердинанду, который в 1558 году избирается императором Священной Римской империи.

Каковы же были главные итоги правления Карла V (I) для Испании? С одной стороны, испанцы и, прежде всего, кастильцы, осознали себя основой, центром огромной империи, что способствовало мощному пассионарному подъему. В этот период утверждаются идеи о величии Испании и испанцев, об их великой религиозной миссии по распространению истинной веры (католицизма), о богоизбранности испанского народа. Так, например, историки того времени всё больше подчеркивают в своих работах несравненные достоинства испанцев с древнейших времен, а в трудах Фернандеса де Овьедо, вышедших в 1530–1550-е годы, право Испании владеть Новым светом объясняется именно богоизбранностью испанцев⁹.

С другой стороны, в период правления Карла V (I) в экономике страны происходят структурные изменения, которые в период правления его сына Филиппа II во второй половине XVI века приведут к негативным последствиям. Основные изменения были следствием вовлечения новых регионов в политическую и экономическую жизнь Испании. Во-первых, открытие Нового Света означало для Испании перемещение экономической активности из северных районов, где были развиты металлургическая, суконная промышленность, судостроение, в южные города, куда прибывали корабли из Нового Света, груженные благородными металлами. Главными сферами экономической деятельности здесь становится торговля и финансы, причем торговлей и финансами занимались в основном иностранцы, так как тех товаров, которые производили испанские предприниматели, было недостаточно для удовлетворения быстро растущего спроса, и, кроме того, испанцы, как уже отмечалось, относились ко всем видам деятельности, кроме карьеры воина и служителя церкви, с гордым презрением.

Во-вторых, из-за открытия новых земель начинается отток людей в Америку, что негативно сказывается на демографической ситуации Испании, население которой в тот период было вдвое меньше, чем во Франции.

В-третьих, начинается приток благородных металлов. Последствия этого события были наиболее значимыми. *«Революция цен»* вследствие увеличения денег в экономике, была общим явлением для стран Западной Европы. Однако, так как золото и серебро поступали через испанские порты, то рост цен в Испании оказался намного сильнее, чем в других стра-

⁹ История Испании. Т. 1. С. 536.

нах, что вело к снижению конкурентоспособности испанских товаров по сравнению с иностранными. И, как следствие, увеличивался приток импортных, относительно дешевых товаров в страну, что вело к разорению местных производителей. Кроме того, попытки властей удержать цены на социально значимые товары, прежде всего – на зерно, вели к сокращению посевов и росту зависимости от иностранных поставок.

Помимо Нового Света, на экономику Испании негативно влиял тот факт, что в империю входили экономически более развитые страны – Италия и Нидерланды, чьи товары были более конкурентоспособны, чем испанские. И так как в рамках империи не проводилась политика протекционизма по отношению к испанским товарам, это угнетающе действовало на испанскую экономику, особенно экономику северных регионов и Арагона, который оказался практически изолированным от участия в торговле с Новым Светом.

И последнее, что стоит отметить, – это увеличение налогов, вызванное ростом расходов на непрекращающиеся войны, которое также тормозило экономическое развитие. Еще в средние века в Кастилии был введен налог *алькабала* для финансирования реконкисты. Данный налог взимался с актов купли-продажи и всех видов обмена, дарения, наследования. Первоначально этот налог взимался в размере 5 %, но по мере усиления королевской власти и процессов централизации на Пиренейском полуострове налог распространился на все подвластные королю территории и увеличился до 10 %, что не могло не сказываться на экономическом развитии самым отрицательным образом.

Итак, Филипп II становится королем Испании в тот период, когда страна находится на пике своего могущества и негативные тенденции в экономике еще не успели проявиться в полной мере. Хотя наиболее дальновидные государственные деятели уже тогда начинали замечать надвигающиеся проблемы.

Так, в самом начале правления Филиппа II в 1558 году финансовый чиновник из Бургоса Луис Ортис написал королю письмо, где предложил провести ряд реформ, дабы избежать грядущего упадка. Он предлагал остановить утечку денег из страны, сократить долги казны, ввести запрет на экспорт сырья (прежде всего – шерсти) и импорт готовой продукции, реформировать систему ярмарок для более равномерного вовлечения регионов в экономическую жизнь страны, реформировать налоги, упразднить внутренние таможи, реформировать систему образования для изменения отношения испанцев к проблеме «чистоты крови» и физическому труду,

поощрять увеличение населения страны и т. д.¹⁰ Однако крайне малая часть из его предложений была реализована.

В определенной степени игнорирование столь разумных, даже с современной точки зрения, предложений можно было объяснить тем, что главной целью Филиппа II оставалось продолжение имперской политики его отца. Несмотря на то что Филипп родился, воспитывался в Испании, говорил только на испанском языке и, в отличие от своего отца, основную часть жизни провел именно в Испании, основной своей задачей он видел упрочение и расширение доставшейся ему империи на основе католицизма. А для этого необходимо было продолжать воевать с главными внешнеполитическими соперниками: Османской империей и Францией – и бороться за чистоту религии внутри своей империи как с морисками, которых подозревали в неискреннем принятии христианства, так и с протестантами, которых считали еретиками. Таким образом, Филипп II прежде всего видел себя монархом всей империи и лишь во вторую очередь – испанским королем.

Весь период правления Филиппа II можно разделить на две части. Первый – с 1556 по 1580 год, когда он успешно громил своих врагов и испанская армия считалась самой сильной в Европе. В этот период Филипп пытается усовершенствовать систему управления империей, а для этого прежде всего необходимо было усилить централизацию самой Испании. Дело в том, что Испания еще не являлась единым государством, и, более того, официально еще не существовало титула «король Испании». На Пиренейском полуострове Филипп был королем Кастилии, куда, помимо Кастилии, входили Леон, Галисия, Андалусия, Наварра, Канарские острова, Сеута и др. земли, и королем Арагона, куда входили Валенсия и Каталония. Многие из этих территорий были разделены таможенными границами, имели свои кортесы, имели собственные привилегии (фуэросы), основывающиеся на древних традициях. Всё это создавало трудности для сбора налогов и рекрутирования солдат в армию. Поэтому Филипп начинает с создания единого центра для управления монархией. Этот центр он создает в Мадриде, вблизи которого в 1563–1586 годах был построен королевский замок-резиденция Эскориал. С этого момента Мадрид становится столицей испанской империи. Для каждого региона в Мадриде создаются Верховные советы, состоявшие из чиновников, хорошо знакомых с местными традициями. Помимо территориальных Советов, существовали и продолжали развиваться функциональные советы: Военный совет, Финансовый совет, Совет по делам инквизиции и др.

¹⁰ История Испании. Т. 1. С. 510.

Для управления монархией Филипп старался привлекать ученых и правоведов с университетским образованием и минимизировать участие в управлении высшего испанского дворянства (грандов), предоставляя им должности подальше от королевского двора.

Боясь оказаться в зависимости от кого-либо из своих приближенных (от этого его неоднократно и в письмах, и устно предостерегал отец), Филипп сам участвовал практически во всех делах страны. Вся информация со всех концов империи стекалась к монарху, который единолично принимал решения почти по всем вопросам. В 1567 году был издан новый, более унифицированный и упорядоченный свод законов.

Филиппу удалось создать достаточно эффективную для того времени систему управления. Однако эта система могла работать для пользы государства только при таком монархе, как Филипп II, – исключительно работоспособном, готовом работать далеко за полночь, нести ответственность за решение всех вопросов в государстве, обладающим достаточно скромными личными потребностями и умеющим жестко пресекать использование чиновниками служебного положения для личного обогащения и наказывать тех, кто пренебрегал своими обязанностями.

Будучи очень религиозным человеком, Филипп II чувствовал себя ответственным перед Богом за спасение душ своих подданных. Он с воодушевлением принял решения Тридентского собора¹¹ 1564 года об обновлении церкви. Для реализации этих решений он провел реформу католической церкви на «вверенных ему Богом» землях и усилил инквизицию для борьбы с еретиками, причем иногда даже лично присутствовал на аутодафе¹². Для предотвращения распространения в Испании еретических идей король запрещает студентам обучаться в университетах других стран, ужесточает цензуру, в 1559 году вводится список запрещенных книг, изолируя, таким образом, Испанию от общеевропейских культурных процессов.

В рамках борьбы с неверными в 1560-е годы Филипп ведет успешные войны с берберами, а внутри страны усиливает притеснения морисков (мусульман перешедших в христианство). В 1568 году мориски поднимают восстание, после жестокого подавления которого многие из них были проданы в рабство, а оставшиеся изгнаны из страны.

¹¹ XIX Вселенский собор католической церкви, открывшийся в 1545 году в Тренте (или Триденте) и закрывшийся в 1563 году. Он собрался для того, чтобы дать ответ движению Реформации. Считается отправной точкой Контрреформации.

¹² В Испании, Португалии и их колониях торжественное объявление приговора инквизиционного суда, сопровождавшееся в большинстве случаев возвращением покаявшихся еретиков в лоно церкви или их наказанием, в том числе «казнью без пролития крови» (часто это было сожжение осужденных на костре).

Во внешней политике этот период правления для испанского монарха был достаточно успешным. Победа над Францией в 1557 году укрепила испанское влияние в Италии. А религиозные войны, начавшиеся во Франции, на определенный период избавили испанцев от одного из главных соперников. Продолжая политику отца, Филипп II ведет войны с Турцией, и в 1571 году, руководимый испанцами объединенный флот христианских государств в битве при Лепанто разгромил турецкий флот, считавшийся до этого непобедимым, что позволило остановить турецкую экспансию.

Успешно происходило в этот период и расширение империи. Прежде всего этот процесс шел за счет вновь открытых территорий или же открытых ранее, но осваиваемых в данный период. Особое значение в этот период для испанской монархии получили Филиппинские острова и их столица – Манила. Филиппины стали главной торговой и военной базой Испании в Тихом океане. Из Манилы, отвоеванной у местного мусульманского населения в начале 1570-х годов, испанцы организовали первое в истории регулярное сообщение из Азии в Мексику и в Европу. Первый рейс Манила–Акапулько был совершен в 1573 году. Манила становится центром мировой торговли. Сообщение через Тихий океан обеспечивали так называемые манильские галеоны. На этих кораблях, чье водоизмещение достигало двух тысяч тонн, перевозилось золото, жемчуг, сапфиры из Сиамы, а также шелк, фарфор, слоновая кость, сандаловое дерево, мускус, корица, гвоздика, перец и многие другие богатства азиатского региона.

В 1580 году расширение испанской империи происходит за счет присоединения Португалии со всеми ее колониями. В 1578 году в крестовом походе в Северной Африке погиб, не оставив детей, португальский король Себастьян I. Среди претендентов на престол местное дворянство и купечество поддержало Филиппа II, который являлся внуком португальского короля Мануэла I. Дворянство надеялось на успешную карьеру при дворе могущественного монарха и новые привилегии, а купцы рассчитывали на беспощадную торговлю с испанскими землями и ее колониями. В результате этого объединения появилась огромная империя, «над которой никогда не заходило солнце».

Однако успехи первого периода правления Филиппа II были омрачены событиями, начавшимися в Нидерландах. Нидерланды были самым экономически развитым регионом империи Филиппа II. Доходы, получаемые монархом в виде налогов из Нидерландов, временами даже превышали доходы из Нового Света. Но Филиппу, который вел постоянные войны, денег катастрофически не хватало, что вело к постоянному росту налогов по всей империи, в том числе – и в Нидерландах. Помимо увели-

чения налогового бремени, в Нидерландах усиливаются гонения на протестантов. Испанский монарх для борьбы с еретиками увеличивает количество епископов в этих землях и расширяет полномочия инквизиции. Всё это вызывает недовольство всех социальных слоев населения Нидерландов, и в 1566 году начинается восстание.

На его подавление Филипп II посылает войска под руководством одного из своих самых доверенных советников – герцога Альбы, который развязывает страшный террор, вводит испанский налог – алькабалу – и упраздняет ряд местных привилегий горожан и дворянства для усиления централизации страны. Действия герцога Альбы приводят к жесткому открытому противостоянию, и в 1579 году семь северных провинций подписывают Утрехтскую унию и объявляют о создании независимого государства.

С 1581 года можно говорить о начале второго периода в правлении Филиппа II, когда начинается постепенный закат испанской империи. В 1581 году Генеральные штаты северных нидерландских провинций опубликовали Акт о клятвенном отречении, в котором было объявлено, что Филипп II больше не является их королем.

Но особенно неприятным для Филиппа было то, что в 1585 году Англия, ранее тайно поддерживающая Нидерланды, перестала бояться Испании и открыто выступила на их стороне. С этого момента у испанской империи появился новый грозный соперник, который всё более явно ставил под сомнения права Испании на Новый Свет.

Для того чтобы укрепить свою монополию в торговле с американскими колониями, а также наказать Елизавету, королеву Англии, за казнь поддерживаемой Испанией Марии Стюарт и поддержать английских католиков, Филипп II в 1588 году направил к английским берегам огромный флот – Непобедимую армаду.

Однако этот поход закончился для Испании страшным поражением, которое стало для испанцев серьезным национальным унижением. Помимо психологической травмы, поражение Непобедимой армады и потеря большого количества кораблей привели к еще более значительному ухудшению финансовой и экономической ситуации в стране. И главное – это поражение окончательно поставило крест на попытках вернуть северные Нидерланды под власть испанского короля.

Несмотря на то что испанцы в северных Нидерландах терпят поражение, среди их врагов в Нидерландах и в Англии в этот период формируется так называемая «черная легенда». Появляются памфлеты и статьи, в которых испанцы предстают как высокомерные фанатики, душители народов, не желающие заниматься созидательным трудом, а способные только захватывать чужие земли и жить за их счет. Под воздействием

этой легенды в мировой литературе сформировалось устойчивое негативное отношение к испанской империи и особенно – к Филиппу II как к «самому жестокому и фанатичному гонителю свободолюбивых народов»¹³.

Таким образом, второй период правления Филиппа – с 1581 года до его смерти в 1598 году – был временем, когда экономические проблемы проявили себя в полной мере, что отразилось в значительном снижении уровня благосостояния основной массы населения и, соответственно, в снижении налоговых поступлений. Это, в свою очередь, стало одной из причин политических поражений и развенчания мифа о непобедимости испанской армии, что еще больше усугубило экономические и финансовые проблемы страны. Долг страны вырос с около 30 млн золотых дукатов в 1563 году до более 140 млн золотых дукатов в самом начале XVII века, причем долг возрос даже несмотря на то, что Филипп II трижды отказывался возвращать взятые им кредиты, объявляя дефолт в 1557, 1575 и 1596 годах. Таким образом, в конце XVI века Испания, будучи одной из самых богатых стран (ВВП на душу населения больше был только в Нидерландах и Италии¹⁴), вступает в период застоя и упадка, который продлился до XIX века.

В XVII веке становится заметным отставание Испании от ведущих регионов того периода, в первую очередь – от Англии. Сравнение с Англией представляется особенно интересным, так как в период XV–XVI веков у этих двух стран было много общего. Прежде всего стоит отметить, что Испания и Англия в XV веке представляли собой периферийные, относительно отсталые страны с низкой степенью урбанизации по сравнению с регионами так называемой *лотарингской оси* – городами Нидерландов, северной Германии и Италии. В обеих странах во второй половине XV века формируются централизованные государства. В XVI веке в обоих государствах наблюдается заметный рост населения. Овцеводство и там, и там являлось важнейшей отраслью национальной экономики: шерсть шла на экспорт из этих стран во Фландрию и Флоренцию, что стимулировало в обеих странах развитие процесса огораживания и вытеснения крестьян из аграрного сектора. Оба государства относительно рано и успешно развивали собственное кораблестроение. Однако в XVI веке траектория развития этих стран начинает расходиться.

¹³ *Костер Ш.* Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке, об их доблестных, забавных и достославных деяниях во Фландрии и других краях, *Шиллер Ф.* Дон Карлос, *Манн Г.* Юность и зрелость короля Генриха IV и др.

¹⁴ *Álvarez-Nogal C., Prados de la Escosura L.* The decline of Spain (1500–1850): conjunctural estimates // *European Review of Economic History.* 2007. No. 11. P. 319.

Основные различия, способствовавшие тому, что Англия станет в конце XVIII века родиной промышленной революции, а Испания превратится в отсталую аграрную страну, изложены в нижеприведенной *таблице 1*.

Таблица 1. Сравнительная характеристика Испании и Англии.

ИСПАНИЯ	АНГЛИЯ
Реконкиста и ряд других факторов привели к тому, что презириались все виды деятельности, кроме карьеры воина и священника	После самоуничтожения высшей аристократии в Войне Алой и Белой розы сформировался определенный слой дворянства – <i>джентри</i> , готовый заниматься хозяйственной деятельностью для получения прибыли
Изгнание экономически активных меньшинств – евреев и морисков	Толерантное отношение к беженцам из Испании, Нидерландов, Франции
Огромные ресурсы под контролем католической церкви	Секуляризация церковных земель при Генрихе VIII стала базой для развития рынка земли
Большой приток золота и серебра приводит к самой высокой инфляции в Европе	Относительно низкая инфляция во время «революции цен»
Существование внутренних таможен препятствовало развитию рыночных отношений внутри страны	Отсутствие внутренних таможен и наличие обширной речной сети способствуют развитию внутреннего рынка
Главная отрасль экономики – овцеводство – было объединено в монополию (Места)	Владельцы пастбищ конкурировали друг с другом
Короли, имеющие территории за пределами Испании, были озабочены династическими и религиозными войнами	После поражения в Столетней войне с Францией короли стали «всего лишь» королями Англии
Изменения в обществе под влиянием деятельности инквизиции	Изменения в обществе под влиянием реформации

ЧАСТЬ II

**На пути индустриализации:
экономическое развитие стран–лидеров
в начале Нового времени**

ГЛАВА 4

Голландия: первая страна современного экономического роста*

В древние времена Нидерланды, или Нижние земли, были крайне слабо заселены. Земли получили название Нижние, или Низинные, так как находились в низовьях важнейших рек Северной Европы: Шельды, Мааса, Рейна. Большую часть территории составляли болотистые равнины, среди них – песчаные возвышенности, дюны и пустоши. Важнейшей особенностью данной территории является ее расположение по отношению к морю: более четверти территории находится ниже уровня моря и более половины расположено всего лишь примерно на 1 м выше уровня моря. Поэтому народы, заселявшие данную территорию, должны были постоянно вести борьбу с морем за землю.

В I тысячелетии в этот регион приходят кельты, затем появляются поселения фризов и других германских племен. В древнеримский период данные территории остаются слабозаселенными и являются буферной зоной (после завоевания Галлии) между Римской империей и германскими племенами.

После падения Рима Низинные земли становятся частью Франкского государства. Как и в других франкских землях, здесь появляются *аллоды*, то есть постепенно формируется частная собственность на землю. Однако – отчасти из-за сурового по европейским меркам климата и менее плодородных земель, а отчасти из-за слабой романизации – феодализм в этом регионе развивался гораздо медленнее и был менее ярко выражен по сравнению с другими регионами. В Низинных землях большинство крестьян оставались свободными. Достаточно рано, уже в IX веке, крестьяне начали платить рентные платежи деньгами, а не продуктами своей хозяйственной деятельности. Это стало возможным, так как через Северную Европу, и в частности через Нижние земли, проходил один из важнейших торговых маршрутов, и, соответственно, крестьяне активно вовлекались в торговлю зерном, мясом, кожей, рыбой, солью, древесиной и проч. Особенно активно в торговле участвовали фризы (слова «фриз» и «торговец» в тот период были практически синонимами).

В период ослабления центральной власти и усиления центробежных сил после смерти Карла Великого Нижние земли становятся постоянным

* Автор: *Наталья Анатольевна Розинская* – кандидат экономических наук, доцент экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

предметом спора между Западным Франкским королевством (будущая Франция) и Восточнофранкским королевством, позднее превратившимся в Священную Римскую империю германской нации. Южная часть Нижних земель – Фландрия – оказывается в зоне влияния Франции, северные земли, формально являясь частью Священной Римской империи, оставались независимыми. Земли Нидерландов было крайне труднодоступны для завоевания из-за огромного количества заводей, заливов, озер, островов, притоков рек.

Кроме того, из-за особенностей рельефа и постоянной угрозы наводнений жителям Низинных земель приходилось сооружать дамбы, плотины, каналы, дренажные системы, а также постоянно их поддерживать в рабочем состоянии. Это способствовало, во-первых, взаимозависимости и усилению чувства сплоченности и солидарности членов местных коммун, во-вторых, способствовало развитию инженерных способностей и навыков у крестьян. В-третьих, новые земли получали статус личной собственности не местных графов, а крестьян, так как последние, проводя работы по осушению, создавая дренажные системы и отвоевывая земли у моря, действовали по своей собственной инициативе. И, таким образом, в Нидерландах появлялась форма собственности, которая крайне мало была распространена в тот период в Западной Европе, где к этому времени действовал принцип «нет земли без сеньора».

Также стоит отметить: особенности географического положения активно способствовали развитию *торговли*. С одной стороны, то, что земля была не очень плодородной, вынуждало импортировать зерно, а крестьян заниматься животноводством и другими видами деятельности: промыслами, ремеслом, торговлей; с другой стороны, как уже отмечалось, через данный регион проходили торговые пути, что существенно облегчало возможность крестьян участвовать в межрегиональной торговле.

Все вышеизложенные факторы – относительная политическая независимость, наличие земельной собственности у крестьян, их активное участие в строительстве гидротехнических сооружений, развитие ремесла и торговли, более развитое, чем в других регионах, чувство солидарности – способствовали раннему появлению городов и их быстрому росту. К концу средних веков это был один из самых густонаселенных и урбанизированных регионов Европы.

Некоторые города сформировались как торговые центры еще во времена Римской империи, некоторые появляются уже в Средние века. Такие важнейшие порты, как Амстердам и Роттердам, возникают на дамбах, сооруженных в устьях рек в XIII веке. Важнейшее значение для развития и роста городов имели *привилегии*. Привилегии могли быть самые

разные: разрешение на чеканку денег для герцога или короля, разрешение на добычу полезных ископаемых, разрешение на устройство ярмарок, на беспошлинную торговлю или, наоборот, на взимание пошлин за проезд по определенной территории и т. д. Особенно важной была привилегия, которая давала право городу на самоуправление. В XIII веке многие города Нижних земель получают право на самоуправление, что позволяет им меньше платить налогов и в некоторой степени повышает стабильность социально-экономической системы города, делая его независимым от прихотей местных баронов. Многие города северных Нидерландов входили в Ганзейский союз и занимали лидирующие позиции в Балтийской торговле. Некоторые города специализировались на производстве сукна (Лейден, Дордрехт) или судостроения (Хорн, Роттердам, Амстердам) и превращались в настоящие индустриальные центры с большим количеством мануфактур и умением очень эффективно использовать энергию ветра. Ветряные мельницы жители Нидерландов были вынуждены использовать, так как реки по равнинной местности Низинных земель текли медленно, и это затрудняло использование энергии воды. Приходилось прибегать к помощи энергии ветра. Деревянные мельницы с лопастями из реек и парусины до сих пор остаются визитной карточкой Голландии.

По мере своего развития и роста богатства городов усиливалось их влияние. Горожане становились всё более серьезной политической силой. Им удавалось проводить политику, с одной стороны, защищающую их от произвола местных дворян, а с другой – от конкуренции со стороны крестьян. Горожане успешно боролись с возникновением новых промыслов в деревнях и с крестьянской торговлей ремесленными изделиями в городах. Дворянству трудно было противостоять городам, так как оно не обладало той экономической силой и политической властью, как дворянство других регионов, с более плодородной почвой. Примером расстановки сил в Нидерландах может служить битва, где дворянская конница потерпела от городского ополчения сокрушительное поражение. Также города усиливались за счет поддержки императоров, которые видели в них союзников в своей борьбе против крупных землевладельцев. Таким образом, города становятся мощнейшим местом притяжения, и уже в начале XVI века в городах была сконцентрирована значительная часть населения.

Особенно динамично в Средние века развивались города Южных Нидерландов – Антверпен, Гент, Брюгге. Именно в этот регион перемещается деловая активность из средневековых торговых центров Франции, прежде всего из графства Шампань, известного своими ярмарками.

Это перемещение было вызвано рядом причин. Во-первых, был открыт морской путь из Средиземного моря через Атлантику в растущие порты Северной Европы (Фландрия, Англия) и Нидерланды оказывались очень удобно расположенным местом с точки зрения торговли со всей Европой. Во-вторых, как уже отмечалось, Южные Нидерланды имели достаточно высокую плотность населения и степень урбанизации, что означало более высокий спрос на различные товары. Кроме того, торговцы ехали во Фландрию не только продавать, но и покупать, так как в этот период бурно развивалась фламандская промышленность, прежде всего текстильная и судостроение. Также перемещению торговых центров способствовали более стабильная политическая ситуация и налоговая политика властей, поощрявшая деловую активность. Как результат развития товарно-денежных отношений и торговой активности в Брюгге в конце XIV – начале XV века появляется первая в мире регулярная *товарная биржа*.

Последующая история Нидерландов оказалась следствием ряда монархических браков. Брак дочери католических королей Испании Фердинанда и Изабеллы с сыном императора Священной Римской империи и ряд других династических событий приводят к тому, что с начала XVI века Нидерланды и Испания оказались под властью одного монарха. С этого времени отмечают еще более высокие темпы экономического роста нидерландских провинций. Объяснялось это тем, что, будучи частью империи Габсбургов, в которую теперь входила и Испания, нидерландские купцы имели серьезные привилегии в торговле в недавно появившихся испанских владениях за океаном, что делало их более конкурентоспособными по сравнению с итальянскими, английскими, французскими и другими торговцами. Сами испанцы торговле и финансам предпочитали служение в армии и в церкви, поэтому они с удовольствием пользовались услугами нидерландских купцов, финансистов и промышленников.

Испания закупала у Нидерландов корабли, мебель, строительные материалы, продукцию суконной промышленности, продукцию сельского хозяйства и рыболовства. Вылов сельди был одной из важнейших отраслей Нидерландов, которая приносила огромные прибыли от продажи сельди по всей Европе.

Помимо того что Испания была отличным рынком сбыта для нидерландских товаров, так как поступающие из-за океана золото и серебро создавали высокий платежеспособный спрос в этой стране, Испания также была важным источником сырья для суконной промышленности Нидерландов. Потребность нидерландской суконной промышленности в

шерсти была достаточно велика, и в этот период она покрывалась за счет поставок из Англии и Испании.

Наиболее экономически успешным среди городов Южных Нидерландов был Антверпен. В значительной степени это объяснялось его географическим положением. Многие города Нидерландов расположены в устьях рек, но практически везде их устье было расчлененным, то есть состояло из нескольких более мелких речек. В районе же Антверпена дельта реки Шельды оставалась нерасчлененной и была достаточно глубокой для прохождения крупных судов. Из-за обмеления судоходных рек в Брюгге торговцы переносят свою деятельность в Антверпен, где в середине XV века появляется собственная биржа.

В 1548 году, за 8 лет до отречения, Карл V – император Священной Римской империи – предоставил семнадцати нидерландским провинциям статус независимых как от Священной Римской империи, так и от Франции. Это не была полная независимость, но это позволило обеспечить достаточную автономию. Однако уже в 1555 году испанский трон Карла унаследовал его сын Филипп II. Набожный католик, Филипп был потрясен успехом Реформации в Нидерландах. Его попытки навязать католицизм совместно с усилением налоговых обложений привели к восстанию в 1566 году.

Войну за независимость Нидерландов от Испании часто называют Восьмидесятилетней войной (1568–1648). Тем не менее только первые пятьдесят лет (с 1568 по 1618 год) это была однозначно война между Испанией и Нидерландами. В течение последних тридцати лет (1618–1648) данный конфликт стал частью общей европейской войны, которая известна как Тридцатилетняя война.

Семь мятежных провинций Нидерландов в конечном итоге были объединены в Утрехте в 1579 году. Так была создана Республика Соединенных провинций, которую часто называют просто Голландией, так как провинция Голландия являлась одной из самых влиятельных и богатых. Акт об отречении короля был подписан 26 июля 1581 года и был формальным провозглашением независимости северных регионов от Испании. Южные Нидерланды, заключившие сепаратный союз с испанской армией и подписавшие в 1579 году (за 17 дней до Утрехтской унии) Аррасскую унию, оставались под властью Испании. Отдельные города (Гент, Брюссель, Антверпен) некоторое время еще продолжали сопротивление, но постепенно один за другим они были разгромлены. Последним перед испанскими войсками капитулировал Антверпен, что означало поражение освободительной войны в Южных Нидерландах.

Поражение в войне было одной из причин экономического упадка Фландрии и Брабанта. Многие города были разрушены, огромное количество жителей этих регионов вынуждено было бежать от религиозных преследований и ужасов войны. Большинство этих людей вместе со своими деньгами, знаниями и торговыми связями эмигрировало в Голландию и особенно много – в Амстердам, что явилось мощным драйвером для развития Северных Нидерландов. Помимо оттока высокопрофессионального населения, важнейшей причиной экономического упадка Антверпена было перекрытие устья реки Шельды, из-за чего Антверпен больше не мог принимать торговые корабли, как раньше. Антверпен перестал существовать как крупный торговый порт. Устье реки было перекрыто голландцами якобы в отместку за сдачу города испанцам, однако сложно исключить версию, что это было сделано для устранения самого главного конкурента Амстердама.

Золотой век Голландии

Во время Восьмидесятилетней войны и особенно после разгрома Антверпена Голландия стала самым важным торговым центром Северной Европы, а впоследствии – и всего мира. Можно выделить несколько причин мирового экономического лидерства Голландии в тот период: технологические инновации (лесопилки, новый тип судов), институциональные инновации (транснациональная акционерная компания, фондовая биржа, амстердамский банк как прообраз центрального банка, и др.), существующий в тот момент высокий уровень солидарности в обществе и главное – наличие социального слоя, готового рисковать, много работать и нести самостоятельно ответственность за себя и свою семью.

Изобретение *лесопильных заводов* создало возможность строительства массового флота для ведения торговли по всему миру и для защиты экономических интересов республики военным путем. Был создан новый тип судов – «*флейта*», которые были гораздо более маневренными и могли двигаться с большей скоростью, чем испанские корабли. Голландский флот в первой половине XVII века насчитывал почти столько же кораблей, сколько было у всех остальных европейских стран.

В 1600 году для заморских предприятий создается шесть Ост-Индских компаний. Однако достаточно быстро становится понятно, что «один в поле не воин», что для противостояния испанским, португальским и английским конкурентам необходимо объединять силы, и в 1602 году была создана *голландская Ост-Индская компания* (ГОК). Это была первая

в истории многонациональная корпорация, финансируемая акциями. Это стало крупнейшим коммерческим предприятием в мире в XVII веке.

Главными новациями в создании ГОК было то, что подписаться на акции мог любой гражданин провинций, не было максимальных ограничений по вложенному в акции капиталу, главным документом компании был реестр акционеров. В первый же год компании удалось собрать 6,45 млн гульденов, в то время как английская Ост-Индская компания, созданная в 1600 году и проводившая закрытую подписку среди ограниченного количества участников, смогла собрать только 820 тыс. гульденов.

Коммерческий успех пришел не сразу, так как сначала необходимо было инвестировать значительные суммы в создание торговых факторий в заокеанских землях, в строительство заводов для производства селитры, текстиля и других товаров для обмена их на пряности. Прибыль от торговли первое время была небольшая, гораздо больше дохода приносило разграбление кораблей конкурентов. Это позволяло регулярно выплачивать дивиденды вкладчикам, что способствовало росту акций компании. В 1610 году в Европу впервые был привезен чай с Цейлона, и с этого периода торговля ГОК развивалась исключительно быстрыми темпами. К 1669 году ГОК становится самой богатой частной компанией, которая когда-либо существовала. Голландцы успешно вытесняют португальцев с Молуккских островов, создают фактории на мысе Доброй Надежды, в Персии, Бенгалии, Малакке (ныне – в составе Малайзии), Китае, Сиаме (ныне – Таиланд), Формозе (ныне – Тайвань) и других местах. Акции компании росли в среднем примерно на 10 % в год, а дивиденды доходили до 18% годовых. В 1621 году была создана *Вест-Индская компания*, которая получила монопольное право торговли с Америкой и Западной Африкой.

Для финансирования роста торговли и упорядочивания денежного обращения в 1609 году был создан *Банк Амстердама*. В Европе в тот период уже существовали подобного рода расчетные банки в Генуе, Венеции, Барселоне. Однако, в отличие от южно-европейских банков, чья основная цель была избежать кризиса ликвидности, для амстердамского банка главной задачей было снизить транзакционные издержки торговых операций, связанных с хаосом в денежной системе.

В Европе в тот период чеканилось огромное количество монет – только в Амстердаме было около 40 монетных дворов. Кроме того, серьезную проблему для торговцев представляли порченые монеты, чей вес был преднамеренно уменьшен для получения прибыли от большего выпуска монет из того же количества драгоценного металла. Монетные дворы были заинтересованы в выпуске неполноценных денег, и поэтому все

попытки амстердамских властей бороться с этим злом ни к чему не приводили. Главной целью создания амстердамского банка было решение этой проблемы.

Купцам предлагалось класть деньги в любой валюте на депозитные счета амстердамского банка. За это им открывался счет на вложенную сумму, но в расчетных деньгах банка (счетной единицей были флорины, они же – гульденy) по определенному курсу. Эти деньги купцы могли использовать в своих торговых операциях. Так как банк получил монопольное право на проведение операций с векселями на сумму выше 600 гульденов, то практически все серьезные торговцы вынуждены были открывать там счета. Количество купцов, открывших счет, доходило до 2900 человек. Это позволило банку стать важным клиринговым центром: большинство операций владельцев счетов в банке проводилось по безналичному расчету, путем взаимозачетов. Удержание курса банковских денег на определенном уровне осуществлялось с помощью регулярных интервенций, проводимых Банком Амстердама.

Помимо расчетной и депозитной функции банк осуществлял учет векселей и выдавал кредиты. Официально кредиты выдавались только под залог драгоценных металлов (не акций), что позволяло банку держать процентную ставку на достаточно низком уровне. Кроме того, система стопроцентного резервирования вселяла уверенность вкладчиков банка в его надежности, что обеспечивало стабильный курс банковских денег, а это, в свою очередь, способствовало бурному росту торговли.

Еще в 1561 году была создана *Амстердамская товарная биржа*. В 1578 году биржевые маклеры объединяются в гильдию, с 1592 года, когда деловая активность после разгрома Антверпена усилилась, собрания на бирже становятся регулярными. И с 1608 года Амстердамская биржа, переехав в новое здание, начинает работать в полную силу. В этот период на бирже проводятся товарные, валютные сделки и – с появлением акций Ост-Индской и Вест-индской компаний – сделки с ценными бумагами, то есть начинает формироваться *фондовый рынок*. Так как проведенные сделки с акциями регистрировались в реестре акционеров не чаще чем раз в месяц, ценные бумаги начинают приобретать с поставкой в будущем, то есть идет формирование рынка *фьючерсных контрактов* (первых деривативов). Кроме того, купцы начинают выдавать кредиты под залог акций, акции, соответственно, становится возможным покупать в кредит. Это ведет к взаимопроникновению фондового и кредитного рынков, то есть к формированию полноценного рынка одного из важнейших для капиталистической экономики факторов производства – капитала.

Как это обычно бывает, развитие финансового рынка сопровождается возникновением финансовых «пузырей». В Голландии первая *финансовая пирамида* имела место в 1634–1637 годах и была вызвана бурным ростом цен на тюльпаны. На пике бума цена луковицы тюльпана могла равняться цене хорошего дома. Спекуляции захлестнули огромную часть населения страны. Крушение пирамиды привело к большому количеству банкротств, но в целом не сильно отразилось на экономике страны – в этот период Голландия еще находилась на подъеме.

Помимо рынка капитала, в Голландии достаточно динамично происходило становление рынка и других факторов производства. Уже с середины XVI века можно говорить о наступлении новой эры в аграрном секторе Нидерландов. Однако стоит отметить, что регионы, составляющие Нижние земли, отличались большим разнообразием и по уровню экономического развития, и с институциональной точки зрения (права собственности на землю и степень свободы крестьян), и, кроме того, наблюдались значительные отраслевые различия. В определенной степени это являлось результатом значительной децентрализации в управлении: существовало огромное количество местных правил и законов, и к унификации прибегали только в том случае, если к этому принуждали обстоятельства.

Так, в некоторых провинциях сельское хозяйство оставалось на достаточно примитивном уровне. В Гендерланде и в Дренте в XVI веке еще существовали феодальные порядки: сеньюральные права землевладельцев, крепостная зависимость крестьян, крестьянские земли находились в общинной собственности, денежное хозяйство было развито слабо. Производившееся здесь зерно в основном потреблялось внутри провинций, на продажу выращивали лен, также занимались коневодством и свиноводством для продажи сала в Голландию. Одной из самых бедных провинций оставался Оверэйсел. Несмотря на то что здесь основная часть крестьян была свободной и владела землей, ее положение было весьма жалким, так как доходы от ведения хозяйства здесь были относительно низкими.

В экономически более развитых регионах – Зеландии, Голландии, Утрехте, Фрисландии и др. – вторая половина XVI – XVII века были периодом бурного развития сельского хозяйства. Крестьяне в основной массе здесь были свободными и владели землей на праве частной собственности. Удовлетворяя быстро растущий в этот период спрос городского населения, крестьяне активно занимаются разведением крупного рогатого скота, что было основой для маслоделия и производства сыра. Уже тогда появляются известные и сейчас сорта сыра, такие как эдам-

ский, гаудский, тминный, кантский и др. Производство сыра, будучи в технологическом отношении гораздо сложнее других видов сельскохозяйственной деятельности, являлось одним из важнейших источников дохода в аграрном секторе.

Кроме крупного рогатого скота, сельские жители занимаются овцеводством для поставок шерсти на текстильные мануфактуры и свиноводством, продукты которого играли важную роль в рационе моряков. Помимо животноводства, достаточно доходной отраслью было коневодство: фризские и утрехтские породы лошадей очень высоко ценились, что значительно обогащало жителей этих провинций.

Еще в Средние века в Голландии начинает развиваться овощное и цветочное хозяйство. Своего расцвета эти отрасли достигают в XVII веке. Особенно бурно развивается цветочное хозяйство и, в частности, разведение луковичных, что отразилось даже на развитии финансового рынка, спровоцировав первую известную в истории финансовую пирамиду – уже упоминавшуюся *тюльпаноманию*.

Что касается выращивания зерновых культур, то нигде, кроме Зеландии, которая являлась главной хлебопроизводящей республикой Нидерландов, эта отрасль не являлась преобладающей. Зато активно разводились технические растения: марена, лен, конопля, рапс. Выращивание рапса заложило основы маслостроительной промышленности, наряду со сливочным маслом рапсовое стало важным источником дохода сельских жителей.

Помимо внутренних причин роста сельского хозяйства, таких как рост и развитие городов, развитие денежных отношений, рост торговли, развитие специализации регионов, существовало два общеевропейских события, которые способствовали высокоинтенсивному развитию сельского хозяйства и экономики Республики Соединенных провинций в целом.

Первое – это *Реформация*. Как и в других странах, в частности в Англии, Реформация в Нидерландах способствовала переходу большого количества земли из монастырской собственности в частную, что увеличивало рост зажиточных земельных собственников, производящих продукцию на рынок. И второе событие – *«революция цен»*. На этом стоит остановиться чуть подробнее.

Открытие рудников драгоценных металлов (прежде всего серебра) в Южной Америке способствовало тому, что в течение XVI века приток американского золота в Европу увеличился более чем в два раза, а приток серебра – больше чем в три раза. Это вело к общему повышению цен в Европе. Однако цены повышались неравномерно. Самый высокий уровень инфляции наблюдался в Испании, где цены увеличились в 4,5 раза, что

серьезно подрывало конкурентоспособность испанских товаров на европейском рынке и особенно – по сравнению с голландскими товарами, рост цен на которые был гораздо меньше, чем в Испании. А так как Испания еще со времен Карла V была важнейшим рынком сбыта для нидерландских товаров, то голландцы активно использовали свои ценовые конкурентные преимущества. Кроме того, приток золота и серебра в Европу способствовал концентрации богатства и первоначальных капиталов для создания крупных предприятий как в промышленности, так и в сельском хозяйстве.

Таким образом, можно сказать, что в Республике Соединенных провинций в этот период совершается *аграрный переворот*. Под аграрным переворотом понимается комплекс институциональных, технологических и социальных изменений в аграрном секторе. Прежде всего речь идет о формировании четких прав собственности на землю (институциональный аспект). Условная или феодальная форма собственности, при которой права собственности распределены между различными субъектами, как минимум двумя – крестьянином, который обрабатывает землю и распоряжается частью дохода, и землевладельцем, который имеет право на часть дохода и право (возможно ограниченное) распоряжаться землей, – трансформируется в частную собственность. Для последней характерно соединение прав владения, распоряжения и использования у одного субъекта. Важным следствием этого является формирование рынка земли.

Вторым признаком аграрного переворота являются технологические изменения в процессе хозяйствования: переход от трехполья к плодосменному севообороту и соединение растениеводства (земледелия) с животноводством.

Институциональные и технологические изменения способствуют значительному росту производительности труда в аграрном секторе и, как следствие, высвобождению трудовых ресурсов, то есть в сельском хозяйстве образуется излишек рабочей силы. Крестьяне вынуждены покидать села и перебираться в города. Чаще всего это были младшие сыновья в больших семьях. Это ведет к социальным переменам в обществе, так как сельские жители, перебирающиеся в города, начинают формировать там рынок рабочей силы.

В различных странах аграрный переворот имел свои специфические особенности. В Голландии, где был очень высокий для XVI–XVII веков уровень урбанизации (Амстердам в 1637 году насчитывал 145 тыс. жителей, Гауда в 1540 году – 6 тыс., Энкхейзен в 1600 году – около 30 тыс., Лейден в 1622 году – почти 45 тыс., Гарлем в 1622 году – почти 40 тыс.

горожан¹), сельское население оказалось в сильной экономической зависимости от городов. Сельские жители уходили в моряки, поденщики, грузчики, рыбаки, обслуживая интересы торговли и флота. Этому также способствовала уже упоминавшаяся политика, проводимая городами по отношению к деревне, ограничивающая развитие там ремесла и промыслов. «При Карле V и позднее, при республике, деревня в этом отношении оказалась отданной на полный произвол городов. Крестьянам не только запрещали заниматься известными ремеслами, но даже продавать масло, зерно и дрова»². Всё это способствовало тому, что уже в начале XVI века бо́льшая часть крестьян превращается в наемных рабочих. Часть из них перемещается в города, часть остается в деревне в качестве наемных работников. Спецификой развития капитализма в Голландии является то, что эта страна избежала проблемы перенаселения в аграрном секторе. Это объяснялось тем, что в быстро растущих городах в этот период активно создавались рабочие места, причем, так как зарплата была относительно высокой, в Голландию приезжали мигранты из бедных соседних немецких земель. «В течение XVII века усилился приток рабочих в Голландию из Вестфалии и Нижней Саксонии; численность их достигала ежегодно нескольких тысяч человек. Работа в Голландии постепенно стала для них важнейшим источником пропитания, на который всегда можно было рассчитывать»³.

Таким образом, в XVII веке в Голландии уже существовали достаточно развитые рынки факторов производства: земли, труда и капитала. Можно сказать, что Голландия была в шаге от промышленной революции, однако она не смогла этот шаг сделать первой. В огромной степени это было связано с тем, что торговля и финансы были гораздо более прибыльными отраслями, чем промышленность, интересы торговцев преобладали над интересами промышленников.

В Средние века промышленность в Нидерландах была организована, как и в других западноевропейских странах, в форме *цехового строя*. Одной из главных целей цеховой организации, предполагающей жесткую и подробную регламентацию процесса производства, было стремление избежать конкуренции в данной отрасли и при этом сохранить качество товаров. Кроме того, цеховая система обеспечивала социальную защищенность ее членов. Историки, исследующие социально-экономическую систему Нидерландов XVI века, утверждают, что в тот период в голланд-

¹ Бааш Э. История экономического развития Голландии в XVI–XVIII веках. М., 2013. С. 48.

² Там же. С. 68.

³ Там же. С. 73.

ских городах существовало общество всеобщего благосостояния, то есть существовали институты, обеспечивающие систему социальной защиты: цеховые организации осуществляли регулярные выплаты своим членам в случае продолжительной болезни, травмы, потери трудоспособности, природных бедствий, вдовам, если муж был членом цеха и т. д. Например, Марко ван Леувен в статье «Гильдии и благосостояние среднего класса, 1550–1800...» описывает жизнь одного жителя Амстердама, который, несмотря на все перипетии судьбы – болезни, пожар в доме, банкротство в бизнесе и проч., имел достойный уровень жизни, так как поддерживался материально цеховой организацией, к которой он принадлежал⁴. Таким образом, цеховая система, с одной стороны, обеспечивала определенный уровень благосостояния, предотвращала расслоение общества и, следовательно, социальную напряженность, но, с другой стороны, цеховая система являлась институтом, препятствующим техническому прогрессу и развитию экономики в целом.

Однако с середины XVI века цеховая система начинает разрушаться. Прежде всего, это происходит под влиянием двух факторов. Во-первых, появление новых отраслей (винокурение, сахарная и табачная промышленность – когда в страну начали завозиться колониальный сахар и табак, а также фаянсовая промышленность, бумажная и др.). Некоторые из этих отраслей функционируют в рамках свободного рынка, некоторые создают гильдии. Но эти новые гильдии уже сильно отличаются от средневековых и степенью своего влияния на жизнь в городе и, главное, они предполагают больше внутренней конкуренции между членами одного цеха.

Во-вторых, цеховая система приходит в упадок из-за мигрантов. В связи с военными действиями и испанским террором в Южных Нидерландах в Амстердам, Лейден, Гарлем, Гауду и другие города Северных Нидерландов переезжают в большом количестве торговцы и ремесленники, преимущественно из среднезажиточных и богатых слоев населения. Они привозят с собой знания, профессиональный опыт и деньги. Местные власти и население встречают их доброжелательно, и это не только из-за человеколюбия или чувства солидарности со своими единоверцами, но и из-за экономических соображений. Достаточно быстро становится понятно, что если вновь прибывшим разрешить заниматься ремеслом и торговлей, то это даст мощный толчок развитию экономики и росту доходов за счет налогообложения Республики Соединенных провинций, так как регионы, из которых они переселялись – Фландрия и Брабант, были достаточно вы-

⁴ *Van Leeuwen M. H. D. Guilds and middle-class welfare, 1550–1800: provisions for burial, sickness, old age, and widowhood // Economic History Review. 2012. Vol. 65. Issue 1. P. 61–90.*

сокоразвитыми. Особенно от эмиграции выиграл Амстердам, куда после разгрома Антверпена стали стекаться хозяйствующие субъекты Европы: не только южные нидерландцы, но также евреи, итальянцы, португальцы и др.

Иммигранты способствовали появлению в Северных Нидерландах совершенно новых отраслей промышленности и, кроме того, обогатили старые отрасли лучшими средствами производства и новыми методами работы. В ряде отраслей это привело к полному перевороту в производстве⁵.

В текстильной промышленности был налажен выпуск новых видов тканей, стали применяться сукновалки, новые красильные вещества, которые произвели переворот в технике крашения. Улучшилась прессовка и лощение тканей, так как для этих операций стали использовать машины. Правда, машины эти еще были примитивными и приводились в движение либо людьми, либо лошадьми. В Гарлеме фламандцами были устроены мануфактуры по отбеливанию пряжи и холста, производству батиста, салфеток, кружев, тесьмы, бархата и т. д. В Лейдене и Роттердаме возникли фабрики по производству плюша, шелка, полульняных тканей (бомбазина). Все эти новые отрасли не были организованы в цеха, как старая суконная промышленность, и, соответственно, пользовались гораздо большей свободой, разрушая цеховую систему в целом.

Если в тех регионах, где мигранты проживали раньше, они могли совершенствовать свое ремесло, то здесь они могли вести дела с более широким размахом, так как за счет роста торговли значительно расширился рынок сбыта. Это способствовало появлению в Голландии первых относительно крупных предприятий не только в торговле, но и в промышленности, прежде всего – в новых отраслях суконной промышленности, где в этот период уже начинают использоваться машины. Фабрика по производству кружев в самом начале XVIII века насчитывала более 600 ленточных ткацких станков. Рабочие ткацкой фабрики в Амстердаме в 1682 году работали на 110 станках. В Утрехте шелковая фабрика насчитывала 500 рабочих. В Амстердаме на шелковой фабрике применяли первые шелкокрутильные машины. Важно отметить, что в Европе хлопчатобумажная промышленность появляется именно в Голландии. В 1678 году в Амстердаме была устроена первая в Европе ситценабивная фабрика.

Из вышесказанного видно, что Голландия в начале XVIII века была на пороге промышленной революции: уже были сформированы рынки факторов производства, существовало относительно большое количество

⁵ Бааш Э. Указ. соч. С. 145.

крупных предприятий, использовались машины. Однако пальма первенства в этом вопросе была отдана Англии, так как с XVIII века в голландской промышленности начинается упадок.

Причины упадка голландской промышленности

Причины упадка голландской промышленности достаточно подробно проанализированы в мировой историко-экономической литературе. Все авторы, исследовавшие этот вопрос, подчеркивают, что существовал целый комплекс проблем, приведший к негативным тенденциям. Среди факторов, способствовавших упадку, стоит разделять причины деградации экономики и причины, по которым в Голландии не произошел промышленный переворот в XVIII веке. Начнем с первого комплекса причин.

В качестве одной из главных причин упадка голландской промышленности называется противоречие между торговыми и промышленными интересами предпринимателей. На начальном этапе развития нидерландской торговли доля товаров собственного производства была достаточно высокой. Это была продукция сельского хозяйства, прежде всего – сыры, рыболовства – сельдь, продукция судостроения, строительные материалы и главное – продукция суконной промышленности. Но по мере развития торговли, в том числе – и из-за открытия новых земель, новых товаров и перемещения торговых путей на Атлантику, доля транзитных товаров в голландской торговле значительно выросла, и именно торговля колониальными товарами становилась всё более прибыльной. Это вело к тому, что торговые интересы начали преобладать над промышленными. Данное явление выражалось в том, что, когда соседние страны начали проводить политику меркантилизма и осуществлять меры по поддержке собственной промышленности, Голландия встала перед непростым выбором. Предпринимателям нужно было решить: вводить ли ответные меры, то есть увеличивать пошлины на ввозимые иностранные товары, что привело бы к росту цен, либо смириться с возрастающей конкуренцией, продолжать следовать принципу свободной торговли и делать прибыль на транзитной торговле, используя положение Голландии как места, где можно купить самые дешевые товары со всего мира.

Последний тип политики возобладал, так как особенностью голландского государства со временем стало полное подчинение государственной политики именно торговым интересам. Даже во время войн, когда, казалось бы, под угрозой была независимость страны, торговцы продолжали торговать с воюющими странами. «Могущественный бурго-

мистр [Андриес] Биккер до заключения мира в Мюнстере (1648) оказывал поддержку испанскому королю в Средиземном море, он снабжал Дюнкерк и Остенде вооружением и заключил с другими единомышленниками консорциум, который ставил себе целью добывать деньги для оплаты испанских войск в Южных Нидерландах. В 1625 году бургомистр [Адриан] Паув был обвинен в снабжении неприятеля маслом и сыром. Во время войны за испанское наследство самые именитые амстердамские купцы энергично занимались снабжением Франции зерном...»⁶.

Ирония ситуации заключалась в том, что торговля, которая сделала Голландию мировым экономическим лидером, становится в изменившейся ситуации XVIII века одной из важнейших причин упадка голландской промышленности и смещения Голландии другими странами с первых позиций. В XVIII веке голландская торговля и судоходство остаются еще на достаточно стабильно высоком уровне, но Голландия больше не является монополистом в этих областях: растущая английская и французская конкуренция становятся всё более заметными. Особенно остро голландцы почувствовали конкуренцию в области судостроения. Английская и французская политика протекционизма способствовала бурному развитию судостроительной отрасли в этих странах. Английские и французские корабли начинают вытеснять голландские и в качестве торговых, и в качестве военных.

Также потере конкурентоспособности способствовали рост заработных плат и общее повышение уровня жизни голландцев, что, естественно, увеличивало издержки и делало голландские товары более дорогими по сравнению с английскими, французскими и немецкими. Несмотря на то что Нидерланды оставались богатыми, стало гораздо труднее найти инвесторов для отечественных проектов. Голландцы предпочитали инвестировать в покупку земли для повышения социального статуса или вкладывались в иностранные облигации, что гарантировало пусть небольшой, но стабильный доход. Высший и средний классы, имеющие высокий уровень жизни, всё чаще выбирали жизнь рантье.

Если в XV–XVI веках нидерландские предприниматели готовы были рисковать, причем рисковать своими деньгами, в XVII веке еще брали на себя предпринимательские риски, но старались использовать чужие деньги, то есть работали всё больше не за прибыль, а за комиссионные, то уже в XVIII веке они предпочитали не рисковать вообще.

Еще одной проблемой, с которой столкнулась нидерландская промышленность, стала нехватка сырья. По мере того как Англия сама развивала собственную обработку шерсти под влиянием государственной

⁶ Бааш Э. Указ. соч. С. 42.

политики, запрещающей вывоз необработанной шерсти и увеличившей ввозные пошлины на готовую продукцию, голландские мануфактуры сталкивались с проблемой всё большей нехватки сырья и его подорожанием. Причем проблема существовала не только в суконной промышленности, но и в шелковой (шелк-сырец завозился из Лиона), судостроительной (своей древесины тоже было недостаточно) и др. Особенно сильно зависимость от иностранного сырья стала сказываться во второй половине XVIII века.

Дополнительные трудности для промышленности создавала политика властей. Центральной власти в Республике Соединенных провинций практически не существовало, провинции проводили самостоятельную экономическую и налоговую политику. Если в период экономического роста и фактического отсутствия конкурентов интересы различных городов удавалось сбалансировать, то в период обострения конкуренции с внешним миром политика властей различных провинций становилась всё менее согласованной и провинции часто ущемляли интересы друг друга. А так как Голландия вынуждена была участвовать в достаточно большом количестве войн, приходилось повышать налоги, что еще больше увеличивало стоимость голландских товаров. Кроме того, как уже отмечалось, города проводили достаточно эгоистическую политику по отношению к деревне, что также не способствовало удержанию конкурентных позиций.

Таким образом, рост издержек с одновременным ужесточением конкуренции вел к снижению доходности промышленности и к сокращению стимулов для инвестирования в нее. Выходом из данной ситуации могло бы стать повышение производительности труда за счет технических улучшений, то есть промышленный переворот, но по ряду причин этого не произошло.

К субъективным факторам можно отнести, с одной стороны, отсутствие социального слоя, нацеленного на развитие и заинтересованного в росте прибыли, несмотря на трудности и риски. Как уже отмечалось, голландцы к XVIII веку были достаточно богаты и предпочитали стабильную, спокойную жизнь предпринимательским треволнениям. С другой стороны, не было централизованной власти, которая могла бы мобилизовать ресурсы и определенной политикой оказать содействие инвестированию в развитие промышленности, как это было в странах, где в этот период сложились сильные централизованные государства (политика меркантилизма в Англии, кольтертизм во Франции, а позднее – протекционистская политика в Германии и США). Внедрение новых машин было достаточно затратным и сопряженным с большими рисками меро-

приятием, поэтому внедрение новых технологий в той ситуации было возможно, только если бы предприниматели были в определенной степени защищены протекционистской политикой государства.

К объективным факторам, затруднявшим технологические изменения в промышленности в тот период, можно отнести следующие: отсутствие достаточного количества каменного угля и железной руды, на которых и была основана индустриальная революция, а также недостаточно развитые научные традиции. Первые университеты в Северных Нидерландах начали появляться только в конце XVI века⁷. Жители Нидерландов были отличными практиками и были успешны там, где не нужно было иметь глубоких теоретических познаний. Но для промышленного переворота этого было недостаточно.

Итак, несмотря на то что в XVII и XVIII веках голландцы были, пожалуй, наиболее богатыми и продвинутыми из всех европейских наций, во второй половине XVIII века в голландской экономике начался застой. Нидерланды к концу XVIII века теряют свои позиции в качестве мирового экономического центра. «В конечном счете, Республика пала жертвой своего собственного успеха. Она допустила классическую ошибку успешных государств: слишком долго придерживалась старых рецептов успеха; всё больше сытость не позволяла видеть, что происходит у других. Между тем, эти другие находили новые пути, во многих областях обгоняя бывшего лидера, чтобы когда-нибудь покончить с его гегемонией»⁸.

Великая французская революция привела сначала к созданию про-французской Батавской Республики (1795–1806), а затем, после вторжения Наполеона, – к полной интеграции с наполеоновской империей (1806–1815). В 1815 году по решению Венского конгресса Северные и Южные Нидерланды были объединены в королевство Объединенных Нидерландов.

⁷ Шатохина-Мордвинцева Г. А. История Нидерландов. М., 2007. С. 159.

⁸ Мак Г. Нидерланды. Каприз истории. М., 2013. С. 85–86.

ГЛАВА 5

Генезис капитализма в Англии: роль институтов, благоприятных для развития рыночного хозяйства *

§ 1. Основные этапы становления рыночной экономики

1.1. Институциональные предпосылки рыночной экономики

Институциональные предпосылки рыночной экономики сложились далеко не сразу¹. Первоначальный очаг становления капитализма характеризовался медленным вызреванием необходимых предпосылок. В Западной Европе они складывались постепенно, начиная с XIV–XV веков. Рост производительных сил, углубление общественного разделения труда, укрепление городов как центров ремесла и торговли, превращение ренты продуктами в денежную ренту постепенно подготовили новый качественный этап в развитии феодализма. В ряде передовых стран, таких как Нидерланды и Англия, в сельском хозяйстве стали складываться рыночные отношения. До известных пределов эти и аналогичные им процессы были совместимы с экономической природой феодального строя. В то же время они создавали предпосылки для его разложения.

* Автор: *Рустем Махматович Нуреев* – доктор экономических наук, профессор, руководитель департамента экономической теории в Финансовом университете при Правительстве РФ, ординарный профессор НИУ – Высшая школа экономики.

¹ Следует оговориться, что вплоть до наших дней единого мнения о том, какие же факторы сыграли наиболее важную роль в возникновении «западноевропейского чуда», так и не сложилось. Обзор концепций по этой проблеме см.: *Фурсов А. И.* Европейская цивилизация и капитализм: культура и экономика в развитии общества. Обзор. М., 1991.

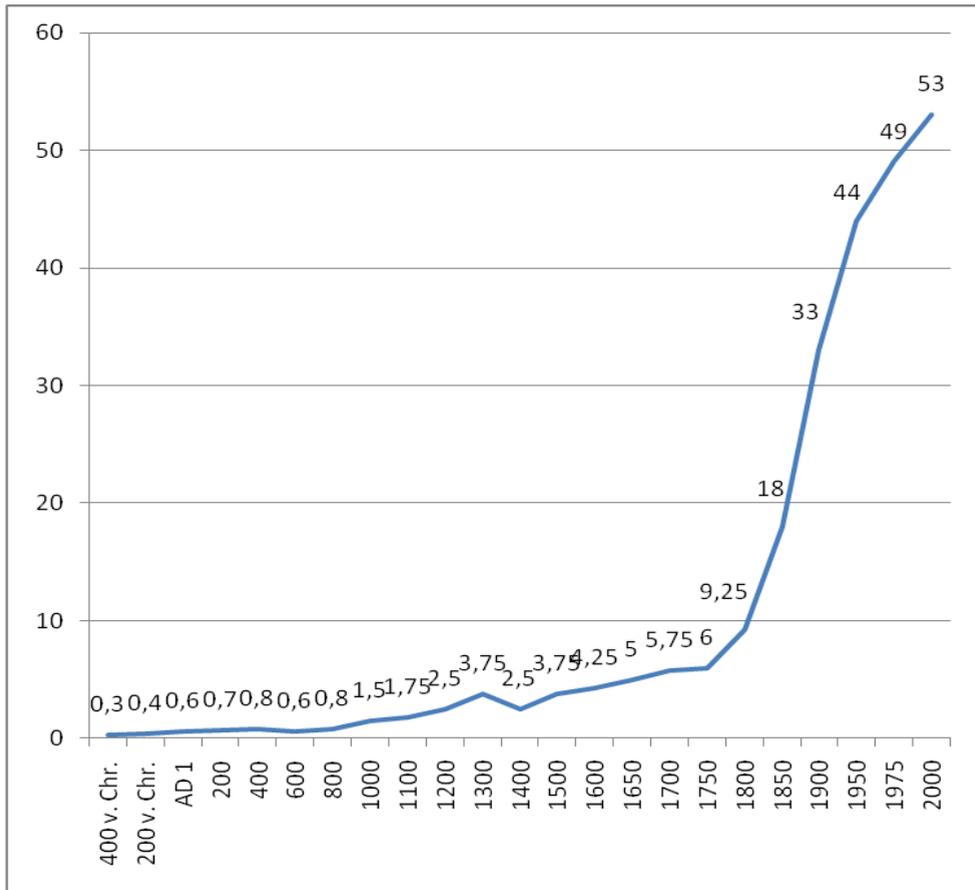

Рисунок 1. Рост населения в Англии и Уэльсе, 400 год до н. э. – 2000 год

Составлено по: McEvedy C., Jones R. Atlas of world population history. Harmondsworth, 1978.

Города в Западной Европе были особым элементом феодальной системы. Здесь внедрялись технические открытия и рождались первичные формы капиталистического предпринимательства, ликвидировалась безграмотность и расшатывались основы средневековой схоластики, развивалось самоуправление и утилизировалось римское право.

Остановимся на возникновении тех институтов, которые обеспечили источники роста – инновации в торговле, технологии и организации. Важную роль сыграла автономизация экономической жизни. Децентрализация власти и ответственности стали необходимыми условиями экспериментирования, позволили преодолеть сопротивление инновациям. Именно рост независимости экономических агентов создал предпосылки

для экономического роста. Сам же рост являлся в значительной мере продуктом непрерывных инноваций. Инновации осуществлялись через расширение торговли и открытие новых ресурсов, через сокращение издержек производства, через выпуск новых продуктов, через создание новых форм организаций и т. д. Эти инновации были бы невозможны без развития и укрепления частной собственности, которая позволила извлекать новаторам наибольшие доходы из их изобретений. Важно подчеркнуть разнообразие возникших организационных форм (типов и размеров фирм), а также разумное сочетание принципов иерархии и рынка.

Хотя технологические и институциональные изменения являются в конечном счете главными детерминантами социально-экономического развития, однако не они сами по себе дали первоначальный толчок изменениям. Первоначальный импульс был связан с расширением рынков в связи с ростом населения (см. *рис. 1*) и развитием внутренней и внешней торговли. Это привело к подъему купечества и устранению целого ряда феодальных ограничений личной свободы и частной собственности. Если сначала активность купечества росла параллельно с расцветом феодальной системы (XI–XIV века), то позднее именно она подрывала ее основы и развивалась уже в ущерб ей.

Увеличение населения Англии и Уэльса в начале Нового времени было подготовлено предшествующим развитием. Чтобы разобраться в причинах этого явления, остановимся на этом вопросе подробнее.

Таблица 1. Численность населения, уровень урбанизации и индекс развития

	Население				Урбанизация				Индекс развития			
	(1500=100)				(в %)				(1500=100)			
	1500	1600	1700	1800	1500	1600	1700	1800	1500	1600	1700	1800
Скандинавия	100	147	193	333	0,9	1,4	4	4,6	100	160	272	426
Англия и Уэльс	100	169	208	354	3,1	5,8	13,3	20,3	100	237	463	784
Шотландия	100	125	125	200	1,6	3	5,3	17,3	100	160	218	593
Ирландия	100	140	280	500	0	0	2,4	7	100	140	365	705
Нидерланды	100	158	200	221	15,8	24,3	33,6	28,8	100	371	645	546
Бельгия	100	114	143	207	21,1	18,8	23,9	18,9	100	57	213	152
Германия	100	133	125	204	3,2	4,1	4,8	5,5	100	156	165	262
Франция	100	116	116	165	4,2	5,9	9,2	8,8	100	159	241	280
Швейцария	100	154	185	262	1,5	2,5	3,3	3,7	100	179	230	317
Италия	100	125	127	170	12,4	15,1	13,2	14,6	100	193	147	225
Испания	100	119	110	154	6,1	11,4	9	11,1	100	252	183	279
Португалия	100	110	200	290	3	14,1	11,5	8,7	100	388	413	432
Австрия	100	123	131	226	1,7	2,1	3,9	5,2	100	133	186	314
Польша	100	137	112	172	0	0,4	0,5	2,5	100	146	125	235
Европа	100	127	132	199	5,6	7,6	9,2	10	100	177	222	309

Источник: De Vries J. European Urbanization, 1500–1800. Harvard, 1984. Цит. по: Van Zanden J. Early modern economic growth, Early Modern Capitalism: Economic and Social Change in Europe, 1400–1800, 2001. Vol. 21. P. 70.

1.2. Стремительный рост городского населения

В *таблице 1* показан стремительный рост населения в Европе с 1500 по 1800 годы. Если в среднем население Европы удвоилось, то в Англии, Уэльсе и Ирландии оно росло значительно более быстрыми темпами. Это связано с созданием предпосылок для развития рыночной экономики. Темпы роста населения в Нидерландах были несколько ниже, поскольку для этого региона и ранее был характерен высокий уровень урбанизации. Если в среднем процент урбанизации в Европе почти удвоился за этот период и в 1800 году достигал 10 %, то в Нидерландах в городах жил почти каждый третий, в Англии и Уэльсе – каждый пятый, в Шотландии – каждый шестой. Жан де Ври в работе «Европейская урбанизация 1500–1800 годов» предложил индекс развития, в котором объединил два показателя: рост населения и коэффициент урбанизации. При подсчете этого индекса автор полагал, что рост на 4 пункта в коэффициенте урбанизации равнозначен удвоению общего населения².

Таблица 2. Оценки развития ВВП на душу населения для шести европейских стран, 1500–1800 годы (Великобритания в 1820 году = 100)

	1380/ 1450	1500	1570	1650	1700	1750	1820
Великобритания	46	45-9*	45*	54*	68	81	100
Нидерланды	-	60(64)	60(64)	98	97	95	89
Бельгия	-	55(49)	65(57)	63	66	72	74
Италия	89	75-6*	62-6	71	71	62-6	62
Испания	-	-	55-61	49-62	50-6*	51-3	61
Польша	-	51-60	48-56	48-55	40-6*	34-7	46
Невзвешенное среднее	-	57-60	55-8	63-7	65-7	66-7	72
Коэффициент вариации	-	0,17**	0,14	0,25	0,625	0,29	0,26

Примечания: * Интраполированы.

** Без учета Испании.

Данные в скобках являются оригинальными оценками Блома, Бьюста и Ван дер Вии и Ван Занден.

Источник: De Vries J. Op. cit. Цит. по: Van Zanden J. Op. cit. P. 74.

В *таблице 2* показан межстрановой анализ роста ВВП в ряде европейских стран. Наиболее быстрыми темпами ВВП рос в Великобритании.

² De Vries J. European Urbanization, 1500–1800. Harvard, 1984.

Это позволило перегнать Нидерланды, Бельгию, Италию и Испанию, которые в XVI веке имели гораздо более высокий уровень ВВП на душу населения, чем Великобритания. Однако разрыв в это время между наиболее развитым регионом, которым к 1820 году стала Великобритания и другими европейскими странами (Швейцарией, Германией, Италией, Испанией), был сравнительно невелик. Уровень ВВП на душу населения этих стран составлял от 60 до 75 % от уровня Великобритании. Поэтому коэффициент вариации был невелик.

1.3. Народно-хозяйственный кругооборот при феодализме и его трансформация в процессе становления капитализма в Западной Европе

В эпоху развитого феодализма (Западная Европа XIII–XV веков) народно-хозяйственный кругооборот ограничивался товарообменом между городом и деревней (см.: *рис. 2*, основные потоки показаны сплошной линией, второстепенные – пунктирной линией). Деревня поставляла в город продовольствие, а город платил жившему в деревне феодалу налоги и поставлял ему ремесленные товары. Деревенское население удовлетворяло свои основные потребности в ремесленных товарах, главным образом, за счет сельского ремесла.

В период становления и развития капитализма (Западная Европа XVII–XIX веков) интенсифицируются не только эти связи. Всё большую роль начинают играть внешние рынки (см.: *рис. 3*). Они становятся важным источником сырья, продовольствия и, что более важно, источником капитала.

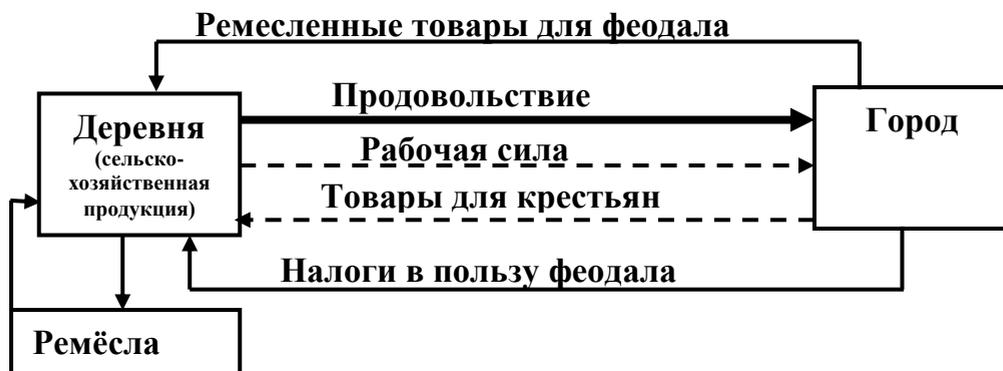

Рисунок 2. Народно-хозяйственный кругооборот в условиях развитого феодализма (Западная Европа, XIII–XV века)

Источник: Клеер Е. Анализ общественно-экономических структур стран третьего мира. М., 1968. С. 35.

Расширение торговли повышало относительную свободу экономических агентов, постепенно подрывало основы произвольного вмешательства властей, типичного для феодализма. Внешняя торговля оказалась более свободной от регулирования правительств в отличие от внутренней. В разрушении традиционной «зарегулированности» индивида определенную роль сыграли развитие пиратства и широкая практика контрабанды. Они развивались на границах феодальных империй, а столкновение интересов государств препятствовало установлению полного контроля над морской торговлей.

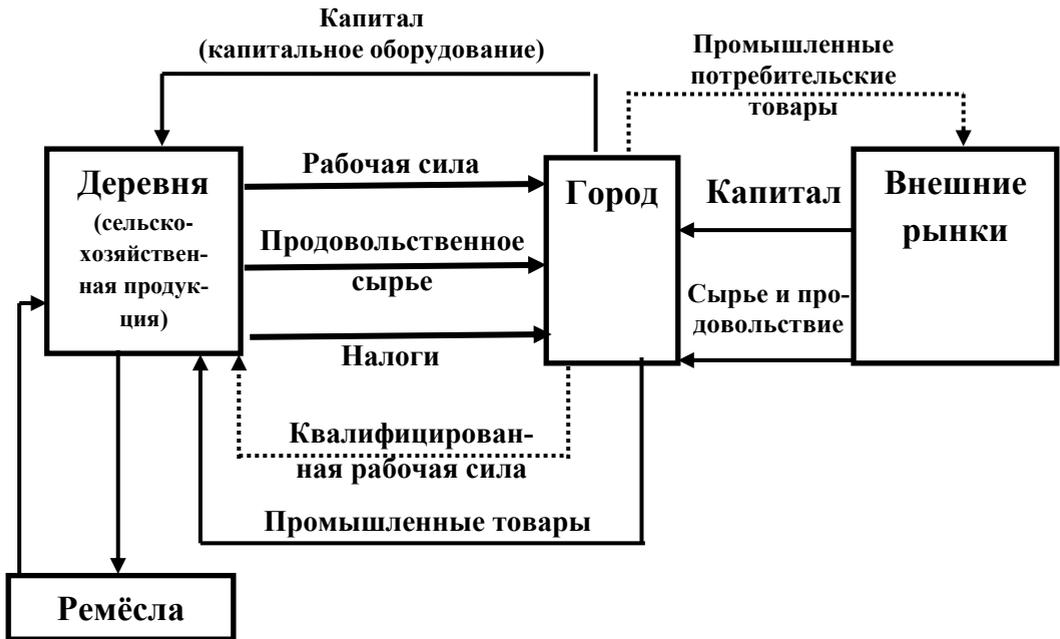

Рисунок 3. Народно-хозяйственный кругооборот в период становления и развития капитализма (Западная Европа XVII – XIX века)

Источник: Клеер Е. Указ соч. С. 37.

Именно в этот период создаются институты, благоприятные для развития коммерции³. Они были подготовлены, прежде всего, изменениями в системе права. В произведениях Джона Локка (1632–1704) были заложены основы правовых представлений теоретиков свободного общества, методологические предпосылки подхода к человеку как к освобожденному от

³ Подробнее см.: Розенберг Н., Бирдцелл Л. Е. мл. Как Запад стал богатым. Экономическое преобразование индустриального мира / Пер. с англ. Новосибирск, 1995. С. 120–149.

многочисленных личных связей, опутывавших его в эпоху Средневековья, как к экономическому индивиду, который позднее станет главным действующим лицом в произведениях Адама Смита и Давида Рикардо.

Так, для развития политической экономии важное значение имело обоснование частной собственности как неотъемлемого атрибута самого человека. Оно получило свое развитие в «Двух трактатах о государственном правлении» (1690). В этом произведении Локк исходит из того, что первоначально существовало естественное состояние людей, для которого была характерна общая собственность человечества на продукты, «и никто первоначально не имел частной собственности на что-либо из них, исключая остальную часть человечества». Благодаря своему труду люди приспособливают данное природой для удовлетворения своих потребностей. Но тем самым они делают продукт труда своей собственностью. Локк считает, что «именно труд создает различия стоимости всех вещей» и что «если мы будем правильно оценивать вещи, которые мы используем, и распределим, из чего складывается их стоимость, что в них непосредственно от природы и что от труда, то мы увидим, что в большинстве из них девяносто девять сотых следует отнести всецело на счет труда»⁴.

Обоснование принципов индивидуализма позволило Локку выдвинуть на первый план идею стихийной, свободной закономерности рынка, сформулировать зачатки теории спроса и предложения. В отличие от меркантилистов, апеллировавших к правительству, к государственному регулированию товарного и денежного обращения, Локк утверждает стихию рынка, рассматривает соотношение покупателей и продавцов как главную причину образования рыночной цены.

Широкий товарооборот создал систему прецедентов по поводу таких важных для торговли явлений как страховка, векселя, судовой фрахт, договоры о продаже, соглашения о товариществе, патентах и об арбитраже.

Постепенно формируются предприятия нового типа. Этому в немалой степени способствует *двойная запись в бухгалтерии*, которая из проверки ошибок превращается в механизм, закрепивший отделение трансакций предприятий от трансакций человека. Собственность предприятия начинает существовать отдельно от семейной собственности. Предприятие становится юридическим лицом. Оценка активов–пассивов, четкое определение баланса предприятия (прибылей и убытков) позволяют развить практику кредитования на основе оценки финансового положения фирмы и перспектив ее развития.

⁴ Локк Дж. Избранные философские произведения в двух томах. Т. II. М., 1960. С. 18, 19, 26.

Возникают экономические объединения, основанные не на родственных, а на чисто деловых связях. Первоначально такие предприятия организовывали бывшие военные и моряки, пользовавшиеся взаимным доверием, поддержкой и верностью по отношению к товарищам.

Важно подчеркнуть, что параллельно с развитием коммерции происходило очищение закона от дискреционных, ритуальных, религиозных примесей. Впервые создавался закон, «надежный как машина». В Западной Европе английские суды первыми завоевали репутацию безукоризненной честности в отношении купцов (в том числе и по отношению к тяжбам иностранцев).

Расширение торговли было бы невозможно без развития денег, кредита, изменений в системе финансов. Начиная с XIII века, векселя используются вместо монеты, а с XVII века они приобретают свойство обрабатываемости с передачей третьим лицам по индоссаменту. Любопытно подчеркнуть, что торговля векселями совершалась в обход церковного запрета на взимание процента. Считалось, что «приобретение векселей со скидкой – это не процент, а учет риска». Успеху торговли способствовало развитие страхования. Уже в конце XII века в Италии происходит *отделение страхования от финансирования*, а позднее – отделение морских рисков от рыночных.

1.4. Неэкономические предпосылки капитализма: Реформация

Неудовлетворенность феодальным строем, пробуждающееся аналитическое отношение к действительности, поиски героического и совершенного заставляют передовые умы обратиться к античному наследию, «возродить» его для современников. Такое обращение к прошлому стало своеобразной формой отрицания настоящего – феодальной системы ценностей, феодальных экономических представлений. Ученые эпохи Возрождения провозглашают высокие принципы гуманизма, утверждают веру в могущество человека, в его разум, язвительно смеются над предрассудками мрачного европейского Средневековья (Эразм Роттердамский, Франсуа Рабле, Мигель де Сервантес Сааведра и др.). И хотя их произведения были обращены к достаточно узкому кругу интеллектуалов, а культура имела элитарный характер, тем не менее гуманисты сыграли важную роль в подготовке к восприятию новых идей более широкими слоями населения. Но для этого необходима была коренная ломка феодального мировоззрения.

В условиях, когда христианство освящало существовавший феодальный строй, движение вперед было невозможно без реформы католи-

ческой церкви. В борьбе с католицизмом теоретики *Реформации* (Мартин Лютер, Ульрих Цвингли, Жан Кальвин) использовали антисловную направленность первоначального христианства. Идея равенства и справедливости в отношениях между людьми трансформировалась в идею эквивалентности обмена товаров, идея честного труда – в обоснование буржуазного предпринимательства и т. д.

Реформация сыграла важную роль в очищении массового сознания от слепой веры в Священное предание, в авторитет римско-католической церкви, освободила его от наиболее одиозных предрассудков и стереотипов мышления и тем самым повысила значение личного суждения. Это имело большое значение для развития общественнознания вообще и экономической науки в частности.

Критика феодализма теоретиками Реформации была тесно связана с первыми попытками оправдания раннекапиталистического предпринимательства. Не случайно Мартин Лютер страстно борется с ростовщичеством, нападает на торгашеский феодализм, а Жан Кальвин проповедует богоизбранность новых предпринимателей – капиталистов.

В то же время в процессе разложения феодализма находят свое выражение экономические представления народных масс, которые более четко формулируются в ходе крестьянских восстаний (например, Великой крестьянской войны в Германии). Мечты об устройстве будущего справедливого общества отразились в социальных утопиях позднего Средневековья (Томас Мор, Томмазо Кампанелла и др.). Однако для реализации этих проектов отсутствовали какие бы то ни были предпосылки. Они стали складываться лишь в процессе так называемого первоначального накопления капитала.

1.5. Неэкономические предпосылки капитализма: Просвещение

Значительный вклад в развитие светского характера культуры внесло и *Просвещение*, идеологи которого выдвинули лозунг свободы, равенства и братства. Они рассматривали эти буржуазные права в универсальной, антисловной форме, считая их не порождением определенной исторической эпохи, а естественными (природными) свойствами любого нормального человека. Поэтому философы эпохи Просвещения апеллируют к «естественным потребностям», «естественному разуму», «естественным правам» человека. Интерес к его внутреннему миру способствует подъему чувства личности, еще не осознавшей противоречивый характер нового, рождающегося капиталистического общества. Развитие личности прояв-

ляется и в том, что человек на пороге Нового времени ставит перед собой более широкие и глубокие задачи в науке и творчестве.

Начиная с XVII века, необходимым условием экономического успеха становится грамотность и навыки ведения счета. Если в 1500 году только 10 % взрослого населения Нидерландов было способно написать свое имя, то к 1800 году этот показатель вырос до 68 %. Еще более быстрыми темпами он развивался в Англии. И за этот период он вырос почти в 9 раз – с 6 до 53 %, что позволило Англии по уровню грамотности занять второе место, опередив находящуюся под испанским владычеством ту часть старых Нидерландов, которая позднее (в 1830 году) стала Бельгией (см. табл. 3).

Таблица 3. Грамотность среди взрослого населения различных европейских стран в 1500 и в 1800 году. Доля взрослого населения, способного написать свое имя, %.

	1500 год	1800 год
Нидерланды	10	68
Бельгия	10	49
Англия	6	53
Франция	7	37
Германия	6	35
Италия	9	22
Австро-Венгрия	6	21
Польша	6	21
Испания	9	20

Источник: Аллен Р. Глобальная экономическая история: Краткое введение. М., 2013. С.40.

Развитие производительных сил и капиталистического уклада неминуемо должно было вступать в непримиримое противоречие с феодальной системой производственных отношений, с абсолютной монархией. В середине XVII – XVIII веках создаются материальные предпосылки для буржуазных революций, в которых буржуазия выступает как передовой класс, стоящий во главе антифеодальной борьбы городского плебса и эксплуатируемого крестьянства.

Огромную роль в становлении рыночной экономики в Западной Европе сыграли также политические институты. Не следует забывать, что в XIV–XIX веках существовала *активная поддержка государством*

развития торговли и промышленности. Именно государство обеспечивало возвращение кредитов и выполнение соглашений, защиту прав собственности, поддерживало создание правовых форм, отвечающих потребностям предприятий, заложило основы развития инфраструктуры (развитие бесплатного образования, создание транспортных систем и т. д.), защищало национальную промышленность от иностранной конкуренции и обеспечивало стабильность валюты. Вплоть до конца XIX века государство напрямую вмешивалось в развитие промышленности и торговли. Независимость производства и торговли от политических институтов выступает как характерная черта западноевропейского пути развития капитализма лишь на его позднем и относительно кратковременном этапе. Идеология невмешательства (*laissez-faire*) создала важные политические предпосылки для развития капитализма лишь в конце этого периода.

Становление капитализма было довольно органично не только в экономической, но и в социально-правовой и политической сферах (создание бесплатных публичных школ, реформирование системы права, обеспечение безопасности жизни и собственности граждан путем развития законопослушания и эффективной борьбы с преступностью, расширение права участия в выборах, смена абсолютных монархий республиканскими и демократическими правительствами, длительный мир в Западной Европе с 1815 по 1914 год).

§ 2. Так называемое первоначальное накопление капитала

2.1. Содержание и формы так называемого первоначального накопления капитала

Капитализм – это рыночная экономика на такой ступени развития, когда возникает рынок труда. Поэтому содержанием так называемого *первоначального накопления капитала* является создание предпосылок капиталистических отношений, и прежде всего становление производителя нового типа, свободного как личность и лишённого средств производства и жизненных средств. Появление рабочей силы в качестве товара предполагало ликвидацию как личной, так и поземельной зависимости крестьян от феодала и освобождение ремесленников от господства цехового принуждения. Отмена наиболее тяжелых форм личной зависимости в большинстве стран Западной Европы произошла в XIV–XV веках, освобождение крестьян от поземельной зависимости – в XVI–XVIII веках.

Первоначальное накопление капитала составляет предысторию капитализма, оно происходило в недрах феодализма и методами, отличающимися от накопления капитала. Основой этого процесса является буржуазная *аграрная революция*, в ходе которой, с одной стороны, осуществляется массовая экспроприация земли у крестьянства, а с другой – феодальная собственность превращается «в чистую частную собственность, отбросившую всякую видимость общности (*Gemeinwesen*) и устранившую какое бы то ни было воздействие государства на развитие собственности»⁵.

Классические формы первоначальное накопление капитала приняло в Англии. Частная собственность на землю здесь расширялась и укреплялась путем конфискации (секуляризации) церковных и монастырских владений католической церкви, захвата государственных и насильственной узурпации общинных земель, сгона крестьян с их участков в ходе *огораживания* дворянских имений. Созданные таким образом земельные комплексы сдавались, в аренду капиталистическим предпринимателям – фермерам.

2.2. Манориальная система и ее эволюция в процессе огораживаний

Главная особенность Англии заключалась в том, что этот процесс там начался уже в XVI–XVII веках и протекал гораздо интенсивнее, чем на континенте. Дело в том, что развитие английского сельского хозяйства было связано не только с внутренним, но и с внешним рынком, поскольку шерсть уже начиная со времен Вильгельма Завоевателя вывозилась на континент. Начиная с XV века всё большее значение приобретает не сырая шерсть, а изделия из нее – сукно. Сельское хозяйство стало выгодным объектом для вложения капитала намного раньше, чем промышленность, что сделало эту отрасль сферой капиталистического типа хозяйствования намного раньше, чем на континенте. Однако одновременно и обострило социальные противоречия. Если в 1530-е годы акр земли приносил ленд-лорду всего лишь 5–6 пенсов ежегодной ренты, то сто лет спустя рыночная рента возросла в 8–10 раз, достигнув 4–5 шиллингов⁶. Естественно, что в этих условиях обостряется борьба за каждый акр земли.

Для превращения скотоводства в прибыльную отрасль необходимо было ликвидировать феодальную систему землевладения. Для феодализма характерно сочетание крупного феодального землевладения и мелкого крестьянского землепользования.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. М., 1955. С. 62.

⁶ Барг М. А. Великая английская революция в портретах и ее деталях. М., 1991. С. 61.

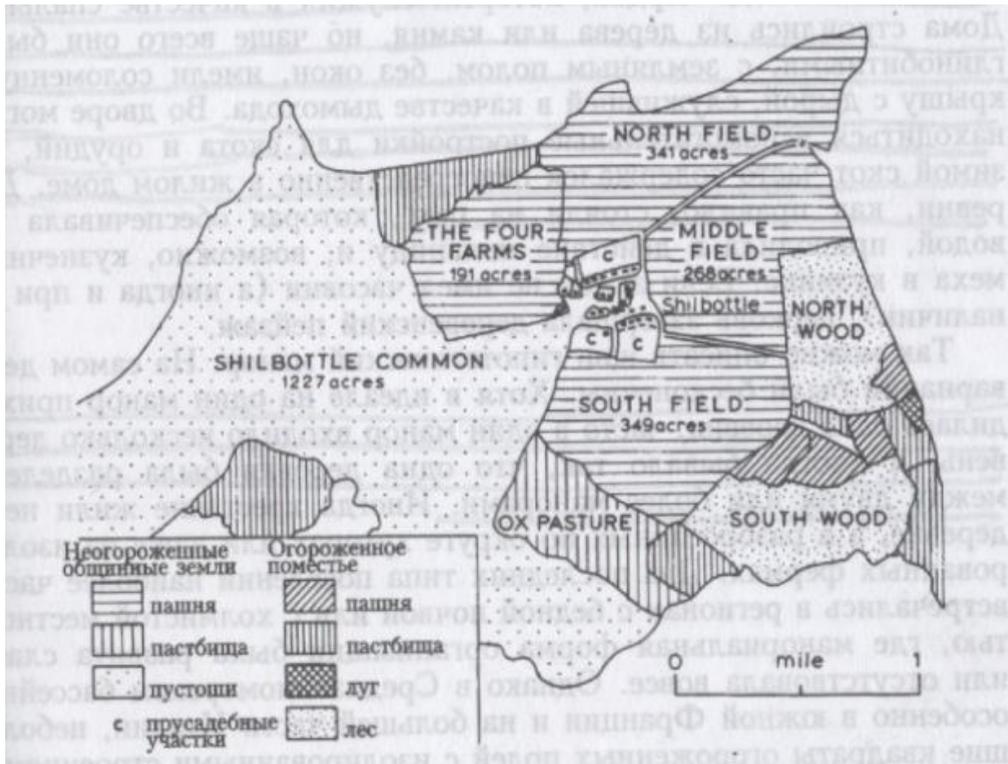

Рисунок 4. Средневековый манор XVII века (деревня Шилботл в Нортумберленде)

Источник: Studies of Field System in the British Isles / Ed. A. R. H. Baker, R. A. Butlin. Cambridge, 1973.

Английский манор включал в себя пашню, пастбище, пустоши и приусадебные участки людей, которые обрабатывали землю (см. рис. 4). Манор делился на поместье сеньора, нередко отгороженное (на рис. 4 земли, принадлежащие сеньору, изображены в правой нижней части плана), крестьянские наделы и земли общего пользования. Наделы крестьян располагались в открытых полях, окружавших манор и деревню. Поля были разделены на полосы, и каждому крестьянину принадлежало несколько полос. Существовала система свободных (открытых) полей, когда после сбора урожая скот мог пастись на манориальной земле.

Таблица 4. Доля «огороженных» земель в Англии

Период	%
Огорожено в 1550 году	45,0
Огорожено в 1550–1599 годах	2,0
Огорожено в 1600–1699 годах	24,0
Огорожено в 1700–1799 годах	13,0
Огорожено в 1800–1914 годах	11,4
Остающаяся общинная земля	4,6
Всего	100

Источник: Wordie J. R. The chronology of English enclosure, 1500– 914 // The Economic History Review. 2nd series. 1983. Vol. 36 P. 502.

В связи с развитием овцеводства происходит повышение ценности земли. Рыночная конъюнктура подтолкнула лендлордов к вздутию платы за получение «копии», на основании которой рядовые земледельцы (*копигольдеры*) могли пользоваться своими участками земли, а также к ликвидации общинных земель и пустошей, с тем чтобы ввести агротехнические новшества и повысить их продуктивность. Важное значение имела репарцилляция частных земельных владений, в результате которой возникли крупные земельные комплексы, к которым и присоединялись общинные земли и пустоши. Реформация католической церкви, начатая в Англии Генрихом VIII в 1534 году, привела к секуляризации земель католических монастырей, создав мощный импульс для ускорения процесса огораживания. В середине XVI века было уже огорожено 45 % общинных земель (см. табл. 4). Дополнительный толчок к огораживанию дала Английская революция, когда у сторонников короля была изъята значительная часть их земель. В результате к 1699 году доля огороженных общинных земель превысила 70 %.

Таблица 5. Средние коэффициенты сбора урожая пшеницы, ржи и ячменя, 1500–1820 годы.

Годы	Зона 1 Англия, Нидерланды	Зона 2 Франция, Испания, Италия	Зона 3 Германия, Швейцария, Скандинавия	Зона 4 Россия, Польша, Чехословакия, Венгрия
1500–1549	7,4	6,7	4,0	3,9
1550–1599	7,3	-	4,4	4,3
1600–1649	6,7	-	4,5	4,0
1650–1699	9,3	6,2	4,1	3,8
1700–1749	-	6,3	4,1	3,5
1750–1799	10,1	7,0	5,1	4,7
1800–1820	11,1	6,2	5,4	-

Источник: van Bath S. B. H. Agrarische productiviteit in het pre-industriële Europa // Bijdragen tot de agrarische geschiedenis. Utrecht, Antwerpen, 1978. P. 152–194.

В первой половине XVII века на юге Англии распространяется практика известкования почвы, удобрение ее морским илом, вводится севооборот, клевер, турнепс, масленичные культуры, начинают производиться красители, а также лен и конопля. В центральных и северо-восточных графствах начинается осушение Великой равнины болот. В результате урожайность пшеницы, ржи и ячменя (и до этого более высокая, чем в континентальной Европе) увеличивается с середины XVI века до первой четверти XIX века в полтора раза, превысив средние коэффициенты сбора пшеницы, ржи и ячменя в континентальной Европе почти в два раза (см. табл. 5).

К середине XIX века утверждается система севооборота, известная как «*норфолкская четырехпольная*», согласно которой участок земли последовательно засевался пшеницей, турнепсом, ячменем и клевером, так что полный севооборот составлял четыре года. Это приводило к обогащению почвы азотом и восстановлению плодородия почвы. При английской системе турнепс и клевер использовались для корма скоту, что привело к увеличению выпуска мяса и позволило удовлетворить потребности растущего в ходе промышленного переворота городского населения.

Большинство из этих дорогостоящих начинаний внедряли крупные арендаторы – *новые дворяне*, но они были не по карману основной массе земледельцев. Используя ограниченность их прав держания на землю, их начинают вытеснять с той земли, которую они веками обрабатывали.

Доля общинных земель и пустошей, огороженных по парламентскому закону с 1750 по 1839 год в различных графствах Англии, показана на рис. 5. Мы видим, что этот процесс охватил значительную часть центральной и северной Англии, а также Уэльс. Это привело к разорению большинства представителей традиционного крестьянства (копигольдеров) и, прежде всего, той ее части, которая не успела закрепить за собой владельческие права на свои держания. К 1914 году было огорожено свыше 95 % общинных земель (см. табл. 4).

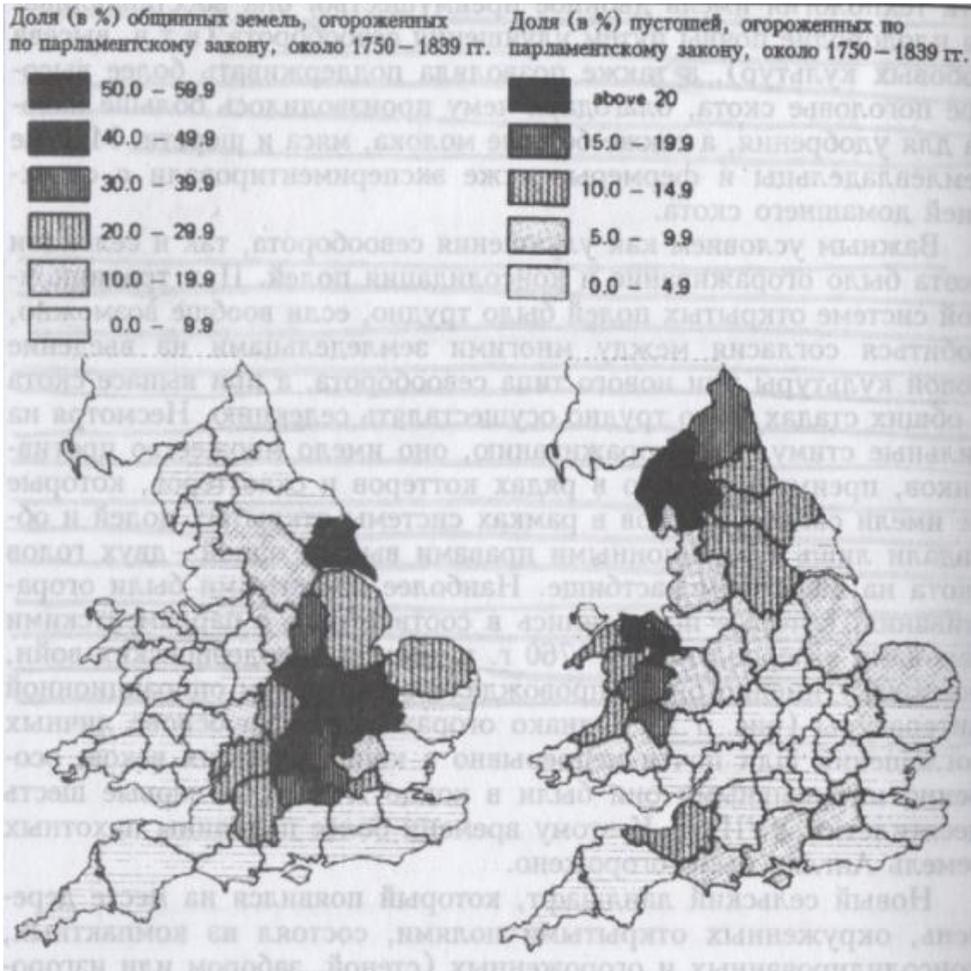

Рисунок 5. Последние огораживания в Англии

Источник: Камерон Р. Краткая экономическая история мира от палеолита до наших дней. М., 2001. С. 210.

В результате огораживания произошло значительное перераспределение новых землевладений в Англии и Уэльсе. Если в 1436 году лендлорды владели 15–20 %, дворянство – 25 %, свободные крестьяне (*фригольдеры-йомены*) – 20 %, а церковь и корона – 25–33 %, то к концу XVIII века ведущим слоем стало дворянство, владевшее половиной земель. В 1790 году у лендлордов сохранилось 20–25 % земель, у дворянства – 50 %, у свободных крестьян – 15 %, а у церкви и короны – 10 %. Эти пропорции в основном сохранились и на протяжении всего XIX века (см. табл. 6).

Таблица 6. Распределение земельных владений в Англии и Уэльсе, 1436–1873 годы (%)

	1436	ок. 1690	ок. 1790	1873
Лендлорды	15–20	15–20	20–25	24
Дворянство	25	45–50	50	55
Фригольдеры-йомены (свободные крестьяне)	20	25–33	15	10
Церковь и корона	25–33	5–10	10	10

Источник: Kriedte P. Spätfeudalismus und Handelskapital. Göttingen. 1980. S. 118.

2.3. Рост производительности труда в сельском хозяйстве Англии

Результаты современных исследований показывают существенный рост совокупной производительности факторов в период, предшествующий Промышленной революции. Расчеты показывают, что производительность в сельском хозяйстве Англии была выше, чем во Франции, и с 1705 по 1770 год этот разрыв увеличился (см. табл. 7). Во втором и пятом столбцах показана производительность труда в Англии и Франции (Q/L), в третьем и шестом – урожайность (выработка продукции на акр земли – Q/A), а в четвертом и седьмом столбцах показано количество акров в каждой стране на рабочего (A/L).

Таблица 7. Сравнение производительности труда на пахотной земле в Англии и во Франции

Год	Англия (Q/L)	Англия (Q/A)	Англия (A/L)	Франция (Q/L)	Франция (Q/A)	Франция (A/L)
1	2	3	4	5	6	7
1705	10722	573	18.70	5129	382	13.43
1775	19679	975	20.17	4523	398	11.36
1845	21416	1543	13.88	4000	504	7.93

Примечание: Все цифры даны в современных английских фунтах, пересчитанных на основе соотношений того времени. Данные по земле и труду, которые представлены по обеим странам, далеки от совершенства, и их следует воспринимать скорее как ориентир, чем точный ответ.

Источник: Brunt L. Why Was England First? Agricultural Productivity Growth in England and France, 1700–1850. Unpublished manuscript. Oxford, 2003.

В 1845 году производительность труда в сельском хозяйстве в Англии более чем в пять раз превышала этот показатель во Франции. Более высокая производительность в сельском хозяйстве Англии по сравнению с Францией в основном объясняется более высокими урожаями зерна (особенно пшеницы), разницей в севообороте, больших капиталовложениях и большей механизацией сельского хозяйства. Более высокая производительность труда в сельском хозяйстве позволила Англии держать цены на продовольствие на относительно низком уровне, что позволило ей освободить больше рабочей силы для осуществления промышленной революции.

Лиам Брант показал, что разница в производительности труда между Англией и Францией определялась разницей в выработке на акр и разницей количества акров на одного работника. Цены внутреннего рынка Англии, по международным стандартам XVIII–XIX веков, были довольно высокими. По этой причине стоимость выработки на акр в Англии в середине XIX века была в три раза выше, чем во Франции.

В результате аграрной революции городское население Англии выросло более чем в три раза с 7 % в 1500 году до 23 % в 1750 году (см. табл. 5). Численность населения Лондона росла стремительными темпами, увеличившись за три столетия почти в 20 раз. Если в 1500 году в Лондоне проживало 50 тыс. человек, то в 1600 году оно увеличилось до 200 тыс. человек, а в 1700 году выросло еще в 2,5 раза, достигнув полмиллиона человек. За XVIII век население британской столицы удвои-

лось и в 1800 году достигло 1 миллиона человек⁷. Хотя уровень урбанизации рос быстрее, чем на континенте, он не в полной мере отражал структурные изменения, поскольку значительная часть проживающих в сельской местности (32 %) в середине XVIII века уже не была связана с сельским хозяйством (см. табл. 8). По этому показателю Англия перенала Нидерланды и Бельгию, которые занимали передовые позиции на континенте. Остальные страны Европы по-прежнему оставались аграрными, в них порядка 60 % населения было связано с сельским хозяйством, как основной сферой занятости.

Таблица 8. Распределение населения основных европейских стран по секторам в 1500–1750 годах, %

	1500 год			1750 год		
	Городские жители	Сельские жители		Городские жители	Сельские жители	
		Не занятые в с/х производстве	С/хоз. население		Не занятые в с/х производстве	С/хоз. население
НАИБОЛЕЕ ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ						
Англия	7	18	74	23	32	45
СУЩЕСТВЕННАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ						
Нидерланды	30	14	56	36	22	42
Бельгия	28	14	58	22	27	51
НЕЗНАЧИТЕЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ						
Германия	8	18	73	9	27	64
Франция	9	18	73	13	26	61
Австро-Венгрия	5	19	76	7	32	61
Польша	6	19	75	4	36	60
НЕСУЩЕСТВЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ						
Италия	22	16	62	22	19	59
Испания	19	16	65	21	17	62

Источник: Аллен Р. Глобальная экономическая история. 2013. С. 37.

⁷ Аллен Р. Глобальная экономическая история. С. 36

Высокий процент проживающего в сельской местности и не занятого в аграрной сфере населения свидетельствует о широком распространении *рассеянной мануфактуры*. Стремление предпринимателей избавиться от жестких рамок городских цеховых уставов, приблизиться к источникам сырья и обеспечить себя дешевыми руками обезземеленных крестьян предопределили широкое распространение рассеянной мануфактуры в сельской местности и ее высокую прибыльность, сравнимую с заморскими вложениями.

Повышение товарности аграрного производства и развитие рассеянной мануфактуры в сельской местности остро поставило проблему существенного улучшения транспортной инфраструктуры. В Англии уже в XVIII веке возникает густая сеть каналов и мощеных дорог, в строительстве которых широко используется дешевая рабочая сила. С 1750 по 1770 год число мощеных шоссе увеличилось в 5 раз, достигнув величины 15 тыс. миль, а протяженность каналов с 1760 по 1820 год увеличилась в 4 раза, достигнув 4 тыс. миль⁸. Сеть английских каналов показана на *рис. 6*, а сетка мощеных дорог на *рис. 7*. Совершенствование транспортной инфраструктуры не только способствовало становлению и развитию внутреннего рынка, но и улучшению его связи с внешним через Лондон и другие порты. Это позволяло значительно снизить издержки по перевозке продуктов и создать емкий рынок для английской промышленности, а также снижало риски возникновения голода в условиях высокого уровня коммуникаций, сложившегося в Англии в XVIII веке. Это приводило к возникновению единого рынка, в рамках которого цены в разных регионах Англии имели тенденцию легко и быстро выравниваться.

Поэтому отнюдь не случайным совпадением стал тот факт, что промышленный переворот начался в Англии, которой первой удалось добиться значительного повышения производительности в аграрной сфере.

⁸ Гловели Г. Д. Экономическая история. М., 2014. С. 272.

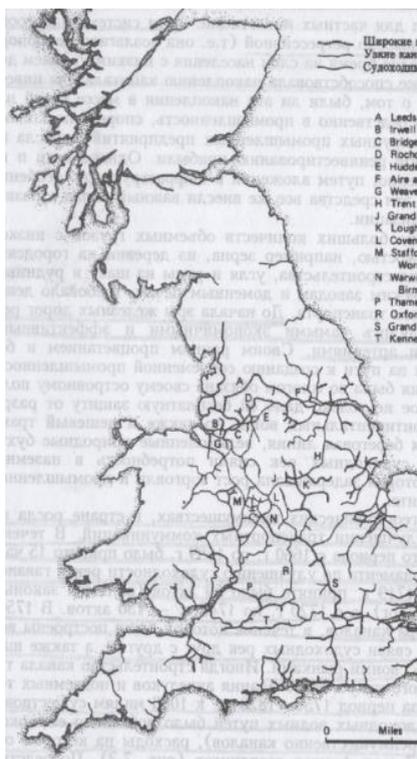

Рисунок 6. Внутреннее судоходство в Великобритании

Источник: Камерон Р. Указ. соч. С.214.

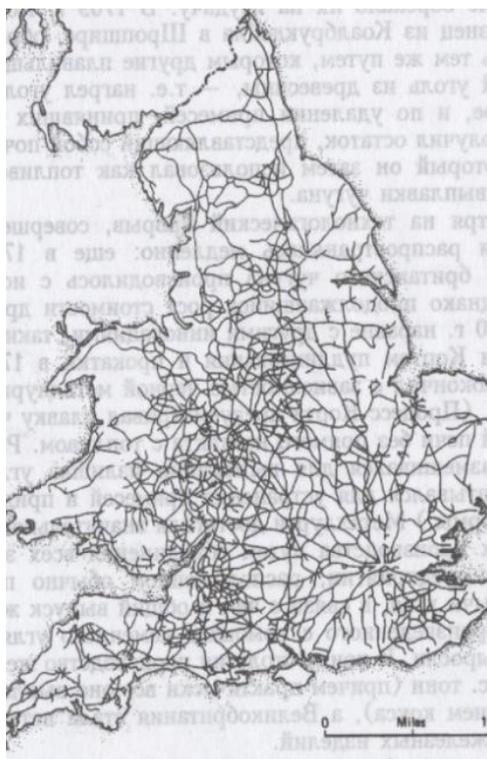

Рисунок 7. Дорожная сеть Англии и Уэльса в 1770 году

Источник: Камерон Р. Указ. соч. С.215.

§ 3. Первый виток глобализации и повышение уровня жизни

3.1. Процесс создания мирового рынка

Генезис капитализма в Западной Европе был ускорен начавшимся в ходе Великих географических открытий процессом создания *мирового рынка*, завоеванием и ограблением добуржуазных обществ Америки, Азии и Африки. Развитие мировой торговли способствовало повышению роли купечества. Абсолютизм, сформировавший обширную бюрократию и содержавший дорогостоящую регулярную армию, также искал источники для покрытия своих огромных расходов. Государство выплачивало жалованье военным, чиновникам и даже духовенству в денежной форме. И хотя ос-

новным источником доходов абсолютной монархии была развитая налоговая система, дворянское государство отнюдь не было чуждо увеличению денежных средств за счет внешней торговли. Неслучайно поэтому торговая буржуазия стремилась выдать свою точку зрения за национальный общегосударственный интерес. Протекционистская политика стала выражением временного союза дворянства с торговой буржуазией. Однако этот временный союз дворянства и буржуазии оказался недолговечным. Стремление к регламентации производства, нормативность и авторитарность абсолютизма всё больше становились тормозом развития капитализма. Окрепшая мануфактурная буржуазия всё меньше нуждалась в поддержке со стороны абсолютистского государства. Всё чаще появляются работы, критикующие протекционизм и обосновывающие принципы свободной торговли. Привычные для феодализма экстраординарные поборы уступают место законному налогообложению. В Англии и Голландии правительства первыми утрачивают право на произвольные сборы. Установление налогов становится делом парламента. Попытка посягнуть на это право, предпринятая Яковом I Стюартом и его сыном Карлом I, закончилась Английской революцией 1640–1648 годов и казнью Карла I. Низкие налоги, защищенность прав собственности и минимальное вмешательство государства становятся сравнительными преимуществами этих лидирующих стран.

Если первыми успехами глобализации воспользовались португальцы и испанцы, то в дальнейшем их заметно потеснили Голландия и Англия. На протяжении всего XVII века создается и расширяется Британская империя. В 1600 году была учреждена Британская Ост-Индская компания. Английское государство активно расширяло свою империю, главным образом, за счет ослабления влияния голландцев. Внешняя экономическая политика Англии отличалась как от политики Испании и Португалии, так и от политики Нидерландов. Дело в том, что в таких странах, как Испания и Франция, потребности абсолютных монархий сделали невозможным проведение последовательной и продуманной экономической политики. В отличие от парламентов континентальных стран английский парламент никогда не терял своей прерогативы в учреждении новых налогов. После «Славной революции» 1688–1689 годов повышается его роль в создании института консолидированного государственного долга. В 1694 году основывается Английский банк. Агрессивный настрой английского меркантилизма проявился в трех торговых войнах с Голландией – 1652–1654, 1666–1667 и 1672–1674 годов. Они были спровоцированы английскими законами о мореплавании (Навигационным актом 1651 года и Законом о мореплавании 1660 года). Согласно этим законам все товары, импортируемые в Великобританию, должны были перевозиться либо британскими кораблями, либо кораблями стран-производителей данных товаров. Это распространялось на каботажную торговлю (из одного британского порта в другой) и ввоз рыбы. Кроме

этого, закон 1660 года пытался защитить и национальное судостроение, требуя, чтобы корабли были построены в Великобритании.

Принятые английским парламентом законы о мореплавании наносили сильный удар по Голландии, которая занималась посреднической торговлей и, прежде всего, по Амстердаму, как ключевому транспортному порту в этой торговле. Фактический контроль над колониальными рынками переходил в руки британских купцов и производителей, что позволило англичанам постепенно прибрать к рукам многие голландские колонии.

3.2. «Сладкое разнообразие»

Традиционно считается, что уровень жизни европейцев почти не изменялся до промышленной революции. Однако на самом деле изменения были, и порой довольно значительные. Это было связано, прежде всего, с колониальной торговлей, изменением структуры питания и расширением доступности новых благ.

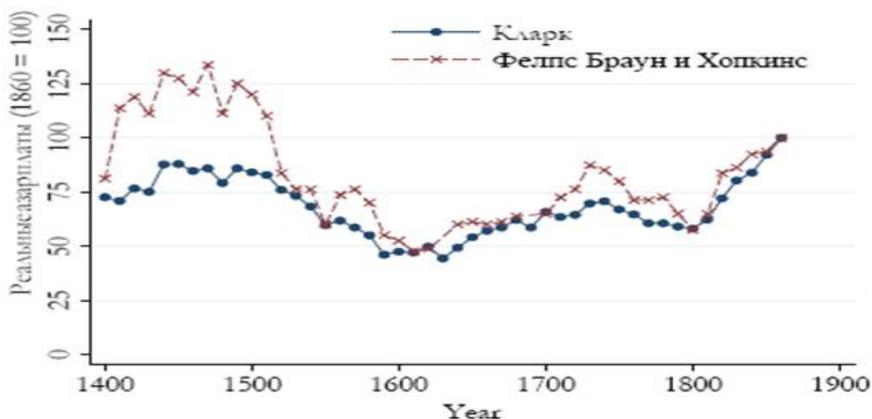

Рисунок 8. Реальный доход в Англии, 1400–1850 годы

Источник: Hersh J., Voth H-J. Sweet diversity: colonial goods and the rise of European living standards after 1492. UPF mimeo. P. 7.

Мы уже отмечали в первом параграфе, что в процессе первоначального накопления капитала всё бóльшую роль начали играть внешние рынки (см. рис. 3). Они стали не только важным источником сырья и капитала, но и способствовали изменению структуры питания рядового населения. Появляются такие товары, как: пряности, томаты, картофель, чай, кофе, шоколад, сахар, табак и др., которые в значительной мере изменили европейский рацион питания.

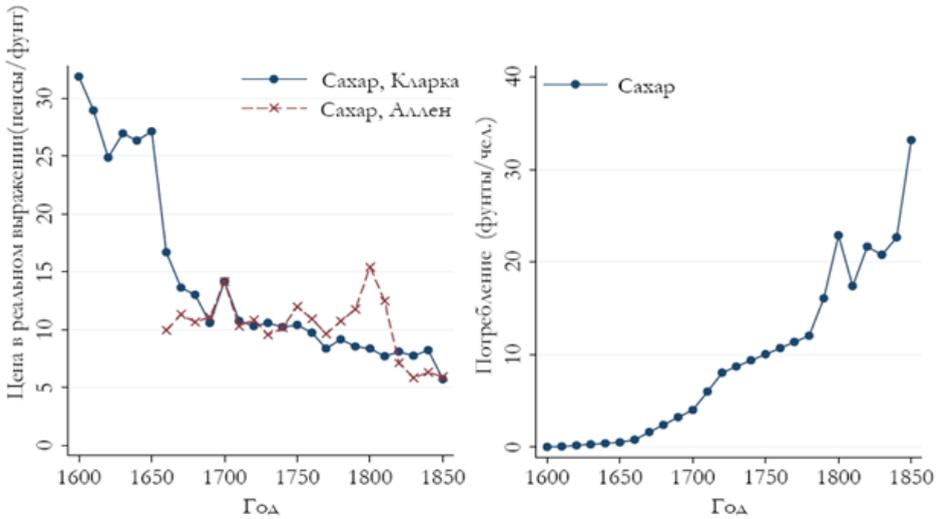

Рисунок 9. Цена сахара в реальном выражении и его потребление на душу населения в Англии, 1600–1850 годы.

Источник: Hersh J., Voth H-J. Op. cit. P. 15

В середине XIX века среднестатистический англичанин был готов не менее 15 % своего дохода потратить, чтобы получить доступ только к чаю и сахару⁹. Именно в этот период “*Fiveo'clocktea*” становится английской традицией. Отчасти это произошло за счет роста реального дохода (см. рис. 8), отчасти – за счет резкого снижения цен, которое произошло в XVII–XVIII столетиях. Хотя оценки реального дохода в Англии отличаются (особенно применительно к более раннему периоду), к середине XIX века они почти совпадают. На рисунке 8 показана динамика реального дохода с 1400 по 1860 год, представленная по результатам расчетов Грегори Кларка¹⁰, Генри Фелпса Брауна и Шейлы Хопкинс¹¹.

Чай проник в Европу из Китая в 1606 году. В течение XVIII века потребление чая англичанами выросло примерно в 400 раз¹². Кофе появилось в Венеции в 1615 году. В XVIII веке только в Париже насчитывалось 600–700 кофеен¹³. Самой популярной в Лондоне стала кофейня Эдварда Ллойда в Сити, которая стала местом деловых встреч и заключения торговых сделок.

⁹ Hersh J., Voth H-J. Op. cit. P. 3.

¹⁰ Clark G. The Condition of the Working Class in England, 1209–2004 // Journal of Political Economy. 2005. Vol. 113. No. 6. P. 707–736.

¹¹ Phelps Brown H., Hopkins S. V. A Perspective of Wage and Prices. London, 1981.

¹² Hersh J., Voth H-J. Op. cit. p. 9.

¹³ Braudel F. The Structures of Everyday Life. London, 1988.

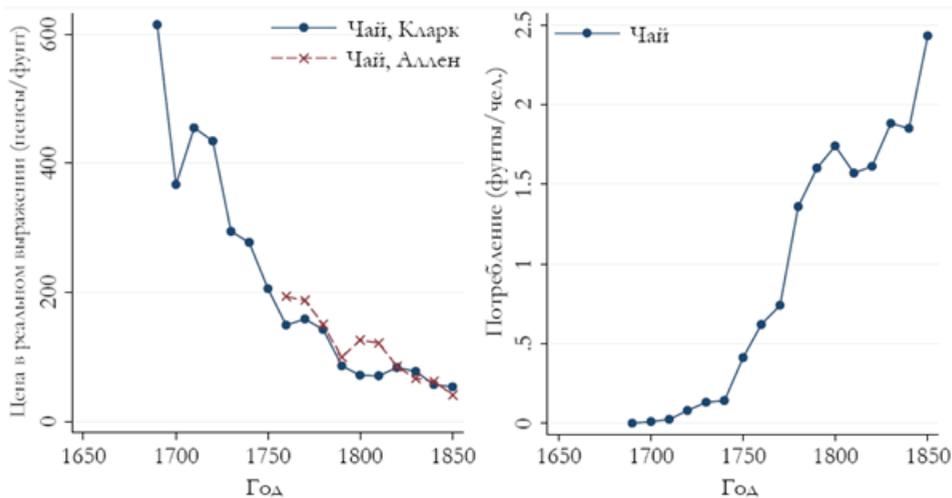

Рисунок 10. Цена чая в реальном выражении и его потребление на душу населения в Англии, 1600–1850 годы.

Источник: *Hersh J., Voth H-J.* Op. cit. P. 16.

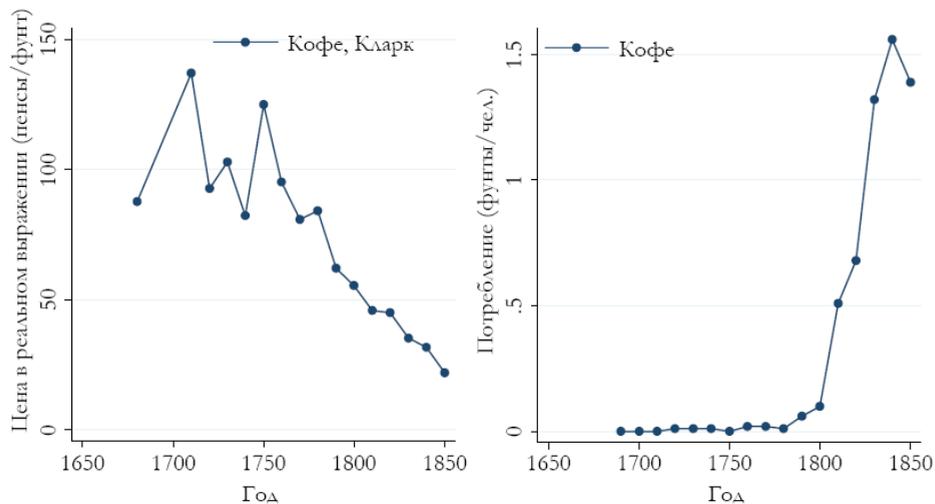

Рисунок 11. Цена кофе в реальном выражении и его потребление в Англии на душу населения, 1600–1850 годы.

Источник: *Hersh J., Voth H-J.* Op. cit. P. 17.

Употребление чая и кофе стало большим импульсом для увеличения производства сахара, известного в Европе еще с римских времен. С ростом его производства цена во второй половине XVII века резко упала, и его потребление в XVIII и первой половине XIX века стремительно возросло (*рис. 9*). Сахар стал доступен почти всем, став неотъемлемой частью жизни европейцев. Он добавлялся не только в чай и кофе, но и употреблялся со многими блюдами, заменяя бедным источники калорий. Снижение цены чая и кофе в реальном выражении и их потребление на душу населения в Англии с 1600 по 1850 год показано на *рисунках 10 и 11*. Несомненно, что с сахаром, чаем и кофе, жизнь европейцев стала приятнее и лучше.

§ 4. Становление капитализма в Англии и Испании: сравнительный анализ

Исторические предпосылки генезиса капитализма возникали в разных странах Западной Европы далеко не синхронно и не последовательно. Более того, эпоха Нового времени стала ареной столкновения двух разнонаправленных моделей социально-экономического развития, что приобрело форму «*векового конфликта*» (XVI–XVII века) между прогрессивными протестантскими государствами Севера (Англия, Голландия) и регрессивной католической империей Габсбургов.

В то время как империя Габсбургов располагала, казалось бы, неиссякаемыми запасами денег и сырья из колоний, ресурсы протестантских государств были гораздо более скудными. Однако решающую роль в исходе «*векового конфликта*» сыграли не материальные ресурсы, а институциональные факторы. В Испании наблюдалась тенденция к централизации государственной власти, укреплению церкви и усилению бюрократии. Это привело к усилению налогообложения, поиску политической ренты многочисленными чиновниками абсолютной монархии, их вмешательству в развитие рыночных отношений неустанными попытками установить контроль над ценами и тем самым ослабить развитие частной собственности и ограничить рынок капитала (см. *табл. 9*). Наоборот, в Англии с усилением парламента произошло ослабление королевской власти и позиций церкви, снижение налогообложения. Был положен конец королевским монополиям и созданы предпосылки для развития рынка капитала.

Таблица 9. Становление капитализма в Англии и Испании

Характеристики	АНГЛИЯ	ИСПАНИЯ
Тенденция	К децентрализации	К централизации
Усиление	Парламента	Бюрократии
Политическая рента	Ограничение	Поиск
Церковь	Ослабление позиций	Укрепление
Частная собственность	Укрепление (создание гарантий)	Ослабление (необеспеченность)
Обмен	Неперсонифицированный	Персонифицированный
Рынок	Дерегулирование	Регулирование (контроль над ценами)
Рынок капитала	Создание предпосылок для развития	Ограничение
Налогообложение	Ослабление	Усиление
Влияние на	США	Латинскую Америку

Составлено по: Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 145–150.

Сравнительный анализ становления капитализма в Англии и Испании, проведенный Дугласом Нортом, показал, что эффективные институты возникают в обществах, которые имеют сильные стимулы к созданию и закреплению прав собственности. В то время как в протестантских государствах бурно шло формирование новых, благоприятных для рыночного хозяйства институтов (господство правовых норм, парламентская республика, низкие налоги, «дешевая» церковь). В Испании и Италии ростки рыночного хозяйства оказались буквально раздавленными регенерацией архаичных, полуфеодальных институтов (бюрократический произвол, абсолютистская монархия, налоговый гнет, «дорогая» церковь). В результате к началу XVIII века юг Европы превратился в глухое захолустье, а генераторами экономического развития стали Голландия, Англия и отчасти Франция.

Противопоставление эффективной английской и неэффективной испанской моделей позже вылилось в противостояние динамичного североамериканского капитализма и неэффективного латиноамериканского меркантилизма и является весьма поучительным для стран, создающих основы рыночной экономики.

§ 5. Был ли генезис капитализма спонтанным процессом?

5.1. Карл Поланьи о становлении капитализма

В современных учебниках по микро- и макроэкономике обычно не рассматривается генезис капитализма. В курсе микроэкономики предполагается, что рынок возникает сам собой. Существование саморегулирующегося рынка невозможно без функционирования рыночных законов, однако допускать функционирование рыночных законов, пока не доказано существование саморегулирующегося рынка, мы также совершенно не вправе. Возникает порочный круг, выход из которого в современной неоклассической теории не был найден.

Поэтому Карл Поланьи (1886–1964) предпринял грандиозное исследование становления и развития капитализма в Западной Европе начиная с XV века и до середины XX века включительно, с тем чтобы показать, что генезис капитализма не является результатом действия самой рыночной системы. Под рыночной экономикой он понимает «саморегулирующуюся систему рынков»¹⁴. Именно Поланьи впервые обратил внимание на очевидное противоречие, с которого мы начали данный параграф.

Таблица 10. Изменение методов координации

Критерии сравнения	Редистрибутивный продуктообмен	Рыночный товарообмен
В каких обществах преобладает	В доиндустриальном	В индустриальном
Характер отношений	Вертикальный (подданные – правители)	Горизонтальный (между производителями)
Конкуренция	Исключена	Широко развита
Регулирование	Централизованное	Саморегуляция
Роль денег	Второстепенная	Доминирующая
Характер обмена	Принудительный	Добровольный
Эквивалентность обмена	Не соблюдается (только возмездность)	Соблюдается при каждой купле-продаже

Если мы сравним рыночный и редистрибутивный продуктообмен (см. табл. 10), то увидим коренные различия между ними. Методы коор-

¹⁴ Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002. Гл. 4. С. 53.

динации в общественном разделении труда глубоко различаются в доиндустриальную и индустриальную эпохи, как и логика этого развития. «Ортодоксальное учение, – пишет Поланьи, – начинало с постулирования склонности индивида к обмену, дедуцировало из нее логическую необходимость появления местных рынков и разделения труда и, наконец, выводило отсюда необходимость торговли, в конечном счете – торговли внешней, в том числе даже торговли дальней»¹⁵. В действительности всё было с точностью до наоборот. Дальняя торговля возникает гораздо раньше торговли местной. Да и внутренняя торговля в Западной Европе, считает Поланьи, возникла благодаря вмешательству государства¹⁶.

Основной огонь критики Поланьи направлен на то, что нигде и никогда не происходило автоматического превращения изолированных рынков в рыночную экономику, а рынков регулируемых – в рынок саморегулирующий. Такой процесс явился отнюдь не итогом какой-либо внутренне присущей рынкам тенденции к самовозрастанию, а «результатом действий весьма возбуждающих средств, которые были назначены социальному организму, чтобы помочь ему в ситуации, созданной не менее искусственным феноменом машины»¹⁷.

Саморегулирующийся рынок предполагает не только то, что все продукты производятся для продажи, но и что существуют рынки факторов производства. Следовательно, труд, земля и капитал приобретают, по мнению Поланьи, форму «фиктивных товаров». Однако товарная форма противоречит самой природе этих ресурсов, ведь носителем труда является живой человек, а земля как таковая (реки, поля и т. д. и страна в целом), конечно, не может быть объектом купли-продажи. Понятие «фиктивные товары» несет бóльшую нагрузку в концепции Поланьи. Поскольку он отождествляет товары с предметами¹⁸ (то есть путает социальную – товарную – форму и вещественный носитель – человек, природа, покупательная способность – этой формы), то неудивительно, что он потом пытается доказать, что факторы производства не являются сугубо вещественными (их природа шире этого понятия). Однако эта путаница не мешает ему показать, что рыночная экономика модифицирует все ресурсы, и общество, как может, пытается помешать сведению всех социальных форм к их экономическому содержанию.

¹⁵ Поланьи К. Указ. соч. С. 71.

¹⁶ Поланьи К. Указ. соч. С. 71–81.

¹⁷ Поланьи К. Указ. соч. С. 70.

¹⁸ «Понятие товара – вот что позволяет подключить рыночный механизм к разнообразным факторам экономической жизни. Товары определяются здесь эмпирически как *предметы* (выделено мною. – Р.Н.), производимые для продажи на рынке; сами рынки, опять же эмпирически, определяются как фактические контракты между продавцами и покупателями». Поланьи К. Указ. соч. С. 86.

5.2. История Спинхемленда

Развитие рыночной экономики и капиталистических отношений привело к резкой поляризации общества, где наряду с классом предпринимателей возник класс наемных работников. Процессы *пролетаризации* значительной части бывших крестьян и ремесленников привели к тому, что английское общество XVIII века попыталось приостановить процесс превращения основной массы населения в простой довесок к рынку. Поэтому Акт об оседлости 1662 года, который ограничивал физическую мобильность населения и прикреплял ее к своему приходу, был смягчен в 1795 году, когда был принят *Закон Спинхемленда*. Этот закон, принятый мировыми судьями графства Беркшир, собравшимися на постоялом дворе «Пеликан» (около Ньюсбери), попытался смягчить тяжелое положение бедняков. Судьи постановили, что в дополнение к заработной плате беднякам следует выдавать денежные пособия в соответствии со шкалой, привязанной к ценам на хлеб таким образом, чтобы независимо от заработной платы им обеспечить минимальный доход. Естественно, что такая мера носила чрезвычайный характер, потому что согласно закону Спинхемленда пособие мог получать даже человек, имеющий работу, при условии, что его заработок был ниже дохода, установленного для его семьи в соответствии со специальной шкалой. Филантропы приветствовали эту меру как акт милосердия, потому что, как бы ни понижалась заработная плата работников, родители фактически были избавлены от заботы о детях, которым уже не грозил голод¹⁹.

Результат действия этого закона оказался совершенно неожиданным, поскольку наличие пособия снижало стимулы к труду. Вместо того чтобы работать, повышать производительность труда и заработную плату, английские крестьяне стремились любыми средствами получить нищенское пособие. Поэтому закон невольно привел к всеобщей пауперизации сельского населения. Формирование резервной армии труда стало опережать создание промышленной армии в собственном смысле этого слова. Спинхемленд фактически «не только поощрял уклонение от работы и симуляцию нетрудоспособности, он сделал пауперизм привлекательным именно в тот критический момент, когда человек должен был напрягать все свои силы, чтобы избежать судьбы нищего»²⁰. Хотя стремление общества защитить себя от рыночной экономики не увенчалось успехом (и привело даже к прямо противоположному эффекту), оно рас-

¹⁹ Поланьи К. Указ. соч. С. 94

²⁰ Поланьи К. Указ. соч. С. 114.

тянуло период становления капитализма. Поэтому в 1834 году Закон Спинхемленда был отменен.

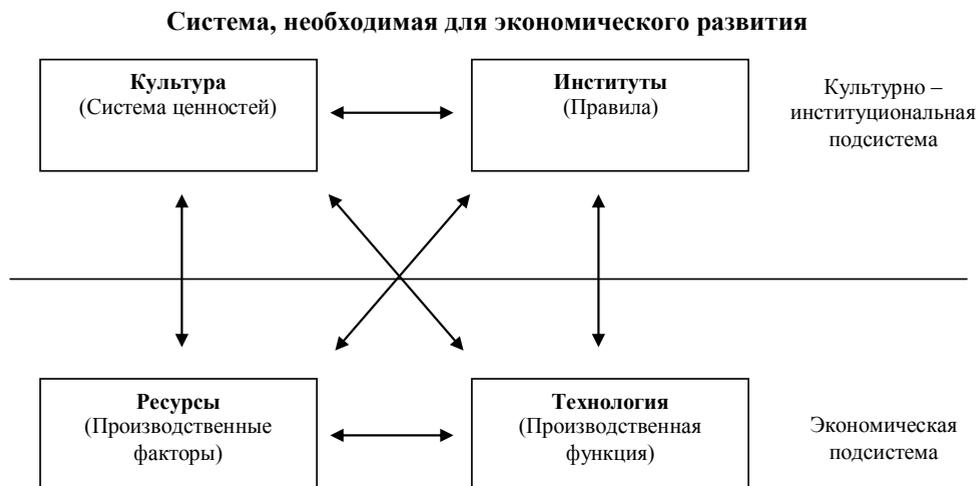

Рисунок 12. Взаимосвязанное развитие в социальной системе

Источник: Naayami Y. Development Economics From the poverty to wealth of nations. Oxford, 1997. P. 11.

Проделанный Карлом Поланьи исторический анализ становления и развития капитализма наглядно показывает, что если саморегулирующийся рынок и существовал, то чрезвычайно короткий период, и к тому же логика развития этого свободного рынка неизбежно привела его к полному краху, что ярко проявилось в годы Великой депрессии, а также Первой и Второй мировых войн.

Изучение институциональных моделей показало органическую взаимосвязь факторов, влияющих на генезис капитализма и экономическое развитие вообще. Исследования институционалистов показали, что развитие включает в себя не только экономическую подсистему, но и широкий спектр неэкономических переменных, включая формальные и неформальные институты, культуру и всю систему ценностей, без которой полноценное развитие невозможно (см. *рис. 12*).

В центре их внимания оказались не только проблемы роста душевого дохода, но и устранение абсолютного и относительного обнищания, сокращение неравенства, увеличение занятости и рост качества трудовых ресурсов и человеческого капитала в целом. Формирование человеческого капитала предполагает не только обеспечение основных потребностей

(детское питание, начальное и среднее образование, медицинское обеспечение и т. д.), но и возможности дальнейшего повышения квалификации, включая высшее образование и различные формы переподготовки кадров. Таким образом, они осуществили выход за рамки современной экономической теории – *economics*. Фактически, благодаря их усилиям стало очевидно, что экономическое развитие невозможно без глубоких изменений всей системы экономических институтов, социальных и политических отношений.

ГЛАВА 6

Британская промышленная революция и начало современного экономического роста*

Промышленная революция является одной из самых знаменательных вех в истории человечества. Она больше не рассматривается в качестве явления, резко изменившего тренд непрерывного развития, как предполагает ее название, а стала результатом экономического подъема, начавшегося в XVI веке. Тем не менее, в XVIII веке происходит решающий перелом в истории развития техники и экономики. Такие изобретения как прядильный станок («прялка Дженни»), паровой двигатель, выплавка металла на коксе и др. приобрели заслуженную славу¹, ведь они положили начало процессу, благодаря которому стало возможным благосостояние широких масс – по крайней мере, в западном мире – в XXI веке. Цель данной главы – дать объяснение, почему эти революционные события произошли в XVIII веке именно в Великобритании, и каким образом их дальнейшее развитие изменило мир.

* Автор: Роберт С. Аллен – профессор экономической истории (департамент экономики) Наффилдского колледжа Оксфордского университета (Великобритания).

¹ Так, среди ряда авторов (прежде всего Николаса Крафтса и Кника Харли) развернулась дискуссия о широте распространения технического прогресса во время промышленной революции, которые утверждали, что в период 1801–1831 годов рост производительности труда происходил только в наиболее известных, революционизированных отраслях производства. См.: *Crafts N. F. R. British Economic Growth During the Industrial Revolution*. Oxford, 1985; *Harley C. K. Reassessing the Industrial Revolution: A Macro View* // *Mokyr J. (ed.) The British Industrial Revolution: An Economic Perspective*. 2nd. ed. Boulder, 1999. Pp. 160–205; *Crafts N. F. R., Harley C. K. Output Growth and the British Industrial Revolution: A Restatement of the Crafts-Harley View* // *Economic History Review*. 2nd series. 1992. Vol. 45. Pp. 703–730; *Crafts N. F. R., Harley C. K. Simulating the Two Views of the Industrial Revolution* // *Journal of Economic History*. 2000. Vol. 60. Pp. 819–841. При этом Петер Темин утверждал, что рост производительности происходил в гораздо более широком спектре отраслей. См.: *Temin P. Two Views of the British Industrial Revolution* // *Journal of Economic History*. 1997. Vol. 57. Pp. 63–82. Несмотря на различные мнения о периоде 1801–1831 годов, очевидно, что с 1500 по 1850 год рост производительности труда происходил во многих отраслях, незатронутых промышленной революцией. В данной главе стимулы к совершению изобретений будут рассматриваться применительно ко всем отраслям производства, а не только к широко известным, обсуждаемым в данной работе.

Последний тезис определяет ключевой предмет данной работы – *британское происхождение* промышленной революции. Вплоть до последних десятилетий общепризнанным фактом являлось то, что промышленная революция началась в Великобритании с изобретений, которые легли в основу промышленного производства текстиля, перехода на уголь и кокс в металлургической промышленности и усовершенствования парового двигателя. Экономический рост на континенте стал возможен, после того как были внедрены эти инновации. Данная концепция подверглась пересмотру в исследованиях по национальным доходам, в которых утверждалось, что темпы экономического роста во Франции не отличались существенно от показателей Великобритании, несмотря на структурные различия в экономиках обеих стран. Отсюда возник тезис Дэвида О'Брайена и Кэглара Кейдера о том, что существовало «две траектории развития по направлению к XX столетию»². Эта критика вылилась в появившуюся недавно концепцию о *научной революции* – общеевропейском феномене, обусловившем промышленную революцию. Пусть эти выводы и расширили наше понимание о промышленной революции, мы всё же утверждаем, что промышленная революция в действительности имела британские корни.

Объяснение феномена промышленной революции издавна является проблемой общественных наук; в качестве ее причин указывались различные события из прошлого³. Роль парламентского контроля над исполнительной властью, гарантия прав собственности и гибкость правовой системы находятся в центре большинства дискуссий в настоящее время. Согласно этому подходу, кардинальные изменения в конце XVIII века берут начало со «*Славной революции*» 1688 года, которая закрепила власть парламента, минимальное вмешательство государства и гарантию прав собственности. Принято считать, что данные изменения в законодательстве создали благоприятный климат для инвестиций, что сделало возможным промышленную революцию⁴. Однако данная интерпретация

² O'Brien P. K., Keyder C. Economic Growth in Britain and France, 1780–1914: Two Paths to the Twentieth Century. London, 1978.

³ Hartwell R. M. The Causes of the Industrial Revolution. London, 1967; Mokyr J. Editor's Introduction: The New Economic History and the Industrial Revolution // Mokyr J. (ed.). The British Industrial Revolution: An Economic Perspective. Boulder, 1999.

⁴ North D. C., Weingast B. R. Constitutions and Commitment: Evolution of Institutions Governing Public Choice in Seventeenth Century England // Journal of Economic History. 1989. Vol. 49. Pp. 803–832; De Long J. B., Schleifer A. Princes and Merchants: European City Growth before the Industrial Revolution // Journal of Law and Economics. 1993. Vol. 36. Pp. 671–702; LaPorta R., Lopez-de-Silanes F., Schleifer A., Vishny R. W. Law and Finance // Journal of Political Economy. 1998. Vol. 106. Pp. 1113–1155; Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. The Rise of Europe: Atlantic Trade, Institutional Change and Economic Growth // American Economic Review. 2005. Vol. 95. Pp. 546–579.

имеет некоторые недостатки. Так, исследования банковских и процентных ставок не выявили каких-либо резких структурных изменений после 1688 года, так что улучшение инвестиционного климата не проявилось где-либо в финансовой сфере⁵. Права собственности во Франции, а возможно даже в Китае, гарантировались, по крайней мере, так же, как и в Англии⁶. Более того, можно даже утверждать, что Франция в какой-то мере даже пострадала из-за чрезмерных гарантий прав собственности: прибыльные проекты в области ирригации не были реализованы в Провансе из-за того, что во Франции не было аналогов законов о частной собственности, принятых британским парламентом, которые позволяли преодолевать сопротивление собственников, не желавших уступать свои земли под огораживания, для строительства каналов или прокладки магистралей через них⁷. Славная революция подразумевала, что «до 1688 года деспотическая власть существовала эпизодически, а после стала существовать всегда»⁸. Наконец, в Великобритании налоги были выше, чем за Ла-Маншем⁹. Как бы то ни было, между введением акцизного сбора на пиво или штрафа за нарушение залога (действительно обременительной процедуры в Англии XVIII века) и изобретением Джеймсом Уаттом изолированного конденсатора прошло довольно длительное время. Поэтому объяснение причин технологических прорывов должно быть сфокусиро-

⁵ *Clark G.* The Political Foundations of Modern Economic Growth: England, 1540–1800 // *Journal of Interdisciplinary History*. 1996. Vol. 26. Pp. 563–587; *Epstein S. R.* Freedom and Growth: The rise of states and Markets in Europe, 1300–1750, London, 2000); *Quinn S.* The Glorious Revolution's Effect on English Private Finance: A Microhistory, 1680–1705 // *Journal of Economic History*. 2001. Vol. 61. Pp. 593–615.

⁶ *Hoffman Ph. T., Postel-Vinay G., Rosenthal J.-L.* Priceless Markets: The Political Economy of Credit in Paris, 1660–1870. Chicago, 2000; *Pomeranz K.* The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World. Princeton, 2000.

⁷ *Rosenthal J.-L.* The Development of Irrigation in Provence, 1700–1860: The French Revolution and Economic Growth // *Journal of Economic History*. 1990. Vol. 50. No. 3. Pp. 615–638; *Innes J.* Politics, Property, and the Middle Class // *Parliamentary History*. 1992. Vol. XI; *Ibid.* The Local Acts of a National Parliament: Parliament's Role in Sanctioning Local Action in Eighteenth-Century Britain // *Dean D., Jones C.* (eds.). *Parliament and Locality*. Edinburgh, 1998. Pp. 23–47; *Hoppit J., Innes J., Styles J.* Towards a History of Parliamentary Legislation, 1660–1800 // *Parliamentary History*. 1994. Vol. XX.

⁸ *Hoppit J.* Patterns of Parliamentary Legislation, 1660–1800 // *The History Journal*. 1996. Vol. 39. P. 126.

⁹ *Mathias P., O'Brien P. K.* Taxation in England and France, 1715–1810 // *Journal of European Economic History*. 1976. Vol. 5. Pp. 601–650; *Ibid.* The Incidence of Taxes and the Burden of Proof // *Journal of European Economic History*. 1978. Vol. 7. Pp. 211–213; *Hoffman Ph. T., Norberg K.* Fiscal Crises, Liberty, and Representative Government, 1450–1789. Stanford, 1994; *Bonney R.* The Rise of the Fiscal State in Europe, c. 1200–1815. Oxford, 1999.

вано в большей степени на самой технологии, а не на дискуссиях о государственном устройстве.

Промышленная революция в своей основе представляла собой технологическую революцию, и чтобы ее лучше понять, необходимо сосредоточиться на изучении первопричин изобретений. Данная тема была открыта для экономистов исследованиями Джоэля Мокира¹⁰, и здесь мы будем рассматривать его взгляды на макроизобретения, научную революцию и индустриальное просвещение. В то время как Мокир обращает наше внимание на социальный контекст, в котором создавалось изобретение, а также на важность информационных потоков, мы попытаемся уточнить наше понимание, сосредоточившись на стимулах, которые двигали изобретателями, а также обстановке, в которой они работали. Данный подход означает, что промышленная революция в Великобритании в XVIII и XIX столетиях произошла не благодаря счастливому случаю¹¹, либо британским гениям, либо культуре или взлету в научном знании. Скорее в качестве причины следует рассматривать успехи Великобритании в международной экономике, способствовавшие поступательному экономическому развитию, которое предоставило британским изобретателям уникальные и крайне выгодные возможности. Промышленная революция была ответом на появление благоприятных возможностей.

Успехи в деловой сфере позволили Великобритании создать структуру заработной платы и цен, которые выгодно отличали ее от стран континентальной Европы и даже от Азии: в Великобритании заработная плата была достаточно высокой, а энергия – дешевой. Такая ситуация с заработной платой и ценами стала основополагающим фактором технологических прорывов восемнадцатого столетия, когда главной задачей было конвертировать капитал и энергию в производительность труда. Научные открытия и научная культура сами по себе не объясняют, почему Великобритания отличалась от остальной Европы. Очевидно, они являлись необходимыми условиями для промышленной революции, но одного этого было недостаточно: не сложись в Британии особой ситуации с заработной платой и ценами, Ньютон достиг бы столь же незначительно-го экономического прогресса в Англии, как и Галилей в Италии.

¹⁰ Mokyr J. *The Lever of Riches: Technological Creativity and Economic Progress*. New York, 1990; *Ibid.* *The Gifts of Athena: Historical Origins of the Knowledge Economy*. Princeton, 2002.

¹¹ Crafts N. F. R. *Industrial Revolution in England and France: Some Thoughts on the Question: "Why was England First?"* // *Economic History Review*. 1977. Vol. 30. Pp. 429–441.

Однако сложившаяся в Британии массовая культура имела характерные черты, отличавшие эту страну от большей части континента: более высокий уровень грамотности и умение считать, которые и подкрепляли технологические достижения XVIII века. Они не выступали в качестве самостоятельной движущей силы, однако являлись результатом экономического развития, которое предвосхитило промышленную революцию и сформировало экономику высокой заработной платы и дешевой энергии. В основе технологических прорывов промышленной революции лежала коммерческая и имперская экспансия Великобритании в XVII и XVIII веках, что обусловило появление специфической структуры заработной платы и цен. Политика государства строилась преимущественно на принципах меркантилизма и империализма.

Рабочая гипотеза данной главы состоит в том, что технологии были изобретены людьми, с целью заработать деньги. Эта идея имеет важный подтекст. Во-первых, изобретения являлись инвестициями, с расчетом на то что будущая прибыль должна компенсировать текущие расходы. Открытия в области техники представляли собой новую продукцию либо снижение стоимости производства существующей продукции. В любом случае рентабельность изобретения зависела от цен на продукцию и величины различных затрат. Как мы увидим, в Великобритании труд стоил чрезвычайно дорого, а энергия – чрезвычайно дешево, поэтому английские изобретатели пришли к выводу, что необходимо создавать машины, которые преобразуют энергию и капитал в полезный труд. Во-вторых, баланс между прибылью и затратами на изобретение зависел от размеров соответствующего рынка. Масштабы горнодобывающей промышленности в Британии в XVIII веке были гораздо больше, чем где-либо еще, так что отдача от изобретения усовершенствованной дренажной техники (то есть парового двигателя) в Великобритании была выше, чем во Франции или Китае. В-третьих, патенты, которые позволяли изобретателю получать всю прибыль от своего изобретения, повышали окупаемость и стимулировали новые открытия. Действительно, как утверждали Дуглас Норт и Роберт Томас¹², усовершенствованные права на интеллектуальную собственность объясняют бум изобретательства в период промышленной революции. Однако английское патентное право было введено в 1624 году и на протяжении большей части XVII века не привлекло особого интереса, таким образом, бум изобретений в XVIII веке объясняется скорее повышением стимулов для производства инноваций, нежели изменениями в законодательстве, которые лишь удовлетворяли уже суще-

¹² North D. C., Thomas R. P. The Rise of the Western World. Cambridge, 1973.

ствующий скрытый спрос на патентование¹³. В-четвертых, в условиях отсутствия патентов стимул к нововведениям был ограничен прибылью, которую изобретатель мог получить в рамках своего же собственного предприятия, а оно, скорее всего, было небольшим. Фирмы могли повышать отдачу от изобретений, изучая опыт друг друга. В этом случае они делили между собой расходы, а прибыли объединяли в общий фонд. Действительно, коллективные изобретения играли важную роль вплоть до прорыва частного изобретательства в XVIII столетии, не утратив своего значения до настоящего времени¹⁴.

Великобритания – экономика высокой заработной платы и дешевой энергии

Поскольку изобретения являются частью экономической активности, темпы их появления и характерные особенности зависят от факторов, оказывающих влияние на доходы бизнеса, прежде всего от стоимости производственных издержек. Понять, почему промышленная революция произошла в XVIII веке в Великобритании, будет легче, если сравнить показатели заработной платы и цен ведущих экономик того времени. В данных сравнениях британская экономика выделяется высокой заработной платой и дешевой энергией.

Наши представления о британских заработных платах в определенной мере формирует дискуссия об уровне жизни. Даже оптимисты, полагающие, что реальная заработная плата во время промышленной революции выросла, признают, что заработки в XVIII веке были низкими. Ра-

¹³ О функционировании английской системы патентования см. следующие работы: *Dutton H. I.* The Patent System and Inventive Activity during the Industrial Revolution, Manchester, Manchester University Press. 1984; *MacLeod Ch.* The 1690s Patent Boom: Invention or Stock-jobbing? // *Economic History Review*. 1986. Vol. 39. Pp. 549–71; *Ibid.* Inventing the Industrial Revolution: The English Patent System, 1660–1800. Cambridge, 1988; *Nuvolari A.* The Making of Steam Power Technology: A Study of Technical Change during the Industrial Revolution. Eindhoven, 2004; *Khan Z.* The Democratization of Invention: Patents, and Copy-rights in American Economic Development: 1790–1920. Cambridge, 2005; *Khan Z., Sokoloff K.* Of Patents and Prizes: Great Inventors and the Evolution of Useful Knowledge in Britain and America, 1750–1930 // presented to American Economic Association, 2006.

¹⁴ *Allen R. C.* Collective Invention // *Journal of Economic Behavior and Organization*. 1983. Vol. 4. Pp. 1–24; *Epstein S. R.* Craft Guilds, Apprenticeship, and Technological Change in Preindustrial Europe // *Journal of Economic History*. 1998. Vol. 58. Pp. 684–713; *Ibid.* Property Rights to Technical Knowledge in Premodern Europe, 1300–1800 // *American Economic Review*. 2004. Vol. 94. Pp. 382–387; *Nuvolari A.* The Making of Steam Power Technology; *Ibid.* Collective Invention during the British Industrial Revolution: the Cast of the Cornish Pumping Engine // *Cambridge Journal of Economics*. 2004. Vol. 28. Pp. 347–363.

зумеется, они были ниже современных показателей, однако недавние исследования истории зарплат и цен показали, что Британия имела экономику высоких заработных плат по четырем аспектам:

1. Заработная плата в Великобритании была выше, чем у конкурентов с учетом обменного курса;

2. Высокие британские заработки в серебряном эквиваленте обеспечивали более высокий уровень жизни, чем где-либо еще;

3. Заработная плата в Великобритании была высокой относительно стоимости капитала;

4. Заработки в Северной и Западной Англии были исключительно высоки по отношению к ценам на энергоресурсы.

Соответствующие эмпирические данные можно получить из статистических источников по заработной плате и ценам, собранным из исторических документов о ценах, составленных за период, начиная с середины XIX века. Обычно такие сведения основаны на архивах какого-либо учреждения за несколько веков (в нашем случае предпочтение было отдано учреждениям образования и медицины). Историки изучали их финансовую отчетность, фиксируя количество и цену всего, что покупалось и продавалось, и составляли таблицы среднегодовых показателей. Как правило, это были цены на ряд сельскохозяйственных и продовольственных товаров, а также ткани, топливо, свечи, строительные материалы, инвентарь и проч. Заработная плата и иные доходы также часто фигурировали в записях. Количество товаров определялось в местных единицах измерения веса и объема, а цены – в местных единицах расчета, поэтому их необходимо было приводить к международным стандартам. История цен фиксировалась в срезе многих европейских городов и исследования распространялись также на Азию.

Посредством компьютерной обработки этих материалов впервые стало возможным произвести сравнение между странами, что позволило переосмыслить наше понимание экономической истории. В частности, такие сравнения дают возможность по-новому взглянуть на происхождение промышленной революции, о чем мы будем говорить далее.

Итак, проследим историю изменения номинальной заработной платы строительных рабочих в наиболее значимых городах Европы и Азии, начиная со Средних веков до промышленной революции. Различные единицы расчета, в которых были сделаны записи, преобразованы и приведены в граммах серебра, так как серебряные монеты являлись тогда основным средством обмена. Получается, что расхождение по номинальной заработной плате в Европе конца позднего Средневековья было минимальным. Впоследствии в Восточной Европе произошел небольшой

рост заработной платы. Заработки в Западной Европе выросли в ходе «революции цен» (в 1550–1620 годах), после чего наблюдалось разнонаправленное движение динамики трудовых доходов с падением показателей в Центральной и Южной Европе, сглаживанием показателей по Азии и продолжающимся ростом по Лондону. Начиная с конца XVII века, заработная плата в Лондоне находилась на самом высоком уровне.

В XVI веке заработная плата в Лондоне была выше, чем где-либо еще в Великобритании. Однако к концу XVII века заработки в южных городах Англии, таких как Оксфорд, выросли и преодолели этот разрыв. Динамика роста заработной платы в Северной Англии была менее равномерной: в конце XVII века заработки строительных рабочих в таких городах, как Йорк были так же высоки, как в Оксфорде. На севере рост заработной платы прекратился в начале XVIII века, однако, несмотря на падение по отношению к югу, уровень номинальной заработной платы там был по-прежнему выше, чем в большинстве регионов континентальной Европы. Быстрый рост заработной платы к концу XVIII века вывел север на тот же уровень, что и юг, и во всех частях Англии заработная плата в серебряном эквиваленте была исключительно высокой¹⁵.

Сравнение с Азией еще больше подчеркивает высокие заработки в Великобритании в XVIII веке. В Пекине, Кантоне (Гуанчжоу. – *Примеч. ред.*), Японии и Бенгалии заработок рабочих составлял 1–2 г серебра в день, то есть менее половины заработка в Центральной или Восточной Европе и малую долю от заработков в экономически развитых странах северо-западной части континента¹⁶.

Обеспечивала ли высокая номинальная зарплата в Великобритании высокий уровень жизни, или же она нивелировалась высокими ценами? Для изучения этого вопроса были рассчитаны коэффициенты благосостояния по наиболее значимым городам. Коэффициент благосостояния

¹⁵ *Gilboy E. W. Wages in Eighteenth Century England*, Cambridge, 1934; *Allen R. C. The Great Divergence in European Wages and Prices from the Middle Ages to the First World War // Explorations in Economic History*. 2001. Vol. 38. Pp. 411–447; *Ibid. Poverty and Progress in Early Modern Europe // Economic History Review*. 2003. Vol. 56. Issue 3. Pp. 403–443.

¹⁶ *Özmuçur S., Pamuk S. Real Wages and Standards of Living in the Ottoman Empire, 1489–1914 // Journal of Economic History*. 2002. Vol. 62. Pp. 293–321; *Allen R. C. India in the Great Divergence // Hatton T. J., O'Rourke K. H., Taylor A. M. (eds.). The New Comparative Economic History: Essays in Honour of Jeffrey G. Williamson*. Cambridge, 2007. Pp. 9–32; *Allen R. C. et al. Wages, Prices, and Living Standards in China, 1738–1925: in comparison with Europe, Japan and India // Economic History Review*. 2011. Vol. 64. Pp. 8–38; *Allen R. C., Bengtsson T., Dribe M. Living Standards in the Past: New Perspectives on Well-Being in Asia and Europe*. Oxford, 2005.

определяется делением годового заработка за полный рабочий день¹⁷ на стоимость потребительской корзины, достаточной для содержания семьи на определенном уровне жизни – в данном случае на уровне прожиточного минимума.

В структуре потребительской корзины наибольшая доля расходов отведена на зерно, так как оно было самым дешевым в любом регионе (например, овес в Северной Европе, полента во Флоренции, сорго в Пекине, просо в Дели). Также в ее составе крайне малые доли занимают мясо, горох или бобы, масло, ткани, топливо и бытовые расходы. Установлено, что уровень потребления был крайне низким – около 1920 килокалорий в день для взрослого мужчины; пропорции других членов семьи соответствующие. Также были проведены расчеты по уровню жизни более состоятельных слоев населения, но относительные показатели остались неизменными. Как и в случае с определением динамики заработной платы, расчеты по состоянию потребительской корзины делались по шести городам – Лондону, Амстердаму, Вене, Флоренции, Дели и Пекину.

Сокращение численности населения, вызванное «Черной смертью», означало, что реальные доходы в XV веке были высокими везде. Коэффициенты благосостояния в Лондоне и странах Бенилюкс на протяжении раннего Нового времени были постоянными, хотя периодически происходили колебания.

Кроме того, работающие на полной занятости в этих регионах зарабатывали в 3–5 раз больше стоимости прожиточного минимума. Они тратили свои дополнительные доходы на более качественное питание (включающее хлеб, пиво и значительно больше мяса) и большее количество непродовольственных потребительских товаров, включая некоторые предметы роскоши периода «революции потребления» (*consumer revolution*) XVIII века¹⁸. В отличие от этого, по всему континенту реальный уровень жизни резко снизился, достигнув дна прожиточного минимума.

¹⁷ Строительные рабочие в Европе получали жалование ежедневно, и здесь мы допускаем, что в полном трудовом году было 250 рабочих дней, не считая воскресенья, религиозных праздников и непостоянной занятости. В Азии в основном жалование выплачивалось ежемесячно, поэтому занятость рассчитывается за все 12 месяцев.

¹⁸ *Shammas C.* The Pre-Industrial Consumer in England and America. Oxford, 1990; *McKendrick N., Brewer J., Plumb J. H.* The Birth of a Consumer Society: The Commercialization of Eighteenth-Century England. London, 1982; *de Vries J.* Between Purchasing Power and the World of Goods: Understanding the Household Economy in Early Modern Europe // *Brewer J., Porter R.* (eds.). Consumption and the World of Goods. London, 1993. Pp. 85–132; *Fairchild C.* The Production and Marketing of Populuxe Goods in Eighteenth-Century France // *Brewer J., Porter R.* (eds.). Op. cit. Pp. 228–248; *Weatherill L.* Consumer Behaviour & Material Culture in Britain, 1660–1760. Second ed. London, 1996; *Berg M.* Luxury & Pleasure in Eighteenth Century Britain. Oxford, 2005.

В XVIII веке во Флоренции и Вене полностью занятые строительные рабочие зарабатывали всего лишь на уровне прожиточного минимума, которого с трудом хватало на содержание семьи. Люди не могли себе позволить никаких излишек хлеба, мяса, пива или вина, не говоря уже об импортных предметах роскоши. В XVI веке реальные заработки в провинциальной Англии также резко снизились, но даже в период наибольшего падения доходов рабочие в Оксфорде получали по крайней мере на 50 % больше прожиточного минимума. Рост номинальной заработной платы к концу XVII века означал, что в XVIII веке коэффициент благосостояния в Оксфорде составлял от 2,5 до 3.

При сравнении с уровнем жизни в Азии достижения Англии выглядят еще более впечатляющими. Низкие зарплаты в серебряном эквиваленте на Востоке не компенсировались еще более низкими ценами на продовольствие. В XVIII и XIX веках коэффициенты благосостояния рабочих в Кантоне, Пекине и Японии были примерно равны единице – на уровне самых отсталых частей Европы. Массовый спрос на промышленные изделия был крайне ограниченным во всей Азии, так как большинство потребителей тратили свои доходы только на самое необходимое.

Во всех странах заработки мастеров (плотников, каменщиков и т.п.) следовали той же тенденции, что и доходы рабочих. Однако квалифицированные рабочие зарабатывали больше, чем неквалифицированные, так что их коэффициент благосостояния был выше везде. Мастера в Лондоне или Амстердаме зарабатывали в шесть раз больше, чем требовалось на приобретение корзины прожиточного минимума, в то время как их коллеги из Германии или Италии лишь на 50 % больше этого стандарта. В Северо-западной Европе мастера тратили большую часть излишков своего дохода на большее количество и лучшее качество продуктов питания. Тем не менее, в Великобритании и в станах Бенилюкс массовый рынок потребительских товаров был значительно больше, чем в большинстве стран Европы.

Третий аспект, доказывающий, что Великобритания имела экономику высокой заработной платы, заключается в соотношении уровня заработной платы и стоимости капитала. Для подтверждения этого тезиса рассмотрим соотношение дневной заработной платы строительного рабочего и индекса стоимости заемного капитала в Северной Англии, Страсбурге и Вене. Стоимость заемного капитала равна среднему значению индексов цен на железо, цветные металлы, дерево, кирпич, умноженному на процентную ставку плюс норма амортизации. Страсбург и Вена были выбраны ввиду того, что по этим городам имеются длинные статистические ряды по заработной плате и ценам и их данные выглядят

сопоставимыми с большинством стран Европы, кроме стран Бенилюкса. Эти статистические ряды рассчитаны с учетом паритета покупательной способности (ППС), что позволяет проводить сравнение как в пространственном, так и временном диапазоне.

С 1550 по 1650 год соотношение заработной платы и стоимости капитала оставалось постоянным и неизменным во всех городах. Далее показатели расходятся. Начиная с 1650 года в Англии труд становится всё более дорогим относительно стоимости капитала. Этот рост отражает повышение номинальной заработной платы в Великобритании в то время. Напротив, в Страсбурге и Вене на протяжении XVII–XVIII веков коэффициент заработной платы по отношению к стоимости капитала постепенно снижается.

Различные траектории соотношения зарплат и стоимости капитала сформировали разные системы стимулов к механизации производства в двух частях Европы. В Англии непрерывный рост стоимости рабочей силы по отношению к капиталу создавал гораздо более значительные стимулы к поиску способов замещения труда капиталом в производстве. На континенте же всё было с точностью до наоборот: неустойчивость ценового фактора побуждали предпринимателей искать пути замены капитала на более дешёвую рабочую силу. Следовательно, не «ньютоновская наука», а рост стоимости рабочей силы побуждали британских изобретателей и предпринимателей к поиску способов механизации производства, повышающих производительность труда.

И, наконец, четвертый аспект, доказывающий, что рабочая сила в Великобритании в эпоху индустриализации стоила дорого. Он заключается в сравнении заработной платы и цены на топливо. Для этого мы соотнесем размер заработной платы строительного рабочего и стоимость энергии в крупных городах Европы и Азии в начале XVIII века (для составления коэффициента были избраны следующие города: Амстердам, Лондон, Париж, Страсбург, Ньюкасл и Пекин). В данном соотношении цена килограмма топлива была разделена на его энергетический эквивалент, поэтому цены на энергоносители выражены в граммах серебра за миллион британских тепловых единиц (БТЕ / BTU). Коэффициент рассчитывался с учетом самого дешевого топлива, доступного в соответствующем городе: угля – в Лондоне и Ньюкасле, торфа – в Амстердаме, древесного угля или дров – в остальных городах.

Ньюкасл выделяется среди остального мира высокой стоимостью рабочей силы по отношению к стоимости энергии. В определенной степени высокий коэффициент соотношения отражает высокие заработки в Великобритании, однако решающим фактором была низкая стоимость

угля. Действительно, подобное соотношение характеризовало ситуацию на всех угольных месторождениях и в промышленных городах Великобритании (Шеффилд, Бирмингем и др.), построенных при них.

Единственное место за пределами Великобритании с аналогично высоким коэффициентом стоимости труда по отношению к стоимости энергии – это, вероятно, район угольного месторождения в окрестностях Льежа и Монса в современной Бельгии. Высокая стоимость рабочей силы по отношению к цене топлива в Великобритании обусловила особенно сильный стимул для замены труда топливом. В Китае ситуация была противоположной: топливо было дорогим по сравнению с рабочей силой. Китайцы изобрели очень большие печи для обжига керамики, которые имели высокое соотношение объема к площади поверхности и таким образом хорошо держали тепло. В Великобритании наоборот: печи были небольшими с неэффективной теплоизоляцией.

Почему заработная плата и цены в Великобритании были особенными?

Специфика заработных плат и цен в Великобритании была обусловлена двумя факторами. Первый из них – успехи Великобритании в мировой экономике, которые отчасти были результатом государственной политики. Второй – особенности географии: угольные месторождения в Англии были обширными и легко эксплуатируемыми.

В доиндустриальной Европе реальная заработная плата изменялась обратно пропорционально численности населения. Как было показано выше, реальная заработная плата в Великобритании и Италии выросла после эпидемии чумы в сентябре 1348 года, в результате которой население сократилось примерно на треть. При возобновлении роста населения в большинстве стран Европы реальная заработная плата снизилась в период между XV и XVIII веками. Страны Бенилюкса были существенным исключением из данной тенденции. В XVI веке реальная заработная плата в сельской Англии снизилась, но Лондон выбивается из этой тенденции, так же как Антверпен и Амстердам, и в действительности, как мы видим, начиная с 1650 года уровень жизни вырос, преимущественно в Южной Англии. Почему же ситуация в Англии и странах Бенилюкса была гораздо лучше?

Значительно более высокая заработная плата в Северо-западной Европе была связана с бумом в международной торговле. В Англии бум начался с экспорта «новых тканей» в конце XVI века. Это были легкие шерстяные одежды, производимые в Восточной Англии и экспортируемые в страны средиземноморья через Лондон. Между 1500 и 1600 годами

население Лондона выросло с 50 до 200 тыс. в результате роста спроса на рабочую силу, вызванного развитием торговли. Во времена Английской республики Кромвель начал проводить активную имперскую политику, которая продолжалась на протяжении всего XVIII века¹⁹. В эпоху меркантилизма имперская политика была необходима для расширения торговли, что, в свою очередь, привело к урбанизации. Между 1600 и 1700 годами население Лондона снова удвоилось и к 1800 году приблизилось к миллиону. В XVIII веке урбанизация охватила всю Англию по мере увеличения объема торговли с колониями и расширения промышленного производства, ориентированного на рынки колоний. Между 1500 и 1800 годами доля населения Англии, живущего в населенных пунктах с численностью более 10 тыс. человек, увеличилась с 7 до 29 %. Доля работающих в сельском хозяйстве снизилась с 75 до 35 %. Только в странах Бенилюкса, экономика которых также была ориентирована на международную торговлю, происходили такие же структурные изменения. В XVIII веке в Англии и Голландии объем торговли на душу населения был намного больше, чем в других странах Европы. Эконометрический анализ показывает, что больший объем торговли объясняет сохранение (или увеличение) уровня заработной платы в этих странах даже при росте их населения²⁰.

Угольные месторождения были вторым фактором, обусловившим особую структуру заработных плат и цен в Англии. Уголь имеет длинную историю в качестве причины промышленных достижений Великобритании. Ряд ученых²¹ начали использовать современные методы исследования. Здесь необходимо добавить два пункта к данной дискуссии.

Во-первых, угля в Великобритании было много и он был дешевым, по крайней мере в Северной и Западной Англии на территории или вблизи угольных месторождений. Для сопоставления, возьмем цены на энергоносители в передовых городах начала XVIII века (Амстердам, Лондон, Париж, Страсбург, Ньюкасл, Пекин). В то время в Лондоне не было осо-

¹⁹ *O'Brien P. K.* It's not the Economy, Silly. It's the Navy. 2006.

²⁰ *Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.* Op. cit.; *Wrigley E. A.* A Simple Model of London's Importance in Changing English Society and Economy, 1650–1750 // *Wrigley E. A.* (ed.). *People, Cities and Wealth.* Oxford, 1987. Pp. 133–156; *O'Brien P. K.* Imperialism and the Rise and Decline of the British Economy, 1688–1989 // *New Left Review.* 1999. No. 238. Pp. 48–80; *Ormrod D.* *The Rise of Commercial Empires.* Cambridge, 2003; *Allen R. C.* *Economic Structure and Agricultural Productivity in Europe, 1300–1800* // *European Review of Economic History.* 2000. Vol. 3. Pp. 1–25; *Ibid.* *Poverty and Progress in Early Modern Europe.*

²¹ *Jevons W. S.* *The Coal Question: an inquiry concerning the progress of the nation and the probable exhaustion of our coal mines.* London, 1865; *Nef J. U.* *The Rise of the British Coal Industry.* London, 1932; *Smil V.* *Energy in World History.* Boulder, 1994; *Pomeranz K.* Op. cit.; *Sieferle R.* *The Subterranean Forest: Energy Systems and the Industrial Revolution.* Cambridge, 2001; *Wrigley E. A.* *Continuity, Chance and Change.* Cambridge, 1988.

бенно дешевого топлива, а в Ньюкасле было много. Разница в цене на энергоносители между двумя городами была равна расходам на доставку угля с Тайна на Темзу. Несмотря на то что маршрут пролегал по океану, расходы на перевозку составляли большую часть цены на уголь в Лондоне. Цены на уголь в других городах Северной и Западной Англии были примерно как в Ньюкасле. По крайней мере, однажды благоустройство канала вызвало снижение внутренних транспортных расходов. Ни в одном регионе мира, пожалуй, лишь за исключением юга Бельгии, не было такого сочетания многочисленного населения и дешевых энергоносителей. Однако в 1800 году добыча угля в Бельгии составляла всего лишь 3 % от британской и отдача от изобретения технологии с использованием угля соответственно была ниже.

Дешевое топливо имело важное значение по двум причинам. Во-первых, дешевый уголь повысил стоимость рабочей силы по отношению к цене на энергоносители и тем самым способствовал появлению спроса на технологии, использующие энергоносители. Кроме того, энергоносители играли важную роль в производстве металлов и кирпича, которые доминировали в ценообразовании на капитальные услуги. Дешевая энергия способствовала падению цены капитала по отношению к заработной плате и таким образом стимулировала замену труда капиталом.

Во-вторых, уголь является природным ресурсом, но угольная промышленность не природное явление. Некоторая добыча угля велась еще в Средние века²². Ее увеличение произошло в Лондоне в конце XVI века, но не только это вызвало подъем угольной промышленности. По мере роста Лондона спрос на топливо повышался, и стоимость дров и древесного угля резко возросла, так как топливо везли издалека. С другой стороны, с XV по XIX век уголь имелся в неограниченном количестве по постоянной реальной стоимости. В конце Средних веков каменный и древесный уголь продавались в Лондоне примерно по одинаковой цене за БТЕ. Рынок угля ограничивался спросом в кузнечном деле и обжиге извести. Во всех других сферах применения энергоресурсов углю предпочитали серу. Поскольку в конце XVI века произошел стремительный рост населения Лондона, спрос на топливо и цены на уголь и дрова также выросли. К 1585 году дрова продавались в два раза дороже за БТЕ по сравнению с углем. Такая разница побудила потребителей искать пути замены дров углем, что было действительно сложной задачей²³, и поставки угля из Ньюкасла в Лондон начали стремительно расти.

²² *Hatcher J.* The History of the British Coal Industry. Vol. I. Before 1700: Towards the Age of Coal. Oxford, 1993.

²³ *Nef J. U.* Op. cit.

Таким образом, подъем угольной промышленности произошел благодаря росту Лондона. Поскольку это произошло в связи с расширением международной торговли, эксплуатация угольных ресурсов Великобритании стала результатом успехов страны в мировой экономике, а также благодаря наличию месторождений угля.

В городах Голландии ситуация была противоположной, что еще больше подтверждает данную гипотезу²⁴. Угольные месторождения простиравшиеся от Северо-восточной Франции через Бельгию в Германию были полезными и доступными, так же как в Англии. За исключением шахт в районе Монса и Льежа, они в большинстве своем не разрабатывались вплоть до XIX века. Главный вопрос – почему рост городов в Нидерландах не способствовал разработке Рурского месторождения угля параллельно добыче угля на севере Англии?

Урбанизация в странах Бенилюкса также вызвала рост спроса на топливо. Однако вначале там использовали голландский торф. Это привело к ограничению роста цен на топливо, таким образом, не появилось никаких экономических стимулов для развития транспорта Рура или решения политико-налоговых проблем, связанных с перевозкой угля вниз по Рейну. После зарождения промышленности в Ньюкасле стало возможным поставлять уголь в страны Бенилюкса так же дешево, как в Лондон, и в Голландской республике рынок ограничил цены на энергоносители, тем самым опередив разработку угля в Германии. Это было знаменательное событие: если бы германский уголь был разработан в XVI веке, а не в XIX, промышленная революция, возможно, стала бы голландско-немецким прорывом, а не достижением Великобритании.

Главная причина особенной заработной платы и цен в Великобритании: замена труда капиталом

Экономика высокой заработной платы и дешевой энергии в Великобритании стала важным фактором, определяющим темпы и характер технического прогресса. Имела место взаимосвязь спроса и предложения, и здесь мы начнем с первого. При их анализе полезно различать производственные и технологические инновации, так как они находились под влиянием различных особенностей структуры цен.

²⁴ *Pounds N. J. G., Parker W. N. Coal and Steel in Western Europe. London, 1957; De Vries J., van der Woude Ad. The First Modern Economy: Success, Failure and Perseverance of the Dutch Economy, 1500–1815. Cambridge, 1997; Unger R. W. Energy Sources for the Dutch Golden Age: Peat, Wind and Coal // Research in Economic History. 1984. Vol. 9. Pp. 221–253.*

Историки, изучающие потребление, подчеркивали роль инновационных продуктов в качестве причины промышленной революции²⁵. Торговля с Азией открыла возможность поставки в Британию новых товаров: хлопчатобумажных тканей, китайского фарфора, кофе и чая. Высокая заработная плата в Великобритании подразумевала, что спрос на эти товары был не только среди представителей среднего класса, но и среди квалифицированных рабочих и даже простых рабочих, поэтому рынок здесь был гораздо шире, чем в большинстве стран Европы. Британские производители попытались наладить производство этих товаров или их аналогов для удовлетворения данного спроса. Хлопчатобумажные ткани – известный пример, который мы рассмотрим позже. Также английские производители (Джозайя Веджвуд является самым известным) начали производить такой инновационный продукт, как фарфор, были разработаны материалы и дизайн, которые могли бы конкурировать с китайскими²⁶. Важный момент – промышленная революция была подготовкой к импортозамещению.

Технологические инновации были важны сами по себе, и большая часть инновационной продукции также участвовала в реорганизации производственных процессов, чтобы отвечать условиям в Великобритании того времени. Также имело важное значение соотношение оплаты труда и стоимости капитала и энергоносителей. Высокая и продолжающая расти заработная плата в Великобритании вызвала спрос на технологии, которые замещали труд капиталом и энергией. В конце Средних веков во всей Европе соотношение труда и капитала различалось мало. Когда заработная плата в Великобритании выросла по сравнению с ценой капитала, стало выгодно заменить труд капиталом, что и было сделано. Сэр Джон Хикс высказал следующую мысль: «Истинная причина преобладания изобретений, снижающих трудозатраты, безусловно, заключается в том, что <...> изменение соответствующих цен на производственные факторы само по себе является стимулом для инноваций и изобретений особого типа – направленного на экономию использования фактора, который стал относительно дороже»²⁷.

Джон Хабаккук²⁸ использовал эту мысль для доказательства того, что в XIX веке высокая заработная плата побудила американцев изобрести технологии, снижающие трудозатраты, и подобная ситуация сложилась и

²⁵ Berg M. Op. cit.

²⁶ Young H. English Porcelain: 1745–95. London, 1999.

²⁷ Hicks J. The Theory of Wages. London, 1932. Pp. 124–125.

²⁸ Habakkuk H. J. American and British Technology in the Nineteenth Century. Cambridge, 1962.

в Великобритании XVIII века²⁹. С тех пор экономисты спорят, как сформулировать эти идеи³⁰. Одной из проблем является то, что предприниматели озабочены только расходами в целом, а не стоимостью рабочей силы или энергии в отдельности, поэтому любое сокращение расходов приветствуется в равной степени. Мы не будем здесь рассматривать данные споры. Вместо этого мы попытаемся продемонстрировать, что изобретения в британской промышленной революции согласуются с наблюдениями Хикса, в то время как последующее совершенствование технологии больше похоже на нейтральный процесс. Следующие обобщения можно применить ко многим изобретениям, в том числе самым известным:

1. Изобретения в Великобритании делались из соображений выгоды. Они позволяли экономить трудозатраты, используя энергию и капитал.

Благодаря Адаму Смиту, булавочная мануфактура является самым известным примером производственного процесса XVIII века. Смит утверждал, что высокая производительность была достигнута за счет разделения ручного труда между работниками. Очень вероятно, что он получил свои знания из Энциклопедии Дени Дидро и Жана д'Аламбера³¹ так как в обоих текстах производственный процесс делится на 18 этапов, что не может быть совпадением³². Действительно, Смит, по-видимому,

²⁹ Райнер Фремдлинг ставит под сомнение такую возможность. *Fremdling R. Transfer Patterns of British Technology to the Continent: The Case of the Iron Industry // European Review of Economic History*. 2000. Vol. 4. Pp. 168–169. Джоэль Мокир также высказывает целый ряд возражений против этого постулата. *Mokyr J. Editor's Introduction: The New Economic History and the Industrial Revolution // Mokyr J. (ed.). The British Industrial Revolution: An Economic Perspective*. Boulder, 1993. Pp. 87–89.

³⁰ *David P. Technical Choice, Innovation, and Economic Growth: Essay on American and British Experience in the Nineteenth Century*, Cambridge, 1975. Pp. 19–91; *Temin P. Notes on Labor Scarcity in America // Journal of Interdisciplinary History*. 1971. Vol. 1. Pp. 251–264; *Ruttan V. W. Technology, Growth, and Development: An Induced Innovation Perspective*. Oxford, 2001; *Ruttan V. W., Thirtle C. The role of Demand and Supply in the Generation and Diffusion of Technical Change*. London, 2001; *Acemoglu D. Factor Prices and Technical Change: From Induced Innovations to Recent Debates // Knowledge, Information and Expectations in Modern Macroeconomics: In Honor of Edmund Phelps / ed. by Philippe Aghion et al. Princeton, 2003.*

³¹ *Diderot D., d'Alembert J. le R. (eds.). Encyclopédie, ou Dictionnaire Raisonné des Sciences, des Arts et des Métiers, par une Société de Gens de Lettres*. Paris, 1751–1772. (здесь: 1765. Vol. V. Pp. 804–807, Vol. XXI: 'épinglier').

³² Жан-Луи Пёсель очень тщательно рассмотрел источники, на которые опирался Смит и обнаружил также ряд французских изданий, которыми, по его мнению, пользовался шотландский экономист. Все эти источники описывают производство в Нормандии. *Peaucelle J.-L. La division du travail: Adam Smith et les encyclopédistes observant la fabrication des épingles en Normandie // Gérard et Comprendre*, 1999. No. 57. Pp. 36–51; *Ibid. Raisonner sur les épingles, l'exemple de Adam Smith sur la division du travail // Revue d'Économie Politique*. 2005. Vol. 115. Pp. 499–519; *Ibid. Adam Smith, la division du travail, et la fabrication d'épingles, Éditions du CNRS*. 2006.

пользовался энциклопедией с конкретной целью, – как предполагал Мокир, – чтобы узнать о новейших технологиях.

Но здесь есть одна сложность. Текст энциклопедии основывается на методах производства, использовавшихся на мануфактуре в нормандском городе Л'Эгль, и это были не те передовые методы производства, которые были приняты в Великобритании. Первая высокотехнологичная булавочная мануфактура в Англии была построена компанией *Dockwra Copper* в 1692, а за ней в середине следующего века появилось предприятие в деревне Уормли, возле Бристоля³³. Мануфактура в Уормли стала популярной местной достопримечательностью³⁴, ее посещал, в частности, Артур Янг. Оба предприятия славились высоким уровнем механизации производства и разительней всего отличались от мануфактуры в Нормандии с точки зрения источников энергии. В Л'Эгле машины приводились в действие людьми, крутившими маховые колеса. В Уормли мануфактура работала на водяной тяге. Поскольку естественный поток воды был непостоянным, на предприятии использовался также паровой двигатель Ньюкомена, который откачивал воду из стока водяного колеса обратно в резервуар, откуда она поступала на колесо. «Все станки и колеса приводятся в движение водой; для перекачки воды используется удивительнейший огненный двигатель, который перекачивает, как говорят, три тысячи бочек в минуту»³⁵. Использование энергии воды на фабрике привело к сокращению рабочих, крутивших колесо (их зарплаты составляли одну шестую стоимости изготовления булавок из медной катанки), а также, вероятно, и других рабочих мест. Многие французские рабочие, например, занимались промывкой булавок. На английских фабриках того же времени промывка производилась на крупных станках, работавших на водяной тяге³⁶. Артур Янг отмечал, что фабрика в Уормли – это «крайне стоящее зрелище». Жаль, что Адам Смит решил узнать о последних технологиях из французской энциклопедии, вместо того чтобы отправиться путешествовать вместе с Артуром Янгом.

Почему англичане использовали более капиталоемкую и энергоемкую технологию, чем французы? Л'Эгль стоял на реке, и вода приводила в

³³ *Hamilton H.* The English Brass and Copper Industries to 1800. London, 1926. Pp. 103, 255–257.

³⁴ *Russell P.* England Displayed. Being a new, complete, and accurate survey and description of the Kingdom of England, and principality of Wales...By a Society of Gentlemen. London, 1769.

³⁵ *Young A.* A Six Weeks Tour through the South Counties of England and Wales. Dublin, 1771. P. 138.

³⁶ В начале XVIII века мочная техника с водяным приводом еще использовалась и ее можно было увидеть в Музее игл Фордж-Милл в Реддитче.

движение кузнечный цех в городе, так что его географическое положение было благоприятным (более того, паровой двигатель в Уормли доказывает, что силу воды можно было использовать практически где угодно, если раскошелиться на паровой двигатель). Шведский инженер Райнхольд Ангерштайн³⁷ посетил Уормли в 1750-е годы и отметил, что фабрика использует еженедельно 5000 бушелей каменного угля и этот уголь, поскольку у фабрики есть своя собственная угольная шахта, стоит всего три шведских штивера за бушель. Такая цена составляет около половины цены угля в Ньюкасле. Кроме этого зарплаты в Англии были существенно выше, чем во Франции.

Нововведения в области производства булавок являются примером того, как цены на факторы производства направляли эволюцию производства.

2. Как результат обоснованной в пункте 1 гипотезы, снижение затрат в Великобритании сыграло ключевую роль в образовании цен на производственные факторы, поэтому новые технологии были внедрены именно в Великобритании, а не на материке.

Одной из главных тем в истории промышленной революции является отставание во внедрении британских технологий на материке. Там существовала тенденция рассматривать изобретения индустриальной революции как удивительные улучшения, которые лишь идиот будет игнорировать. Плавка металлов на коксе является значимым примером, и Дэвид Ландес³⁸ объясняет ее медленное проникновение на материк предпринимательской неудачей. Однако внимательное изучение экономики показывает, что плавка на коксе была невыгодна во Франции и Германии до середины XIX века³⁹. Продолжение использования угля было рациональным поведением с учетом цен на факторы производства на материке. То есть запаздывание с внедрением означает, что британская технология не была экономически эффективной из-за производственных расходов на материке.

3. Знаменитые изобретения эпохи промышленной революции были сделаны именно в Великобритании, а не в каком-либо другом месте мира, потому что необходимые НИОКР (научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки) окупались только в Великобритании (в местных условиях) и были невыгодны в каком-либо другом регионе.

³⁷ *Angerstein R. R. R.R. Angerstein's Illustrated Travel Diary, 1753–1755: industry in England and Wales from a Swedish perspective / translated by Torsten and Peter Berg. London: Science Museum, 2001. Pp. 138.*

³⁸ *Landes D. S. The Unbound Prometheus: Technological Change and Industrial Development in Western Europe from 1750 to the Present. Cambridge, 1969. Pp. 216, 528.*

³⁹ *Fremdling R. Transfer Patterns.*

Исследования и разработки были высокозатратными, и это имеет основополагающее значение для изобретательской деятельности в XVIII веке. Следовательно, изобретения делались только тогда, когда прибыль превышала расходы на исследования и разработку. Если французы или немцы не внедрили изобретение, когда оно было в свободном доступе, то только потому, что это не принесло бы им никакой пользы, и не было бы никакого смысла в расходовании ресурсов на это изобретение. Если мы спросим, почему выплавка на коксе, прядильный станок или паровой двигатель были изобретены в Англии, а не в Китае или во Франции, то можно ответить, что запаздывание с внедрением означает, что степень экономической отдачи от их технической разработки вне Великобритании была равна нулю. Чтобы понять сущность изобретения, мы не должны увлекаться скрытыми вопросами, которые возникают в ходе дискуссии на темы: «Имела ли китайская наука достаточно развитую концепцию вакуума для создания парового двигателя низкого давления?». «Была ли французская инженерная наука склонна к теоретизированию, в то время как британская была эмпирической?» Ответ заключается в различных экономических условиях, которые в разных странах способствовали изобретению различных технологий.

4. После внедрения в Великобритании новой технологии инженеры продолжали совершенствовать ее, зачастую добиваясь экономии производственных затрат, которые были дешевы в Великобритании. Это сделало британские технологии эффективными во многих регионах, что позже, в XIX веке, привело к их распространению по всему континенту.

По мере развития технологий в Великобритании расход капитала и энергии снижался. Стэнли Чапман⁴⁰ отмечает, что «механический гений Ланкашира был направлен на снижение затрат предприятия, которые упали с 2 ф. ст. за шпиндель в разгар эпохи Аркрайта до менее чем 1 ф. ст. за шпиндель к 1836 году». То же самое произошло и с паровым двигателем: первые двигатели Ньюкомена расходовали много топлива. В середине XVIII века Смитон усовершенствовал их, сократив расход угля. Изолированный конденсатор Уатта экономил больше топлива. Паровой двигатель высокого давления и двигатель Корниша намного уменьшили потребление энергии⁴¹.

К середине XIX века паровые двигатели уже могли эксплуатироваться во Франции, несмотря на то, что уголь там был дороже, так как они расходовали меньше угля. Вершиной этого процесса стало создание

⁴⁰ *Chapman S. D. Fixed Capital Formation in the British Cotton Industry 1770–1815 // Economic History Review. 1970. Vol. 23. P. 253.*

⁴¹ *Nuvolari A. The Making of Steam Power Technology.*

сложноконденсатных морских двигателей, которые сделали эксплуатацию пароходов дешевле, чем клиперных судов на очень протяженных маршрутах от Тихого океана до Великобритании⁴².

Три идеалистических толкования

Выдвинутая здесь теория объясняет технологические прорывы промышленной революции с точки зрения экономической базы общества: природных ресурсов, международной торговли, возможности получения прибыли. Благодаря их влиянию на заработную плату и цены, эти движущие силы оказали воздействие как на спрос на технологии, так и на его обеспечение. Альтернативный подход отсылает промышленные предпосылки изобретений назад, в царство идей и культуры. Эта точка зрения родилась у историков культуры, таких как Маргарет Джейкоб⁴³ и Ларри Стюарт⁴⁴, и у экономистов, таких как Джо Мокир⁴⁵. Сочинения последнего имели большое значение и поместили историю технологий в центр дебатов, подчеркивая важность рамок и каналов связи для понимания изобретения. Однако история динамики заработной платы и цен, а также детальное исследование известных изобретений (которые будут рассмотрены далее) предполагают, что экономическая эволюция оказала более сильное влияние на изобретения, чем автономные изменения в культуре или идеях.

Ниже приводятся три различных идеалистических толкования промышленной революции, которые требуют рассмотрения:

1. Технологические прорывы были «макроизобретениями», то есть творениями гения или интуиции, а не ответами на экономические стимулы.

2. Технологические прорывы были воплощением научных открытий, которые были сделаны во имя науки, а не экономики.

3. Промышленная революция была результатом распространения научной культуры, которая сделала людей более любознательными, способными к точным наукам и более систематичными в своем исследовании технологии. Это культурное преобразование было связано с успехом и примером ньютоновской науки.

⁴² *Harley C. K. The Shift from Sailing Ships to Steam Ships, 1850–1890: A Study in Technological Change and its Diffusion // Essays on a Mature Economy: Britain after 1840 / ed. by D. N. McCloskey. Princeton, 1971. Pp. 215–234.*

⁴³ *Jacob M. C. The Cultural Meaning of the Scientific Revolution. Philadelphia, 1988; Ibid. Scientific Culture and the Making of the Industrial West. New York, 1997.*

⁴⁴ *Jacob M., Stewart L. Practical Matter: Newton's Science in the Service of Industry and Empire: 1687–1851. Cambridge, 2004.*

⁴⁵ *Mokyr J. The Gifts of Athena.*

Данные возможности скорее влияют на предложение технологии, а не на спрос на нее. Первые два пункта увеличили предложение технологии путем снабжения инженеров «большими идеями» для развития. Третий пункт улучшил способность инженеров воплощать идеи в коммерческое применение.

Сначала рассмотрим макроизобретения. Они отличаются от микроизобретений, которые являются «малыми дополнительными шагами по улучшению, адаптации и оптимизации существующих методов, которые уже используются, сокращению затрат, улучшению формы и функции, повышению прочности и снижению энергетических и сырьевых материальных потребностей»⁴⁶. Микроизобретения становятся «более или менее понятными при помощи стандартных экономических концепций. Они являются результатом поиска и изобретательских усилий и реакцией на цены и стимулирование»⁴⁷.

В отличие от этого, макроизобретения воплощают «радикально новую идею без ясного прецедента» и возникают на «более или менее пустом месте». Они «по-видимому, не подчиняются очевидным закономерностям, необязательно реагируют на стимулы и бросают вызов большинству попыток связать их с экзогенными экономическими переменными. Многие из них появляются в результате гениального озарения, благодаря удаче или интуиции»⁴⁸. Выдающимся примером является механический прядильный станок⁴⁹.

Усилие чистого гения трудно взаимоотноувязывается с нашим обсуждением заработной платы, цен и стимулов, созданных ими для изобретения технологии; при данном анализе все изобретения эпохи индустриальной революции трактуются как микроизобретения. Какими же они были: микро или макро? Критерии определения: (а) понять, появился ли механический прядильный станок «на пустом месте» или он был развитием существующих идей и (б) понять, было ли его изобретение частью программы развития, которая имела смысл с точки зрения экономических возможностей. Когда мы проводим эти исследования, мы видим, что известные изобретения промышленной революции больше похожи на микро, чем на макроизобретения.

Какое место занимало научное открытие в качестве источника технологии XVIII века? Это излюбленная тема президентов и ректоров университетов, и эту же точку зрения отстаивают деятели науки начиная с XVII века. В 1671 году Роберт Бойль писал: «Изобретения гениальных

⁴⁶ Mokyr J. The Lever of Riches. P. 13.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Mokyr J. Editor's Introduction. P. 20.

умов, если они пользуются спросом, обеспечивают многих работой и дают ремесленникам новые средства добывания пропитания и даже обогащения». Естествоиспытатели приносили экономике пользу, изобретая новые товары (например, часы с маятником), а также решая производственные задачи (Корнелиус Дреббел, например, изобрел красную краску). Однако больше всего Бойля восхищала возможность изобретения новых машин: «Когда мы видим, что ветряная мельница пилит древесину, что хрупкие инструменты режут металл и что машина даже ткёт шелковые чулки... мы испытываем соблазн спросить, есть ли вообще работа, которую механические приспособления не могли бы позволить человеку выполнять с помощью машин». Бойль считал, что возможностей существует больше, «чем даже торговые люди или ученые люди могут себе вообразить», и что со временем экспериментальная наука их обнаружит⁵⁰.

Прав ли был Бойль? Влияние научных открытий на технологии было тщательно изучено в 1960-е годы и большинством историков признано несущественным⁵¹. Нельзя, однако, исключать, что эти историки были слишком категоричны и что научные открытия всё же послужили основой важных технологических достижений промышленной революции. Возможно, Холл не смог найти связи между научными открытиями и новыми технологиями потому, что проанализировал только период до 1830 года. Холл вполне справедливо заключил, что теория латентной теплоты не оказала существенного влияния на изобретение Уаттом отдельного конденсатора. Однако проблема этого довода в том, что научные исследования, повлиявшие на промышленную революцию, были сделаны до 1700 года, а не после 1760.

Самые важные научные открытия были связаны с атмосферным давлением: это было открытие того, что у атмосферы есть вес, а также идея о том, что, сконденсировав пар, можно получить вакуум⁵². Зарождение этих идей – это отдельная история, связанная со многими выдающимися личностями XVII века: Галилео Галилеем, Эванджелиста Торричелли, Отто фон Герике, Робертом Бойлем, Робертом Гуком, Христианом Гюйгенсом и Дени Папеном. Кульминацией исследований атмосферного давления стало изобретение Томасом Севери парового насоса в 1698 году, а также изобретение Томасом Ньюкоменом парового двигателя в 1712 году. Это было

⁵⁰ Boyle R. Some Considerations Touching the Usefulness of Experimentall Philosophy. Vol. II. Oxford, printer to the University, 1671. Essay 4. P. 20.

⁵¹ Musson A. E., Robinson E. Science and Technology in the Industrial Revolution. Manchester, 1969; Mathias P. Who Unbound Prometheus? Science and Technical Change, 1600–1800 // Science, Technology and Economic Growth in the Eighteenth Century / ed. by A.E. Musson. London, 1972. Pp. 69–96.

⁵² Landes D. S. Op. cit. P. 104; Cohen H. F. Inside Newcomen's Fire Engine, or the Scientific Revolution and the Rise of the Modern World // History of Technology. 2004. Vol. 25. Pp. 111–132.

технологическим чудом своего времени и стало одним из первых примеров развития промышленной технологии на основе науки.

Открытия физики XVII века были необходимы для изобретения парового двигателя, но их одних было недостаточно. Значительная часть научных открытий была сделана на континенте, но при этом паровой двигатель был изобретен в Англии. Почему? Дело в том, что превращение научного знания в рабочую технологию стоило больших денег, и только в Великобритании, где мощная каменноугольная промышленность обеспечивала высокий спрос на осушение шахт и неограниченное предложение почти бесплатного топлива, это предприятие окупало вложенные в него инвестиции.

Историки науки предполагают, что научная революция трансформировала преобладающую культуру: «Новое научное понимание природы предшествовало механизации промышленности и, что важнее всего, способствовало ее развитию»⁵³. В конце XVII и начале XVIII века интерес к науке был широко распространен и наука оказала влияние на саму человеческую природу. «Важнейшее культурное значение научной революции заключалось в создании в Великобритании к 1750 году нового типа человека»⁵⁴. Этот человек был «как правило, но необязательно, предпринимателем мужского пола, который механистически подходил к производственному процессу»⁵⁵. Он видел этот процесс как «нечто, что должно было быть подчинено машинам или, на более абстрактном уровне, должно было быть концептуализировано через призму веса, движения и принципов силы и инерции. Труд работников также можно было рассматривать в этом ключе»⁵⁶. Следствием этого нового образа мышления стала механизация производства. Обработывающая промышленность «использовала машины вместо труда»⁵⁷. Эта новая культура в Великобритании была принята с большим энтузиазмом, чем на континенте, и в результате «промышленное развитие произошло сначала в Великобритании по причинам, связанным с наукой и культурой, а не только с сырьем, развитием капитала, дешевизной труда или технологическими нововведениями»⁵⁸. Преимущество Великобритании перед Францией объяснялось, скорее, «замечным отличием британской научной культуры от французской или голландской»⁵⁹. Французы, предположительно, были теоретиками, в то время как британцы были практиками.

⁵³ *Jacob M. C. Scientific Culture.*

⁵⁴ *Ibid.*

⁵⁵ *Ibid.*

⁵⁶ *Ibid.*

⁵⁷ *Ibid.*

⁵⁸ *Ibid.*

⁵⁹ *Ibid.*

Сравнение британской и французской инженерной мысли – крайне тонкое дело. Неочевидно, что английские инженеры XVIII века были изобретательней французских. У нас есть немало примеров французских изобретений – например, Мокир пишет о «знаниях в области химии, производства бумаги и высокосортных тканей»⁶⁰. Почему мы считаем, что инженерная культура англичан была прагматичней, чем у французов? Потому что именно англичане первыми стали выплавлять чугун с помощью кокса, изобрели паровой двигатель и открыли прядение хлопка на станке.

Мокир углубил традиционный вариант культурологической теории, предположив, что Просвещение связало научную революцию с промышленной, и придумал термин «*промышленное Просвещение*»⁶¹. Промышленное Просвещение означает применение научных и экспериментальных методов к исследованию технологий, веру в упорядоченную вселенную, подчиняющуюся законам природы, познаваемым с помощью научного метода, а также ожидание того, что научное исследование природы и технологий сможет улучшить жизнь людей. Промышленное просвещение объясняет, почему промышленная революция произошла в Западной Европе (хотя не объясняет, почему она произошла в Великобритании, а не во Франции или Нидерландах). Мокир подчеркивает два фактора, обеспечивших промышленной революции британское подданство.

Во-первых, промышленное Просвещение в Великобритании было реализовано в большей степени, чем на континенте. Общение между учеными и фабрикантами протекало проще и плодотворней. Конечно, любые поведенческие различия можно объяснить и через характерную для Великобритании более высокую прибыльность изобретений. Во-вторых, Великобритания была лучше чем Франция обеспечена квалифицированными мастерами-механиками, то есть британским инженерам было проще реализовывать свои изобретения. Это утверждение отчасти касается человеческого капитала – англичане действительно были неплохо им обеспечены в XVIII веке, хотя, возможно, и не лучше, чем их соседи французы. Отчасти это утверждение говорит о том, что мастера постепенно принимали ньютоновское мировоззрение.

Объясняют ли различия в человеческом капитале, почему промышленная революция произошла в Великобритании, а не Франции? Грамотность во Франции в целом была ниже, чем в Великобритании, но Франция была страной с большей площадью, большим населением и со значи-

⁶⁰ Mokyр J. *The Enlightened Economy: The Economic History of Britain, 1700–1850*. London, 2009.

⁶¹ Mokyр J. *The Gifts of Athena; Ibid. The Enlightened Economy*.

тельным разнообразием. Грамотность в Северной Франции была примерно такой же, как в целом в Великобритании, и, возможно, различия в человеческом капитале были не так важны. Действительно, не ясно, существует ли заметная разница в изобретательности между Великобританией и Францией XVIII века. Существует, конечно, много примеров французских изобретений. Почему мы считаем, что англичане имели более прагматичную инженерную культуру, чем французы? Потому что именно британцы впервые выплавляли железо на коксе, изобрели паровой двигатель и прядильный станок. В следующей части этой работы мы покажем, что эти различия в поведении существовали из-за различий между странами в доходности исследований и технической разработки. Если данный аргумент будет принят, то объяснения с точки зрения культуры становятся излишними.

Наиболее знаменитые изобретения

Единственный способ установить истину между обоснованиями технического прогресса с точки зрения культуры и экономики заключается в проверке их на предмет истории изобретения. В этом разделе мы рассмотрим три знаменитых изобретения: выплавку металла на коксе, механическую прялку и паровой двигатель. Наше исследование будет проведено по четырем темам:

- Каково было происхождение идеи, воплощенной в изобретении? Было ли это вдохновенное творение гения или научное открытие? За исключением парового двигателя, который был создан на научной основе, фундаментальная идея была взята из других видов деятельности. Бойль предложил публиковать ремесленные знания для содействия изобретению путем копирования, а Мокир сделал это частью своего «промышленного Просвещения». Действительно, копирование представляло собой общую картину и показывает, что промышленная революция была основана на малых, а не на больших идеях, как часто предполагается.

- Какие технические проблемы должны быть решены для воплощения идеи на практике? Сколько исследований и разработок должно быть проведено для проработки идеи? НИОКР были ключевым аспектом изобретений в XVIII веке, и все известные изобретения, включая паровой двигатель Ньюкомена, требовали значительных программ развития для их совершенствования. Эти проекты НИОКР представляли современную «тройку»: затраты на разработку, стороннее финансирование и патентование. Расходы на НИОКР переводят изобретение из научной в экономическую сферу деятельности.

- Каким образом эти изобретения были связаны с особенной заработной платой и ценами в Великобритании? Были ли эти изобретения сделаны с расчетом сократить расходы, больше основываясь на ценах в Великобритании, чем за рубежом? Все эти изобретения имеют смысл с точки зрения высокой заработной платы и дешевого угля, характерных для британской экономики. Несмотря на тот факт, что они не были внедрены в других странах, где заработная плата была низкой, а энергоносители дорогими.

- Почему они были изобретены в Великобритании, а не где-либо еще в Европе? Траектория технического сдвига указывает на то, что НИОКР были выгодным вложением именно в Великобритании, а не в других странах.

Выплавка чугуна на коксе

Выплавка чугуна на коксе стала одним из знаменитых изобретений промышленной революции, исключительно важным в долгосрочном периоде, потому что эта технология сделала возможным производство дешевого чугуна, необходимого для механизации промышленности и строительства железных дорог и пароходов. Изобретение технологии выплавки чугуна на коксе отчетливо демонстрирует предмет исследования данной работы: это открытие было микро-, а не макроизобретением. Изначально, коксовый чугун был более дорогим, чем древесноугольный чугун. Кроме того, возникла необходимость создать рыночную нишу для нового продукта. Данная проблема была решена в рамках научно-исследовательской программы по созданию тонкостенного литья. Второй проблемой являлась потребность в сокращении затрат на производство, чтобы коксовый чугун мог конкурировать с древесноугольным чугуном при изготовлении ковкого чугуна. Эта проблема была устранена случайно, в процессе решения проблем перебоев в подаче воды. Выплавка чугуна на коксе была «односторонним» техническим достижением, поскольку ее применение в большей части Европы не было коммерчески выгодным, поэтому она и была изобретена в Великобритании, а не во Франции.

Действительно ли для изобретения технологии выплавки чугуна на коксе требовалась творческая мысль? С какими техническими сложностями она была связана?

Выплавка чугуна на коксе не зависела от научных изобретений и не требовала всплеска гения. В сущности, она вообще почти не требовала мыслительных усилий. Каменный уголь был куда более дешевым источником энергии, чем древесина, и в течение всего XVII века предпринимались попытки заменить древесину углем в самых разных сферах. Если каменный уголь использовался для отопления домов, почему было не начать кидать его в доменную печь вместо дорогого древесного? Многие люди пробовали поступить именно так. Дад Дадли был первопроходцем, утверждавшим в своей книге *Metallum Martis*⁶², что ему удалось успешно выплавить чугун на каменном угле. Дома у него были чугунные изделия в подтверждение этих слов. За Дадли последовали другие экспериментаторы, и нет причин считать, что они потерпели неудачу. Проблема заключалась в том, что процесс не был экономным. Большая часть чугуна в XVII веке очищалась для производства ковкого чугуна (прокатного железа), а чугун, выплавленный на каменном угле, содержал для этого слишком много серы. Эта проблема была типичной при попытках заменить древесный уголь каменным: каменный уголь придавал чугуну примеси, так что необходимы были новые технологии для повторной очистки металла. Одним решением было коксование угля для его очистки. Впервые ковкий чугун был получен из чугуна на минеральном топливе только в середине XVIII века.

Абрахам Дерби Старший считается изобретателем выплавки чугуна на коксе, но, как мы уже говорили, он не был автором идеи этой выплавки. Дерби, вероятно, узнал о выплавке на коксе от Шадраха Фокса, поставщика чугунной дроби для британской артиллерии в 1690-е годы. Чугунная дробь, вероятно, выплавлялась на коксе, и Фокс использовал доменную печь в Колбрукдейле, ту самую, которую впоследствии арендовал Дерби. Эта печь в 1701 году взорвалась, и Фокс продолжил плавить чугун на каменном угле или коксе в доменной печи в Умбридже. Дерби арендовал печь в Колбрукдейле у Фокса в 1708 году, перестроил ее и приступил к выплавке коксового чугуна⁶³.

Связь между Фоксом и Дерби проливает свет сразу на несколько загадок: почему Дерби так и не запатентовал выплавку на коксе (хотя за-

⁶² Dudley D. *Metallum Martis: or Iron Made with Pit-Coale, Sea-Coale, &c.* London, 1665.

⁶³ King P. W. *The Iron Trade in England Wales, 1500–1850: the charcoal iron industry and its transition to coke.* PhD. Dissertation. Wolverhampton, 2003. P. 52.

патентовал свой процесс литья), а также, откуда у него появилась смелость использовать кокс буквально с самого основания своего бизнеса. Он вел себя так, как будто знал, что технически процесс сработает, потому что не проводил никаких экспериментов с коксом. Похоже, что у него не было запасного плана использовать древесный уголь, если выплавка на коксе провалится. Кроме того, опыт Шадраха Фокса уже показал, что коксовый чугун можно было использовать для литья, чем Дерби как раз и собирался заняться.

Научно-исследовательский проект Дерби

В сущности, вклад Дерби в «изобретение» выплавки на коксе заключался в нахождении способа коммерческого применения коксового чугуна. Примерно в 1702 году Дерби и другие квакеры основали недалеко от Бристоля латунный завод *Baptist Mills Brass Works*. Из латуни в основном либо вытягивалась проволока, либо выковывались горшки, чайники и тому подобное. Методом литья традиционно производились только церковные колокола и пушки. Однако к концу XVII века голландцы начали отливать многие другие продукты с использованием песчаных и многоразовых форм. В 1703 году Дерби открыл собственное литейное производство и попытался отливать чугунные горшки с помощью песчаных форм, но не преуспел в этом. В 1704 году он отправился в Нидерланды изучать литье в песчаные формы, а затем привез на родину несколько голландских рабочих, чтобы они попытались лить чугун, но и они потерпели неудачу. Однако английский подмастерье Джон Томас считал, что у него получится наладить процесс, и Дерби платил ему вплоть до того момента, когда в 1707 году он действительно добился успеха. В этом заключался основной научно-исследовательский проект Дерби, в результате которого в 1707 году он получил патент на литье чугуна в песчаные формы. Партнеры Дерби по заводу *Baptist Mills* не хотели платить за его исследования в области чугунного литья, и он нашел нового финансового банкира в лице Томаса Фаудни.

Когда Дерби арендовал Колбрукдейл у Шадраха Фокса, он собирался заниматься литьем горшков из первичного чугуна и литейного чугуна с применением песчаных форм. Литье было не просто успешным: наличие кремния в коксовом чугуне делало его более текучим, что позволяло производить тонкостенные горшки, реализуемые по более высокой цене. Это было особенно важно для успешности выплавки чугуна на

коксе, учитывая, что стоимость чугуна была сама по себе высокой. Именно данный процесс был запатентован Дерби⁶⁴.

Процесс выплавки на коксе также потребовал некоторых технологических заимствований. Первое было связано с производством кокса. Дерби был подмастерьем на солододробилках, на которых кокс собственно использовался изначально⁶⁵. Второе было связано с использованием отражательной печи для повторной плавки первичного чугуна с целью его подготовки к литью. Отражательные печи использовались со времен Средневековья при выплавке латуни для литья колоколов; возможно, что Дад Дадли использовал такую печь для литья чугуна. В 1670-е и 1680-е годы отражательная печь использовалась для выплавки свинца и меди двумя компаниями, связанными с сэром Клементом Кларком, который, возможно, также экспериментировал с выплавкой чугуна. Однако Дерби стал первым, кто сумел успешно использовать отражательную печь на чугунолитейном заводе⁶⁶. Очевидно, что план Дерби по литью горшков из первичного чугуна не был взят «с потолка». Он представлял собой сочетание нескольких более ранних открытий в чугунолитейной и медной промышленности.

На протяжении первой половины XVIII века выплавка чугуна на коксе осуществлялась лишь в нескольких печах, использовавшихся для производства литейных чушек, поскольку металл был слишком дорогим и имел в себе слишком много примесей для изготовления ковкого чугуна, основного промышленного продукта. Эта проблема была решена методом проб и ошибок. Точнее говоря, благодаря случайному открытию, сделанному в процессе решения других проблем. Тягу для работы печей производили водяные колеса, но в результате засушливого лета уровень воды в резервуаре упал, что привело к сокращению объемов производства чугуна. В Колбрукдейле данная проблема была решена с помощью парового двигателя Ньюкомена, который откачивал воду, прошедшую через водяное колесо, назад в резервуар выше по течению. Колбрукдейл стала одной из первых компаний, использовавших данный процесс⁶⁷. Вскоре данное решение было использовано и на заводе в Уормли. Уголь добывался в Колбрукдейле, и благодаря дешевому топливу двигатель Ньюкомена стало экономически выгодно использовать.

⁶⁴ *Mott R. A. Abraham Darby (I & II) and the Coal-Iron Industry // Transactions of the Newcomen Society. 1957–1959. Vol. 31. Pp. 49–93; Hyde Ch. K. Technological Change and the British Iron Industry, 1700–1870. Princeton, 1977. P. 40–41.*

⁶⁵ *Mott R. A. The Earliest Use of Coke for Iron Making // The Gas World—Coking Section. 1957. Supplement 7. Pp. 7–18; Raistrick A. Dynasty of Iron Founders: The Darbys and Coalbrookdale. Iron Bridge Gorge Trust... Coalbrookdale, 1989. P. 23, 25.*

⁶⁶ *Mott R. A. Abraham Darby. P. 76; King P. W. Op. cit. P 51.*

⁶⁷ *Raistrick A. Dynasty of Iron Founders. P. 107–115.*

Улучшенная подача воды позволила сократить объемы потребления топлива, что, в свою очередь, позволяло экономить энергию и сокращать затраты. По этой причине коксовый чугун смог составить конкуренцию древесноугольному чугуну. Производство коксового чугуна началось во второй половине века.

Выплавка чугуна на коксе была техническим достижением, которое позволило сократить издержки в Великобритании больше, чем на континенте.

Заменяв древесный уголь на кокс, Дерби сумел сократить затраты там, где стоимость угля была невысокой. Поскольку большая часть угля в Европе в XVIII веке добывалась в Великобритании, коксовая технология (после ее совершенствования) предоставляла Великобритании большие преимущества. Но верно и то, что выплавка чугуна на коксе была бесполезным занятием там, где стоимость угля была такой же высокой, как в большинстве стран Европы до середины XIX века. Даже в 1840-х годах доля древесноугольного чугуна во Франции и Пруссии достигала 80 %. Бельгия является лишь исключением, которое доказывает правило, поскольку она раньше перешла на кокс. К тому же только Бельгия из всех стран континентальной Европы имела масштабное производство угля в XVIII веке, чья ценовая структура была схожей со структурой Великобритании⁶⁸. Пока Дэвид Ландес пытался всех заверить в том, что лидерство Великобритании является результатом успешного предпринимательства, Райнер Фремдлинг⁶⁹ доказал, что коксовый чугун не окупался на континенте вплоть до 1850-х годов. Вопрос приживаемости технологии объясняется производственными затратами, а не отношением к инновациям.

Почему не Франция?

Между усовершенствованием технологии выплавки чугуна на коксе в Колбрукдейле и ее масштабным применением на континенте прошел целый век. На протяжении этого периода технология получила большую известность и была общедоступной, но не использовалась. Она не была экономически выгодной для Франции или Германии, поэтому в этих странах ее развитие было бессмысленным, и дело тут не в непрактичности развития инженерной культуры. Сам процесс не был экономически целесообразным.

⁶⁸ Landes D. S. Op. cit. P. 217.

⁶⁹ Fremdling R. Transfer Patterns.

Изобретение хлопкопрядильного оборудования

Действительно ли для изобретения механизированного прядения требовалась творческая мысль?

С какими техническими сложностями был связан данный процесс?

Прялка «Дженни» и ватермашина не были основаны на научных открытиях. Являлись ли они «макроизобретениями», для появления которых потребовался огромный скачок технического воображения? Чтобы дать ответ на этот вопрос, сначала необходимо выяснить, действительно ли прядильные машины возникли «из ничего», или же в их генеалогии имеются доказательства того, что на самом деле всё было менее драматично и что они были основаны на предыдущем опыте. Начнем наше исследование с ручного прядения, чтобы описать те технические проблемы, с которыми столкнулись Джеймс Харгривс и Ричард Аркрайт.

Механизм работы прялки выглядел следующим образом. Вначале хлопок-сырец расчесывался для получения ровницы (отдельных прядей волокон хлопка). В процессе прядения основных операций было две: вытягивание ровницы для придания нити тонкости, а также скручивание для придания ей крепости. В период позднего Средневековья и то и другое делалось с помощью ручной прялки. Ручная прялка состояла из трех частей: колеса, веретена и веревки, которая вместо приводного ремня связывала колесо с прялкой. Иногда к колесу подсоединялась педаль, чтобы пряжа могла крутиться его движением ноги, или же колесо вращалось правой рукой. Один конец ровницы пряжа держала в левой руке, а другой конец был прикреплен к горизонтальному веретену. Колесо крутилось и вращало веретено. Пряжа тянула ровницу на себя так, что нить становилась тоньше, а затем отводила руку влево так, что нить соскальзывала с конца веретена каждый раз, как оно поворачивалось вокруг своей оси. Когда это происходило, нить закручивалась. Когда нить была достаточно скручена, пряжа отводила левую руку вправо так, что она опять находилась между ней и веретенем. При таком положении руки нить накручивалась на веретено. Затем процесс повторялся со следующими несколькими дюймами ровницы.

Для некоторых изобретений требуется гениальная идея, озарение, новое научное открытие. Для изобретения прядильной машины «Дженни» всего этого не потребовалось. Ее изобретение представляло собой лишь усовершенствованную прялку с несколькими веретенами, приводимыми в движение приводными ремнями, подсоединенными к одному колесу. История гласит, что вдохновение пришло к Харгривсу, когда он

увидел, как ручная прялка, упавшая набок, продолжает вращаться и прясть. Вместо левой руки пряжи использовалась каретка, вытягивающая ровницу с веретен. Сложность, как и в случае большинства технологий XVIII века, заключалась в том, чтобы отладить тонкости соединений и штырьков, которые вытягивали ровницу. Изобретение прядильной машины «Дженни» было инженерной задачей, упражнением в научно-исследовательской деятельности. Оно не требовало научного прорыва или большого скачка воображения.

Ватермашина Аркрайта была еще одним изобретением в хлопковой промышленности, которая, пожалуй, предлагала больше возможностей и была более совершенной в плане конструкции. Но она, опять же, не была основана на научном прорыве или оригинальной идее.

Принцип работы ватермашины заключался в следующем. Ленточки ровницы, намотанные на початки в верхней части машины, пропускались через три пары валиков. Валики действовали как валки, и, проходя через них, нить вытягивалась. Вторая пара валиков вращалась в два раза быстрее первой, а третья – в два раза быстрее второй. Благодаря этому первая пара валиков затягивала ровницу в механизм и одновременно удерживала ее относительно второй пары валиков, которые вращались быстрее и тянули нить вперед. Таким образом, между двумя парами валиков хлопок вытягивался и утончался. Затем вытяжение повторялось между второй и третьей парами валиков, поскольку третья пара также вращалась быстрее, чем вторая. Так ватермашина выполняла первую задачу, необходимую для получения хлопковой нити: вытяжение волокон хлопка.

Вторая задача – скручивание – выполнялась с помощью рогулек, которые вращались в нижней части машины, одновременно закручивая нить и наматывая ее на катушку.

Не все части машины были изобретены Аркрайтом. Рогульки, например, появились еще в XV веке в качестве дополнения к ручной прялке. Новизна ватермашины заключалась в парах валиков, вытягивавших хлопок. Однако и эта идея не принадлежала Аркрайту: Джон Уайатт и Льюис Пол запатентовали ее в 1738 и 1758 годах. Много усилий было вложено в совершенствование машины. Они продали лицензии и открыли собственную фабрику в Бирмингеме. Успеха в этом деле они не добились, хотя Мэтью Боултон списывал всё на ошибки в управлении деятельностью. Научно-исследовательская программа Уайатта и Пола оказалась провальной.

Если и существовали когда-либо макроизобретатели, то ими были именно Уайатт и Пол. Но действительно ли они ими были? Чтобы проверить, является ли макроизобретение таковым, необходимо выяснить от-

вет на вопрос: оно было создано «с нуля», или же представляло собой лишь незначительное улучшение ранее известных технологий? С этой точки зрения машина с валиками являлась микроизобретением. Валики повсеместно использовались в разных технологиях, получавших всё большую популярность в начале XVIII века⁷⁰. Они давно применялись в металлургической промышленности при изготовлении брусков, чушек, пластин и гвоздей. С помощью гравированных валиков выполнялась чеканка монет из золота и серебра. В самом деле, сходство между металлопрокатным заводом и прядильной фабрикой было таким значительным, что Абрахам Рис⁷¹ пишет, будто Аркрайт придумал свою машину, глядя на прокатный завод. Валики использовались также на мукомольных мельницах в XVI и XVII веках. В конце XVII века в Сен-Гобене валики использовались для отливки и полировки стекла. В процессе каландрирования (специальной обработки для уплотнения и придания ткани блеска) ткань пропускалась между валиками под большим давлением. В 1696 году валики использовались на парижском монетном дворе. В конце XVII века «вальцованный» свинцовый лист, производимый с помощью валиков, пришел на смену литому листу. В 1670 году голландцы разработали приспособление на основе валиков с иглами для производства бумаги, а в 1729 году использовали валики для прессования бумаги. Валики также использовались для дробления камня. Применение валиков для растягивания хлопка было, несомненно, умной идеей, однако отнюдь не оригинальной. Когда Мокир⁷² обсуждал изобретение Кортон технологии пудлингования и использования вальцов, он не признал данную технологию макроизобретением, поскольку валики уже давно применялись в металлургии. Тот же аргумент относится и к хлопку. Идея использования роликов витала в воздухе уже в первой половине XVIII века. Уайатт и Пол не придумали свое изобретение «с нуля». Так что оно не было макроизобретением.

⁷⁰ *Singer Ch. et al. A History of Technology, Vol. III: From the Renaissance to the Industrial Revolution, c. 1500 – c. 1750. Oxford, 1957. Pp. 16–7, 32, 45, 47, 177, 238–239, 340–344, 414–415; Raistrick A. Industrial Archaeology: An Historical Survey. London, 1972. P. 91; Rowe D. J. Lead Manufacturing in Britain: A History, London, 1983. Pp. 8–10; Beveridge L. Prices and Wages in England from the Twelfth to the Nineteenth Century: Vol. I. Price Tables: Mercantile Era. London, 1939. Pp. 191–192, 287–289, 485–189, 652–656; Mokyr J. The Lever of Riches. P. 60; Hunter D. Papermaking through Eighteen Centuries. New York, 1930. Pp. 170–171.*

⁷¹ *Rees A. Rees's Manufacturing Industry (1819–20) / ed. By Neil Cossons, David and Charles Reprints. 1819–1820. P. 173.*

⁷² *Mokyr J. Editor's Introduction. P. 22.*

Научно-исследовательские проекты Харгривса и Аркрайта

Проблема заключалась только в том, как заставить валики работать в хлопковой промышленности. Харгривс столкнулся с более простой задачей. Первую свою машину он якобы построил с помощью карманного ножа, однако создание конструкции, которая бы удовлетворительно работала, заняло период времени с 1764 по 1767 год⁷³. Харгривс хотел сразу получить выгоду от своего изобретения, начав продавать «Дженни». Он переехал в Ноттингем. Для дальнейшего совершенствования машины ему требовался инвестор. Сначала он начал сотрудничать с человеком по имени Шипли, а затем построил фабрику с Томасом Джеймсом⁷⁴. В 1770 году Харгривс запатентовал «Дженни», но было уже слишком поздно. Его патент был оспорен в суде, в результате чего патент был аннулирован по той причине, что он продавал свои машины еще до получения патента. Несмотря на то что «Дженни» широко использовались в конце XVIII века, Харгривс заработал на своем изобретении очень мало денег.

Аркрайт столкнулся с более серьезными трудностями. Показанную на *рисунке 1* схему машины, представленную Уайаттом и Полом на получение второго патента, можно сравнить с машиной Аркрайта, чтобы увидеть, какие инженерные задачи потребовалось решить. Оба устройства использовали рогульку для скручивания волокна и накручивания готовой нити на катушку. Схема Уайатта и Пола изображает одну пару валиков, в то время как Аркрайт использовал три пары. Несколько пар валиков были нужны для того, чтобы между ними натягивалась нить. Уайатт и Пол упоминали две пары валиков в описании своей машины, когда подавали заявку на первый патент. Решение о количестве валиков было критически важным, и похоже, что Уайатт и Пол выбрали неправильный путь, пытаясь разработать станок с только одной парой валиков.

⁷³ *Aspin C., Chapman S. D. James Hargreaves and the Spinning Jenny. Prestone, 1964. P. 13.*

⁷⁴ *Ibid. Pp. 19, 22–23, 34–35.*

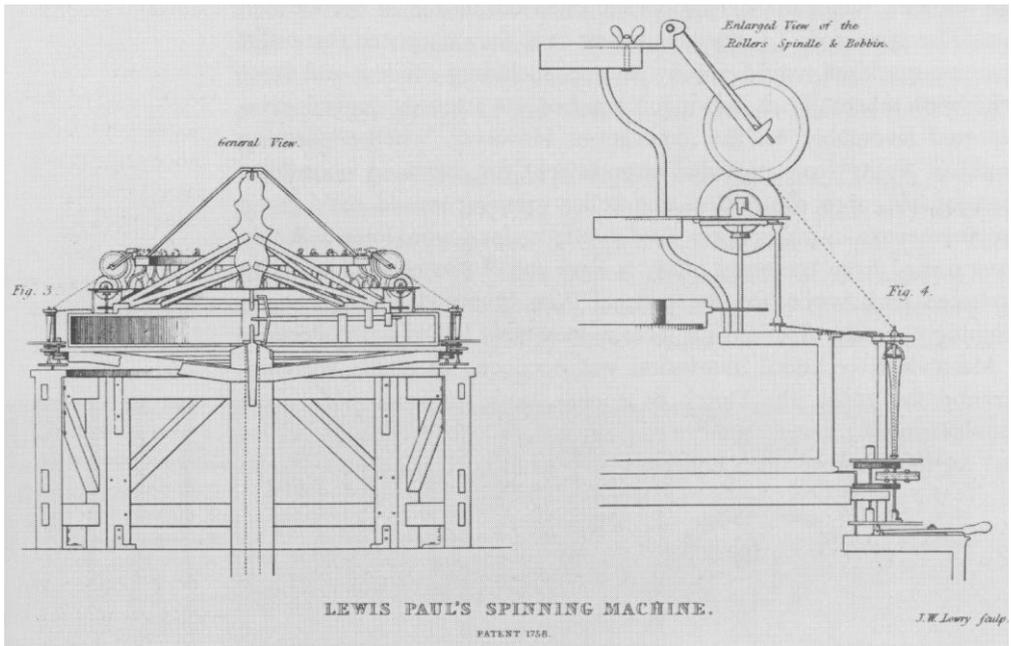

Рисунок 1. Схема прядильной машины Льюиса Пола (второй патент 1758 года)

Из-за своего решения Уайатт и Пол не затронули тех инженерных задач, которые Аркрайт решил в 1760-е годы. Среди этих проблем были следующие:

- Решить, насколько скорость вращения одной пары валиков должна отличаться от скорости вращения следующей пары. У ранней ватермашины, которая находится в музее фабрики Стратта в Норс Милле в Белпере (графство Дербишир), вращение валиков ускорялось в два раза по сравнению с предыдущей парой.
- Решить, как расположить шестерни таким образом, чтобы связать главный вал с валиками и координировать их движение. Валики и шестерни производились в виде модуля, известного под названием «часовой механизм» (англ. *clockwork*) и названного так в память о вдохновившем изобретателя устройстве.
- Определить расстояние между валиками. Расстояние должно было быть немного меньше длины хлопкового волокна. Такое расстояние позволяло вытягивать и утончать нить, поскольку волокно, уже прошедшее через первую пару роликов и захваченное второй парой, можно было вытягивать прежде следующего волокна, которое было захвачено первой парой валиков, но еще не коснулось второй. Если валики находились слишком близко друг от друга, большинство волокон захватывалось сра-

зу двумя парами, так что вытяжения не происходило. Если валики были слишком далеко друг от друга, они рвали нить: для правильной работы некоторые волокна должны были быть захвачены сразу двумя парами валиков, чтобы нить не рвалась, а другие волокна – только одной парой, чтобы происходило вытяжение. Для определения оптимального расстояния требовалось много думать и экспериментировать.

- Выбрать материалы для производства валиков. Один валик был сделан из рифленого железа, а другой – из дерева, обтянутого кожей. Они должны были вытягивать волокно, не зацепляя его.

- Определить, с какой силой верхний валик должен давить на нижний. Давление регулировалось грузиками, подвешенными к верхнему валику. Оптимальный вес грузиков можно было определить только методом проб и ошибок.

Суть этого перечня задач в том, чтобы подчеркнуть реальные проблемы, связанные с «изобретением» механического прядения. Оригинальность ватермашины заключалась не в изобретении валика; настоящей задачей было отладить практическое использование валиков для механизации прядения. Уайатт и Пол потратили на это десятки лет, но так и не смогли преуспеть в решении этого вопроса. Аркрайт в течение пяти лет платил зарплату часовым мастерам, работавшим над конструкцией. Записей о том, чем конкретно занимались эти мастера, у нас нет, но можно представить, какие перед ними стояли задачи, сравнивая конструкцию Уайатта и Пола с ватермашиной Аркрайта. Эти задачи можно было решить только путем создания моделей или экспериментальных прототипов. «Изобретение» ватермашины требовало активной и дорогостоящей научно-исследовательской деятельности.

Следует отметить и финансовые трудности, связанные с научно-исследовательской программой. Во-первых, Аркрайт стремился к получению выгоды от изобретения, для чего в первую очередь было необходимо получить патент. Эту проблему удалось решить в 1769 году. Второй непростой задачей было найти финансирование для научно-исследовательской деятельности. Аркрайт и тут поступил очень современным образом: он обратился к «прожекторам», аналогу сегодняшних венчурных капиталистов. Его патент находился в совместной собственности у Джона Смолли и Дэвида Торнли, оба были обязаны финансировать одну треть затрат на разработки. У обоих быстро закончились деньги, и в качестве партнеров были привлечены Сэмюэл Ниж и Джедедай Стратт, опытный прожектор, который заработал свое состояние, вкладывая деньги в усовершенствование ткацкого станка. Процесс усовершенствования изобретения продолжался. Стратт лично предложил натирать валики мелом, чтобы к ним не прилипал хлопок. Было добавлено еще не-

сколько приспособлений для скручивания нити, поднимания и опускания катушек и движения нити туда и обратно вдоль роликов, чтобы избежать износа рифления. В 1774 году Джедедайя Стратт утверждал, что на разработку машины Аркрайта было потрачено 13 тыс. фунтов. Эта сумма включала в себя стоимость строительства зданий, в которых требовалось решить проблемы, связанные с размещением оборудования и подачей энергии. Все это позволяет представить масштаб финансирования, необходимого для превращения идеи механического прядения в реально функционирующую прядильную фабрику⁷⁵.

Ничего необычного во вращении валиков не было. Если посмотреть на революционные изобретения XVIII века, то мы увидим, что они не были основаны на революционных идеях. Они базировались на незначительных идеях и предыдущем опыте, полученном в других сферах деятельности. Успех зависел от способности решения инженерных проблем для того, чтобы простые идеи работали. Как отмечал Томас Эдисон, «изобретение – это один процент вдохновения и девяносто девять процентов пота». Пот был не менее важен в XVII веке, как и в XVIII. Мокир правильно подметил, что у Великобритании «было сравнительное преимущество в области микроизобретений»⁷⁶. Вопрос в том, откуда и каким образом появилось это преимущество.

В чем заключался мотив механизации прядения?

Механизация прядения стала результатом глобализации. Индия была крупнейшим производителем хлопковых изделий, и Ост-Индская компания импортировала крупные объемы хлопковых набивных тканей. Это было крайне важно для дальнейшего развития, поскольку в Великобритании имелся крупный рынок сбыта. Объемы импорта были настолько значительными, что производители шерстяных и льняных тканей в 1701 году добились запрета на ввоз в Великобританию набивных хлопковых тканей. Импортировать белый хлопок разрешалось, но набивка рисунка делалась уже в Англии. В результате в стране появилась небольшая отрасль по производству хлопковых тканей. В 1721 году запрет был распространен на все хлопковые ткани: национальное производство и потребление чисто хлопковых тканей было признано незаконным. «Хлопковые промышленники Ланкашира... в 1736 году добились послабления для товаров из льняной основы и хлопковой пряжи (бумазеи), и это послабление по традиции (или по недосмотру властей) стало относиться

⁷⁵ Hills R. L. Power in the Industrial Revolution. Manchester, 1970. Pp. 60–71.

⁷⁶ Mokyр J. Editor's Introduction. P. 33.

к львиной доле всей продукции отрасли, возможно даже той ее растущей части, которая использовала в качестве основы вручную спряденную хлопковую пряжу», то есть производила чисто хлопковую ткань⁷⁷. Английские производители хлопка, таким образом, были в некотором смысле ограждены от индийского импорта. Аналогичные ограничения были введены и в других европейских странах. Хотя британские законы защищали национальное производство, они позволяли импортировать индийский хлопок для реэкспорта, и этот рынок начал процветать с ростом работорговли в середине XVIII века, потому что африканские вожди охотно принимали хлопковые ткани в обмен на рабов. Это был еще один рынок, на который могли рассчитывать британские производители в случае конкурентоспособности их цен.

Экономика высокой заработной платы Великобритании повлияла на хлопковую промышленность в двух отношениях. Во-первых, высокий доход британских рабочих поддерживал массовый рынок тканей, развившийся в период неограниченного импорта⁷⁸. Во-вторых, уровень заработной платы в Великобритании был значительно выше уровня в Индии. В то время как расстояние обеспечивало некоторую степень защиты, английские прядильщики могли составлять конкуренцию только в производстве самой грубой пряжи, на которую требовалось меньше всего трудозатрат.

Сокращение затрат на оплату труда стало ключом к обеспечению конкурентоспособности. Имелся крупный потенциальный внутренний рынок и крупный зарубежный рынок, поставки на который осуществляла Индия и другие производители. Сокращение затрат сулило значительный рост доли рынка и огромную прибыль для успешных изобретателей. И то, и другое зависело от механизации.

Почему не Франция?

Глобализация повлияла на другие страны Европы не меньше, чем на Англию. На протяжении большей части доиндустриального периода у Франции имелись владения в Индии, и в конце XVII века она была наводнена индийским ситцем. Импорт ситца был запрещен в 1686 году. Кроме того у Франции меллись новые колонии. К тому же она занималась работорговлей, при том что французские корабли перевозили примерно

⁷⁷ *Fitton R. S., Wadsworth A. p. The Strutts and the Arkwrights, 1758–1830: A Study of the Early Factory System. Manchester, 1958. P. 68.*

⁷⁸ *Lemire B. Fashion's Favourite: The Cotton Trade and the Consumer in Britain, 1660–1800. Oxford, 1991. P. 55.*

40 % от того объема, который перевозили английские корабли⁷⁹. У французских производителей имелся африканский рынок, хотя по размерам он уступал английскому. В 1786 году, когда уже произошел взлет английских производителей благодаря распространению технологий механического прядения, Великобритания импортировала 18 млн фунтов хлопка-сырца, а Франция – лишь 11 млн⁸⁰. Французский хлопковый рынок был значительным, и у французских производителей имелась возможность конкурировать с индийским текстилем в Африке, как и их британским коллегам, на что указывает Джозеф Иникори⁸¹.

Тем не менее, французы не только не смогли изобрести технологию механического прядения, но и не заимствовали и не развивали ее, когда она стала общедоступной. Это произошло не из-за отсутствия технологического опыта. Джон Холкер, англичанин-якобит, в 1750 году бежал во Францию и там сделался хлопковым фабрикантом. В 1754 году он стал главным инспектором иностранных мануфактур, в обязанности которого входило импортировать зарубежные технологии. В 1771 году Холкер отправил своего сына в Ланкастер с заданием разузнать о новых машинах, и тот привез с собой во Францию прядильную машину «Дженни». С нее были сделаны копии, которые были предложены французским производителям хлопчатобумажных тканей. Государство даже субсидировало их использование. Машины были установлены на некоторых крупных мануфактурах, но в целом текстильное производство их проигнорировало. В 1790 году во Франции насчитывалось около 900 «Дженни» – менее 5 % от их числа в Англии⁸². Такая несоразмерность наблюдалась и с ватер-машинами. В конце 1780-х годов в Великобритании работало около 150 крупных фабрик, в то время как во Франции фабрик было только 4, при этом некоторые из них были очень небольшими⁸³.

Почему французы отвергали прядильные машины? Расчеты затрат по Франции являются неточными, но имеющиеся цифры говорят о том, что «Дженни» помогали добиться экономии средств только на крупных предприятиях, что не являлось типичной сферой их применения⁸⁴. В 1790 году

⁷⁹ Curtin Ph. D. *The Atlantic Slave Trade: A Census*. Madison, 1966. P. 211–212.

⁸⁰ Crouzet F. *Britain Ascendant: Comparative Studies in Franco-British Economic History* / trans. By Martin Thom. Cambridge, 1985. P. 32.

⁸¹ Inikori J. E. *Africans and the Industrial Revolution in England: A Study in International Trade and Economic Development*. Cambridge, 2002. Pp. 427–451.

⁸² Aspin C., Chapman S. D. *Op. cit.* P. 49.

⁸³ Wadsworth A. P., Mann J. de L. *The Cotton Trade and Industrial Lancashire, 1600 – 1780*. Manchester, 1931. Pp. 193–208, 503–506; Chapman and Butt 1988: 106–111]

⁸⁴ Ballot Ch. *L'introduction du machanisme dans l'industrie française*. Genève, 1978. Pp. 48–49. (1st ed.: 1923).

во Франции «Дженни» с 60 веретенами стоила 280 турецких ливров⁸⁵, в то время как рабочие в провинции зарабатывали примерно три четверти турецкого ливра в день, поэтому стоимость «Дженни» окупалась за 373 рабочих дня. В Англии «Дженни» стоила 140 шиллингов, а рабочие зарабатывали примерно один шиллинг в день. Таким образом, стоимость «Дженни» составляла 140 трудодней⁸⁶. Во Франции «Дженни» не позволяла достичь нужного уровня экономии затрат на труд, а в Англии – позволяла. Сравнение затрат во Франции говорит о том, что ватермашина Аркрайта, представлявшая собой более капиталоемкую технологию, позволяла сэкономить не больше, чем «Дженни». В Англии же картина была обратной, и ватермашины стремительно вытесняли «Дженни». Отставание Франции в вопросах механизации стало результатом низких заработных плат. Глобальная конкуренция стала импульсом к изобретению технологии механического прядения, которая дала Великобритании гораздо больше преимуществ, чем другим странам континентальной Европы, таким как Франция.

Почему механическое прядение изобрели англичане, а не французы?

Как было установлено, для того чтобы «Дженни» и ватермашина заработали, необходимы были существенные затраты на научно-исследовательскую деятельность. Ровным счетом они потребовались бы и во Франции. Но окупались бы эти затраты во Франции? Нет. Механизированное прядение не имело для Франции экономических преимуществ, потому что во Франции были низкие зарплаты. Соображений прибыльности достаточно для того, чтобы объяснить, почему прядильная машина «Дженни» и ватермашина были изобретены в Англии, а не во Франции или любой другой стране мира.

Паровой двигатель

Научная идея

Паровой двигатель представляет собой вариацию на рассматриваемую тему. Революционные идеи не были связаны ни с выплавкой чугуна на коксе, ни с механизированным прядением. Наилучшим примером побочного продукта науки в XVIII веке является паровой двигатель низкого давления, созданный Ньюкоменом и улучшенный Уаттом. Конструкция

⁸⁵ Chassagne S. Le coton set ses patrons: France, 1780–1840. Paris, 1991. P. 191.

⁸⁶ Chapman S. D., Butt J. The Cotton Industry, 1775–1856 // Feinstein Ch. H., Pollard S. (eds.). Studies in Capital Formation in the United Kingdom, 1750–1920. Oxford, 1988. P. 107.

двигателя была основана на открытии того, что у атмосферы есть вес, сделанном в XVII веке и ставшем темой горячих дискуссий среди экспериментальных физиков. Но даже в этом случае экономическое стимулирование играло ключевую роль в применении данных знаний. Без угольной промышленности Великобритании паровой двигатель не был бы изобретен. Связь науки с паровым двигателем была самой прямой. Наука началась с Галилея, который открыл, что вакуумный насос не может поднять воду выше примерно 34 футов, несмотря на существование вакуума над колонной воды, уже поднятой на эту высоту. Аристотель говорил, что природа не терпит вакуума, но выше 34 футов это правило, похоже, теряло силу. Галилей предложил Торричелли, своему секретарю, исследовать эту проблему. В 1644 году Торричелли перевернул стеклянную трубку, наполненную ртутью, и поместил ее нижнюю часть в емкость с ртутью. Ртуть стабилизировалась в трубке, сформировав столбик высотой 76 сантиметров, над которым был вакуум. Это был первый в мире барометр, и Торричелли заключил, что атмосфера имеет вес и давит на ртуть, заставляя ее двигаться вверх по трубке. В 1648 году эта идея подтвердилась. Барометр был помещен в большую емкость, из которой был откачан воздух: столбик ртути опустился вниз, а затем поднялся обратно, когда в большую емкость вновь пустили воздух.

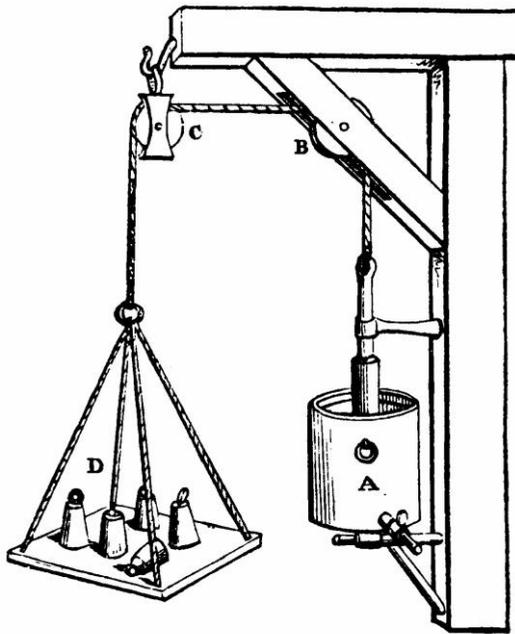

Рисунок 2. Эксперимент Отто фон Герике 1672 года.

Особенно важная серия экспериментов была проведена Отто фон Герике в Магдебурге. В 1655 году он соединил два полушария и откачал воздух из образовавшейся полости. Чтобы разнять их, потребовалось шесть лошадей. В ходе другого значительного эксперимента, в 1672 году, фон Герике обнаружил, что если откачать воздух из цилиндра (обозначен *A* на *рис. 2*), грузики (обозначены *D* на *рис. 2*) будут подниматься вверх по мере того, как атмосфера толкает поршень вниз по цилиндру. Очевидно, что вес воздуха можно было заставить работать.

Эту идею предвосхитил в 1666 году Христиан Гюйгенс, который использовал взрывающийся порох, чтобы двигать поршень вверх по цилиндру. Когда поршень достигал верхушки цилиндра, газы, образовавшиеся в ходе взрыва, высвобождались, создавая вакуум. Воздух заставлял поршень опуститься, а груз – подняться. Хотя с научной точки зрения эксперимент был интересным, взрывающийся порох так и не стал применяться на практике. Однако ассистент экспериментатора, Дени Папен, понял, что того же эффекта можно достигнуть, если наполнить цилиндр паром, а затем сконденсировать этот пар. В 1675 году Папен сконструировал первый, очень несовершенный, паровой двигатель.

Впервые паровая технология была использована на практике в паровом вакуумном насосе Томаса Севери, запатентованном в 1698 году. Насос создавал вакуум путем конденсирования пара в резервуаре; получившийся вакуум затем всасывал воду. Устройство Севери использовалось для осушения шахт, но не получило широкого применения и не было паровым двигателем.

И всё же научно-исследовательский проект

Первый успешный паровой двигатель был изобретен Томасом Ньюкоменом⁸⁷. Как и устройство Севери, он предназначался для осушения шахт. Изобретение Ньюкомена основывалось на открытии того факта, что у атмосферы есть вес. Однако для того, чтобы использовать это открытие на практике в виде парового двигателя, потребовалась длительная научно-исследовательская работа. Таким образом, появление изобретения было результатом экономических усилий, а не только побочным результатом научного открытия.

⁸⁷ См. относительно недавние работы по разработке парового двигателя: Ричарда Хиллса (*Hills R. L. Power from Steam: A History of the Stationary Steam Engine. Cambridge, 1989*), Алессандро Нуволари (*Nuvolari A. The Making of Steam Power Technology*) и Николаса фон Тунцельмана (*von Tunzelmann G. N. Steam Power and British Industrialization to 1860. Oxford, 1978*).

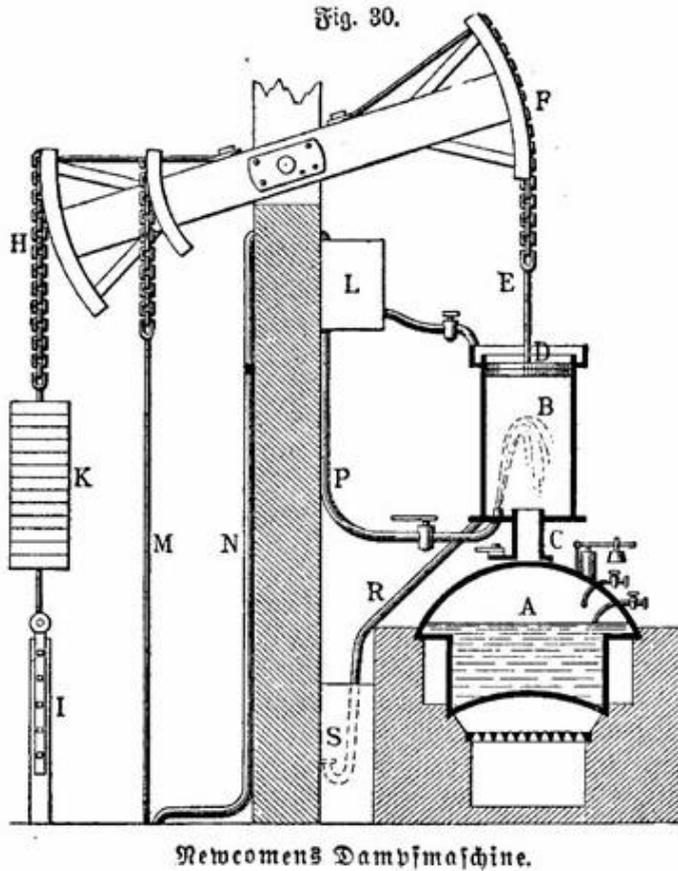

Рисунок 3. Паровая машина Ньюкомена.

Конструкция Ньюкомена (см. *рис. 3*) была подсказана аппаратом фон Герике. Это двигатель низкого давления, поскольку вверх поршень двигает не давление пара: пар служит только газом, который наполняет цилиндр и конденсируется, чтобы создать вакуум. В основе двигателя Ньюкомена лежала наука XVII века.

Хотя двигатель Ньюкомена отличался от других изобретений XVII века тем, что появился в результате научного открытия, его появление, точно так же как и других изобретений, было связано с немалыми инженерными сложностями. Инженеры XX века, в виде эксперимента пытавшиеся построить двигатель Ньюкомена, с трудом могли заставить свои модели работать⁸⁸. То, что Ньюкомен смог справиться с этими инженерными сложностями, было выдающимся достижением. Он начал экспериментировать око-

⁸⁸ Hills R. L. Power from Steam. Pp. 20–30.

ло 1700 года и, очевидно, построил двигатель в Корнуолле в 1710 году, на два года раньше, чем свой знаменитый двигатель в Дадли.

За эти десять лет научно-исследовательской работы Ньюкомен многое узнал. Он случайно открыл, что пар можно сконденсировать быстрее, если выпрыскивать в цилиндр (*B* – на *рис. 3*) холодную воду. Он обнаружил, что резервуар подачи воды (*L*) для инжектора работал лучше всего, будучи помещенным сверху корпуса двигателя, чтобы вода входила в цилиндр под давлением. Труба (*R*), по которой сконденсированная вода вытекала из цилиндра, должна была тянуться до приемника конденсата (*S*) достаточно далеко, чтобы атмосферное давление не могло подтолкнуть конденсат обратно в двигатель. Верхнюю часть цилиндра нужно было запереть слоем воды: никакие другие способы не работали. Для гладкой работы двигателя необходимо было скоординировать размер и вес поршня и насоса (*K*). Соединения между балансировочной перекладной и клапанами должны были быть сконструированы так, чтобы автоматически открываться и закрываться в нужные моменты цикла. Неудивительно, что Ньюкомену понадобилось десять лет, чтобы создать рабочую модель своего двигателя. С точки зрения времени и денег это было весьма затратное предприятие.

Как многие ученые-практики, Ньюкомен надеялся, что его изобретение окупится, когда будет запатентовано. Однако тут его ждало разочарование, потому что патент Севери имел срок годности до 1733 года и покрывал двигатель Ньюкомена – двигатель, совершенно на него непохожий! Чтобы получить хоть какую-то прибыль, Ньюкомену пришлось вступить в сделку с владельцами патента Севери.

Техническое усовершенствование, выгодное только британцам

Затратность научно-исследовательской деятельности означала, что связующим звеном между Галилеем и Ньюкоменом была экономика. Возможно, научного любопытства и покровительства двора было вполне достаточно для Торричелли, Бойля, Гюйгенса и других ученых, тративших время и деньги на изучение давления воздуха. Однако Ньюкоменом в его изысканиях руководила перспектива финансовой выгоды. Что это была за выгода? Двигатель предназначался для осушения шахт, так что спрос на технологию определялся размером горнодобывающей промышленности. В 1700 году Англия с огромным отрывом лидировала в этой отрасли: в ней производился 81 % от общей массы добычи ископаемых в Европе и 58 % от их общей стоимости. Германия, европейский центр каменноугольной промышленности в период позднего Средневековья, в 1700 году производила только 4 % от общей массы полезных ископаемых и 9 % от их общей стоимости. Ситуация изменилась благодаря каменно-

му углю. Удовлетворение нужд английской угольной промышленности по осушению шахт – вот одна из причин того, что исследования парового двигателя велись именно в Англии.

Каменный уголь был важен также и по другой причине. Поскольку существовали альтернативные способы приведения насосов в движение (водяные колеса или лошадиные упряжки), чтобы пользоваться спросом, паровая энергия должна была быть дешевой. Ранние паровые двигатели так расточительно потребляли топливо, что могли быть дешевыми источниками энергии только в том случае, если топливо стоило копейки. Джон Дезагюлье, ранний энтузиаст паровой энергии, весьма емко описал ситуацию: «Там, где для производства энергии нет воды, а каменный уголь стоит дешево, наиболее эффективно служит механизм, называемый ‘огненным двигателем’, или двигателем, поднимающим воду с помощью огня. Но особенно неоценимую службу он может сослужить в угольных шахтах, где энергия огня производится из отходов каменного угля, которые в противном случае нельзя было бы продать»⁸⁹.

Двигатель Ньюкомена был не нейтральным технологическим усовершенствованием – он сдвинул спрос на факторы производства, уменьшив спрос на корм для животных и увеличив спрос на горючее топливо.

Наличие бесплатного топлива помогало справиться с проблемой высокого потребления топлива, но энергозатратность двигателя Ньюкомена ограничила сферу его использования угольными месторождениями. Поскольку большинство угольных шахт находилось в Великобритании, там же находились почти все двигатели. Когда в 1733 году закончился срок действия патента Севери-Ньюкомена, в Англии функционировало около ста атмосферных двигателей. К 1800 году общее количество двигателей в Великобритании возросло до двух с половиной тысяч, из них 60–70 % были двигателями Ньюкомена⁹⁰. Бельгия, крупнейший производитель каменного угля на континенте, в 1800 году была второй после Великобритании: у бельгийцев было приблизительно сто двигателей⁹¹. Затем шла Франция,

⁸⁹ *Desaguliers J. T. A Course of Experimental Philosophy. London, 1744. Vol. II. Pp. 464–465.*

⁹⁰ *Kanefsky J., Robey J. Steam Engines in 18th century Britain: A Quantitative Assessment // Technology and Culture. 1980. Vol. 21. Pp. 171.* Степень неопределенности зависит от классификации двигателей неизвестных типов. Поскольку производство двигателей Уатта было хорошо налажено, неизвестные двигатели были, вероятно, двигателями Ньюкомена, и тогда процент будет выше.

⁹¹ Данные по общему количеству являются ненадежными; они были получены на основании приблизительных данных о 200 двигателях, установленных в 1810 году во Франции (включая Бельгию). Данные двигатели были изготовлены Перье, первым производителем паровых двигателей во Франции. *Harris J. R. Recent Research on the Newcomen Engine and Historical Studies // Transactions of the Newcomen Society. 1978–1979. Vol. 50. P. 178.*

в которой было около семидесяти двигателей, из них сорок пять, вероятно, были двигателями Ньюкомена (установленными преимущественно на угольных шахтах), а двадцать пять – двигателями Уатта. Первый паровой двигатель в Нидерландах был установлен в 1774 году, в России и Германии – в 1775–1777 годах. В Португалии и Италии, похоже, не было установлено ни одного парового двигателя⁹². Двигатель Ньюкомена «массово использовался только на каменноугольных месторождениях <...> До XIX века машины настолько ассоциировались с каменноугольной топливной матрицей, в рамках которой они появились, что им трудно было выйти за ее пределы»⁹³. Распространение двигателей Ньюкомена определялось расположением каменноугольных шахт, и Великобритания была лидером по количеству двигателей благодаря объему своей угольной промышленности, а не благодаря повышенной рациональности.

***Почему паровой двигатель был изобретен в Великобритании,
а не во Франции или Китае?***

Схема распространения двигателя Ньюкомена указывает на то, что атмосферный двигатель не мог быть изобретен нигде, кроме как в Великобритании в XVIII веке. Другие страны не брали двигатель на вооружение не потому, что не знали о нем: двигатель Ньюкомена был широко известен как технологическое чудо своего времени. Достать необходимые запчасти было несложно, как несложно было убедить и английских механиков приехать и смонтировать их⁹⁴. Несмотря на это, двигатель использовался мало. Небольшой рынок двигателей свидетельствовал о том, что потенциальный доход разработчика был невелик, чтобы уравновесить издержки научно-исследовательской деятельности. Соответственно, соотношение прибыли и издержек для Ньюкомена было гораздо больше, чем для любого потенциального подражателя с континента. Ньюкомен должен был быть осведомлен о весе атмосферы, для того чтобы сконструировать свой двигатель, но чтобы сделать конструирование этого двигателя выгодным предприятием, он также нуждался в рынке. Это условие выполнялось только в Великобритании, и именно поэтому паровой двигатель был создан там, а не во Франции, и не в Германии, и даже не Бельгии.

⁹² Redlich F. The Leaders of the German Steam-Engine Industry during the First Hundred Years // Journal of Economic History. 1944. Vol. 4. Pp. 122; Tann J. Makers of Improved Newcomen Engines in the late 18th Century // Transactions of the Newcomen Society. 1978–1979. Vol. 50. Pp. 548, 558.

⁹³ Hollister-Short G. J. The Introduction of the Newcomen Engine into Europe // Transactions of the Newcomen Society. 1976–1977. Vol. 48. P. 22.

⁹⁴ Ibid.

*Почему промышленная революция привела к современному
экономическому росту?*

В предыдущих разделах мы продемонстрировали, как знаменитые изобретения британской промышленной революции стали реакцией на уникальную экономическую ситуацию, сложившуюся в Великобритании, поэтому нигде в другом месте они не могли бы появиться. Это одна из причин, по которой промышленная революция называется британской. Но почему эти изобретения играют столь важную роль? Французы тоже были активными изобретателями, а научная революция и вовсе была общеевропейским явлением. Неужели французы, немцы или итальянцы не могли совершить какую-то другую промышленную революцию? Неужели к XX веку нельзя было прийти альтернативным путем?

Эти вопросы тесно связаны с другим важным вопросом, которым задается Мокир: почему промышленная революция не сошла на нет после 1815 года? Он совершенно прав, когда указывает, что важные изобретения совершались и раньше, однако результатом этих изобретений становился лишь однократный скачок в производительности, который не трансформировался в постоянный экономический рост. В XIX веке произошло нечто иное: первая промышленная революция привела к экономическому росту, который мы наблюдаем и сегодня. Почему это случилось? Мокир считает, что научное знание выросло достаточно, чтобы обеспечить постоянный поток изобретений. Технологический прогресс — явно ключевой фактор, однако до 1900 года он происходил не благодаря научным открытиям. Причина того, что доходы продолжали расти еще сто лет после битвы при Ватерлоо, заключается в том, что британские изобретения, сделанные до 1815 года, имели высочайший преобразовательный потенциал, куда больший, чем изобретения, совершенные на континенте. Это вторая причина, по которой промышленная революция называется *британской*, а также причина того, что экономический рост продолжался в течение всего XIX века.

Хлопковое производство являлось «чудо-отраслью» промышленной революции. Александр Гершенкрон⁹⁵, даже утверждал, что экономический рост в развитых странах был основан на экспансии потребительских товаров, в то время как рост в отсталых странах был основан на средствах производства. Это неудачный вывод, поскольку главным достижением британской промышленной революции было, по сути, создание первой крупной инженерной отрасли, способной массово производить машины, увеличивающие производительность. Производство машин ста-

⁹⁵ Gershenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge, 1962.

ло основой трех процессов, которыми непосредственно объясняется продолжение экономического роста вплоть до Первой мировой войны. Первым из этих процессов была общая механизация промышленности; вторым – появление железной дороги; третьим – появление металлических пароходов⁹⁶. Первый процесс поднял производительность в британской экономике в целом. Второй и третий создали глобальную экономику и международное разделение труда, явления, которые существенно подняли уровень жизни во всей Европе⁹⁷.

Инженерная промышленность XIX века была непреднамеренным следствием развития каменноугольного производства. Все три процесса, способствовавшие росту производительности в XIX веке, зависели от двух факторов: от парового двигателя и дешевого чугуна. И то и другое, как мы уже видели, было тесно связано с каменным углем. Паровой двигатель был изобретен для осушения угольных шахт и работал на каменном угле. Для производства дешевого чугуна потребовалось заменить древесный уголь коксом, причем эта идея была подсказана металлургам обилием дешевого каменного угля (кроме этого металлургия была связана с каменным углем геологически: залежи железной руды в Великобритании часто были расположены неподалеку от угольных месторождений). Связи с угольной промышленностью на этом не заканчиваются: железная дорога, например, появилась как побочный продукт угольной промышленности. Железные дороги были изобретены в XVII веке для перевозки угля по шахтам, а также для доставки его из шахт к рекам или каналам. После своего появления железные дороги стали объектом постоянных экспериментов, направленных на усовершенствование рельсов и дорожного полотна. В результате этих экспериментов в XVIII веке были разработаны железные рельсы и начались поиски альтернативных размеров и профилей. Спрос на тягу привел к появлению первого рынка для локомотивов. Рынка для наземных передвижных средств на паровой тяге не было, поскольку дороги были грунтовыми и слишком неровными для того, чтобы по ним могла ездить паровая машина (как на собственном опыте убедились Николя-Жозеф Куньо и Ричард Тревитик). Зато железные дороги были контролируемой поверхностью, по которой могли ездить паровые транспортные средства, и железные дороги в каменноугольных шахтах первыми стали покупать паровые локомотивы. Когда Джордж Стефенсон разрабатывал локомотив *Rocket* («Ракета») для уча-

⁹⁶ *Crafts N. F. R. Steam as a General Purpose Technology: A Growth Accounting Perspective // Economic Journal. 2004. Vol. 114 (495). Pp. 338–351.*

⁹⁷ *O'Rourke K. H., Williamson J. G. Globalization and history: the evolution of a nineteenth-century Atlantic economy. Cambridge, 1999.*

ствия в «Рейнхильских испытаниях» (*Rainhill Trials*), он проверял свои конструкторские идеи на локомотивах, которые строил для железных дорог каменноугольных шахт. Таким образом, коммерциализация примитивных версий новой технологии способствовала ее дальнейшему развитию, а затраты на научно-исследовательскую деятельность слились с обычными эксплуатационными расходами.

Хлопковое производство сыграло в росте инженерной промышленности вспомогательную роль по двум причинам. Во-первых, оно разрослось до огромных масштабов – это произошло благодаря глобальной конкуренции. В начале XVIII века Великобритания производила только небольшую долю продукции мировой хлопковой промышленности. Основные производители находились в Азии. В результате этого ценовая эластичность спроса на английский хлопок была очень высокой. Если бы Великобритания могла стать конкурентоспособной, она могла бы увеличить производство до колоссальных размеров, вытеснив индийских и китайских производителей. Достичь этой цели ей помогла механизация⁹⁸. Результатом стало появление в Англии крупной хлопковой отрасли, распространение урбанизации (со всеми присущими ей внешними преимуществами) и формирование экономики высоких зарплат. Механизация в других сферах экономики не имела подобного потенциала. Ткацкий станок Жаккара, знаменитое французское изобретение того же периода, сократил производственные издержки в изготовлении кружев и трикотажа и тем самым привел к определенному увеличению производительности. Но производство трикотажа не было глобальной отраслью промышленности, и ценовая эластичность спроса на трикотаж была умеренной, так что рост производительности был ограниченным. Одной из причин того, что британская текстильная промышленность сумела настолько сильно преобразовать экономику, стало то, что хлопчатобумажная промышленность была глобальной отраслью, в которой спрос реагировал на цену гораздо активнее, чем в производстве других тканей.

Рост и размер хлопчатобумажной промышленности в сочетании с ее зависимостью от станков поддерживал инженерную промышленность, обеспечивая крупный и растущий рынок для оборудования. История текстильной промышленности повествует о неустанном усовершенствовании конструкции станков: вначале чесальных и прядильных, а затем ткацких. Усовершенствование станков оборачивалось высоким уровнем инвестиций и спроса на оборудование. К 1840-м годам хлопковые мануфактуры перестали зависеть от воды, как раньше, что открыло путь к по-

⁹⁸ Ibid.

явлению фабрик на паровой тяге⁹⁹. К середине XIX века в промышленной структуре Великобритании наблюдался перекокс. Хлопок производился на современных механизированных фабриках, а все остальные мануфактуры остались практически в неизменном виде. С середины XIX века станки распространились уже по всем отраслям британской обрабатывающей промышленности (что стало одной из причин продолжающегося роста доходов). До тех пор сфера производства хлопка была основной сферой сбыта для машиностроительной отрасли.

Важен тот факт, что британские изобретения XVIII века – в частности дешевый чугун и паровой двигатель – имели исключительно мощный преобразовательный потенциал, в то время как французские изобретения (в области производства бумаги, стекла и трикотажа) его не имели. Французские нововведения не привели к глобализации или всеобщей механизации. Общественная полезность изобретения заключается, среди прочего, в том, что оно открывает путь к дальнейшим усовершенствованиям. Британские технологии XVIII века в этом отношении предлагали куда больше возможностей, чем изобретения французов или любой другой нации. Британцы не были рациональней или прозорливей французов, когда разрабатывали технологии, связанные с каменным углем; британцам просто больше повезло с геологическими условиями. Однако цепная реакция в результате появления британских изобретений оказалась крайне значительной – у нас нет причин считать, что французские технологии могли бы привести к всеобщей механизации промышленных процессов, появлению инженерной промышленности, железной дороги, парохода или глобальной экономики. Иными словами, к XX веку можно было прийти только одним путем, и этот путь лежал через Северную Великобританию.

⁹⁹ von Tunzelmann G. N. Op. cit. P. 175–225.

ЧАСТЬ III

Модели индустриализации в Западной Европе

ГЛАВА 7

Экономическая история Франции в XVI–XIX веках: от расцвета абсолютизма до «прекрасной эпохи»*

§ 1. Хозяйство и общество Франции в эпоху абсолютизма

Окончание средневекового периода в истории Франции совпало с хозяйственным и демографическим подъемом. XVI век вплоть до начала гугенотских гражданских войн (1562–1594) характеризовался отсутствием военных разорений на территории страны. И даже последующие внутренние религиозные войны не смогли серьезно поколебать обстановку относительного хозяйственного благополучия. Французские историки нередко именуют XVI век «прекрасным» (*le beau XVI - siècle*).

Подавляющее большинство населения Франции жило тогда в сельской местности. Города были относительно небольшими. Исключения составляли Париж (по разным оценкам от 300 до 500 тыс. жителей), специализировавшийся на выделке дорогих тканей Лион и главный город Нормандии – Руан.

Общая численность населения Франции в первую половину XVI века составляла примерно 14,5–15 млн человек. В XVII веке начался его более быстрый рост: в первые десятилетия века французов было уже 18 млн (по другим данным – 21 млн). К началу последней трети XVIII столетия население Франции достигло уровня 25–27 млн¹.

Превратившись в абсолютную монархию, Франция уже тогда существовала (за небольшими исключениями) в современных границах. По территории (примерно 500 тыс. км²) и численности населения она была самым крупным и, что немаловажно, единым унитарным государством в Западной Европе. Ни постоянные войны, ни династические кризисы ни разу не поколебали политического и экономического единства страны.

* Автор: Александр Георгиевич Худокормов – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

¹ История Франции. В 3 т. Т 2 / Ред. колл. А.З. Манфред и др. М., 1972. С. 153, 289–290.

В хозяйственном отношении Франция имела гораздо меньше колоний, чем Англия, а тем более Испания и Португалия. В развитии мореплавания и морской торговли она серьезно уступала Голландии и Англии, в промышленном отношении была слабее Англии (особенно в конце XVIII века). Зато Франция обладала развитым сельским хозяйством, для которого здесь имелись все условия: благодатный климат, плодородные почвы, трудолюбивое и умелое сельское население. Как отмечал выдающийся французский писатель Андре Моруа, Франция тогда уже «прославилась своим вином, фруктами, сливочным маслом и сырами». Кроме массового вывоза хлеба и вина, она успешно экспортировала соль и растительное масло².

1.1. Крестьянство и дворяне

Как и прежде, трудовое население Франции в первую очередь было представлено крестьянством. За исключением небольших анклавов на севере страны, здесь не было системы огораживания. Вследствие узости внутреннего рынка крупные, ориентированные на рынок фермы не получили распространения. В основе сельского хозяйства оставалось мелко-товарное, полунатуральное и относительно небольшое хозяйство отдельной крестьянской семьи.

Французский крестьянин был тогда по большей части *цензитарием*. Именно цензива как основная форма землепользования охватила к середине XVI века от 30 до 60 % угодий в различных провинциях³. Цензитарий был лично свободен, а право местного феодала на его землю ограничивалось правом на ценз. Последний был «вечным», то есть постоянным по денежному номиналу, и жестко ограничивался местными обычаями (кутюмами). В условиях революции цен, последствия которой во Франции начали интенсивно сказываться с 1570-х годов, реальная стоимость цензовых платежей всё время понижалась.

Сеньоры пытались компенсировать потери возрождением давно изживших себя поборов: разнообразных баналитетов, платежей за проезд и проход по их дорогам, через броды и т. д. Но в XVI–XVII веках власть феодалов как конечных собственников земли оказалась подорванной постоянством ценза снизу и налогами абсолютистского государства сверху – выжимать прежнюю норму прибавочного продукта непосредственно в своих поместьях они уже не могли.

² Моруа А. История Франции: от римского времени до начала Великой Французской революции / Пер. с фр. – СПб., 2008. С. 216.

³ История Франции. В 3 т. Т 2. С. 252.

Кроме цензитариев, значительная часть французского крестьянства была представлена арендаторами. Последние обрабатывали землю на основах краткосрочной или длительной аренды и, соответственно, уплаты арендной платы либо местному феодалу, либо в условиях субаренды – цензитариию. Среди держателей цензивы образовалась прослойка относительно зажиточного «пашенного крестьянства» (*laboueurs*). Но самыми многочисленными были представители среднего крестьянства и деревенской бедноты. И те и другие дополняли сельский труд домашним ремеслом и работой на скупщика. Лишь в наиболее отсталых районах Восточной Бургундии и Центрального массива сохранилась прослойка крепостных *сервов* и *мэнмортвов*, которая просуществовала здесь вплоть до начала революции конца XVIII века.

Быт французского крестьянства, всех его слоев, был тяжелым. Крестьяне жили в деревянных хижинах без труб и окон, так как окна облагались специальным налогом, отапливались «по-черному», одевались в грубую одежду из домотканого полотна, их обувью были деревянные башмаки-сабо, подбитые железом. Весьма обременительным для французских крестьян было сохранявшееся издавна феодальное право охоты. Крестьянин, например, не мог защитить свое поле изгородью, чтобы не препятствовать кавалькадам дворян преследовать дичь. Ему не разрешалось убивать дичь, наносившую урон урожаю, поскольку последняя была предметом барской охоты, и т. д.

Несмотря на все притеснения со стороны высших сословий, французские крестьяне на местах всё же довольно успешно противостояли феодальным поборам. Их благосостояние зависело от взаимоотношений с центральной властью, от характера и размера государственных налогов.

Кроме прямых налогов (королевской *тали* и *капетации*), французские крестьяне были обременены и налогами косвенными (на соль, вино, табак и др.), включенными в цену товаров. Особенно тяжелым был налог на соль – так называемая *габель*. (Габель – от араб. аль-кабала – налог). Взималась на основе государственной монополии на соль, введенной еще королевским ордонансом в 1341 году)⁴. Неизменными оставались также платежи в пользу церкви. С развитием товарно-денежных отношений и ростом крестьянской задолженности в деревне получил развитие ростовщический кредит под залог земли – ипотека. В итоге помимо обычных платежей местному феодалу, церкви и государству крестьяне были обязаны платить еще и проценты за ссуду ростовщикам. Такой платеж нередко оказывался выше традиционного ценза, за что и получил наименование *сверхценза*.

⁴ Моруа А. Указ. соч. С. 215.

Неудивительно, что финансовая эксплуатация часто становилась причиной крестьянских волнений. В разные годы по разным поводам крестьяне поднимали восстания, которые, правда, носили локальный характер и легко подавлялись властями.

На противоположном полюсе французского общества располагалось дворянство. К началу XVI века дворяне окончательно утрачивают прежние права самостоятельных независимых сеньоров. Их социальный статус и благосостояние во всё большей степени зависят от близости к королевскому двору и самой особе короля Франции. По данному критерию французское дворянство подразделяется на принцев крови, пэров Франции, титулованное дворянство и простое дворянство.

Но основным разделением уже с XVI века стало деление дворян на придворную аристократию и дворянство, живущее в провинции⁵. Дворяне-придворные умело компенсировали уменьшение доходов со своих поместий получением разнообразных милостей на службе у короля. Первоначально это была плата за военную службу. Затем, чем шире и блистательней становился королевский двор, тем более широкие возможности открывались для обогащения придворного дворянства. Уже в 1530-х годах на королевский двор, королевскую гвардию, регулярные празднества, жалования и пенсии придворных уходило свыше 50 % государственных расходов, впоследствии, видимо, еще больше. При дворе Людовика XIV (1638–1715), правившего 72 года и получившего от льстивых царедворцев прозвание «король-солнце», существовали такие должности, как смотритель королевского ночного горшка, ординарный смотритель королевских галстуков, капитан комнатных левреток и т. п. А всего «короля-солнце» обиходили до четырех тысяч слуг, значительную часть которых составляли дворяне.

Растущие расходы королевского двора поддерживались ростом налогового бремени, причем не только на крестьянские хозяйства, но и на торговлю и промышленность. Расточительность короля была его своеобразным долгом перед дворянством; в ней воплотилась «своеобразная форма распределения феодальной ренты, взимаемой с крестьянства и буржуазии путем налогового пресса»⁶.

⁵ История Франции. В 3 т. Т 2. С. 157–158.

⁶ Там же. С. 169–170.

1.2. Генезис французской буржуазии.

Особенности первоначального накопления капитала во Франции

Постепенно вызревал антагонизм между французским дворянством, особенно придворной аристократией, с одной стороны, и большинством формирующейся нации – с другой. Но на протяжении XVI–XVII столетий до революционного взрыва было еще далеко. Французская буржуазия тогда еще не противостояла открыто абсолютистскому режиму, напротив – едва возникнув, она всеми силами пыталась приспособиться к нему. Разбогатевшие торговец, цеховой старшина или цензитарий стремились дать сыну образование, а затем отправить его на королевскую службу, купив для него должность судьи, сборщика податей, иную чиновничью должность, либо офицерский патент. Впоследствии королевская служба могла принести дворянство. В результате во французском обществе образовалась довольно многочисленная прослойка *«дворян мантии»*, за счет которой формировалась государственная бюрократия. За сто с лишним лет – к началу второй половины XVII столетия – во Франции чиновников стало в 11 раз больше, чем их было на исходе первой половины XVI века⁷.

Потомственное *«дворянство шпаги»* свысока поглядывало на выскочек из числа *«дворян мантии»*. Но продажа должностей помогала абсолютистской власти увеличивать доходы и, следовательно, содержать придворную камарилью. Кроме того, продажа чиновничьих мест и последующее наделение *«людей мантии»* дворянскими званиями формировали своеобразный *«социальный лифт»*, с помощью которого простолюдин мог выбраться на верх социальной лестницы. До поры до времени это помогало *«выпускать пар из котла»*.

Однако должности покупались не только из престижных соображений. Выходцы из буржуазных семей рассматривали их приобретение как своеобразную инвестицию, способную не только возместить, но и преумножить затраченные средства, путем получения жалования, разнообразных подношений, взяток и т. д. Кроме этого, специфической формой обогащения французской буржуазии стали налоговые откупа. Постоянно нуждаясь в деньгах, королевская власть отдавала на откуп компаниям так называемых *«финансистов»* сбор практически всех косвенных налогов и значительной части налогов прямых. В итоге откупщики – эти, по выражению кардинала Ришелье, *«пиявки и губки»* – выжимали из податного населения гораздо больше, чем вносили авансом в королевскую казну.

⁷ Арзаканян М. Ц. и др. История Франции: Учебник для студентов вузов. М., 2007. С. 103.

В XVII веке буржуазия в массовом порядке стала использовать новую форму ростовщичества, связанную с системой государственного долга. Эта система получила широкое распространение с периода царствования Генриха IV и особенно его внука – Людовика XIV, отличавшегося безумным расточительством. Королевское правительство брало в долг у так называемых «финансистов» значительные суммы денег, а в обеспечение долга выпускало государственные облигации с обязательством ежегодного платежа высоких процентов. Ценные бумаги приобретали богачи из всех слоев французского общества, включая, конечно же, и буржуазию. Указанные «титутлы собственности» приносили повышенный надежный доход.

Перечисленные способы обогащения позволяют сформулировать свойственные Франции особенности первоначального накопления капитала. В отличие от английских джентри французское дворянство в этом процессе почти не участвовало. Это относилось не только к придворной знати, но и к обедневшему провинциальному дворянству. Последнее, боясь уронить «дворянское достоинство», зачастую предпочитало бедствовать, а иногда и голодать, но всегда избегало занятий полезной хозяйственной деятельностью⁸. Крупные вельможи, если и присваивали крупные суммы (через систему государственного долга, жалования и пенсии), то затем быстро их расточали.

Французская буржуазия также сильно отличалась от английской. Главным воплощением французского буржуа был не нанимающий работников ориентированный на рынок фермер, не промышленник-мануфактурист, а сельский и городской ростовщик, финансист-откупщик, держатель государственной ренты. Свойственное французскому буржуа стремление приспособиться к феодальному режиму, жить на гарантированный абсолютистским государством доход, мешало развитию капиталистической предприимчивости. Французская буржуазия в эпоху зарождения наживалась на использовании государственной фискальной системы и потому в промышленной области ее деятельность оказалась более чем вялой.

То же следует сказать и о деятельности французского капитала в сфере колониальной политики. Забегая вперед, отметим, что в результате поражения в Семилетней войне (1756–1773) Франция лишилась освоенных ранее важнейших колоний: Канады, Луизианы (в низовьях Миссисипи), ряда территорий в Индии и Западной Африке. В результате столь важный для истории буржуазной Англии источник первоначального накопления, как эксплуатация колоний, для Франции оказался временно

⁸ История Франции. В 3 т. Т 2. С. 293.

закрытым. Это еще больше усилило тяготение французской буржуазии к ростовщической, финансово-спекулятивной, рантьерской деятельности, использованию в целях обогащения государственных должностей.

С начала XVII века во Франции стала зарождаться мануфактурная промышленность. Но в сравнении с английскими предпринимателями производственная деятельность привлекала французских буржуа в гораздо меньшей степени.

1.3. Экономическая политика французского абсолютизма

Основателем системы французского абсолютизма принято считать короля Людовика XI (годы правления: 1461–1483). Если понимать под абсолютизмом режим неограниченной монархии, тогда относительно XVI века можно говорить о его ранней стадии, XVII век стал эпохой его расцвета, а XVIII столетие ознаменовалось началом его кризиса и последующим крахом.

В политическом плане феодально-абсолютистский режим опирался на всё более полную власть короля. В социальном плане абсолютизм означал растущую независимость королевской власти и ее бюрократического аппарата от существовавших тогда сословий и более того – подчинение этих сословий, включая дворянство и духовенство, этому аппарату и этой власти.

Будучи воплощением политической и экономической централизации, абсолютистский режим сумел покончить с последними остатками вольницы местных сеньоров, превратил французское дворянство в сословие на службе у короля. Именно поэтому феодальные смуты, последней из которых была так называемая Фронда принцев (1650–1653), выступали против абсолютной власти под лозунгом возврата к «прежним порядкам», то есть к старым феодальным привилегиям и раздробленности.

Посредством системы налогов и государственных займов абсолютистский режим сосредоточивал значительные финансовые ресурсы. От экономической политики королевского правительства зависело многое, в том числе положение основных сословий французского общества.

Одним из наиболее ярких и по-своему прогрессивных деятелей французского абсолютизма следует признать короля Генриха IV (годы правления: 1594–1610). «Париж стоит мессы!» – фраза этого бывшего гугенота, перешедшего ради завоевания короны в католичество, известна многим. Но Генрих IV знаменит и другими высказываниями. Этот правитель Франции говорил, например, о своем желании видеть по воскресе-

ням курицу в каждом крестьянском котле⁹. Умный и дальновидный, он сделал многое для преодоления последствий военных разорений, вызванных гражданскими (религиозными) войнами второй половины XVI века.

Правительство Генриха IV, в составе которого выделялся сюринтендант финансов герцог Максимилиан де Бетюн Сюлли, сократило государственные расходы и ослабило налоговый пресс, снизив прямые налоги, в том числе – с крестьян. Особый ордонанс короля запрещал забирать за долги крестьянский домашний скот и инвентарь. Сами крестьяне освобождались от недоимок, накопившихся за период религиозных войн. И хотя косвенные налоги (на соль и вино) несколько увеличились, положение крестьянства в целом стало лучше¹⁰.

Близкий друг короля и фактически глава правительства М. Сюлли, ненавистный всем, «как должен быть ненавистным каждый хороший министр финансов»¹¹, восстановил временное равновесие государственных доходов и расходов. М. Сюлли упорно боролся с откупщиками, жестко требуя от них возврата прежних долгов и принятия более выгодных для правительства условий при одобрении новых откупов. При нем для пополнения казны практика продажи государственных должностей стала постоянной. При этом чиновники обязаны были ежегодно уплачивать государству 1/60 часть цены своей должности¹². Такой налог, получивший по имени его изобретателя – финансиста Шарля Поле – наименование полетта, обеспечивал более 5 % доходной части государственного бюджета. Взамен правительство разрешило чиновникам продавать свои должности, передавать их по наследству, что сделало покупку должностей массовым явлением.

Финансовое оздоровление помогло укрепить французскую армию, создать мощную артиллерию, генеральным смотрителем которой был М. Сюлли. Андре Моруа описывает многогранную деятельность первого министра Генриха IV следующим образом: «Он творил чудеса, чтобы поправить вред, причиненный войной <...> восстановил дороги страны и обсадил их вязами, починил мосты, построил в Париже Новый Мост (*Pont-Neuf*) (1604)¹³, наметил строительство каналов». Кроме того Сюлли «создал конезаводы, реорганизовал управление лесами, осушал болота.

⁹ Моруа А. Указ. соч. С. 203.

¹⁰ История Франции. В 3 т. Т 2. С. 236.

¹¹ Моруа А. Указ. соч. С. 210.

¹² Арзаканян М. Ц. и др. Указ. соч. С. 124.

¹³ Несмотря на название, это самый старый каменный мост в Париже, соединяющий через остров Сите правый и левый берега Сены.

Современная Франция в значительной степени обязана ему красотой своих дорог, лесов и полей»¹⁴.

Королевскому правительству во главе с М. Сюлли удалось в короткий срок расправиться с разбойниками на дорогах и со всякого рода самостийными вооруженными отрядами, то есть навести в стране определенный порядок. Вместе с тем, по мнению А. Моруа, М. Сюлли недооценивал значение промышленности и торговли, поскольку видел основу процветания Франции исключительно в сельском хозяйстве.

В этой сфере у Генриха IV нашлись другие советники, и король, несмотря на неодобрение первого министра, приступил к проведению протекционистской торговой политики, насаждению первых казенных мануфактур, поощрял, хотя и в меньшей степени, устройство мануфактур частных. В период его правления создаются мануфактурные предприятия по выпуску шелковых и бархатных тканей, гобеленов, сафьяна, позолоченной кожи для обоев, стеклянных и фаянсовых изделий. Историки особо отмечают поддержку королем шелководства¹⁵.

Наиболее важным мероприятием Генриха IV в области социальной политики следует признать публикацию *Нантского эдикта* 1598 году. Последний, хотя и объявил католическую религию государственной, предоставил свободу вероисповедания также и гугенотам. Протестантское богослужение запрещалось в Париже и некоторых других «католических» городах. Однако секретные статьи эдикта закрепляли за гугенотами ряд южных городов: Ла-Рошель, Монпелье, Сомюр, Монтобан. Здесь гугенотам дозволялось иметь даже вооруженные отряды. Более того, эдикт 1598 года разрешал гугенотам занимать государственные посты.

Среди французских протестантов, особенно на Юге, было немало умелых ремесленников, негоциантов, крестьян. Нантский эдикт 1598 года, будучи компромиссным документом, удовлетворял запросам большинства населения Франции, создавал предпосылки экономического подъема в условиях гражданского мира.

Следующим крупным деятелем эпохи абсолютизма во Франции был первый министр и кардинал, а с 1624 по 1642 годы – фактический правитель страны при короле Людовике XIII, Арман Жан дю Плесси, герцог де Ришелье.

Ришелье продолжал создавать мануфактуры, укреплял промышленность и финансы. Но его политика во многом отличалась от предыдущей. Так, Ришелье не терпел своеволия гугенотов, и, хотя Нантский эдикт целиком отменен не был, при этом правителе была взята основная

¹⁴ Моруа А. Указ. соч. С. 203.

¹⁵ История средних веков. В 2 т. Т. I. / Под ред. С. Д. Сказкина [и др.]. М., 1966. С. 266.

твердыня французского протестантизма – город-порт Ла-Рошель (1628). Столь же круто кардинал расправлялся и с непокорными аристократами-католиками, вплоть до разрушения их замков и резиденций. Он же запретил под страхом смерти дуэли между дворянами. На местах Ришелье предпочитал править при помощи особых чиновников – интендантов. Последние были его назначенцами, не могли приобрести должности за деньги и полностью зависели от первого министра. Их главной задачей был сбор налогов и поддержание полицейского порядка. Интенданты оттесняли на второй план представителей местных органов правления и судов. Согласно предписаниям свыше они не могли находиться в одной и той же местности более трех лет, что в какой-то мере предохраняло бюрократический аппарат от коррупции.

Вступив в 1635 году в разорительную Тридцатилетнюю войну, правительство Франции во главе с Ришелье вынужденно было усилить налоговый пресс. Этого требовало также начавшееся строительство военного и торгового флота Франции. Рост налогов и общей задолженности обусловили тот факт, что положение французского крестьянства в 1640-х годах стало тяжелее, чем в начале века.

Впрочем, всё это довольно точно отвечало личным убеждениям кардинала. В своем «Политическом завещании» Ришелье, в частности, писал: «Народ – это мул, который привыкнув к нагрузке, портится от долгого отдыха больше, чем от работы»¹⁶. Изъятие же возросших налогов и податей оправдывалось Ришелье ссылками на общность интересов короля и народа. «Суммы, извлекаемые королем у народа – писал кардинал, – к нему же и возвращаются; народ их авансирует, чтобы получить их обратно в виде пользования своим покоем и своим имуществом»¹⁷.

Следующей крупной исторической фигурой, представляющей уже полный расцвет французского абсолютизма, выступает «король-солнце» Людовик XIV. Формально период его правления приходится на 1643–1715 годы, но самостоятельно он правил с 1661 года, то есть чуть более 50 лет¹⁸. В годы правления Людовика XIV блеск французского двора, переместившегося в Версаль, превзошел все предшествующие образцы. Резко возросли расходы двора, так как возведение новой королевской резиденции в Версале обошлось казне в астрономическую сумму в 500 млн ливров¹⁹. Для сравнения – годовая талья приносила казне только 40

¹⁶ История Франции. В 3 т. Т 2. С. 241.

¹⁷ Там же. С. 241.

¹⁸ Известно, что следующий король – Людовик XV – приходился «королю-солнце» не сыном и даже не внуком, а правнуком.

¹⁹ Там же. С. 262.

млн ливров, а все годовые доходы с королевского домена были меньше 10 млн ливров²⁰.

Именно Людовику XIV принадлежит формула, выражающая квинт-эссенцию абсолютной королевской власти: «Государство – это я!». Но в сфере хозяйственной политики «король-солнце» смыслил мало и предпочитал передоверять это скучное для него дело советникам.

Наиболее выдающимся представителем царствования Людовика XIV историки единодушно признают Жана Батиста Кольбера, занимавшего в 1665–1683 годах пост генерального контролера финансов.

Кольбер родился в буржуазной семье (1619), но быстро сделал карьеру на королевской службе. В историю он вошел как энергичный последователь теории и практики активного торгового баланса. С целью увеличить доходы казны Кольбер вел политику активного поощрения промышленности. Численность мануфактур во Франции в период его пребывания на должности генерального контролера финансов возросла с 68 до 113, то есть почти удвоилась. Как и при Генрихе IV, но в еще больших масштабах, поощрялась работа государственных и частных мануфактур. В 1662 году на окраине Парижа была основана знаменитая Гобеленовая мануфактура, специализировавшаяся на выпуске тканых картин – гобеленов, или шпалер. Многие мануфактуры работали по принципу импортозамещения. Скажем, частная мануфактура Сен-Гобен (открыта в 1665 году) производила зеркала по образцам из Венеции; существовали мануфактуры, выпускавшие тонкое сукно наподобие голландского, чулки по английскому образцу и т. п.²¹

Частным мануфактуристам Кольбер предоставлял «привилегию», а фактически – монополию на выпуск товаров определенного вида. Начиная с 1664 года по особому королевскому указу на поддержку крупных мануфактур ежегодно выделялся из казны 1 млн ливров. В итоге рост мануфактур резко ускорился, причем и в отношении размеров. Так, в г. Абвиль (северо-западный регион Франции) функционировала мануфактура голландца Ван Робэ, на которой трудились свыше 6 тыс. человек. Весьма крупными были шелкоткацкие мануфактуры Лиона – они давали около половины всех шелковых тканей во Франции. Большие доходы от экспорта приносила казне мануфактура в нормандском Алансоне, выпускавшая кружева.

Большая часть французских мануфактур специализировалась на производстве предметов роскоши. Исключение составляли лишь мануфактуры,

²⁰ Полянский Ф. Я. Экономическая история капиталистических стран: учебное пособие для студентов экономического факультета. М., 1962. С. 232.

²¹ История Франции. В 3 т. Т. 2. С. 264; см. также: Арзаканян М. Ц. и др. Указ. соч. С. 154.

производящие оружие, военное снаряжение и сталелитейные мануфактуры. Промышленный мануфактурный уклад обслуживал либо экспорт, либо спрос государства и французской аристократии. Значительная часть мануфактурной продукции направлялась на украшение Версаля.

Всё это, разумеется, не было случайностью. В отличие от соседней Англии, внутренний рынок французского королевства был крайне узок. Закабаленное дворянством, ростовщиками, сборщиками налогов, французское крестьянство покупало на рынке очень мало. Этим оно отличалось от английских крестьян, которые в XVI–XVII веках в результате огораживаний быстро превращались в батраков, пролетариев, а значит, даже при низкой заработной плате выступали как носители рыночного спроса. Тем более это относится к капиталистическим фермерам, которых почти не было во Франции.

Кольбер поощрял развитие не только промышленности, но и торговли. По его инициативе была уничтожена значительная часть внутренних пошлин, увеличены таможенные округа, унифицированы тарифы. Торговая политика Кольбера носила откровенно протекционистский характер. Весьма суровыми для иностранного ввоза оказались пограничные тарифы 1664 года и особенно 1667 года. Последний тариф привел, в частности, к удвоению пошлин на галантерейные товары, английское и голландское сукно.

Кольбертизм, таким образом, стал синонимом французского варианта меркантилизма, что нашло также выражение в поощрении торгового судоходства и внешней экспансии. Военный флот Франции значительно уступал английскому, а торговый – еще и голландскому. Тем не менее, Кольбер делал всё возможное для преодоления отставания. При нем были значительно благоустроены порты, построенные в годы правления Ришелье (Тулон на Средиземном море, Гавр и Брест на побережье Атлантики), расширен и переоборудован порт Марселя. В 1681 году было завершено строительство Лагедокского канала, что обеспечило Франции внутренний водный путь из Атлантического океана в Средиземноморье.

Менее успешной была колониальная политика Кольбера. Вслед за Ришелье он стремился к захвату и освоению Канады, островов Вест-Индии, западной Африки, Мадагаскара. Именно в период его пребывания на должности главы правительства предпринимаются попытки французского проникновения в Индию. С этой целью в 1664 году создается Ост-Индская компания, получившая от правительства Кольбера разнообразные привилегии. Однако и Ост-Индская, и другие колониальные компании Франции (Гвинейская, Сенегальская) влачили жалкое существование, держались на плаву исключительно при помощи казенных субсидий. Ни французские буржуа, ни тем более аристократы Франции

не желали вкладывать средства в рискованные проекты освоения заморских территорий. И те и другие давно обрели надежный источник выколачивания доходов в лице французского крестьянства.

Сын сукноторговца из Реймса, Кольбер был тем не менее верным слугой абсолютистского режима. Его промышленная и торговая политика в конечном счете диктовалась фискальными соображениями, упорным стремлением добыть средства для королевской казны, свести доходы с расходами. С этой целью были увеличены косвенные налоги, которые к концу правления Кольбера давали уже примерно половину всех поступлений в казну.

После кончины этого выдающегося государственного деятеля французские финансы быстро пришли в расстройство. Из 51 года самостоятельного правления Людовика XIV Франция 32 года находилась в состоянии войны, причем последние военные кампании (1688–1697 и 1701–1704) были особенно длительными, дорогостоящими и закончились тяжелыми поражениями.

Кольбер не только запрещал эмиграцию французских мануфактуристов и мастеров, но и активно привлекал квалифицированных работников и предпринимателей из-за границы (особенно из Голландии, Венеции, германских земель). Однако «христианский король» Людовик XIV, подстрекаемый религиозными фанатиками, поставил на этой политике крест, полностью отменив в 1685 году Нантский эдикт своего деда Генриха IV. В результате началась массовая эмиграция французских гугенотов, среди которых было немало умелых ремесленников, выдающихся мастеров, богатых мануфактуристов и торговцев. За первые 15 лет после отмены Нантского эдикта Франция потеряла примерно 250 тыс. подданных, а всего численность протестантской эмиграции достигла, по некоторым оценкам, 2 млн человек²².

1.4. Эволюция и развитие бытовой культуры: вклад Франции

Далее несколько слов хотелось бы сказать о развитии бытовой культуры французского королевства²³.

В означенный период совсем не всё обстояло здесь благополучно. Это особенно относится к соблюдению санитарных норм. Знаток вопроса, видный экономист-историк начала XX века И. М. Кулишер, подытоживая, отмечает: «Бедны были и люди, и дома, и улицы... При описании

²² Полянский Ф. Я. Указ. соч. С. 235.

²³ Вопросы развития духовной культуры, включая культуру французского Ренессанса, несмотря на их значимость, мы оставляем в стороне, так как их анализ не входит в нашу задачу.

спален не упоминается еще в первой половине XVIII века ни об умывальниках, ни о тазах, ни о полотенцах. Имелись лишь кувшины, из которых лили немного воды на руки и слегка мочили лицо»²⁴.

Можно подумать, что это не касалось высших лиц государства. Но нет: и французским королям подавались по утрам лишь «мокрые полотенца, которыми они обтирали лицо и руки»²⁵. На этом утренний туалет августейшей особы завершался.

Перейдем из спален в столовые. Тот же Кулишер сообщает нам, что до XVII века во Франции все, включая представителей высших сословий, «ели руками». Лишь после 1600 года среди высшего общества начинается «употребление вилок». Однако еще в 1651 году французская королева Анна Австрийская «не находила ничего предосудительного в том, чтобы класть свои красивые руки в блюдо с рагу»²⁶.

Только в XVIII столетии нормой поведения за едой становится употребление ножа, вилки, стакана. Но суп даже придворные ели из общей супницы.

Попробуем теперь пройтись по столице Франции – Парижу. В указанную эпоху это было нелегким путешествием, настолько тесны и грязны были его узкие улицы. В любую минуту из окон на голову зазевавшегося прохожего мог пролиться ушат помоев вместе с содержимым ночных горшков. Лишь в 1531 году парижанам было приказано устроить в своих домах выгребные ямы. Только в 1666 году во французской столице была произведена очистка улиц, в ознаменование чего были выбиты две медали. Наконец, в 1777 году полиция строго запретила выброс нечистот на улицу, поскольку в этом заключалось «наиболее часто встречающееся нарушение санитарных норм»²⁷.

Значение чистого воздуха и воды, личной гигиены к тому времени было известно медицине. Но в XVI–XVII веках лишь постепенно падала смертность от чумы, проказы, оспы, дизентерии, кори. Характеризуя демографическую ситуацию на протяжении следующего – XVIII века, Кулишер писал, что четверть очередного поколения французов умирало тогда ранее трех лет, другая четверть – до 25 лет, третья четверть – не дожив до 50 лет. В итоге через полстолетия вымирало 75 % каждого сле-

²⁴ Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы. 9 изд. Т. 1–2. Челябинск, 2004. С. 11.

²⁵ Там же. С. 11.

²⁶ Там же. С. 34.

²⁷ Кулишер И. М. Указ. соч. С. 13.

дующего поколения. Средняя продолжительность жизни во Франции не превышала 25–27 лет²⁸.

Таков был общий бытовой базис французского общества, который затрагивал основы жизни всех его слоев в большей или меньшей степени. Думается, что французские крестьяне страдали от антисанитарии всё же меньше, чем горожане, так как дышали более чистым воздухом и пили более чистую воду. Неслучайно великий просветитель XVIII века Ж. Ж. Руссо звал французов на «плэнэр», объявив житье в деревне залогом здоровой во всех отношениях жизни.

Итак, результаты эволюции французского общества в бытовой области идеализировать не следует²⁹. Но и останавливаться только на бытовых прорехах было бы также неверно. Иначе невозможно понять, почему именно Франция со временем превратилась в страну, в которой «искусство жизни» (*savoir vivre*) стало предметом зависти и подражания в других странах.

Движение в эту сторону начинается во французском королевстве со времен Итальянских войн (1494–1559) и затрагивает прежде всего придворную культуру. До конца XV века быт высших слоев французского общества не отличается от быта аристократии соседних монархий. Эпоха крестовых походов, знакомство с роскошью Востока примерно в равной степени воздействует на запросы европейской знати.

Итальянские войны – регулярные вторжения французских войск на родину Ренессанса – существенно меняют дело. Новая волна «вкуса к роскоши» (*gout de lux*) охватывает придворные круги. Известно, что первые рецепты высокой французской кухни, например первый рецепт мороженого, были привнесены во Францию окружением Екатерины Медичи (1519–1589) – жены французского короля Генриха II. Этим итальянское влияние не ограничилось. Как указывает И. М. Кулишер, «французская промышленность с ее изящным вкусом и красивыми изделиями была создана итальянцами...», так же как впоследствии прусская – бежавшими из Франции гугенотами³⁰.

Примерно с середины XVI века Франция постепенно становится законодательницей мод в области парадной и повседневной одежды, оформления дворцов и жилищ знати, утонченной парфюмерии и кухни. Блеск двора Людовика XIV окончательно затмевает придворное окруже-

²⁸ Там же. С. 10.

²⁹ Современники не без сарказма отмечали, что даже во времена «короля-солнца» Людовика XIV во дворцах «запах был более сильный, чем издаваемый розами, но вовсе не более приятный». Там же. С. 13.

³⁰ Там же. С. 21.

ние всех прочих государей Европы. Парки, фонтаны, внешний облик и внутреннее убранство Версаля становятся образцом для подражания при строительстве дворцовых ансамблей в Пруссии, Австрии, России. Именно воздушно-прекрасный Версаль, а не построенная столетием ранее мрачная юдоль испанских королей – Эскуриал, представляется наиболее ярким воплощением человеческого гения³¹. Благодаря архитекторам, инженерам и строителям Версаля дворцовая культура Франции превращается в «место встречи» великого зодчества, живописи, музыки, искусства балета и, более близкой к повседневности, культуры придворного быта. Предтеча бытовой культуры Версаля, поистине великий искусник, мажордом первых лиц Франции Франсуа Ватель (1631–1671) оставил нам непревзойденные образцы парадной мебелировки залов, сервировки стола, изысканных по оформлению и вкусу блюд, устройства застолий и празднеств.

Конечно, как уже не раз отмечалось, роскошь дворцов оплачивалась убожеством хижин. На почве финансового пресса, наложенного на крестьянство, торгово-промышленные круги и другие непривилегированные сословия, рос и обострялся социальный антагонизм между дворянством (в первую очередь – придворной аристократией) и высшим духовенством, с одной стороны, и большинством французской нации – с другой.

«Старый порядок» держался вплоть до конца XVIII столетия. Внешне всё обстояло благополучно. В Версале шумела беспечная, беззаботная жизнь, полная удовольствий и развлечений. Но приближение конца ощущалось и здесь. Свидетельством тому могут служить дошедшие до нас изречения правнука «короля-солнца», унаследовавшего трон, – его величества Людовика XV (годы правления: 1715–1774; после смерти (1723) регента Филиппа Орлеанского – самостоятельно). Когда ему осторожно намекали, что казна оскудела и на очередные прихоти метресс и фаворитов не хватает средств, он отвечал: «На мой век хватит!» По-видимому, и король смутно ощущал, что на век его наследника средств может не хватить.

³¹ Дворец испанских королей Эскуриал строился в 1563–1584 годах, Версаль – в 1661–1682, то есть на сто лет позже. Доходы испанской и французской казны были тогда вполне соизмеримы. Но как разнятся эти дворцовые ансамбли! Автору этих строк всегда казалось, что философской основой архитектуры испанского Эскуриала была идея мрачного ригоризма – тщетности всего земного, отречения от земных радостей ради подготовки к «жизни потусторонней». И напротив, философия Версаля – это наслаждение жизнью здесь и сейчас. И в этом заключалась ее привлекательность и для современников, и для нас.

Другим весьма характерным высказыванием, приписываемым Людовику XV, стало изречение: «После нас хоть потоп!». Здесь король оказался невольным провидцем. Через 15 лет после его смерти – в 1789 году – начались события, приведшие к краху французской монархии и остатков феодализма. Началась *Великая французская революция*.

§ 2. Особенности развития французского капитализма: экономические новшества и архаические элементы

2.1. Крушение «старого порядка»: основные причины

Ведущей производительной силой французской экономики в XVIII веке оставалось крестьянство. Из 26 млн жителей Франции 22 млн составляли крестьяне. Именно им в первую очередь приходилось оплачивать расточительство двора, многочисленные синекуры и пенсии придворных, роскошь высшего духовенства и т. д. Денежный ценз, натуральный налог (*шампар*), подушный налог, уплата косвенных налогов, ростовщических процентов, церковной десятины – всё это ложилось тяжким грузом на плечи французского крестьянства, изымало на производственные цели те ресурсы, которые могли бы пойти на интенсификацию аграрного сектора.

Унаследованный от Средневековья сеньориальный строй препятствовал вызреванию твердых гарантий частной собственности, в первую очередь – на землю. Земельные угодья в значительной части по-прежнему считались условным держанием дворян или церкви. Землепользователь-крестьянин – цензитарий и в еще большей степени арендатор – был весьма ограничен в праве распоряжения землей, поскольку она была опутана унаследованными от прошлого повинностями, традициями и обычаями, как то: поборами за пользование земельным участком, дорожными и мостовыми поборами, разнообразными *баналитетами*, чересполосицей, общинным выпасом скота по жнивью и др.³²

Но главный «горючий материал» грядущей революции накапливался не в деревнях, а в городах, и в первую очередь – в Париже. Именно сюда мигрировали в поисках заработка отряды разорившихся крестьян (численность последних накануне 1789 года во всей Франции достигла приблизительно от 1,5 до 2 млн человек). В Париже и других крупных городах концентрировался так называемый предпролетариат в лице цеховых учеников, «вечных» подмастерьев, поденщиков, прислуги, разо-

³² Арзаканян М. Ц. и др. Указ. соч. С. 177.

рившихся лавочников и ремесленников. Этим слоям предстояло сыграть ведущую роль в грядущих революционных событиях.

Дополнительным фактором кризиса «старого порядка» стала неэффективность промышленной политики французского абсолютизма. Узость внутреннего рынка Франции, явившаяся следствием низкой покупательной способности наиболее массового сословия крестьян, побуждало французских предпринимателей сосредоточиваться на изготовлении главным образом предметов роскоши. Капиталистический уклад, возникший еще в XVII столетии, принужден был обслуживать не столько потребности собственного развития, сколько дворянский паразитизм.

Вместе с тем из приводившихся в исторической литературе данных нельзя делать вывод, что положение народных масс Франции на протяжении XVIII века неуклонно ухудшалось. Новейшие данные свидетельствуют, что положение французского народа в XVIII столетии стало несколько лучше. Ушли в прошлое массовые эпидемии чумы и проказы, терзавшие население в предыдущие века. Улучшилась агротехника, а вместе с ней и питание нации. В предыдущем XVII веке массовый голод, охватывавший значительную часть страны, включая столицу, обрушивался на Францию примерно раз в 10 лет. В 1709 году это бедствие снова охватило страну, но, как подчеркивает Е. М. Кожокин, «оно было последним, носившим всеобщий характер. Последующие голодные годы затрагивали уже только какую-либо часть Франции»³³.

Приводившиеся ранее данные о якобы бурном росте прямых и косвенных налогов в XVIII веке основывались, как правило, на абсолютных исчислениях, учете номинальных величин. Утверждалось, например, что «одна лишь знаменитая талья увеличилась со времен Кольбера в 2 раза»³⁴. Но увеличение это происходило при постоянном росте цен. В итоге, как свидетельствуют новейшие исследования, «во Франции доля налогов в ВВП постепенно уменьшалась: в начале XVIII века она достигала 9,4 %, а в 1788 году составила лишь 6,8 %»³⁵.

Положение народных масс Франции было далеко от идиллического. Однако оно было тяжким, даже более тяжелым и раньше. Великая французская революция произошла в конце XVIII века потому, что к этому времени «старый порядок» изжил себя по всем статьям и вызывал негодование громадного большинства нации.

³³ Кожокин Е. М. История бедного капитализма. Франция XVIII – первой половины XIX века. М., 2005. С. 15–16.

³⁴ Полянский Ф. Я. Указ. соч. С. 292.

³⁵ Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. Т. 1: 1700–1870 / Пер. с англ. под ред. Т. А. Дробышевской. М., 2013. С. 132.

Изжили себя и сделались поистине невыносимыми унаследованные от Средневековья сословные привилегии. Как отмечают современные историки, смысл существования сословий в эпоху классического феодализма заключался в том, что «каждое из них посвящало себя определенному роду деятельности». Дворянство занималось военной службой, духовенство заботилось о духовном здоровье верующих, а простолюдины (третье сословие) трудились для содержания высших сословий и самих себя. Но в XVIII веке сословие профессиональных воинов-дворян «фактически перестало существовать», поскольку армия стала наемной. Авторитет духовенства, особенно высшего, оказался сильно поколебленным, так как внутри французского общества распространилось неверие. Наконец, «простолюдины тоже стали другими <...> Многие представители третьего сословия сумели ценой усилий ряда поколений значительно улучшить свое общественное положение. Среди них были образованные люди <...> – юристы, учителя, государственные служащие, руководители предприятий, купцы (негоцианты), банкиры <...> Не только по уровню знаний и образования, но даже по богатству они иногда превосходили старую родовую аристократию. Тем не менее эти люди считались низшим сословием и не могли рассчитывать на первые роли в государстве и обществе, поскольку в основе общественной иерархии по-прежнему лежали сословные различия»³⁶.

Указанные нелепицы обуславливали рост напряженности в обществе, особенно к концу XVIII столетия. Но драматизм ситуации усугублялся еще и тем, что на канун революции пришелся тяжелый экономический кризис 1788 года. Заключенный двумя годами ранее договор с Англией о свободе торговли предоставил льготы английским предпринимателям, заполонившим французский рынок дешевыми товарами. В промышленном производстве самой Франции начался застой.

На неблагоприятном фоне обострилась проблема дефицита государственного бюджета. К 1788 году дефицит составил астрономическую сумму, почти равную 160 млн ливров, или одной трети всех государственных доходов Франции. Одна лишь выплата долгов поглощала более 40 % всех расходов государства. Одновременно в том же 1788 году на организацию придворных праздников было истрачено 40 млн ливров³⁷.

Лето 1788 года было на редкость неурожайным, настолько, что «с полей было нечего собирать»³⁸. Затем наступила необычно холодная для Франции зима. Морозы, доходившие до -18 градусов по Реомюру (при-

³⁶ Арзаканян М. Ц. и др. Указ. соч. С. 178.

³⁷ Там же. С. 179–180.

³⁸ История Франции. В 3 т. Т 2. С. 5.

близительно -22,5 градуса по Цельсию), погубили виноградники³⁹. Выступления против поднявшейся дороговизны приобрели «на редкость массовый и грозный характер»⁴⁰. Таким образом, в истории Франции накануне революции сплелись воедино как долгосрочные роковые для феодального строя факторы, так и негативные импульсы конъюнктурного характера. Но долгосрочные причины сыграли в крушении феодализма определяющую роль и среди них – жесткая оппозиционность «старому порядку» со стороны большинства активной части французского общества.

2.2. Экономические преобразования Великой французской революции

1789 год ознаменовал начало революционного перелома в истории Франции. Революционные события начались с вынужденного созыва королем Генеральных Штатов, которые не собирались с 1614 года. Окружение короля надеялось с их помощью провести финансовую реформу и получить средства для решения бюджетного кризиса. Однако события вышли из-под контроля властей. Часть депутатов провозгласило свою деятельность работой Национального, а затем – Учредительного собрания. 14 июля 1789 года пала Бастилия. Народные выступления против «старого порядка» развернулись и в провинциях.

Начался первый период революции (14 июля 1789 – 10 августа 1792 года). Франция стала *конституционной монархией*. Власть принадлежала союзу конституционно-монархической буржуазии и либерального дворянства. Под давлением народных масс Учредительное собрание приняло декларацию «О полной отмене феодального строя» (4 августа 1789 года). Последующие законы (5 – 11 августа того же года) отличались меньшим радикализмом. В частности, безвозмездно отменялись сеньориальные суды, исключительное право дворян на охоту, дворянские голубятни и кроличьи садки. Были ликвидированы налоговые привилегии, декларировалось право граждан на любые должности и звания. Вместе с тем августовские законы разъясняли, что без выкупа упраздняются лишь повинности, относящиеся к «личному или вещному крепостному праву». Основные крестьянские повинности: ценз, шампар, а кое-где и барщина – подлежали выкупу, сумма которого устанавливалась в размере 20-кратной годовой ренты.

Более решительные меры были приняты в отношении имущества церкви. Законом от 2 ноября 1789 года оно было конфисковано в пользу

³⁹ Там же. С. 5.

⁴⁰ Арзаканян М. Ц. и др. Указ. соч. С. 179.

государства. Земельные угодья церкви были пушены в продажу крупными участками, что отвечало интересам буржуазных собственников.

Реформы буржуазного характера проводились в сфере торговли и промышленности. Законы Учредительного собрания ликвидировали цеховой строй, остатки внутренних таможен, разнообразные торгово-промышленные привилегии и монополии. Декларировалась свобода хлебной торговли, хотя внешний таможенный тариф, введенный в марте 1791 года, оказался в целом протекционистским. Вводилась единая система налогообложения, но налоговые ставки для мелких промышленников были более высокими.

Уже первые годы революции сопровождались быстрым ростом цен, включая цены на продукты первой необходимости. Это вызвало недовольство и протесты социальных низов, лиц, работавших по найму. В обстановке ширящихся народных выступлений Учредительное собрание принимает закон от 14 июня 1791 года (закон Ле Шапелье), воспретивший организацию рабочих союзов, собраний и стачек.

Народное восстание 10 августа 1792 года окончательно ликвидировало монархический строй. На следующий день декретом Законодательного собрания⁴¹ король Людовик XVI был отрешен от власти и вскоре казнен (21 января 1793 года). Начался второй этап революции (10 августа 1792 – 2 июня 1793 года). К власти пришла партия буржуазных республиканцев-жирондистов, выражавших интересы торгово-промышленной и провинциальной земледельческой буржуазии⁴². В решении аграрного вопроса новое правительство допустило медлительность и явные колебания. Так, принятое вскоре аграрное законодательство (август – сентябрь 1792 года) предусматривало раздел общинных земель между крестьянами. Отменялись все судебные дела против крестьян, открытые на основе пережитков феодальных прав. Вместе с тем находившееся под контролем жирондистов Законодательное собрание не установило порядка проведения аграрной реформы. В результате большая часть декретов (о разделе общинных земель и земель эмигрантов) оказалась нереализованной. Более того, оставались в силе крайне обременительные для крестьян условия выкупа феодальных повинностей, введенные аграрными законами 1789 года.

Начавшиеся в 1792 году военные действия революционной Франции против вооруженной интервенции европейских монархий потребо-

⁴¹ Сразу после закрытия Учредительного собрания парламент Франции стал именоваться Законодательным собранием (с 1 октября 1791 года).

⁴² *Жирондисты* – буржуазная партия. Лидеры – Бриссо, Верньо и др. (от названия эстуария рек Гаронны и Дордони – Жиронда, вокруг которого располагались крупнейшие хозяйства французских виноделов и виноторговцев (регион г. Бордо)).

вали огромных расходов. Издержки войны жирондистское правительство покрывало путем непрерывной эмиссии ассигнатов. Альтернативные меры увеличения налогов на богатых были им отвергнуты. Первоначально жирондисты не желали таксировать цены. С осени 1792 года в Конвент стало поступать множество жалоб на то, что народ голодает⁴³.

Под давлением событий жирондистский Конвент еще в сентябре 1792 года выделил 12 млн ливров на закупку хлеба за границей. Одновременно торговцам предписывалось поставлять хлеб в армию по нормируемым ценам. В начале мая 1793 года был установлен первый ценовой максимум на продукты питания.

Но события развивались стремительно и в результате народного восстания в Париже (31 мая – 2 июня 1793 года) жирондисты были изгнаны из Национального конвента⁴⁴. Начался третий этап революции – период якобинской диктатуры⁴⁵ (2 июня 1793 – 27 июля 1794 года), отличавшийся наибольшим радикализмом.

Именно якобинской партии удалось окончательно ликвидировать остатки феодального строя и разрешить аграрный вопрос в пользу крестьянства. Сразу после прихода якобинцев к власти Конвент принял закон (3 июня 1793 года), согласно которому земли эмигрантов дробились на малые участки, доступные для приобретения мелкими собственниками. Участок считался проданным новому хозяину, если за него уплачивалось 5 % цены. На уплату остальной суммы давалась отсрочка в 10 лет. В тех коммунах, где не было общинных земель, подлежащих разделу, закон разрешал наделять участками земли в 1 арпан (примерно 0,5 га) безземельных крестьян или крестьян, владеющих наделом меньше указанного размера.

Следующий декрет от 10 июля 1793 года по сути распускал крестьянские общины, служившие препятствием развитию частной инициативы. Раздел (по числу проживающих в данной местности) общинных земель объявлялся обязательным, если этого требовала третья часть взрослых мужчин деревни. Кроме того, крестьянам были возвращены общинные земли, отнятые ранее дворянами.

⁴³ История Франции. В 3 т. Т 2. С. 41.

⁴⁴ Первым декретом нового парламентского собрания – Национального конвента – стало провозглашение республики (21 сентября 1792 года). В отличие от Законодательного собрания выборы в Конвент проходили по новой системе – без ограничений, связанных с имущественным цензом.

⁴⁵ *Якобинцы (les jacobins)* – радикальная партия трудовых низов города и деревни. Свое название получила по политическому клубу, проводившему собрания в церкви Святого Якова в Париже. Лидерами якобинцев были Робеспьер, заслуживший прозвище Неподкупный, Марат, Дантон, Сен-Жюст, Эбер, Шометт, Кутон и др.

Последний удар феодальным порядкам в деревне был нанесен якобинским декретом от 17 июля 1793 года. Декрет провозглашал полное уничтожение феодальных прав дворянства, причем без всякого выкупа. Сами документы, содержавшие упоминание о феодальных правах, подлежали публичному сожжению. Прекращались всякие поборы, иски о недоимках по прежним повинностям крестьян в пользу дворянства. Крестьяне становились полными собственниками своих наделов, хотя их размеры были различными.

Менее значительными по результатам, хотя весьма решительными по форме, оказались реформы якобинской диктатуры в городах. Декрет Конвента от 27 июля 1793 года вводил смертную казнь за спекуляцию товарами первой необходимости. Декрет 2 августа 1793 года провозглашал передачу всей полноты власти Комитету общественного спасения – фактически революционному правительству во главе с Максимилианом Робеспьером. Опираясь на неограниченную власть, якобинцы повели борьбу с голодом, пытаясь законодательно запретить черный рынок и рост цен. Сначала 9 августа 1793 года было декретировано создание «складов изобилия», чтобы граждане вносили туда натуральные налоги. Далее последовал декрет от 11 сентября о втором максимуме цен на продовольственные товары. Через полтора месяца, 29 октября, Конвент декретировал уже «всеобщий максимум»: не только на хлеб, но и на топливо, обувь, ткани, а также основные виды сырья (шерсть, кожу, железо, сталь и др.).

Как справедливо отмечалось в исторической литературе, твердые цены в какой-то мере спасли бедноту от мук голода, поскольку, хотя и в ограниченных масштабах, способствовали обузданию многочисленных спекулянтов. Вместе с тем, поддерживая твердые цены на товары первой необходимости, якобинцы одновременно декретировали и максимальный уровень заработной платы, предельные ставки оплаты труда. Они сохранили в силе действие закона Ле Шапелье, запретившего рабочим объединяться в профессиональные союзы и прибегать к забастовкам.

Немалым радикализмом отличалась и финансовая политика якобинской диктатуры. В борьбе с жирондистами они добились введения принудительного займа в 1 млрд ливров, который превратился в своеобразный налог на роскошь и крупное имущество богатой части населения. После прихода к власти якобинцы издали декреты от 3 и 7 сентября 1793 года, согласно которым принудительный заем превращался в прямую конфискацию доходов, превышавших 9 тыс. ливров. Полученные средства распределялись среди наиболее нуждающихся. Декрет от 24 июня 1793 года предусматривал выдачу пособия каждому третьему ребенку, а также специальные пособия сиротам, подкидышам, вдовам, живущим в нищете старикам за счет «врагов революции».

Долго продержаться у власти якобинцы не смогли. И это вполне объяснимо.

Объективно Франция стояла тогда перед преобразованиями буржуазного порядка. Но якобинцы вторглись не только в феодальную, но и в буржуазную собственность. Воспитанные на идеях французского Просвещения, особенно Ж.-Ж. Руссо, они добивались не только гражданского, политического, но и социального, а в известной мере и имущественного равенства, что было утопией. В борьбе с высокими ценами на продовольствие и другими препятствиями к равенству они пустили в ход не только административный ресурс, но и массовый террор, грозя спекулянтам каторгой и гильотиной. Но в условиях всеобщего товарного дефицита удержать на длительный срок твердые низкие цены практически невозможно, так как это идет вразрез с законами рынка, например, законом баланса спроса и предложения.

Якобинцы, как уже отмечалось, выражали интересы социальных низов. Но сами эти низы были крайне разнородными. Соответственно, не во всем совпадали их интересы. Так, декреты о максимуме цен на хлеб отвечали запросам городской бедноты, но были неприемлемыми для производящих хлеб крестьян, особенно зажиточных. Запрет на стачки и декретирование максимума заработной платы отвечали интересам, например, хозяев небольших мастерских. Но этого никак не скажешь о наемных работниках и поденщиках.

Не случайно внутри самой якобинской партии вскоре начались разногласия и раздоры, которые также заканчивались казнями. Сначала на гильотине погиб Дантон и многие его сторонники из числа «снисходительных», то есть более умеренных якобинцев. Затем та же участь постигла группу Шометта и Эбера, нападавших на революционное правительство с еще более радикальных левых позиций.

Трудности якобинской диктатуры усугублялись тем, что ее вождям приходилось, решая острые хозяйственные проблемы, организовывать еще и отпор коалиции армии монархических государств. Много сил и средств отнимала борьба с внутренней контрреволюцией, особенно с мятежом в Вандее и Бретани (местные забытые патриархально настроенные крестьяне, подстрекаемые фанатиками-священниками, подняли восстание, требуя восстановления королевской власти, свергнутой «парижскими безбожниками»).

На судьбах якобинской диктатуры отрицательно сказалась и усталость общества от массового террора. Тем более что в руках якобинцев террор из средства защиты революции шаг за шагом превращался в средство реализации их утопических, грубо уравнилельных идей. Числен-

ность арестованных в период с марта 1793 по июль 1794 года достигла полумиллиона. Общее число казненных в 1793–1794 годах составила предположительно 35–40 тыс. человек. При этом большинство осужденных (более 80 %) принадлежало не к дворянству, не к духовенству, а к бывшему третьему сословию⁴⁶.

27 июля (9 термидора по новому революционному календарю) 1794 года якобинская диктатура пала, а на следующий день свершилась казнь Робеспьера, Сен-Жюста, Кутона и их сторонников.

События Французской революции вызывали и вызывают до сих пор множество споров. Дискуссионным остается главный вопрос: является ли вообще революция формой реализации исторического прогресса и в этом качестве – «локомотивом истории». Нет согласия и в способах периодизации истории французской революции. Некоторые отказывают ей в эпитете «великая» и именуют «революцией конца XVIII века»⁴⁷. Мы же солидарны с мнением проф. С. И. Сметанина, который отмечает, что буржуазная революция во Франции была не первой, ей предшествовали революции того же типа сначала в Голландии, а затем в Англии. Однако «именно французскую революцию принято называть Великой... Она была первой народной, демократической революцией, ее главную активную силу составляла не буржуазия, а низы города и деревни. Поэтому революция не закончилась компромиссом между буржуазией и феодалами, как в Англии или Германии, а полностью ликвидировала господство феодалов»⁴⁸. Главный экономический вопрос революции – о земле – был решен в значительной степени в пользу крестьян.

2.3. Экономическая политика Наполеона

Курс первых термидорианских правительств во всё большей мере отвечал интересам новых богачей (нуворишей). Постепенно ослаб государственный контроль над экономикой. В частные руки было передано несколько национальных мануфактур. Отменялась монополия государства на внешнюю торговлю. Наконец, 24 декабря 1794 года последовала полная отмена прежних декретов о ценовом максимуме. Цены на товары стремительно росли. Инфляцию усугубила правительственная политика

⁴⁶ Арзаканян М. Ц. и др. Указ. соч. С. 204.

⁴⁷ Там же. С. 204.

⁴⁸ Конотопов М. В. и др. История экономики зарубежных стран. М., 2003. С. 88–89. Отметим, что и в современной западной экономической литературе события конца XVIII века во Франции также систематически именуются Великой французской революцией. См.: Кембриджская экономическая история. С. 13, 126, 159, 359.

по выпуску необеспеченных ассигнатов. Приостановился подвоз продовольствия в крупные города. По имеющимся данным, стоимость жизни в Париже к весне 1795 года выросла по сравнению с 1790 годом в 10 раз⁴⁹.

Лишь во второй половине 1790-х годов начался рост сельского хозяйства, промышленности и торговли, а вместе с ним – стабилизация рыночных цен. Но политическое положение оставалось крайне неустойчивым. 9–10 ноября (18–19 брюмера) честолюбивый генерал Наполеон Бонапарт организовал государственный переворот, объявив себя первым консулом, а позднее (1804) – императором Франции.

Ни термидорианцы, ни наполеоновская диктатура не ставили вопрос о восстановлении дворянского землевладения, поскольку это противоречило интересам большинства населения и прежде всего – крестьян. Более того, изданный в марте 1804 года Гражданский кодекс, или *Кодекс Наполеона*, закреплял в качестве основы законодательства «принципы 1789 года»: свободу личности, равенство всех граждан перед законом, свободу совести, трудовой деятельности и светский характер государства. Право собственности трактовалось как «естественное» право – «пользоваться и распоряжаться вещами самым неограниченным образом, лишь за исключением таких способов их использования, которые запрещены законами»⁵⁰.

Старые, упраздненные революцией дворянские титулы не были восстановлены. Возникли новые почетные титулы «дворян империи», которыми Наполеон вознаграждал своих выдвиженцев, в основном за военную службу. Но к восстановлению повинностей крестьян и прежних сеньориальных отношений это не привело.

Наполеон продолжил дело предшествовавших ему буржуазных правительств (термидорианского Конвента и Директории) по упрочению финансов и укреплению французской экономики. Еще будучи первым консулом, он перенес центр тяжести в сборе налогов с прямых (в первую очередь – поземельного) на косвенные (на табак, алкоголь и др.). В целях укрепления кредита в январе 1800 года был образован Французский банк – частное учреждение, но под контролем государства. Наполеон самостоятельно подписался на его акции. Главной задачей Французского банка стала стабилизация рынка ценных бумаг, государственной ренты. В 1801 году впервые за несколько десятилетий удалось сбалансировать расходы и доходы бюджета. По долговым обязательствам государства возобновилась выплата процентов. В 1803 году Французский банк превратился в монопольный центр по выпуску бумажных денег. Тогда же в обращение

⁴⁹ Арзаканян М. Ц. и др. Указ. соч. С. 210.

⁵⁰ Цит. по: Арзаканян М. Ц. и др. Указ. соч. С. 219.

поступил серебряный франк, на который могли свободно обмениваться бумажные ассигнации.

Все эти меры были с одобрением встречены собственническими кругами Франции. Как мы увидим далее, они послужили основой для роста инвестиций в промышленность, положили начало промышленному перевороту. Особым покровительством Наполеона пользовалась военная промышленность. Крепкий тыл способствовал военным успехам. Благодаря военным победам, в годы правления Наполеона на некоторое время установилось господство Франции над континентальной Европой. Чтобы сокрушить экономическое могущество Англии, которую сам Наполеон считал главным соперником, 21 ноября 1806 года им был подписан декрет о *континентальной блокаде*. Замысел состоял в том, чтобы запретить зависимым странам торговать с Англией, отобрать у нее европейские рынки и передать их французским предпринимателям.

Но французская промышленность была тогда слабой и не могла снабдить Европу нужными товарами. Уже по этой причине континентальная блокада давала сбои. К тому же она подтачивалась массовой контрабандой дешевых английских изделий. Более того, французская промышленность сама стала ощущать нехватку хлопка, сахарного тростника и прочего сырья, поступавшего ранее из английских колоний. Главное же состояло в том, что Англия снабжала французскую промышленность машинами, которые в самой Франции тогда не производились. Наконец, французские предприниматели не без горечи и раздражения вспоминали короткое перемирие (с марта 1802 по май 1803 года), когда богатые англичане в массовом порядке закупали дорогие лионские ткани, бордосские и бургундские вина, изделия парижской моды и другие предметы роскоши, на которых издавна специализировалась французская экономика. Таким образом, обнаружилось, что Франция теряет от континентальной блокады больше, чем Англия.

Несколько слов необходимо сказать о судьбе реформ «по французскому образцу», которые проводились Наполеоном в зависимых странах. Первоначально на территориях, где установилась его власть (левобережье Рейна, Нидерланды) принимались меры по отмене феодальных повинностей крестьян, церковной десятины, цеховой регламентации ремесел. Однако, после установления империи, антифеодальная направленность мероприятий Наполеона ослабла. На германских, итальянских землях и в Испании, французские завоеватели проявляли консерватизм и «действовали осторожно, сообразуясь с настроениями местных элит – аристократии, крупных землевладельцев, городского патрициата»⁵¹. Ес-

⁵¹ Арзаканян М. Ц. и др. Указ. соч. С. 225–227.

ли, скажем, в Пруссии завоевания Наполеона еще способствовали буржуазным преобразованиям, правда, не по французскому, а по специфическому прусскому образцу, то во время похода на Россию в 1812 году не было совершено ничего «антифеодального», а вся «экономическая деятельность» наполеоновской администрации ограничилась массовым распространением фальшивых бумажных денег, реквизицией продовольствия, фуража и прямыми грабежами.

Рядовой, а иногда и офицерский состав наполеоновских войск составляли главным образом выходцы из крестьян. Им было что защищать и за что воевать, поскольку земля оставалась в их собственности. Поддерживали Наполеона и буржуазные круги. Рабочие отчасти тоже выигрывали от прекращения инфляции и исчезновения безработицы. Но о рабочих Наполеон сам говорил, что им не за что его благодарить: он застал их нищими и нищими оставляет. И действительно, под предлогом сохранения свободы трудовой деятельности продолжал действовать антирабочий закон Ле Шапелье. Еще в 1803 году были введены рабочие книжки, в которые заносились сведения о поведении рабочих. Фактически устанавливался полицейский контроль над наемной рабочей силой.

Русский поход 1812 года оказался переломным в истории наполеоновской империи. К этому времени завоевательная политика Наполеона легла тяжелой ношей на плечи налогоплательщиков. Последующие поражения усугубили недовольство. Наполеоновские войны продолжались 15 лет. По имеющимся оценкам, в них погибло не менее миллиона французов. А по всей Европе потери составили 2,5 млн человек (вместе с жертвами французских революционных войн). Во Франции имелось множество селений, где мужское население было представлено лишь детьми и стариками. К 1814 году французское общество устало от бесконечного «налога крови»⁵².

Позже Наполеон признавался, что хотел дать Франции власть над всем миром. На этом пути его ждало неизбежное поражение.

2.4. Сельское хозяйство Франции в XIX веке: факторы торможения и прогресса

Девятнадцатый век для Франции был веком бурных событий. Мирные годы перемежались революциями 1830 и 1848 годов. Тяжелое поражение во Франко-прусской войне (1870–1871) вызвало трагические со-

⁵² История Франции. В 3 т. Т 2. С. 163; см. также: Кембриджская экономическая история. С. 127–128.

бытия Парижской коммуны и гражданской войны. Только период последних десятилетий оказался относительно спокойным.

И в начале века, и в завершающие десятилетия основной отраслью экономики Франции, как по денежной оценке произведенной продукции, так и, особенно, по численности занятых, продолжало оставаться сельское хозяйство.

Великая французская революция превратила феодально-зависимых крестьян в лично свободных земельных собственников. Казалось бы, созданы условия для ускоренного развития аграрного сектора. Но этого не произошло, причем по многим причинам. Прежде всего, отнюдь не все земли, конфискованные во время революции у аристократов и церкви, попали в руки крестьян. При продаже этих земель сменявшие друг друга буржуазные правительства имели в виду прежде всего фискальные цели. В большинстве случаев предпочтение отдавалось тем, кто внесет всю сумму сразу (исключение составил лишь короткий период якобинской диктатуры). В результате покупка земель крестьянами была затруднена. Правда, крестьяне принимали участие в приобретении национализированных земель, но гораздо больше их скупил городская буржуазия. К ней перешли наиболее крупные владения церкви и дворянства. Купцы, богатые ремесленники, мануфактуристы, лица свободных профессий – все они наряду с крестьянами стали собственниками участков земли. «Таким образом, – заключает И. М. Кулишер, – к земельному фонду, находившемуся в руках крестьян в XVIII веке, в эпоху революции прибавилось немного»⁵³.

Наряду с малоземельем еще одним препятствием развитию французского сельского хозяйства оставалась долговая кабала. Французская революция избавила крестьянство от феодальных сеньоров, но не от ростовщиков. По некоторым подсчетам, в 1840 году примерно треть продукции французского земледелия в стоимостном выражении уходила на уплату процентов по ипотечному кредиту, то есть по ссудам под залог земли. Еще одну треть доходов французские крестьяне уплачивали государству в форме налогов⁵⁴. Все эти платежи обескровливали крестьянское хозяйство, не давали ему расти.

Одним из главных препятствий к прогрессу оставалась раздробленность крестьянских хозяйств, или так называемая *парцеллярная* система. Франция и до революции была страной мелкого крестьянского землевладения и землепользования; ею она оставалась в основном и на протяжении всего XIX столетия.

⁵³ Кулишер И. М. Указ. соч. С. 472.

⁵⁴ Конотопов М. В. и др. Указ. соч. С. 91.

Имеющиеся данные свидетельствуют, что в начале века (1815) мелкие и мельчайшие собственники, общая численность которых составляла более половины всех собственников земли (примерно 1 млн 953 тыс. из общего числа собственников в 3 млн 805 тыс.), владели только 4,2 % земельного фонда страны. При этом более половины из них обладали крохотными участками размерами не более 0,5 га. На долю 1,5 млн собственников средних хозяйств (от 3 до 12 га каждое), составлявших 37,9 % общего числа землевладельцев, приходилось 19,5 % всех земель. И лишь горстка крупнейших землевладельцев, численностью 21456 человек (примерно 0,6 % от всех земельных собственников), владела 42,3 % всех земельных угодий Франции⁵⁵.

Существовавшее законодательство не содержало требований *майората*, то есть обязательной передачи наследуемой земли от отца к старшему сыну. Земельные угодья делились между всеми сыновьями. Происходило дальнейшее раздробление, или парцеллирование земли (от лат. *parcella* – часть). В середине XIX столетия свыше 70 % французских крестьян вели хозяйство на участках менее 2 га.

Парцеллярная система несла с собой урон очень многим направлениям экономической жизни Франции. Во-первых, как уже говорилось, она тормозила развитие самого аграрного сектора. Мелкое крестьянское хозяйство по необходимости оставалось многоотраслевым и полунатуральным. Французский крестьянин был вынужден заниматься сразу всем, чтобы удовлетворить потребности собственной семьи. В итоге медленно развивалась его рыночная специализация, ограниченными были денежные доходы, а следовательно, и емкость рынка сбыта для промышленности.

Кроме того, парцеллярная система самым негативным образом сказывалась на демографических процессах. Не желая и дальше дробить земельные участки, французские крестьяне ограничивали размеры собственных семей. К этому их подталкивала и постоянная имущественная нужда. В результате население Франции в XIX веке росло значительно медленнее, чем в соседних странах. В указанном столетии население всей Европы увеличилось более чем вдвое, а во Франции оно выросло только на 65 % – с 29 до 41 млн человек. В то же время население Англии и Уэльса увеличилось с 9 млн до свыше 30 млн человек, то есть примерно в 3,4 раза, или на 240 %⁵⁶.

⁵⁵ История Франции. В 3 т. Т 2. С. 186.

⁵⁶ Новейшая зарубежная литература связывает указанный феномен с более ранним – с конца XVIII века установлением во Франции контроля над рождаемостью. Однако, на наш взгляд, такого объяснения недостаточно. Необходимо указать, почему именно во Франции потребность подобного контроля ощущалась особенно остро. См.: Кембриджская экономическая история. С. 94.

Вместе с тем капиталистическая и, шире, – рыночная эволюция французского сельского хозяйства медленно, но всё же шла. Сам факт вопиющей неоднородности структуры земельных владений означал, что наряду с преобладавшими мелкими и мельчайшими хозяйствами во Франции имелись и крупные фермы; они применяли наемный труд и работали почти исключительно на рынок. На севере Франции такие фермы возникли уже в XVIII веке. Так, в конце указанного столетия в податном округе Мо близ Парижа в местностях Мюльтен и Франс на долю ферм площадью более 120 га приходилось более 40 % земли. Непосредственно перед революцией капиталистическая аренда охватила уже более половины земель в окрестностях столицы, значительную часть во французской части Фландрии, в Пикардии, на северо-востоке Нормандии. Здесь встречались фермерские хозяйства площадью более 200 и даже 300 га⁵⁷.

Однако даже на севере Франции крупная земельная собственность соседствовала с мелким землевладением. Кроме того, во французском аграрном секторе значительную роль играли крестьяне – испольтчики и издольщики, особенно на юге. Во многом по этой причине до 1840-х годов в земледелии использовались в основном старые орудия труда (серп, борона, плуги устаревших типов), удобрений было недостаточно, и они отличались плохим качеством. Сохранялся старый севооборот с большим удельным весом паров, искусственных лугов было мало, продуктивность скота оставалась невысокой.

С 1840-х годов во французском сельском хозяйстве наблюдается определенное оживление. К середине XIX века уже 40 % земли в среднем по стране, не только в отдельных регионах, было занято фермерами, ведшими хозяйство на капиталистический лад. Началось применение машин, многопольных севооборотов, более эффективных удобрений. С 1840 по 1862 год стоимость продуктивного и рабочего скота более чем удвоилась⁵⁸. Сборы пшеницы с 1812 по 1870 год увеличились примерно вдвое⁵⁹. Денежная оценка всей продукции сельского хозяйства Франции в 1812 году составляла примерно 3 млрд франков, в 1850 году – уже около 5 млрд, а к 1870 году она достигла 7,5 млрд франков⁶⁰. И это несмотря на существенное падение цен.

Кроме того, во Франции получают значительное развитие как традиционные, так и новые подотрасли аграрного производства. Возвраща-

⁵⁷ Кожокин Е. М. Указ. соч. С. 41.

⁵⁸ Кулишер И. М. Указ. соч. С. 473.

⁵⁹ Конотопов М. В. и др. Указ. соч. С. 92.

⁶⁰ Экономическая история капиталистических стран: учебное пособие для студентов экономического факультета / Под ред. Ф. Я. Полянского, В. А. Жамина. М., 1986. С. 136.

ясь несколько назад, отметим, что начало массового производства красных сухих вин высокого качества в регионе Бордо датируется 1650–1740 годами, когда заканчивается осушение болот в треугольнике Медока, и виноделы начинают хранить вино в цилиндрических бутылках с пробкой, что позволяет лучшим винам созревать длительное время. Несколько позже виноделам Шампани удается освоить технологию вторичной ферментации игристого белого вина. И вот в XIX столетии, наряду с развитием винодельческих регионов со специализацией на производстве высококачественного красного вина (Бургундия, Бордо, Анжу) начинается подлинное процветание Шампани – региона с иной винодельческой специализацией. В 1800-х годах в этом регионе было произведено 300 тыс. бутылок шампанских вин, а в 1850 году – уже 20 млн бутылок. В том же 1850 году высококачественные вина всех регионов Франции, значительная доля которых относилась к предметам роскоши, обеспечили не менее 10 % экспорта Франции⁶¹.

Из других традиционных подотраслей особенно быстро развивается производство шелковых коконов. В 1815–1850 годах продукция шелководства увеличивается более чем в 4 раза (с 6 до 25 млн кг)⁶².

В 1790-х во Франции появились первые небольшие (20 тыс. га) посадки картофеля – культуры, которая в расчете на 1 га дает гораздо больше калорий, чем пшеница или рожь. Уже в первом десятилетии XIX века площади, занятые под картофелем, выросли до 3 млн га⁶³. Тогда же французские аграрии в массовых масштабах освоили культуру сахарной свеклы, которая быстро вытеснила импортный сахарный тростник, недоступный в начале XIX века по причине континентальной блокады. К 1852 году под сахарной свеклой было занято уже 111 тыс. га, а сборы достигли 32 млн ц⁶⁴.

Определенные новшества затронули и подотрасли животноводства. Так, во время войн в Европе Наполеон распорядился перегнать во Францию стада мериносовых овец. В 1815 году поголовье мериносов составляло только 1,5 млн голов, но к 1850 году их было уже около 10 млн. Таким образом, особенно быстро росло производство сельскохозяйственно-го сырья для промышленности. Однако, несмотря на достигнутые результаты, в середине XIX века урожайность зерновых и продуктивность скота во Франции были примерно вдвое ниже, чем в Англии⁶⁵.

⁶¹ Кембриджская экономическая история. С. 252.

⁶² Полянский Ф. Я. Указ. соч. С. 303.

⁶³ Кембриджская экономическая история. С. 244–245.

⁶⁴ Полянский Ф. Я. Указ. соч. С. 303.

⁶⁵ Коноплов М. В. и др. Указ. соч. С. 92.

**2.5. Французская промышленность:
«вялый» технический переворот при сохранении многоукладности**

В XVIII веке промышленность Франции еще только выделялась в самостоятельную сферу. В само понятие «промышленность XVIII века» включались различные отрасли и уклады: ремесла, горное дело, металлургия, мануфактуры, в том числе рассеянные⁶⁶.

Первые попытки внедрения машин во Франции датируются десятилетием 1770-х. Очевидно, что революционные годы не способствовали продвижению вперед в этом направлении. В наполеоновский период использование машинной техники несколько расширилось, но континентальная блокада прервала этот процесс, поскольку машины могли поступать только из Англии. В период Реставрации произошло известное ускорение промышленного производства, хотя Франция оставалась преимущественно аграрной страной. Так, потребление хлопка в текстильной промышленности, занимавшей ведущее место, выросло почти в три раза. В 1829 году на французских предприятиях производилось 28 млн кг пряжи. Всего в бумагопрядильном производстве было занято 200 тыс. человек, в ткацком (тогда преимущественно ручном) – вдвое больше. С 1815 по 1830 год удвоилась стоимость производства шелковых изделий. В 1812 году шерстяная промышленность Франции потребляла 35 млн кг шерсти, а в 1825 году – 50 млн кг⁶⁷.

Вместе с тем в эпоху Реставрации промышленный переворот еще не вышел за пределы подготовительной стадии. Выпуск рассеянных мануфактур, совмещенных с работой на дому в небольших кустарных мастерских, количественно еще преобладал не только над продукцией фабрик, но и централизованных мануфактур. И всё же уже тогда во Франции появляются целые департаменты (Нижняя Сена, Верхний Эльзас), где почти всё хлопчатобумажное производство сосредоточивалось на крупных фабричных предприятиях⁶⁸.

Согласно удачному выражению проф. С. И. Сметанина, промышленный переворот во Франции «проходил относительно вяло»⁶⁹. Как уже отмечалось, французский крестьянин в массе своей не терял связи с землей, предъявлял пониженный спрос на продукцию промышленности; предложение рабочих рук со стороны крестьянства также было ограничено. Знарок французской экономики той эпохи, барон Дюпен замечал,

⁶⁶ Кожокин Е. М. Указ. соч. С. 39.

⁶⁷ История Франции. В 3 т. Т 2. С. 187.

⁶⁸ Там же. С. 188.

⁶⁹ Цит. по: Конотопов М. В. и др. Указ. соч. С. 93.

что поскольку Франция является «страной распыленной земельной собственности, мелких земельных участков, то она также страна распыленной промышленности, мелких мастерских»⁷⁰.

В самом деле, почти вся промышленность Парижа специализировалась на производстве модной одежды, обуви, галантереи, парфюмерии, предметов роскоши (*articles de Paris*), а это производство было нацелено не на массовый, а на индивидуальный спрос, требовало больших затрат ручного труда и в XIX веке в принципе не поддавалось механизации.

Но особенно явно запаздывание промышленного переворота сказывалось на развитии тяжелой индустрии. Например, во французской металлургии замедленным оказался переход на минеральное топливо. Даже в 1830 году каменный уголь использовали лишь 29 металлургических предприятий из 408⁷¹. Медленно внедрялись паровые двигатели, поскольку французские промышленники предпочитали использовать двигатели более дешевые, приводимые в действие силой воды. Поэтому механические станки оставались по большей части гидравлическими. В 1820-х во Франции появились первые машиностроительные предприятия. Однако многие из них принадлежали английским предпринимателям, которые привозили из Англии не только оборудование, но и английских рабочих.

За пределами Парижа символом промышленного развития Франции был мануфактурный шелкоткацкий Лион, где еще в 1831 году 750 крупных и средних мануфактуристов раздавали заказы 8 тыс. хозяев мелких мастерских, оборудованных несколькими станками. Центров крупной тяжелой промышленности, подобных английскому Манчестеру, Бермингему или Лиддсу, во Франции просто не существовало.

Символично, что собственные изобретения французов в промышленной области сосредоточивались главным образом на улучшении производства текстиля. Так, в 1785 году выдающийся химик К. Бертолет разработал метод быстрого беления тканей с помощью хлора. Ж. Жаккар изобрел станок для выделки узорчатых шелковых тканей, а затем усовершенствовал его (1807). Ф. Жирар стал изобретателем льнопрядильной машины (1810). Лишь в 1864 году появилось важное изобретение сталеплавильной печи француза П. Мартена, ознаменовавшее переворот в металлургии.

Начавшись в 1820–1830-е годы в основном в текстильной промышленности, промышленный переворот завершился в 1850–1860-х годах, распространившись наконец и на тяжелую индустрию. Промышленный

⁷⁰ Цит. по: История Франции. В 3 т. Т 2. С. 239.

⁷¹ Экономическая история капиталистических стран. С. 133.

подъем 1850–1860-х годов оказался в этом смысле решающим. Именно тогда Франция достигла наиболее высоких темпов экономического роста за весь XIX век (около 5 % в год)⁷². Не только текстильная, но и металлургическая, химическая, горнодобывающая отрасли перешли на новые индустриальные технологии. Промышленный подъем интенсивнее всего протекал тогда в тяжелой индустрии. Общий объем промышленной продукции Франции вырос почти вдвое, причем производство чугуна с 1851 по 1868 год утроилось, а выплавка стали возросла в 8 раз⁷³.

В указанный период обороты французской внутренней торговли увеличились в 2 раза, а внешней – примерно в 3 раза⁷⁴. Ускоренной индустриализации страны способствовали снятие ограничений на деятельность акционерных обществ, подписание договора о свободной торговле с Великобританией (1860), строительство Суэцкого канала (1859–1869), проведение в Париже всемирных промышленных выставок (1855, 1867)⁷⁵.

Выдающуюся роль в индустриализации Франции, как и в других странах, сыграло железнодорожное строительство. Первая железная дорога – между Сент-Этьеном и Лионом – была построена в 1832 году. В 1844 году был издан специальный закон о поощрении железнодорожного строительства. В 1859 году французское правительство выступило гарантом получения дивидендов (4 % годовых) для держателей акций железнодорожных компаний. К концу 1860-х во Франции имелось уже 17 600 км железных дорог, причем только в период промышленного подъема 1850–1860-х протяженность железнодорожных линий увеличилась почти в 5 раз⁷⁶.

Индустриальная революция 1850–1860-х годов превратила Францию в аграрно-индустриальную страну. Однако даже бурный экономический подъем не смог радикально изменить структуру французской промышленности. Крупные фабрики и заводы по-прежнему соседствовали здесь с рассеянными мануфактурами и мелким ремеслом. Мелкотоварный уклад даже преобладал, если не по выпуску, то по численности занятых рабочих рук. В результате в конце 1860-х во Франции на десять промышленных предприятий приходилось в среднем 17 рабочих. В Париже этот показатель был больше, но не намного: четверо рабочих на одно промышленное заведение. По общему объему промышленного производ-

⁷² Арзаканян М. Ц. и др. Указ. соч. С. 263.

⁷³ Экономическая история капиталистических стран. С. 134.

⁷⁴ История Франции. В 3 т. Т 2. С. 343.

⁷⁵ Арзаканян М. Ц. и др. Указ. соч. С. 262.

⁷⁶ Полянский Ф. Я. Указ. соч. С. 301.

ства в середине XIX века Франция еще сохраняла второе место в мире после Великобритании, но к 1871 году она была оттеснена на четвертое место, пропустив вперед США и Германию⁷⁷. Сказывалось наследие архаичной структуры, распространенность ручного труда, узость внутреннего рынка и прочие негативные факторы.

2.6. Ростовщический капитализм

Особенности генезиса французского капитализма в дореволюционную эпоху продолжали сказываться и далее. В XIX столетии известная слабость промышленного потенциала Франции компенсировалась возросшей силой и влиянием финансовой, банковской буржуазии.

Как утверждает в исторической литературе, формирование во Франции первых элементов банковской системы и появление самой профессии банкира приходится на период 1725–1770 годов. Уже тогда существовали частные банки и банковские общества, позволявшие сколачивать крупные состояния⁷⁸.

С 1800 года центром банковской системы Франции стал акционерный Французский банк. Созданный при личном участии Наполеона, он, как уже было сказано, превратился в эмиссионный центр страны и, кроме того, концентрировал частные вклады, выдавая кредиты торговцам и промышленникам.

Немаловажную роль в мобилизации частных средств сыграли сберегательные кассы, первая из которых открылась в 1818 году в Париже.

Поначалу банковская система Франции была неустойчивой. Первые частные банки вынуждены были прекратить деятельность еще в годы революции. Вторая волна банковского грюндерства конца 1830-х – начала 1840-х годов завершилась кризисом 1848 года, когда наиболее крупные из них погибли, а прочие превратились в местные отделения Французского банка, снова занявшего монопольное положение⁷⁹.

Только в 1850-х (период Второй империи) начинается решающая фаза в формировании кредитной системы французского капитализма. Операции Французского банка с 1851 по 1869 год увеличились более чем в 5 раз, число его филиалов возросло с 30 до 61. Но главной особенностью данной фазы стала деятельность реорганизованных или созданных заново частных акционерных банков. Так, знаменитое «Общество поэ-

⁷⁷ Кембриджская экономическая история. С. 269; см. также: *Контопов М. В.* и др. Указ. соч. С. 93.

⁷⁸ *Кожокин Е. М.* Указ. соч. С. 42–43.

⁷⁹ *Кулишер И. М.* Указ. соч. С. 572.

мельного кредита» (образовано в 1852 году) было ипотечным банком и контролировало ссудные операции под залог земли. «Общество мобильного кредита» (1852), основанное братьями Перейра, занималось главным образом спекулятивной и учредительной деятельностью. Банк «Лионский кредит» (1863) специализировался на учете векселей и мобилизации капиталов разного объема, включая мелкие. Наконец, в 1864 году были основаны сразу два крупных акционерных банка: «Марсельское общество промышленного кредита и сбережений» и «Генеральное общество развития торговли и промышленности во Франции».

Большинство этих банков были финансовыми учреждениями нового типа. Их владельцы не только выдавали кредит промышленникам и торговцам, но и сами активно вмешивались в процесс создания акционерных промышленных обществ, строительство железных дорог и каналов. Во Франции прежде других стран начинается процесс сращивания банковского капитала с промышленным, образование финансового капитала.

Кроме того, уже во второй половине XIX века французские банкиры начинают вывозить капиталы за границу. Франция постепенно превращается в международного банкира, мирового ростовщика. В этом плане типичной является деятельность банкирского дома Ротшильдов, имевшего отделения во Франции, Великобритании, Австро-Венгрии, в германских и итальянских землях⁸⁰. С 1870-х французский капитал проникает в Турцию, страны Латинской Америки, участвует в строительстве железных дорог в Испании. С конца 1870-х – начала 1880-х годов капиталы из Франции устремляются в Австро-Венгрию и Россию. За 20 лет (после 1869 года) общий объем французских капиталов, размещенных за границей, достиг 20 млн франков и в целом удвоился⁸¹.

Финансовая экспансия Франции в XIX столетии была дополнена *колониальной экспансией*. Утратив все крупные колонии в результате поражения в Семилетней войне (1756–1763), Франция в XIX веке с лихвой компенсировала потери. В 1844 году был окончательно присоединен Алжир, а в 1881 году установлен протекторат над Тунисом. С 1850-х по 1880-е годы шло завоевание земель бассейна рек Сенегал и Нигер. В 1895 году из захваченных здесь территорий была сформирована колония Французская Западная Африка. В 1885 году Франция получила во владение часть земель бассейна р. Конго. Затем в Центральной Африке были захвачены еще несколько регионов, включая Чад и Габон. В 1910 году из них была образована колония под общим названием Французская Экваториальная Африка. В 1895 году был окончательно завоеван Мадагаскар.

⁸⁰ Котопов М. В. и др. Указ. соч. С. 95.

⁸¹ История Франции. В 3 т. Т 2. С. 478–479.

К этим захватам в Африке присоединились французские завоевания в Юго-Восточной Азии – территории Камбоджи и Вьетнама. В 1887 году эти земли вошли в состав Индокитайского союза под общей французской администрацией. В 1893 году в него была включена и территория современного Лаоса.

Помимо этого французские колонизаторы захватили ряд островов в Полинезии (например, о. Новая Каледония, 1853), а также на побережье Аденского залива (Французское Сомали, 1888). В результате по общему размеру и численности населения колониальные владения Франции уступали только Британской империи.

2.7. Положение рабочего класса: разнообразие позиций на общем фоне нужды

Оценочные данные уровня ВВП в расчете на душу населения свидетельствуют, что для Франции XIX века характерен довольно быстрый рост экономики. В 1820 году указанный индекс был равен 72, в 1870 году – 110, а к 1913 году вырос до 205, то есть почти в три раза (за 100 единиц здесь принят среднедушевой ВВП Великобритании 1820 года)⁸².

Конечно, плоды экономического прогресса распределялись неравномерно. Не случайно именно Франция в XIX столетии была страной наиболее частых социально-политических потрясений: буржуазно-демократических революций июля 1830 года и февраля 1848 года, восстаний лионских ткачей (1831, 1834), парижских рабочих (июль 1848 года), событий Парижской Коммуны (март – май 1871 года). Историки отмечают: противопоставление интересов буржуа и рабочих было «общим местом» французской публицистики самых различных направлений. Расхождения начинались лишь при поиске способов урегулирования противоречий⁸³.

Из всего XIX века для социальных низов Франции наиболее тяжелым оказался период Реставрации. «Те, кому знакома нищета, царящая в деревнях и городах, – писал в 1827 году один либеральный публицист, – знают, что во Франции имеется 20 млн людей, дурно питающихся и плохо одетых»⁸⁴. Но эти 20 миллионов составляли тогда две трети населения страны.

Конкретные данные свидетельствовали, что переход к фабричной системе на начальных стадиях сделал жизнь французских рабочих более трудной. Удлинился рабочий день, достигнув в ряде случаев 14–15 часов.

⁸² Кембриджская экономическая история. С. 339.

⁸³ Кожокин Е. М. Указ. соч. С. 210.

⁸⁴ Цит. по: История Франции. В 3 т. Т 2. С. 190.

Номинальная заработная плата, как правило, отставала от роста цен⁸⁵. Как уже не раз отмечалось, во Франции фабричное производство соседствовало с мануфактурным. Большое распространение получили ремесленные мастерские, капиталистическая работа на дому. В этих условиях уровень жизни отдельных категорий рабочих оказался весьма различным в зависимости от отрасли и квалификационного уровня.

Знарок вопроса Е. М. Кожокин делит пролетариат Франции первой половины XIX века на три группы, различающиеся по видам трудовой деятельности, нормам потребления и стандартам жизни. К первой группе он относит рабочих, систематически совмещавших промышленный и сельскохозяйственный труд, то есть работников, занятых в многочисленных рассеянных мануфактурах сельской местности: текстильщиков, игольщиков, ножовщиков, а также шахтеров и металлургов, занятых вне промышленных районов. Это были полурабочие – полукрестьяне; их доходы и образ жизни практически не отличались от условий жизни мелких крестьян и сельских ремесленников. Для рабочих этой группы характерны постоянная нужда, часто – полуголодное существование, поскольку промышленные предприниматели, рассчитывая на их дополнительные доходы в сельском хозяйстве, снижали их заработную плату до минимальных размеров. Как указывает Е. М. Кожокин, однообразие жизни, чередование многодневного и даже многонедельного непрерывного труда порождало в этих социальных группах «эмоциональный голод», утоление которого происходило лишь во время «недолгих, но очень ярких и шумных праздников»⁸⁶.

Несколько лучшим было положение второй группы французских пролетариев, состоявшей преимущественно из городских неквалифицированных рабочих. К ним относились, в частности, бывшие ремесленники – ткачи, перешедшие работать на текстильные фабрики и в итоге утратившие прежнюю квалификацию из-за внедрения машинных методов труда. Их заработки были выше, чем у рабочих первой группы, зато побочных доходов они не имели.

Наконец, основную массу третьего отряда французских пролетариев составляли сравнительно немногочисленные категории городских квалифицированных рабочих, занятых в мануфактурах и в фабрично-заводской промышленности: граверов, наладчиков станков, токарей, слесарей, механиков, печатников. К этой группе относились, видимо, и ремесленные рабочие, занятые высокосложным ручным трудом, например, при изготовлении «парижских изделий» (*articles de Paris*).

⁸⁵ Экономическая история капиталистических стран. С. 136.

⁸⁶ Кожокин Е. М. Указ. соч. С. 212–213.

Заработки всех трех групп рабочих относились друг к другу примерно как 1:2:4. Иногда дифференциация в оплате была еще более значительной⁸⁷. Скажем, полный потребительский бюджет квалифицированного рабочего – плотника – составлял примерно 1000 франков в год, тогда как фактическая годовая заработная плата – только 850 франков. Но так зарабатывали очень немногие. Например, льнопрядильщицы в одной из провинций получали за день работы от 40 до 60 сантимов, но с внедрением механического льнопрядения их заработки упали до 25–30 сантимов в день (менее 100 франков в год)⁸⁸.

Условия труда квалифицированных рабочих были более благоприятными; они лучше питались, имели более добротную одежду и лучшие жилищные условия. Выше, чем у других категорий трудящихся, был уровень их грамотности. Более того, часть квалифицированных рабочих, как отмечает Е. М. Кожокин, «могла себе позволить культурные развлечения иного рода, чем посещение местного кабака», например, посещение театра⁸⁹. Отметим также, что положение всех категорий французских трудящихся менялось в зависимости от состояния хозяйственной конъюнктуры. Крайне неблагоприятное воздействие на него оказывали, в частности, экономические кризисы 1857–1858 и 1873–1874 годов.

Если же брать XIX столетие в целом, можно с уверенностью сказать, что жизнь французского общества, всех его слоев, изменилась к лучшему, причем прогресс был гораздо заметнее, чем за все периоды такой же длительности в прошлом. Особенно это относится к этапу последних десятилетий XIX века, образующих начало так называемой *прекрасной эпохи (belle époque)*, как теперь принято именовать 40-летний период истории Франции перед Первой мировой войной.

2.8. Завершающие годы XIX века: *belle époque*

После трагических событий Франко-прусской войны и Парижской Коммуны Франция вступила в относительно благополучный мирный этап без кровопролитных войн, революций и контрреволюций (период «прекрасной эпохи»). Был создан устойчивый политический режим, основанный на признании индивидуальных и коллективных прав и свобод, парламентаризме и других демократических ценностях⁹⁰. Изменился облик городов, особенно Парижа.

⁸⁷ Там же. С. 210–224.

⁸⁸ Там же. С. 211–223.

⁸⁹ Там же. С. 224.

⁹⁰ Арзаканян М. Ц. и др. Указ. соч. С. 303.

Реконструкция французской столицы, начатая в 1852–1853 годах по инициативе префекта столичного департамента барона Э. Османна, преобразила центральную часть города. К концу века окончательно ушли в прошлое узкие, кривые улочки, а на их месте были проложены широкие проспекты, так называемые «большие бульвары», застроенные красивыми домами, особняками, дворцовыми ансамблями⁹¹. Каждый дом и каждый квартал обретал свой особый неповторимый облик, и столица Франции постепенно превращалась в город, о котором впоследствии скажет Э. Хемингуэй: «Париж – это праздник, который всегда с тобой!»

В «прекрасную эпоху» Франция не превратилась в каменные джунгли, а сочетала традиционные, даже архаические, и новаторские элементы⁹². Примерно 60 % ее населения по-прежнему жило в сельской местности, и почти половина занималась сельским трудом. Но и parcelлярное сельское хозяйство иногда оборачивалось положительной стороной, так как смогло обеспечить Франции не только изобилие, но великое разнообразие продуктов (известно, что современная Франция производит и потребляет около двух тысяч сортов сыра, несколько тысяч видов высококачественных вин, множество «типоразмеров» морепродуктов и т. д. – на любой вкус). Это тяготение к разнообразию является традицией французского потребления, заложенной в прошлом.

Характерное для *belle époque* преображение Парижа и других крупных городов сопровождалось исчезновением примитивных, оставшихся от Средневековья, кабачков и харчевен, место которых на улицах заняли со вкусом оформленные рестораны, кафе и бистро⁹³, часто с открытыми террасами. Парижские кафе вели происхождение от кофеен XVIII столетия, куда любили приходить еще Вольтер и Руссо. В последующем кафе Парижа превратились не только в места отдыха, но и в рабочие места журналистов, писателей, лиц других свободных профессий. Некоторые кафе стали своеобразными клубами по интересам, например, для художественной богемы Парижа. Французские рестораны также вели происхождение от первых заведений такого рода в XVIII веке. Но здесь по традиции подавали более питательные, «восстанавливающие» блюда⁹⁴. И конечно же, хозяева ресторанов и кафе со временем начинали заботиться не только о хорошей кухне, но и об интерьере и хорошей эстраде.

⁹¹ История Франции. В 3 т. Т 2. С. 347–348.

⁹² Там же. С. 303.

⁹³ По одной из версий, французское слово «бистро» происходит от русского «быстро», якобы потому, что русские военные во время пребывания нашей армии в Париже (1814–1815) просили обслужить их побыстрее.

⁹⁴ Французское слово “*restaurant*” происходит от глагола “*restaurer*”, что означает «восстанавливать».

Подводя итоги, можно сказать, что если Франция в XIX веке не особенно преуспела в «искусстве производить» (*savoir produire*), то в более важном «искусстве жить» (*savoir vivre*) она добилась больше других стран.

К концу XIX – началу XX веков французское общество сохранило иерархичный характер: высшие и низшие слои заметно различались по уровню доходов и образу жизни. Однако, как отмечается в исторической литературе, «монополию на власть, образование и культуру высшие слои (аристократия, буржуазия) окончательно утратили»⁹⁵. В жизни французского общества ведущие позиции стали занимать средние слои, жившие на доходы от высокосложного интеллектуального труда, требующего глубоких профессиональных знаний и культуры. Вместе с «новыми средними слоями» впервые в истории плодами цивилизации и прогресса стали пользоваться социальные низы⁹⁶.

Аристократия и буржуазия постепенно утратили и другую монополию – на то, что в просторечии именуется «хорошей жизнью». Историки отмечают, что в период *belle époque* сдвиги в повседневной жизни коснулись «громادного большинства французов». В полтора раза и более выросло потребление мяса, сахара, других ценных продуктов. Французы в массе своей стали лучше одеваться: в 2,5 раза возросло потребление шерсти и в 3 раза – хлопка. Накопления населения на счетах сберегательных касс увеличились в 12 раз (с 0,5 до 6 млрд франков). В 1905 году для шахтеров Франции был законодательно введен 8-часовой рабочий день, и профсоюзы выступали с требованием распространить его на другие категории рабочих⁹⁷.

В этот период времени во Франции и других ведущих странах возникли и с растущей интенсивностью действовали факторы, исподволь подтачивавшие временное благополучие. Теория *империализма* как капитализма монополий, этапа борьбы за передел мира, в том числе военными средствами, – возникла отнюдь не на пустом месте. Вскоре начался новый период мировой истории, отграниченный с обеих сторон двумя мировыми войнами, внутри которого даже мирные послевоенные годы быстро превращались в годы предвоенные. И тогда французы еще долго с грустью вспоминали спокойные, безмятежные десятилетия на рубеже XIX и XX веков, которые, видимо, на контрасте и получили наименование «прекрасной эпохи».

⁹⁵ Арзаканян М. Ц. и др. Указ. соч. С. 304.

⁹⁶ Там же. С. 304.

⁹⁷ Там же. С. 303.

ГЛАВА 8

Французская революция или промышленная революция? Новый взгляд на противоположный опыт Англии и Франции до 1800 года*

В конце XVIII века Англия и Франция пережили революции: Франция – Великую французскую, а Англия – промышленную. Это исследование проливает новый свет на противоположный опыт английской и французской экономической истории. Авторы рассматривают динамику реальных потребительских цен в Лондоне и Париже на протяжении столетий до 1800 года. Если в Англии строительные рабочие сталкивались с низкими и стабильными потребительскими ценами за этот период, что оставляло значительные возможности для движимой спросом потребительской революции (в частности, после 1650 года), то парижским рабочим приходилось в течение многих лет бороться за поддержание достойного существования, а нередко сокращать потребление, чтобы свести концы с концами. Опыт, проведенный в настоящем исследовании, дает количественно-экономическое обоснование тому факту, что Французская революция не возникла из ниоткуда, но скорее уходит корнями в многовековую тяжелую жизнь рабочего класса, боровшегося за существование.

Одна из основных тем экономической истории – почему промышленная революция впервые произошла в Англии, а не во Франции. Традиционный взгляд на Англию как на «маяк прогресса», пока Франция пребывала «в отсталом состоянии», был представлен Николасом Крафтом¹. С тех пор исследователи неоднократно указывали на отсутствие расхождений между Англией и Францией в период до промышленной революции, что добавляет загадочности тому феномену, почему в Англии промышленная революция произошла раньше, чем во Франции. На самом деле Ханс-Йоахим Фот и Нико Фогтлэндер недавно утверждали, что «случай сыграл роль в установлении сроков и скорости первоначального подъема Британии», замечая при этом, что Франция на самом

* Авторы: Пол Р. Шарп – профессор экономики (департамент бизнеса и экономики) Университета Южной Дании (Одензе, Дания); Джекоб Л. Вайсдорф – профессор экономики Университета Копенгагена (Дания).

¹ Crafts N. F. R. Industrial Revolution in England and France: Some Thoughts on the Question “Why was England First?” // Economic History Review. 1977. Vol. 30. Pp. 429–441.

деле могла перейти к промышленному производству раньше Англии, если бы не несколько случайных факторов².

Расчеты Роберта Аллена так называемых *показателей благосостояния* в странах Европы, возможно, стали первым исследованием, свидетельствующим о том, что покупательная способность лондонцев превосходила покупательную способность парижан до 1800 года³. Аллен смог сделать этот вывод, спроектировав корзину потребительских товаров, пользующихся повседневным спросом (продукты питания, одежда, жилье, отопление и т. п.). Затем он рассчитал количество раз, которое средняя по составу семья (состоящая из двух взрослых и трех детей) могла себе позволить приобрести эту корзину с учетом действующих цен и заработной платы, исходя из предположения, что рабочий работал 250 дней в году. На *рисунке 1* сопоставляется показатель благосостояния лондонских строительных рабочих с аналогичным показателем их парижских коллег за период с 1500 по 1800 год. Из графиков видно, что французы едва ли могли себе позволить одну потребительскую корзину, в то время как англичане с трудозатратами, аналогичными трудозатратам французов, могли себе позволить приобрести от 1,2 до 1,6 корзины.

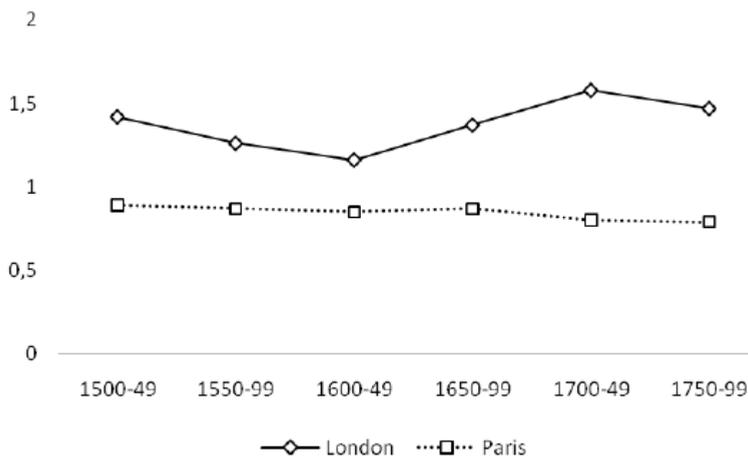

Рисунок 1. Сравнение показателей благосостояния в Лондоне и Париже по данным Роберта Аллена, 1500–1800 годы.

Источник: Allen R. C. The Great Divergence in European Prices and Wages from the Middle Ages to the First World War // Explorations in Economic History. 2001. Vol. 38. Table 6.

² Voth H.-J., Voightländer N. Why England? Demographic Factors, Structural Change and Physical Capital Accumulation During the Industrial Revolution // Journal of Economical Growth. 2006. No. 11. Pp. 320–321.

³ Allen R. C. The Great Divergence in European Prices and Wages from the Middle Ages to the First World War // Explorations in Economic History. 2001. Vol. 38. Pp. 411–447.

Однако, на наш взгляд, вниманием Аллена были обойдены два важных вопроса. Первый – тот факт, что он группирует наблюдения в блоках по 50 лет. Это означает, что любая междугодичная разница цен и заработной платы скрыта от читателя. Второе – то, что рабочие, возможно, меняли продолжительность своего производственного года, реагируя на экономические обстоятельства, например, для сохранения постоянного уровня жизни в условиях волатильности реальной заработной платы. На самом деле независимая оценка трудозатрат, о которой речь пойдет ниже, свидетельствует, что предположение Аллена о том, что рабочие трудились только 250 дней в году – относится к минимальному сегменту шкалы.

Поэтому ниже мы ставим своей задачей расширить анализ Аллена⁴ по двум направлениям. Во-первых, рассматривая годовые колебания реальных потребительских цен, сразу становится очевидным, что в то время как лондонские строительные рабочие на протяжении трех столетий до 1800 года жили в условиях низких и стабильных потребительских цен, тогда как французские рабочие были подвержены сильным колебаниям стоимости жизни за этот период. Во-вторых, мы продолжаем количественный анализ, проведенный Алленом и Вайсдорфом⁵, в котором фиксируется скорее потребление, чем трудозатраты, а затем рассчитывается производственный год, который требуется для получения одной потребительской корзины. На основе этих расчетов мы демонстрируем, что англичане работали в два раза больше, чем им требовалось для приобретения корзины, в то время как французам нередко требовалось сократить потребление, чтобы свести концы с концами, в особенности на протяжении столетия, предшествующего Великой французской революции.

Борьба за существование парижских рабочих, с одной стороны, и трудолюбие лондонских работников – с другой (подкрепляющее сходную гипотезу Жана де Ври⁶ о «революции усердия» и «потребительской революции»), приведших в итоге к промышленной революции) в совокупности позволяют предположить новые причины, по которым во Франции сложились предпосылки Великой французской революции, в то время как Англия переживала промышленную революцию.

⁴ Allen R. C. The Great Divergence.

⁵ Allen R. C., Weisdorf J. L. Was there an “Industrious Revolution” before the Industrial Revolution: An Empirical Exercise for England, c. 1300–1830 // Economic History Review. 2011. Vol. 64. Pp. 715–729.

⁶ de Vries J. The Industrious Revolution. New York, 2008.

Обзор историографии

Франсуа Крузе⁷, пожалуй, первым задался острым вопросом, почему именно Англия пережила промышленную революцию, а не Франция, вслед за чем появился большой объем исследований, в которых содержались качественные причины превосходства Англии. Однако в резкую полемику с Крузе вступили Алан Милворд и С. Б. Соул⁸, которые в своей книге утверждали о трудности нахождения причин исключительности Англии по сравнению с разнообразными континентальными экономика-ми, и в особенности Францией.

Скорее одной из наиболее провокационных и провоцирующих работ было исследование Крафтса⁹, который также не смог выявить ключевых расхождений между двумя странами. Более важным представляется его утверждение о том, что этот вопрос неуместен и на него невозможно найти ответ, поскольку событие было уникальным, что означает, что статистический вывод невозможно использовать для ответа на этот вопрос. Однако уже в том же издании Обзора экономической истории (*Economic History Review*), в котором Крафтс опубликовал свою работу, Уолт Росту¹⁰ вступил в полемику с ним, утверждая, что всё же возможно попытаться идентифицировать те факторы, которые сделали промышленную революцию более вероятной в Англии, чем во Франции.

Дэвид Ландес возобновил эту дискуссию в своей лекции в Тоуни¹¹ и предположил, что Крафтс, скорее, выступил с провокацией, чем всерьез утверждал, что этот вопрос следует игнорировать, а в недавние годы одна из наиболее интересных попыток дать на него ответ была предпринята Фотом и Фогтлэндером¹². Оба автора черпали вдохновение в теории универсального роста и использовали моделирование, чтобы показать, что темпы рождаемости и использование дифференцированных затрат капитала служили факторами технологического прогресса в Англии и сделали промышленную революцию возможной, если не неизбежной. Однако проводя аналогичное моделирование для других стран, они

⁷ *Crouzet F.* England and France in the Eighteenth Century: A Comparative Analysis of Two Economic Growths // *Hartwell R. M.* (ed). *The Causes of the Industrial Revolution in England*. London, 1967. P. 139.

⁸ *Milward A. S., Saul S. B.* *The Economic Development of Continental Europe, 1780–1870*. Totowa, 1973.

⁹ *Crafts N. F. R.* Op. cit.

¹⁰ *Rostow W. W.* No random walk: a comment on “Why was England first?” // *Economic History Review*. 2nd ser. 1978. Vol. 31. No.4. Pp. 610–612.

¹¹ *Landes D. S.* What Room for Accident in History?: Explaining Big Changes by Small Events // *The Economic History Review*. New Series. 1994. Vol. 47. No. 4. Pp. 637–665.

¹² *Voth H.-J., Voightländer N.* Op. cit.

пришли к выводу, что, несмотря на крайне незначительную вероятность наступления промышленной революции в Китае, вероятность того, что она наступит во Франции, была обоснована. Фактически они поддержали тезис, выдвинутый в статье Крафтса, о том, что «неудача Франции», возможно, объясняется обычным невезением.

Поскольку «шанс» – это несколько малоинтересный ответ на увлекательный вопрос, мы вновь возобновили дискуссии и, в частности, сосредоточим наше внимание на вопросе, который остается в какой-то мере игнорируемым: экономические трудности, которые привели к Великой французской революции в этот исторический период.

Сравнение трудового года в Лондоне и Париже

Промышленная революция сопряжена с ростом спроса на промышленные товары. До 1800 года, даже в большей степени до 1750 года, международная торговля по современным стандартам была очень ограниченной. Следовательно, любое увеличение спроса, которое должно было стимулировать развитие промышленности в этот период, по всей видимости, произошло бы за счет внутренних потребителей. Поскольку реальный уровень заработной платы в Лондоне и Париже не демонстрировал восходящих трендов до и после 1800 года¹³, направляемая спросом промышленная революция могла бы иметь свои основания именно в «революции усердия», то есть увеличении продолжительности трудового года с целью заработать дополнительные средства, с тем чтобы получить возможность приобрести больше товаров¹⁴.

«Усердное поведение» предполагает, что фактический трудовой год превосходит тот, который требуется для получения базовой потребительской корзины репрезентативной семьи (как, например, выявлено и использовано Алленом¹⁵). Таким образом, мы ищем примеры такого поведения среди лондонских строителей и сравниваем их с поведением парижских рабочих. Для этого мы продолжаем опыт расчетов Аллена и Вайсдорфа¹⁶. Их базовая идея состоит в расчете количества рабочих дней, необходимого за год для покупки фиксированной потребительской корзины, и его последующем сравнении с независимыми оценками фактического трудового года, который можно найти в существующей литературе. Принимая во внимание тот факт, что рабочие, как правило, обслуживали не только себя, но и всю семью, они рассчитали количество дней работы в течение года, кото-

¹³ Clark G. A Farewell to Alms: A Brief Economic History of the World. Princeton, 2007.

¹⁴ de Vries J. Op. cit.

¹⁵ Allen R. C. The Great Divergence.

¹⁶ Allen R. C., Weisdorf J. L. Op. cit.

рое требовалось для поддержания домохозяйства в достаточно хорошем состоянии (репрезентативного домохозяйства). Исследователи исходили из того, что домохозяйство состоит из двух взрослых и двух с половиной детей и это количество детей потребляет столько же, сколько и взрослые. Это означает, что в домохозяйстве проживает эквивалент расчетных единиц, равный 3,25 взрослым.

Количественное исследование, проведенное для расчета трудового года, требуемого для покупки фиксированной корзины, основывается на двух основных компонентах: расходах на годовое потребление типичного домохозяйства и ежедневной заработной плате рабочих. Заработная плата, получаемая в Лондоне и Париже, – это заработная плата строительных рабочих. Для Лондона – это данные Джереми Боултона¹⁷, Стива Рапппорта¹⁸ и Л. Д. Шварц¹⁹. Для Парижа – это данные Мишлин Болант²⁰, Ива Дюрана²¹ и Жака Ружери²². Расходы на годовое потребление рассчитываются на основе уровня цен, которые для Лондона взяты из исследований Аллена²³, Уильяма Бевеиджа²⁴, Петера Боудена²⁵, Брайана Митчелла и Филиса Дина²⁶ и Торольда Роджерса²⁷, а для Парижа – из работ Генри Хойзера²⁸.

¹⁷ *Boulton J.* Wage labour in seventeenth-century London // *Economic History Review*. 1996. Vol. 49. Pp. 268–290.

¹⁸ *Rappaport S.* Worlds within worlds: Structures of life in sixteen-century London. Cambridge, 1989.

¹⁹ *Schwartz L. D.* The standard of living in the long run: London, 1700–1860 // *Economic History Review*. 1985. Vol. 38. Pp. 24–41.

²⁰ *Baulant M.* Le Salaire des ouvriers du bâtiment à Paris de 1400 à 1726 // *Annales Economies, Sociétés, Civilisations*. 1971. Vol. 26. Pp. 123–147.

²¹ *Durand Y.* Recherches sur les salaires desmaçons à Paris au XVIIIe siècle // *Revue d'histoire économique et sociale*. 1966. Vol. 44. P. 468–480.

²² *Rougerie J.* Remarques sur l'histoire des salaires à Paris au XIXe siècle. Le mouvement social. 1968. Vol. 63. Pp. 71–108.

²³ *Allen R. C.* *Enclosure and the Yeoman*. Oxford, 1992.

²⁴ *Beveridge L.* *Prices and wages in England from the twelfth to the nineteenth century*. London, 1965 (1st ed.: 1939).

²⁵ *Bowden P. J.* *Agricultural prices, wages, farm profits, and rents* // *Thirsk J.* (ed.). *The Agrarian history of England and Wales*. Vol. IV: 1500–1640. Cambridge, 1967. Pp. 593–695; *Ibid.* *Agricultural prices, wages, farm profits, and rents* // *Thirsk J.* (ed.). *The Agrarian history of England and Wales*. Vol. V. P. II: 1640–1750: *Agrarian change*. Cambridge, 1985. Pp. 1–118, 827–902.

²⁶ *Mitchell B. R., Deane Ph.* *Abstract of British Historical Statistics* // Department of Applied Economics Monograph. No. 17. Cambridge, 1971.

²⁷ *Rogers J. E. T.* *A History of agriculture and prices in England*. 7 vols. Oxford, 1866–1892.

²⁸ *Hauser H.* *Recherches et documents sur l'histoire des prix en France de 1500 à 1800*. Vol 7. Slatkine Reprints. Genève, 1985 (1st ed.: 1936). Более подробную информацию о заработной плате и ценах см. в работе Аллена: *Allen R. C.* *The Great Divergence*. Appendix I.

Французская революция или промышленная революция?

Для расчета годовых расходов на потребление Аллен²⁹ опирается на потребительскую корзину раннего Нового времени, которая состоит из товаров повседневного потребления, таких как еда, одежда, жилье и отопление. Поскольку увеличение трудового года могло бы привести к желанию потреблять новые и более роскошные товары, никакие новые товары (такие как сахар, табак, чай, кофе, книги, часы и т. п.) в состав этой корзины не включены. «Революция усердия», ставившая целью расширение потребления, тогда должна была проявиться в увеличении расхода между *фактическим* трудовым годом и трудовым годом, который требовался для приобретения корзины (то есть *предполагаемым* трудовым годом). Потребительские товары, включенные в фиксированную корзину, а также количество продуктов, потребляемых одним взрослым, детализированы в *таблице 1*³⁰.

Предполагаемый трудовой год, необходимый для приобретения корзины, указанной выше, рассчитывается по следующей формуле:

Количество дней в году = ежегодные затраты на корзины домохозяйства / ежедневная заработная плата.

Таблица 1. Корзина потребительских товаров

Наименование продукта	Количество из расчета на одного человека в год
Хлеб	182 кг
Бобы/ горох	52 л
Мясо	26 кг
Масло	5,2 кг
Сыр	5,2 кг
Яйца	52 шт.
Пиво	182 л
Мыло	2,6 кг
Полотно	5,0 м
Свечи	2,6 кг
Ламповое масло	2,6 л
Топливо	5,0 млн BTU*

* *Примечание:* Одна британская тепловая единица (БТЕ) – это объем энергии, который требуется для повышения температуры одного фунта воды на один градус по Фаренгейту.

Источник: Allen R. C. The Great Divergence. P. 421.

Следующим шагом является добавление независимых оценок фактического трудового года. От приблизительно 260 рабочих дней в

²⁹ Allen R. C. The Great Divergence.

³⁰ О дискуссии вокруг содержания корзины см. в: Ibid.

году в начале XVI века³¹ трудовой год постепенно увеличился до примерно 320 дней в году к 1800 году³². Последнее значение получено исходя из предположения, что лондонские рабочие трудились в среднем по 10 часов в день. Пунктирная линия на *рисунке 2* иллюстрирует продолжительность фактического трудового года в Лондоне. Она также демонстрирует предполагаемый трудовой год (исходя из среднего шага в 10 лет) лондонских строительных рабочих (непрерывная линия) и рабочих в Париже (точечная линия), при этом окружающие пунктирные линии иллюстрируют оценки от года к году.

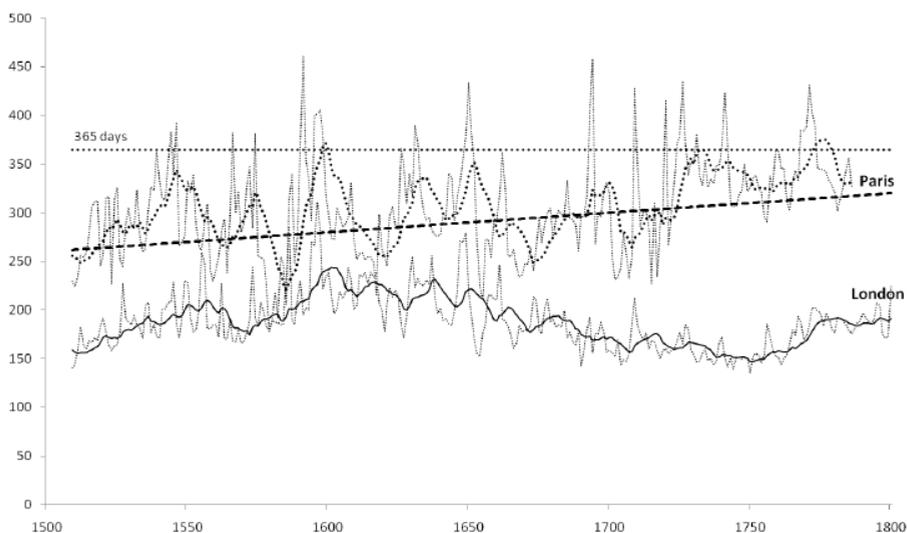

Рисунок 2. Предполагаемый и фактический трудовой год, лондонские и парижские строительные рабочие, 1500–1800 годы

Источник: Allen R. C. The Great Divergence. Appendix 1.

Какие выводы можно сделать из *рисунка 2*? На ум приходят три наблюдения. Во-первых, лондонские рабочие не испытывали никаких трудностей при поддержке своих семей, работая в промежутке от 260 до 320 дней в году, за исключением нескольких лет крайней нищеты до 1600 года (это выбросы на кривой после непрерывной линии). Фактически, для приобретения базовой корзины достаточно было работать 150–200 дней в году. Этот вывод, как представляется, противоречит утверждению, нередко

³¹ Clark G., Van Der Werf Y. Work in Progress: The Industrious Revolution // Journal of Economic History. 1998. Vol. 58. Pp. 830–843.

³² Voth H.-J. The Longest Years: Estimates of Labour Input in England, 1760–1830 // Journal of Economic History. 2001. Vol. 61. Pp. 1065–1082.

высказываемому в историографии, что Англия до промышленной революции испытывала *мальтузианское* давление в том смысле, что рабочие в буквальном смысле слова были вынуждены зарабатывать себе средства к существованию³³. Напротив, парижские рабочие редко были способны поддерживать прожиточный минимум для своих семей, даже если работали 300 рабочих дней в году. Действительно, парижанам часто приходилось сокращать потребление, поскольку трудовой год, необходимый для поддержания базового уровня, детализованного в *таблице 1*, редко превышал 365 дней в году (плоская, точечная линия на *рисунке 2*). В противоположность английскому, это общество, несомненно, представляется подверженным мальтузианским ограничениям.

Во-вторых, нарастающий разрыв, в особенности после 1650 года, между тем, что мы считаем фактическим трудовым годом (восходящая пунктирная линия) и предполагаемым трудовым годом лондонцев (непрерывная линия), поддерживает гипотезу де Ври о «революции усердия», которая могла служить стимулом промышленной революции. Французский опыт резко контрастирует с этим. Если трудовой год парижан фактически был равен трудовому году лондонцев, как свидетельствуют расчеты Болант³⁴, то разрыв между фактическим и предполагаемым трудовым годом часто выходил за пределы фактических трудозатрат, не оставляя никакой возможности для начала потребительской революции, направляемой спросом, основанной на усердии, по крайней мере не на территории Парижского региона, который, как считается, был наиболее динамично развивающимся регионом во Франции в то время³⁵.

Наконец, резкое падение спроса, вызванное многократным снижением уровня реальных заработных плат во Франции, и вынужденным в связи с этим сокращением потребления парижан (если предполагаемый трудовой год превышал 365 дней), не только выступало препятствием росту промышленного производства из-за высокой волатильности цен³⁶, но и неизбежно повышало амплитуду нестабильности среди рабочего класса, особенно в связи с тем, что стоимость жизни после 1725 года оставалась на очень высоком уровне.

³³ Подробнее о значении уровня заработной платы, обеспечивающей прожиточный минимум в мальтузианском понимании см.: Sharp P., Strulik H., Weisdorf J. The Determinants of Income in a Malthusian Equilibrium // Journal of Development Economics. 2012. Vol. 97. Pp. 112–117.

³⁴ Baulant M. Op. cit. По информации Мишлин Болант, парижане работали 275 дней в 1549 году, 287 дней в 1666 и 280 дней в 1973 году.

³⁵ Hoffman P. Land rents and agricultural productivity: the Paris basin 1450–1789 // Journal of Economic History. 1991. Vol. 49. Pp. 43–72.

³⁶ Sandmo A. On the Theory of the Competitive Firm Under Price Uncertainty // American Economic Review. 1971. Vol. 61. Pp. 65–73.

Разница в волатильности реальных заработных плат между Лондоном и Парижем проиллюстрирована на *рисунке 3*. Очевидно, что французы были в гораздо большей степени подвержены неопределенности реальной заработной платы, чем англичане, в особенности в конце XVI и в первой половине XVIII века. Относительно сильные вариации от года к году в реальном уровне заработной платы французов, по сравнению с англичанами, вполне согласуются с гипотезой Хоффмана, что экзогенные потрясения, а также религиозные войны и беспорядки выступали препятствием роста французской экономики³⁷.

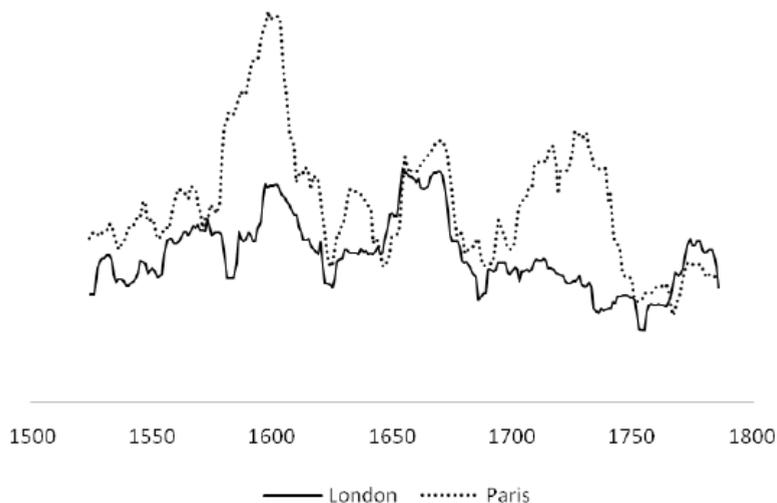

Рисунок 3. Волатильность реальной заработной платы, среднее квадратичное отклонение от среднего значения за 25 лет, 1500–1800 годы

Источник: Allen R. C. The Great Divergence. Appendix 1.

Заключение

Мы не претендуем здесь на то, чтобы дать исчерпывающий ответ на вопрос, по какой причине в Англии произошла индустриализация, а во Франции – революция и хаос. Но несомненно, что экономические условия были одной из основных причин политической нестабильности, и в этом контексте трудности, с которыми сталкивались французские рабочие, представляются столь же убедительным объяснением, впрочем, как и любое другое впечатление, которое значительно усиливается из-за контраста с Англией.

³⁷ Hoffman P. Growth in a traditional society: the French countryside, 1450–1789. Princeton, 1996.

ГЛАВА 9

Монархия Габсбургов: исторический феномен династической империи^{*}

1. Вводные замечания

Данная глава содержит определение империи Габсбургов, историю ее образования и развития, особенности институциональной конфигурации империи в свете новой экономической истории, новых теорий исторического развития. История империи Габсбургов подтверждает основные закономерности развития государства и экономики в Новое время, а также выявляет ряд особенностей, которые отличают эту империю от Российской, Османской, Британской, а также национальных государств Нового времени.

Габсбургская монархия – это особый феномен развития государства в Центральной Европе: наднациональное явление, которое не связано ни с одной современной нацией, ни с национальной политической системой (монархией, республикой). Эта монархия сложилась в борьбе за гегемонию определенной династии, прежде всего в рамках Священной Римской империи.

Монархия опиралась с самого начала только на политику земельных захватов и возвышение династии Габсбургов. Габсбурги приобрели известность в Европе с 1273 года, когда Рудольфа I, Габсбурга избрали на трон Священной Римской империи. До этого род считался «захудалым», его влияние не выходило за пределы собственных земель на юго-западе Германии. Считается, что само имя «Габсбург», это искаженное от Хабихтсбург (Ястребиный замок), который и являлся с X века центром владений будущих Габсбургов.

С XIII века начинается постепенное, но неуклонное собирание различных земель под короной одного рода, его позиции укрепляются за счет завоеваний, семейных приобретений, династических браков. Расцвет власти династии приходится на конец XV – первую половину XVI веков. За это время под властью Габсбургов были собраны земли Верхней и Нижней Австрии, Тироля, Словении, Чехии и Венгрии. Самым крупным приобретением династии стали земли Бургундского герцогства, которые присоединил к своим владениям сын императора Священной

^{*} Автор: Елена Николаевна Калмычкова – кандидат экономических наук, доцент экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Римской империи Фридриха III Максимилиан путем династического брака с Марией, наследницей бургундского герцога Карла Смелого. К воцарению Карла V (1500–1558), внука Максимилиана, под властью Габсбургов сосредоточились земли Бельгии, Голландии, Люксембурга, Западной Германии, провинции северо-востока Франции, а также все провинции Испании в Европе и в Америке. С XV века Габсбурги почти непрерывно занимали трон Священной Римской империи.

Династическая политика Габсбургов сводилась не столько к завоеваниям, сколько к выгодным бракам между различными ветвями как самих Габсбургов, так и других европейских династий (Валуа, Бурбонов, Ягеллонов, Корвинов и др.). Вместе с тем имперские амбиции Габсбургов сделали их врагами французских, прусских, польских, шведских королей. Постоянные претензии на новые земли обернулись некоторыми особенностями этой империи: до XVII века в ней практически не развивались внутреннее разделение труда и единая финансовая система, не было упорядочено законодательство. Постоянные войны с Османской империей, Францией, а впоследствии с Пруссией ослабляли потенциал реформирования, необходимый для создания единой экономической, политической и социальной системы. Правители империи должны были постоянно лавировать, идти на компромиссы, для того чтобы объединить и удержать под своей властью разнородные провинции Центральной и Южной Европы. Венгрия, Чехия, Словакия, Северная Италия, Австрия отличались гораздо большим разнообразием экономических условий, исторически сложившимся социально-политическим устройством (сословные и выборные монархии, вольные города-республики, владения наследственных князей), множеством конфессий. Создать из этого набора единое государство было трудной задачей.

В XVII веке на территории владений Габсбургов развернулась Тридцатилетняя война, в результате которой окончательно закрепился раздел империи Габсбургов на испанскую и австрийскую части. Австрийская часть стала преемницей прав Священной Римской империи, далее, до XX века, управлялась представителями династии Габсбургов.

В данном случае основой политических соображений являлось желание укрепить единство империи. Эти соображения доминировали над экономическими соображениями и ничего общего не имели со стимулами к экономическому росту, быстрому экономическому преобразованию существующих систем хозяйствования. Наоборот, имперское единство как единство основных правил социума выступало как самоцель и экономическое развитие (особенно капиталистическое) угрожало этому единству. Американский историк и экономист Дарон Аджемоглу связы-

вает эти угрозы с постоянным «созидательным разрушением», выявленным как основа развития капитализма Йозефом Шумпетером¹.

Между тем Аджемоглу не упоминает тот бросающийся в глаза факт, что сам Шумпетер был по воспитанию и образу жизни (хотя и не по происхождению) типичным венским «джентльменом». Он не восхищался открытым им самим процессом, не сочувствовал предпринимателям, и особенно капиталистам и буржуа, спокойно прогнозировал их гибель как результат успехов «созидательного разрушения»². Одним из факторов гибели капитализма он считал разрушение «защитной оболочки», под которой подразумевал именно слой аристократии, предназначенный для власти, умеющий властвовать, пользуясь авторитетом и традициями. Важнейшим фактором, окончательно уничтожающим капитализм, Шумпетер полагал гибель семьи.

Империя Габсбургов была оплотом аристократии и семьи. Опираясь на традиционные семейные ценности, династия Габсбургов спланировала свою «лоскутную империю» под властью аристократии, сначала наследственной, а затем и «новой», которую создавала, раздавая дворянство при покупке земли, наличии военных, финансовых, административных заслуг перед империей (то есть царствующей семьей).

Ценности семейной жизни провозглашались главными добродетелями человека, эта политика отражалась в искусстве (бидермайер), идеологии, политике (династические браки, поддержание родственных связей). Эта концепция легла в основу «системы Меттерниха», системы «общего блага», не только для австрийской империи, но и для всей Европы³.

Такая политика являлась крайне консервативной, она отвергала любые новшества, которые угрожали разрушить тесный «семейный» мир, структуру правил (институтов), которые обеспечивали такую стабильность. В XVIII веке эта консервативность не проявлялась так ярко. Скорее, институты (как будет показано ниже) были вполне современными. Они поддерживали централизацию власти, единство правил хозяйствования в масштабе империи, позволяли создавать прогрессивную ин-

¹ Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные. М., 2015. С. 121 и далее.

² Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия М., 1995. Работа была написана в 1942 году. Шумпетер задает вопрос, который задавал и Карл Маркс: может ли капитализм выжить? И отвечает – нет. В отличие от Маркса Шумпетер считает, что гибель капитализма произойдет от роста благосостояния и угасания стимула к предпринимательству. Особенно важна глава 12 «Разрушение стен» (стр. 182–197). В ней он говорит о разрушении, как системы власти, так и институциональной структуры общества в целом, имея в виду прежде всего семью, традиции семейной жизни.

³ Шимов Я. Австро-Венгерская империя. М., 2014. С. 168 и далее.

фраструктуру. То есть, пока создавалось абсолютистское государство, хотя и на основе семейных традиций, политика Венского двора оказывалась весьма прогрессивной. Консерватизм начал проявляться в XIX веке. Толчком к отказу от реформ послужила Великая французская революция и наполеоновские войны.

Вероятно, именно тогда стало понятно, к чему ведет дальнейшее развитие тенденций к развитию техники, экономических и политических свобод, национальной независимости. Аджемоглу правильно отмечает, что пути централизованных европейских государств разошлись. Российская империя, империя Габсбургов заняли крайне консервативные политические ниши. Это привело к особенному торможению дальнейшего экономического развития этих империй. Габсбурги в первой половине XIX века применяли систему сдерживания экономического прогресса, боролись за постепенность, плавность перехода к промышленному производству, реорганизации финансовых институтов, развитию инфраструктуры.

Аджемоглу считает точкой перелома середину XIV века, связывая дальнейшие расхождения трендов именно с отменой крепостного права на Западе Европы и его развитие на Востоке. В дальнейшем, по его мнению, это вылилось в развитие инклюзивных институтов (частной собственности, частного предпринимательства) на Западе и усиления экстрактивных институтов (государственного давления на экономику, государственных монополий) на Востоке Европы⁴.

В империи Габсбургов всё было не так просто. Одни провинции империи – Тироль, Австрия, а впоследствии и Чехия – быстро освободились от крепостного права, тогда как в Венгрии, Словакии, Румынии оно продолжало существовать в отдельных элементах до 1849 года. Само по себе крепостное право или частная собственность не объясняют феномена «Центральной Европы», то есть империи Габсбургов. Она не была «чистым» феноменом господства того или иного вида институтов, на ее примере не удастся построить хорошую модель.

В империи Габсбургов для достижения единства развития и общества в ход пускались политические инструменты, идеология, юридические институты. Политические уступки компенсировали экономическую неравномерность развития. Политические свободы и льготы предоставлялись по политическим соображениям (в силу традиций) наименее развитым регионам (Венгрия), а наиболее развитые (Чехия, Австрия) должны были нести полноценное налоговое бремя. Чехия оказалась в особенно политически невыгодном положении: все конституционные свободы, самостоятельность, автономия были сильно урезаны. Гражданам Тироля

⁴ Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Указ. соч. С. 149 и далее.

австрийский император Франц Первый грубо указал на то, что требования конституции приравниваются им к бунту.

К середине XIX века сложилась консервативная, но, казалось, надежная система «сдержек и противовесов» в экономическом и социальном развитии империи Габсбургов. Но время не стояло на месте, «весна народов» 1848–1849 годов в Европе поставила империю перед новыми трудными решениями, которым прежний консервативный курс не соответствовал.

Рассмотрим формирование и развитие династической, консервативной империи Центральной Европы, которая не укладывается ни в рамки западных, ни в рамки восточных империй и систем институтов.

2. Социально-экономические основы формирования империи

Империя Габсбургов как единое государство начала формироваться в XVI веке с правления Карла V. Благодаря предыдущим династическим бракам его деда Максимилиана и отца Филиппа, Карл стал наследником самого большого конгломерата земель Европы. Он был уверен в своей избранности построить самую мощную империю, объединив не только Европу, но и весь мир. Эта империя должна была быть целостной и универсальной как в религиозном, так и в политическом и административном планах. Поэтому именно с правления Карла простой династический конгломерат начинает превращаться в империю.

По определению, которое предложил Аджемоглу, империя Габсбургов формировалась исключительно на основании *экстрактивных институтов*⁵. Экстрактивными Аджемоглу предлагает считать правила и системы правил, созданные для того, «чтобы выжать максимальный доход из эксплуатации одной части общества и направить его на обогащение другой части»⁶. В противоположность этим институтам он выделяет *инклюзивные* – «они разрешают и, более того, стимулируют участие больших групп населения в экономической активности, а это позволяет наилучшим образом использовать их таланты и навыки, при этом оставляя право выбора – где именно работать и что именно покупать – за каждым отдельным человеком. Частью инклюзивных институтов обязательно являются защищенные права частной собственности, беспристрастная система правосудия и равные возможности для участия всех граждан в экономической активности; эти институты должны обеспечивать сво-

⁵ Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Указ. соч. С. 302 и далее.

⁶ Там же. С. 108.

бодный вход на рынок для новых компаний и свободный выбор профессии и карьеры для всех граждан»⁷.

Дуглас Норт в своем произведении «Насилие и социальные порядки» предлагал считать государства, построенные преимущественно на институтах, родственных экстрактивным, естественными, то есть построенными на взаимоотношении различных элит и осложнении доступа к ресурсам основной массы народа. Государства же открытого доступа более соответствуют преобладанию в обществе инклюзивных институтов⁸.

Если с этой точки зрения классифицировать процесс образования и развития империи Габсбургов, то можно увидеть смешение разнообразных институтов, которые переплетались на различных этапах формирования этой династической империи.

В XVI веке деятельность Карла V и его брата Фердинанда сводилась к тому, чтобы постепенно уничтожить самостоятельность королевств на территории Чехии и Венгрии, развить и наладить функционирование единой административной, военной и политической системы. Однако успехи Карла V в масштабе Европы – попытки объединить Испанию и Австрию – были весьма скромными, а вот его брату Фердинанду в свое правление (1558–1564) удалось провести административную реформу в масштабах Австрии, Чехии, Венгрии. Разделение империи привело к объединению земель вокруг Австрийских владений Габсбургов.

Основным залогом относительного успеха было то, что на данных землях уже сложились некоторые условия для объединения, например, возможность провести разделение труда между разными провинциями, а также то, что Фердинанд был прагматичным правителем: светские, политические цели он ставил выше религиозных.

В результате политики объединения империи были сформированы исполнительные органы власти, куда король назначал доверенных лиц (Тайный совет и Дворцовая палата, Военный совет). Однако единые представительные органы сформированы не были, каждая страна, вошедшая в состав империи, сохраняла свои представительные органы, которые боролись за интересы своих сословий: шляхты, зажиточных горожан, местных крупных землевладельцев. Различия в экономическом и социальном состоянии разных провинций привели к тому, что сохранять единые для всех правила и законы империи не удавалось.

Были сословия и провинции, которые пользовались особыми привилегиями. Так, в качестве заслона от Османской империи на юге, в Хор-

⁷ Там же. С. 105.

⁸ Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. М., 2011. С. 438–441.

вации и Сербии, а потом и в Венгрии, была создана Военная граница. В этих районах жителям предоставлялись льготы: освобождение от всех повинностей в обмен на постоянную военную службу непосредственно императору. *Граничары* (по аналогии с казаками) должны были защищать остальные земли от нападений турок. Однако постепенно Османская империя продвигалась далее на север и запад. Граница постоянно сдвигалась. Отвоевать эти земли удалось только к концу XVII – середине XVIII века. На отвоеванные земли пришли поселенцы не только из Венгрии, но и из Сербии, Западной Украины, Румынии, Австрии. Во всех этих районах сохранялись льготы, свойственные Военной границе. Венгрия, Словакия, Сербия в экономическом плане оставались сельскими провинциями, в которых начало укрепляться «вторичное» крепостное право. Их разрыв с Чехией, Австрией, Италией не был преодолен. Реформы, которые пытались проводить императоры в конце XVIII – начале XIX века – в частности, отмена крепостного права, единое налогообложение, развитие торговли – так и не встретили положительного отклика среди шляхты, магнатов этого региона. Настаивать на продвижении реформ, едином налогообложении, центральная власть не могла: в обмен на политические уступки и консервацию крепостнических отношений «граничары» (прежде всего крупные землевладельцы, а также и шляхта, служилые люди) сохраняли неколебимую верность династии (именно династии). Они не поддерживали восстания и бунты, которые вспыхивали в Чехии, самой Венгрии, Словакии, или движение за объединение Италии. Это был политический и социальный оплот империи⁹.

К XVII и особенно к началу XVIII века сложилась система серьезных противоречий между центральными и местными органами управления, между различными сословиями и провинциями. Эти противоречия существовали на протяжении всей истории империи Габсбургов. Усилия императоров и в целом центральной венской администрации по созданию единого комплекса институтов никогда не осуществились. Центральное управление постоянно поддерживало сложную систему компромиссов, уступок и привилегий для сохранения целостности государства. Вместе с тем это государство просуществовало четыре с лишним века.

Исследователи отмечают, что поддержание равновесия, хотя и хрупкого, между государем и сословиями, католичеством и протестантизмом, между различными провинциями оставалось определенным политическим оружием Габсбургов, их особым достижением в построении империи¹⁰.

⁹ Янси О. Распад Габсбургской империи. М., 2011. С. 77 и далее.

¹⁰ Шарый А., Шимов Я. Австро-Венгрия: судьба империи. М., 2010. С. 82.

Тридцатилетняя война, окончательно похоронив претензии Священной Римской империи на господство в Европе, обратила внимание династии Габсбургов на объединение земель Центральной Европы в единое, хотя и противоречивое целое. Наследием этой войны, а также противостояния Османской империи, стало закрепление парадоксального распределения политических и административных свобод и льгот за провинциями. Наименее развитые юго-восточные земли, особенно Венгрия, постепенно получали всё большую автономию, льготы, политические свободы. Венгерские элиты неуклонно сопротивлялись всем намерениям Вены провести реформы в области налогообложения, в отношении собственности (в частности полностью перейти на аренду земли). Политическая лояльность вместе с заслугами в войнах с Османской империей ставили Венгрию в особое положение в административном и политическом плане. Наконец, восстание 1848–1849 годов, поиск возможности дальнейшего сохранения единства империи привели к необходимости сложного компромисса, известного как дуалистическая монархия.

При этом наиболее развитая часть империи – Чехия – не получила никаких привилегий в административно-политической области. Между тем именно там проходила промышленная революция, развивался рынок, финансовые институты. Оттуда шли самые большие финансовые поступления в казну.

В терминах новой институциональной теории получалось, что экстрактивные институты преобладали именно там, где нажим в налоговой области был наименьшим, а инклюзивные (собственность, рынок, промышленность) – там, где этот нажим был наибольшим. Таким образом, ради сохранения империи условия хозяйствования и политической жизни как бы «уравновешивали» друг друга, сдерживая развитие рыночных, капиталистических институтов в Чехии и поддерживая социальную отсталость Венгрии, используя дешевое зерно и другую сельскохозяйственную продукцию для получения выгод как на внутреннем, так и на мировом рынке. Все участники этого компромисса были недовольны друг другом и центральными – австрийскими – властями, но сохраняли единство империи. Почему сложилась такая ситуация и как она развивалась на протяжении XVIII и в XIX веке?

3. Социально-экономическое развитие империи в XVIII веке: реформы и формирование централизованного государства

Развитие внутреннего разделения труда сложилось и закрепилось в империи в конце XVII – начале XVIII века. Эти процессы связывают с деятельностью императора Леопольда I (1658–1705). Наследием Тридцатилетней войны, окончательно похоронив претензии Священной Римской империи на господство в Европе, обратила внимание династии Габсбургов на объединение земель Центральной Европы в единое, хотя и противоречивое целое. Наследием этой войны, а также противостояния Османской империи, стало закрепление парадоксального распределения политических и административных свобод и льгот за провинциями. Наименее развитые юго-восточные земли, особенно Венгрия, постепенно получали всё большую автономию, льготы, политические свободы. Венгерские элиты неуклонно сопротивлялись всем намерениям Вены провести реформы в области налогообложения, в отношении собственности (в частности полностью перейти на аренду земли). Политическая лояльность вместе с заслугами в войнах с Османской империей ставили Венгрию в особое положение в административном и политическом плане. Наконец, восстание 1848–1849 годов, поиск возможности дальнейшего сохранения единства империи привели к необходимости сложного компромисса, известного как дуалистическая монархия.

тилетней войны стала конфессиональная раздробленность страны, острые противоречия в экономическом развитии разнородных регионов, входивших в империю, приращение земель Габсбургов провинциями, освобожденными от господства Османской империи.

Политика династии на протяжении всего XVIII века (Леопольд I, Иосиф I, Карл VI, Мария Терезия, Иосиф II, Леопольд II) определялась несколькими внутренними факторами, которые формировали задачи и направления деятельности правителей.

Конфессиональная раздробленность стала одним из факторов формирования противоречивого единства империи. Вторым фактором стала противоречивость ветвей власти, различных ее эшелонов (центральной, провинциальной). Третьим могут считаться различия в степени институционального и экономического развития разных провинций империи.

С начала XVIII века начался процесс развития внутреннего разделения труда и формирования рынка. Насколько этот процесс являлся стихийным и в какой степени он сознательно регулировался политическими элитами страны?

Состав земель империи сложился и закрепился в результате Вестфальского мира (1648). В состав империи австрийских Габсбургов (премников Священной Римской империи) входили Австрия, Венгрия, Сербия, Чехия, Словакия, Румыния, Северная Италия, Западная Украина. Вторым названием империи стало «Дунайская империя», так как основные земли были расположены вдоль Дуная. Дунай являлся естественным связующим звеном между всеми землями. Разнообразие климатических, природных и экономических условий создавало естественную основу разделения труда. Но был ли процесс этого разделения и создания рынка полностью стихийным или опирался на сознательные действия правительства? Политика меркантилизма в Австрии была весьма сильна, она была целенаправленной и опиралась как на теоретические разработки (меркантилизм: Филипп фон Хорник, камерализм: Венский университет)¹¹, так и практические политические решения.

На протяжении всего XVIII века были приняты важные решения, стимулирующие создание внутреннего рынка: введены «транзиты», то

¹¹ *Меркантилизм* – система теоретических представлений и практических мероприятий, поддерживающих преимущества национальной торговли в ущерб иностранным купцам для сохранения положительного сальдо торгового баланса, поддержания национальной валюты. В Австрии видным представителем меркантилистской доктрины был Филипп фон Хорник (Трактат «Австрия превыше всего, если она того пожелает» от 1687 года). В Австрии меркантилизм был частью более общей доктрины *камерализма*, или науки об управлении государством; курсы по этой учебной дисциплине читались и разрабатывались в Венском университете для будущих государственных служащих в XVII–XVIII веках.

есть правила свободного перемещения товаров между регионами, образованы унии австрийских и альпийских земель (кроме Тироля), а к концу века полностью устранены таможенные ограничения внутри империи. В данном случае развитие торговли устраняло мелких производителей с рынков, при этом насаждались крупные концессии, создавались оптовые компании. Разделение труда шло как внутри регионов, так и между ними: Чехия – шерстяные ткани и стекло, Моравия – текстиль, Штирия – железные изделия, Вена – предметы роскоши. Только Венгрия оставалась исключительно сельскохозяйственным регионом. При этом только в Венгрии сохранялись таможенные пошлины.

Ситуация с венгерскими пошлинами оставалась неизменной, несмотря на усилия реформаторов (например, Иосифа II). Венгерские землевладельцы настаивали на своих политических привилегиях, отказывались переходить на систему прямого налогообложения. При этом таможенные пошлины были практически единственным способом сбора налогов для центральных венских властей.

Так, к концу XVIII века в империи Габсбургов при годовых налоговых поступлениях около 4 млн (в пересчете на фунты стерлингов) доля прямых налогов составляла 51 %, тогда как во Франции при налоговых поступлениях в 12,5 млн ф. ст. доля прямых налогов была 49 %, в Великобритании при налоговых сборах в 10 млн ф. ст. – всего 24 %, а в Голландии при 2,5 млн ф. ст. – 43 %. Габсбурги не очень сильно облагали налогами своих подданных, а сама налоговая система выглядела вполне современно¹². Так, налоговое бремя на одного подданного в империи было в два раза меньше, чем в Англии и Голландии. В основном к прямым налогам относились налоги на собственность, землю и продажи монопольных прав. Династия Габсбургов получала доходы и от своих земель, но только 16 % всех доходов. Это меньше, чем в Пруссии и Испании. Центральное правительство пыталось увеличить долю прямых налогов, но сопротивление венгерских подданных привело к сохранению таможенных пошлин на сельскохозяйственную продукцию. В данном случае центральная власть явно сохраняла привилегии определенного региона.

При этом доля внешней торговли по сравнению с внутренней в империи Габсбургов сильно уступает Великобритании и Франции, не говоря о Голландии. К началу XIX века сумма экспорта и импорта в Австрии была самой незначительной по сравнению с передовыми странами Европы: в два раза меньше Бельгии, в 10 раз меньше, чем во Франции, в 25 раз меньше, чем в Великобритании. Австрийская империя практически

¹² Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. Т. 1: 1700–1870 / Пер. с англ. под ред. Т.А. Дробышевской. М., 2013. С. 131.

устранилась из конкуренции за атлантическую торговлю, развивалась только торговля внутри империи и внутри Европы. Скачок произошел лишь во второй половине XIX века. Доля экспорта и импорта в ВВП увеличилась с 11,4 % до 29 % в Австрии, и только до 19,4 % – в Венгрии. Эта доля так и осталась незначительной¹³. Все эти особенности не позволяли увеличить финансовые поступления за счет торговли, как это было в Великобритании. Империя Габсбургов на протяжении XVIII – XIX веков всё больше сосредоточивалась на своих внутренних ресурсах. Феномен ускорения роста за счет внешней торговли к ней не может быть полностью применим¹⁴.

Политические и социальные особенности различных регионов империи на всем протяжении истории оказывались важнейшими факторами экономического развития. Институты, соответствующие рыночной, капиталистической экономике насаждались сверху ради построения централизованной абсолютистской монархии, их слабость в Венгрии не позволяла включить и этот регион в единый экономический процесс. Но в то же время эта слабость не давала развиваться центральным экстрактивным институтам, ослабляла налоговое бремя, снижала степень перераспределения доходов землевладельцев в пользу центральной власти. Такой компромисс позволял сдерживать движение за независимость Венгрии, при этом не подавляя его (восстания 1703 и 1707 годов, волнения, вызванные реформами Йозефа II). Наконец, в XIX веке знаменитое восстание 1848–1849 годов, хотя и подавленное, привело в 1867 году к признанию значительных политических привилегий Венгрии, созданию дуалистической монархии.

Но развивались ли в Венгрии инклюзивные институты? Даже венгерские патриоты, такие как Оскар Яси¹⁵, обобщая причины распада империи Габсбургов, не решаются отстаивать тезис о развитии инклюзивных институтов в XVIII веке. Их преобладание относят не ранее чем к концу XIX века. Только в 70–80 годах XIX века в Венгрии начало развиваться предпринимательство, защита частной собственности, промышленность. Да и тогда ведущими инвесторами оставались крупные землевладельцы, еврейская община и само государство.

¹³ Там же. С. 172 и далее.

¹⁴ Там же. С. 184. См. также обсуждение в: *Acemoglu D., Jonson S. Unbundling Institutions // Journal of Political Economy. 2005. No. 113. Pp. 949–995.*

¹⁵ Оскар Яси (1875–1957) – один из лидеров леволиберального движения в Венгрии, свидетель и участник политической борьбы в Австро-Венгерской империи, кризисов и распада этого полиэтничного образования в 1918 году.

Таким образом, общее развитие империи шло в русле европейских тенденций: складывалось централизованное государство, унифицировались налоговые сборы, денежная и кредитная системы, административные системы управления, развивалась внутренняя торговля, вводился протекционизм для защиты своих товаров на внешних рынках. Вместе с тем неравномерность развития регионов, их относительная самостоятельность даже в XVIII веке не позволила сформировать единую систему. В отличие от Великобритании, Нидерландов, Франции, Испании, Португалии империя Габсбургов не включилась в гонку за господство на морях, Атлантическую торговлю, захват территорий.

4. Империя Габсбургов в XIX веке: связь экономики и политики

XIX век для Австрийской империи стал веком сильнейшего консерватизма. В эпоху промышленной революции, железнодорожного строительства, революций и политических преобразований в империи Габсбургов, наоборот, сформировалась система консервации институтов всех направлений, получившая название «системы Меттерниха». Создание Германского союза (1814) под председательством Австрии, потом Священного союза (1815), созданного по инициативе Российского императора Александра I, дало властному министру Франца I князю Меттерниху основание сказать, что Австрия – «голова Европы». Он видел в австрийской монархии «моральный престиж, который не могут поколебать даже самые неприятные события. «Ваше величество – единственный оставшийся представитель старого порядка вещей, построенного на вечном и неизменном праве <...>»¹⁶. Место империи, определенное Меттернихом, оказывалось легитимным фундаментом стабильности, мира и равновесия в Европе, взбаламученной революциями, войнами, союзами с «преступными режимами».

Революция во Франции и наполеоновские войны привели венские власти в состояние панического страха перед любыми нововведениями, как в экономической, так и социально-политической области. В своем стремлении к консерватизму австрийская империя опиралась на поддержку германских княжеств, России, а после 1815 года и правительства Франции. «Система Меттерниха» имела как внутренний, так и международный аспект.

Все реформы Марии Терезии и Иосифа были свернуты, все устоявшиеся институты, компромиссы, законсервированы. Император Франц I отвергал любые перемены. Известны его слова о железных дорогах:

¹⁶ Письмо Францу I. Цит. по: *Шимов Я.* Австро-венгерская империя. С. 160.

«Нет, нет, мне этого не надо, еще революция к нам по ней придет!»¹⁷. Также боялся император фабричной промышленности, всеобщего образования и конституции. Вместе с тем австрийская империя была до революции 1848–1849 годов монархией, ограниченной значительными уступками законодательным органам провинций. Абсолютистские тенденции стали проявляться только после восстания в Венгрии, когда устоявшаяся «система Меттерниха» оказалась отменена¹⁸.

Но сильный централизм не удержался в такой компромиссной и противоречивой системе. Уже с 1860-х годов конституционные ограничения центральной монархической власти вступили в силу. Система изменялась, но оставалась компромиссной, то есть системой маневров и удержания равновесия интересов.

Сельское хозяйство на протяжении всего XIX века оставалось главной отраслью экономики в империи, хотя доля занятых там и уменьшилась с 75 % до 64 % с конца XVIII до конца XIX века¹⁹. При этом производительность труда в империи, по данным британского исследователя Роберта Аллена, была довольно высокой. Так, по сравнению с Англией показатель производительности труда составлял от 70 % в XVIII веке до 51,5 % в XIX веке²⁰. Если учесть, что производительность в сельском хозяйстве Англии росла быстро, то Австрия была не на последнем месте в Европе. Несмотря на отсталость экономических отношений в Венгрии, картофель там начали выращивать еще в 1770-х годах. В дальнейшем, особенно в областях Богемии, применялись новые системы земледелия. Однако и здесь существовали серьезные ограничения для интенсификации сельского хозяйства: элементы крепостного права, сильная власть местных магнатов (особенно в Венгрии), регулирование со стороны местных общин (в Богемии) – всё это тормозит институциональные изменения, препятствует реформам землепользования.

Только в 1848 году были отменены (центральной властью!) последние остатки крепостного права, крестьяне получили право свободной аренды земли, должны были платить государственные налоги, а не подати. Именно этот шаг способствовал тому, что вскоре (в 1850 году) были отменены и таможенные барьеры в Венгрии. Империя получила единое экономическое пространство, что интенсифицировало торговлю и разделение труда.

¹⁷ Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Указ. соч. С. 307.

¹⁸ Янси О. Указ. соч. С. 107 и далее.

¹⁹ Кембриджская история. С. 237.

²⁰ Allen R. Economic structure and agricultural productivity in Europe, 1300–1800 // *European Review of Economic History*. 2000. Vol. 3. P. 20.

Не сила или давление центральной власти консервирует ситуацию в сельском хозяйстве, а прежде всего ее слабость и нежелание «раскачивать лодку». Вместе с тем после отмены таможенных барьеров между Венгрией и другими провинциями империи, установления дуалистической монархии, предоставления политической автономии в Венгрии начался подъем строительства дорог, продолжало развиваться пароходство по Дунаю, что способствовало интенсификации торговли зерном и мукой, сахаром, пивом и спиртными напитками. Вместе с развитием обработки сельскохозяйственного сырья начала развиваться и промышленность. В Венгрии промышленный переворот пришелся только на конец XIX – начало XX века.

Как уже отмечалось, промышленность в развитии империи явно играла второстепенную роль. К концу XIX века доля промышленности в ВВП Австрии составляла не более 23 %, а в Венгрии – 12 %. В европейской промышленности эти доли были крайне незначительны – 7,2 и 1,8 % соответственно. Как и многие другие государства, расположенные в центральной части Континента, Австрийская империя относилась к хозяйственной периферии Европы. В сравнении с Великобританией уровень индустриализации даже в конце XIX века не достигал 20 %²¹. Отчетливо проявлялся контраст разных областей и провинций: в Чехии и в Австрии уже во второй половине XVIII века была развита промышленность, в особенности текстильная (лен, шерсть, хлопок), а в Венгрии и Далмации такое развитие происходило медленно и ускорилось только к концу XIX века.

Американский историк экономики Рондо Камерон в своем учебнике отказывается назвать определенные периоды, которые можно было бы определить как «промышленную революцию» для империи и ее провинций²². Постепенность преобразований, их сознательное торможение и объективные препятствия (рельеф, низкий уровень грамотности, традиции, разнородность институциональных условий) не позволили зафиксировать «взлет», «рывок», который отделил бы старые традиционные уклады от новых – промышленных. Только к концу XIX века ускорились темпы роста промышленности, строительства, а также институциональные преобразования. Австрийский банк (исполнявший функции Центрального) монополизировал выпуск денег в 1816 году, но так и не взял на себя роль кредитора «последней инстанции», а на Золотой стандарт перешел только в 1900 году.

²¹ Кембриджская история. С. 271.

²² Камерон Р. Краткая экономическая история мира от палеолита до наших дней. М., 2001. С. 315.

Добыча угля в империи была только на уровне 3 % от европейской, передовая черная металлургия (на основе кокса) не занимала и 5 % европейского производства, основное количество чугуна выплавлялась на основе древесного угля. Отход от этой технологии происходил постепенно, в основном в Чехии и Силезии. Серьезным препятствием было то, что в этом регионе добывался бурый уголь, который был непригоден для коксования²³.

Строительство железных дорог, развитие инфраструктуры также началось с опозданием. К концу XIX века плотность железнодорожных путей не достигала 0,015 км / км² (при 0,081 км / км² в Великобритании). Меньшая плотность была только в России, Норвегии и Швеции. Инвестиции в строительство были частные, поддерживаемые государственными субсидиями, в этом смысле Австрийская империя не отличалась от европейских стран. В основном железные дороги строились в Чехии и Австрии, в Венгрии строительство развернулось только после 1860-х годов.

Можно сказать, что политика консерватизма в этом отношении сделала свое дело. В центре Европы оказался анклав «остановленного времени». Не полностью застывшего, но «заторможенного», так как переменам не давали сознательно принять «опасный» размах, который может подорвать установленные системы «сдержек и противовесов».

Отдельного рассмотрения заслуживает образование дуалистической монархии. Как и почему возник этот «венгерский компромисс»? Послужил ли он продлению существования империи (как все другие компромиссы) или это и было «начало конца» для империи Габсбургов? Предоставив Венгрии особые полномочия (как это часто происходило ранее), центральные венские власти ускорили процесс самоидентификации наций (на контрасте с венграми осознали свою значимость и «особость» чехи, румыны, сербы, хорваты, словаки); тем самым было продемонстрировано, что автономия может служить формированию собственных экономических преимуществ, стать стимулом роста. Но всё же основной стимул к самоидентификации получили сами австрийские немцы²⁴.

Процесс распада империи, возможно, был запущен поражением Австрийской империи в борьбе за господство в немецких землях. «Семи-недельная» Австро-Прусская война привела к нескольким важным следствиям.

²³ Там же. С. 319.

²⁴ *Исламов Т. М.* Распад Австро-Венгерской монархии и его последствия в политической эволюции Среднеевропейского региона // Первая мировая война. Пролог XX века / Под. ред. В. Малькова. М., 1998. С 349; *Шимов Я.* Указ. соч. С. 238.

Австрийские немцы поняли, что нарождающийся Германский рейх не может быть им союзником, они остались одни как недоминирующее меньшинство среди других наций империи. Венгры как нация всегда пользовались серьезными льготами и преимуществами по сравнению со славянским или румынским населением. Однако они также не являлись доминирующим населением. На их территории по линии границы проживали румынские, славянские, немецкие поселенцы, также пользовавшиеся привилегиями. Венгерские идеологи опасались усиления влияния немецкой культуры, традиций среди населения²⁵.

Союз и компромисс двух наций, которые уже давно пытались доминировать на своих территориях и опереться друг на друга перед лицом трудностей общения с соседями, был подготовлен предыдущим историческим развитием. Кроме того, революция 1848–49 годов, после подавления которой были отменены многие конституционные свободы, вызвала значительное напряжение в империи в целом. Поражение в войнах в Италии и Силезии привело к осознанию необходимости сосредоточиться на внутренних проблемах сохранения единства империи за счет отказа от итальянских и общегерманских амбиций.

Переговоры с парламентскими партиями в Будапеште были долгими и трудными. Победа центристской программы Ференца Деака была результатом двусторонних уступок: император, ставший венгерским королем, сохранил важнейшие функции: остался верховным главнокомандующим единой армии, сохранил самостоятельность в определении внешней политики и контроль над министерствами – военного, финансового и иностранных дел, а также предварительной санкции, то есть контроль важнейшей повестки дня парламентов в Вене и Будапеште. Венгрия получала широкую автономию в работе законодательной и исполнительной власти, а основные общие вопросы должны были обсуждаться совместными делегациями двух стран. Изменения в налоговой политике не привели к сильному росту налоговой нагрузки, но не произошло и ее уменьшения. Был также достигнут компромисс. Доля Венгрии в формировании централизованного бюджета выросла с 30 до 34 %. Произошла отмена таможенных пошлин, закрепление «инклюзивных» в своей основе институтов: был принят закон о гражданских правах, содержавший принцип неприкосновенности собственности и жилища, гарантировавший равенство всех граждан перед законом и королем, а также гражданские свободы. Всё это создало основу для подъема экономики в Венгрии, роста инвестиционных вложений, ускорения промышленной революции (или, скорее, – эволюции).

²⁵ Янси О. Указ. соч. С. 78, 112, 113.

Однако в этом компромиссе были проигравшие: парламент самой Австрии (вернее, имперских провинций) не получал таких преимуществ, сами 14 провинций пользовались самоуправлением в различных областях деятельности, но в меньшей степени. Только Хорватии вторичным актом от парламента Венгрии были предоставлены широкие права. Наиболее «обиженным» королевством оказалась Чехия. На ее территории производилось 85 % основных промышленных товаров, ее население было грамотным, она имела самый высокий показатель урбанизации. Инклюзивность институтов также была наиболее высокой, но политически это королевство не получило никаких привилегий.

Оппозиция в самой Венгрии указывала, что данный компромисс закрывает перспективы полной самостоятельности Венгрии, подчиняет ее экономику имперским интересам, замедляет экономический рост. Этот компромисс «примирил» элиты Австрии и Венгрии, но одновременно создал предпосылки дальнейшего распада империи.

Национальные интересы, основанные на единстве экономической, политической и культурной жизни, постепенно превращались в доминирующие силы развития регионов. Формировались полноценные политические партии и институты, отстаивающие свои, специфические национальные цели и приоритеты. Вторая половина XIX – начало XX века – это время торжества националистических убеждений: на династию Габсбургов, ее предпоследнего представителя – императора Франца Иосифа – всё больше смотрят как на архаизм.

Дальнейшее развитие империи происходило под знаком консервации сложившихся институтов, попыток сохранить саму империю. Но это окажется возможным только до Первой мировой войны. Первая мировая война положит конец объединенной Центральной Европе, покажет, что по отдельности можно выжить самостоятельно.

Толчок к распаду империи был положен несколькими факторами: поражением в войне, что продемонстрировало слабость и отсталость самой имперской системы в целом, давлением победивших союзников, зрелостью социально-политических институтов в национальных регионах, открывшимися экономическими возможностями самостоятельного развития этих регионов.

В конце 1916 года после смерти императора Франца-Иосифа на престол вступил его внучатый племянник Карл Габсбург – последний император Австро-Венгерской империи. Уже в январе 1918 года, после неудачных попыток заключить сепаратный мир, начинается распад империи. Международным основанием к официальному распаду и образованию республик – Немецкой Австрии, Чехословакии, Венгрии и Юго-

славии – становится программа заключения мира и послевоенного урегулирования американского президента Вудро Вильсона «14 пунктов», где содержится пункт о праве наций на самоопределение (8 января 1918 года). Реакция последовала незамедлительно: национальные интересы полностью доминировали, все предложения о федерализации и либерализации империи были отвергнуты. В ноябре 1918 года последний император Карл отказался от участия в государственных делах и в следующем году покинул Австрию. Его и всю семью Габсбургов лишили привилегий, имений, имущества. Австро-Венгерская империя прекратила свое существование.

ГЛАВА 10

Экономическая история Германии в XVI–XIX веках: от территориальных княжеств к индустриальному государству*

§ 1. Развитие германской экономики в раннее Новое время

1.1. Общая характеристика эпохи

Начало Нового времени традиционно связывают с ключевыми изменениями в экономике. Экономическая трансформация оказала широкое воздействие на немецкие земли, или Германию, как именовали конгломерат разрозненных земель современники. Экономический переход произошел в так называемом «долгом XVI веке»¹, то есть в хронологический промежуток от конца XV до первых десятилетий XVII века. Этот период характеризуют, прежде всего, быстрый прирост населения и связанный с ним подъем сельского хозяйства и спрос на сельскохозяйственные товары. Это было решающим моментом, повлиявшим на другие факторы экономического развития, в первую очередь, на цены и заработки. Два других ключевых пункта, оказавших глубокое воздействие на немецкую экономику Нового времени, – это «торговая революция» (перенос европейских экономических центров со Средиземного моря на Атлантику) и «революция цен». Ощутимые изменения в развитии транспортной системы и связанная с этим возможность импорта серебра из

* Авторы: *Сергей Игоревич Невский* – кандидат экономических наук, доцент экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова; *Арина Владимировна Лазарева* – кандидат исторических наук, доцент исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова; *Роман Юрьевич Болдырев* – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова (Архангельск); *Лариса Прокопьевна Белковец* – доктор исторических наук, профессор кафедры государства и права Томского государственного университета.

¹ *Schilling H.* Aufbruch und Krise. Deutschland 1517–1648. Das Reich und die Deutschen. Berlin (Siedler), 1988. S. 254.

испанской Америки привели к небывалому росту торговли и быстрому увеличению цен на товары.

Благодаря удачному сочетанию этих трех факторов в Германии в раннее Новое время, «долгий XVI век» по праву можно считать веком расцвета немецкой экономики. Немецкие княжества занимали тогда лидирующее положение как в торговле, находившейся на севере Европы в руках Ганзейского союза, а на юге полностью контролируемой раннекапиталистическими торговыми домами, так и в промышленном производстве, развивавшемся за счет освоения рудников в Рейнском бассейне и Верхней Германии, а также массового производства дешевого текстиля, прежде всего льняных и бумазейных тканей².

На развитие экономики в Новое время негативное влияние оказал «общий кризис XVII века»³. Он привел к упадку раннего верхненемецкого капитализма. Одной из экономических причин кризиса можно назвать неравный альянс между частным капиталом и государственной властью раннего Нового времени, другой – радикальные изменения в самих условиях ведения экономики. Однако у «общего кризиса XVII века» была еще одна важная причина – климатический фактор. В конце XVI века в Европе начинается так называемый *малый ледниковый период*, который привел и к ожесточенной борьбе за рынки, и к смещению торговых путей⁴. Всё это вылилось в крупномасштабный европейский конфликт –

² Lütge F. Die wirtschaftliche Lage Deutschlands vor Ausbruch des Dreißigjährigen Krieges // Der Dreißigjährige Krieg. Darmstadt, 1977. S. 173.

³ Термин «общий кризис» (англ. – *General Crisis*) появился впервые в англоязычной историографии в середине XX века в работах Т. Эстона (*Aston T. Crisis in Europe 1560–1660. New York, 1965*), Х. Тревор-Роупера (*Trevor-Roper H. The General Crisis of the XVIIth century. London, 1967*). Далее важной вехой в изучении «общего кризиса» стал сборник под редакцией Дж. Паркера «Общий кризис XVII века» (*General Crisis of the Seventeenth Century. London, 1978*). Одним из последних крупных достижений в историографической дискуссии об «общем кризисе» можно назвать коллективный труд европейских историков «Кризисы XVII века», появившийся в 1999 году в Германии (*Krisen des 17. Jahrhunderts. Göttingen, 1999*).

⁴ *Trevor-Roper H. The General Crisis of the XVIIth century. London, 1967. P. 82.* Снежные и продолжительные зимы, из которых наиболее суровые пришлись на 1683/84, 1684/85, 1694/95 и 1708/09 годы, имели катастрофические последствия для сельского хозяйства доиндустриальной эры. Вероятно, что климатические изменения к концу XVII века также понизили температуру океана, что вызвало уход тресковых рыб из вод Шетландских островов и побережья Норвегии в более теплые моря к побережьям Англии и Нидерландов (что дало основание ряду историков связать с этим причину возвышения обеих стран, для которых рыболовство имело важное значение на начальной стадии экономического взлета). *Niemann H.-W. Europäische Wirtschaftsgeschichte. Vom Mittelalter bis heute. Darmstadt, 2009. S. 41.*

Тридцатилетнюю войну (1618–1648), оказавшую огромное влияние на развитие экономики не только в Германии, но и в Европе в целом.

Лишь к началу XVIII века экономика немецких княжеств снова начинает свое обновление. В отличие от других европейских стран, оно сопровождалось медленным демографическим ростом, однако государственная политика и нововведения в области сельского хозяйства и промышленности способствовали экономической стабилизации и росту.

1.2. Демографические изменения

Несмотря на значительные демографические потери в годы *Крестьянской войны* (1524–1526), к середине XVI века, по замечанию современников, страна «опять была полна людьми так, что никто не может хозяйствовать»⁵. Современные данные подтверждают свидетельства очевидцев. К началу Тридцатилетней войны в германских государствах по разным подсчетам проживало около 16 млн человек⁶. Однако необходимо учитывать, что демографический рост был неравномерным и имел свои региональные особенности. Самые высокие показатели были достигнуты в первой трети XVI века, то есть во время Реформации. К концу века прирост замедлился, но до начала Тридцатилетней войны, тем не менее, не прекращался. Документы демонстрируют следующие этапы снижения прироста населения: снижение на 6 % в 1550-е годы, на 3 % в 1590-е.

Демографический рост в городах начался в разное время и развивался с различной степенью интенсивности. Гамбург, например, вырос с 16 тыс. до 40 тыс. жителей, Франкфурт – с 12 тыс. до 18 тыс., Мюнхен – с 13,5 тыс. до 16 тыс., Лейпциг – с 8,5 тыс. до 15 тыс.⁷ К 1500 году в немецких княжествах было лишь два города с более чем сорокатысячным населением – Кёльн и Аугсбург, зато к 1620 году прибавились еще Нюрнберг и Гамбург (а в общеимперском масштабе – Прага и Вена). Демографический прирост в городах достигался в первую очередь за счет переселенцев. Так, например, в торговом Гамбурге число переселенцев ежегодно увеличивалось на 60–113 человек. К 1600 году примерно ¼ немцев жили в городах⁸. Города были маленькими, в большинстве своем

⁵ Der Dreißigjährige Krieg in Augenzeugenberichten / Hgg. von H. Jessen. München, 1976. S. 14.

⁶ Franz G. Der Dreißigjährige Krieg und das deutsche Volk. Stuttgart, New York, 1979. S. 10.

⁷ Schilling H. Op. cit. S. 256.

⁸ Franz G. Op. cit. S. 29.

они насчитывали едва ли свыше 5 тыс. жителей⁹. Даже в больших по числу населения городах была явно заметна связь с деревней – многие жители продолжали заниматься сельским хозяйством.

Демографические изменения затронули и сельскую местность. В сельской местности проживало $\frac{3}{4}$ всего населения. Так, в герцогстве Саксония в конце XV века население составляло примерно 400 тыс. человек, к середине XVI века оно выросло до 500 тыс., а накануне Тридцатилетней войны достигло 920 тыс. Согласно сохранившимся деревенским спискам конца XV – середины XVI века можно получить конкретные количественные представления о росте деревенского населения: так, в 107 деревнях района Дрезден число деревенских семей выросло с 1143 до 1851, в 15 деревнях района Пирна – с 125 до 201, в 13 деревнях района Фрауэнштецен – с 383 до 597¹⁰. Характерным явлением эпохи становится интенсивное превращение сельских поселений в городские. Так, в Гессен–Касселе городское население увеличивается за счет сельского на 30 %, в Вюртемберге – на 26 %. В Саксонии 20 % сельских жителей к середине XVI века стали считаться городскими; в западной части Рудных гор, округах Шварценберг, Аннаберг, Мариенберг, этот процесс охватил свыше 50 % сельского населения¹¹.

Одной из важнейших вех, повлиявших на демографическую ситуацию в германских княжествах, стала Тридцатилетняя война. Она опустошила многие германские государства. По сообщениям современников, «между Майнцем и Франкфуртом земля абсолютно безлюдна. Мы видели покинутые и разоренные деревни, которые в течение двух лет предположительно подвергались нападению 18 раз. Ни здесь, ни во всей округе не было ни одного человека»¹². Разрушения прошли по германским землям с юго-запада на северо-восток. Особенно сильно пострадали Мекленбург, Померания, Тюрингия, Пфальц, долина Мозеля, Вюртемберг, Бавария, Гессен, Бранденбург, Франкония, Эльзас. Население в этих районах сократилось, по подсчетам немецкого историка-экономиста Г. Франца, примерно на 40–50 %. Демографические потери были вызваны не только военными действиями, но также голодом и эпидемиями, охватившими немецкие княжества в 1620-е – 1630-е годы. Особенно тяжелое положение сложилось в начале 1630-х, когда в Германии началась эпи-

⁹ Handbuch der deutschen Wirtschafts- und Sozialgeschichte / Hgg. von H. Aubin und W. Zorn. Bund I. Stuttgart, 1971. S. 70.

¹⁰ Ibid. S. 91.

¹¹ Henning F.-W. Handbuch der Wirtschafts- und Sozialgeschichte Deutschlands. Bd. 1. Paderborn, München, Wien, Zürich. 1991. S. 119.

¹² Der Dreißigjährige Krieg in Augenzeugenberichten. S. 169.

демия чумы, сопровождавшаяся неурожаем. Высокая смертность приводила современников в ужас, особенно страшным представлялась смертность среди молодых людей. «Где наша молодежь, где молодые парни и девушки, где цвет нашей страны? Нашу молодежь поглотила война», – сетовал ульмский хронист¹³. Голод доводил население вплоть до людоедства. «В Аугсбурге много трупов со срезанными частями плоти, у некоторых нет груди и других частей тела», – сообщают хроники¹⁴. Один шведский солдат, напавший на горожанку, с ужасом обнаружил у нее в корзинке куски человеческого мяса¹⁵. Тем не менее, в Германии были и районы, не пострадавшие от войны. В основном она не затронула северные области – Гольштейн, Ольденбург, а торговые города Гамбург, Бремен и Любек даже пережили определенный экономический подъем, зарабатывая на военных поставках¹⁶.

Общее сокращение населения в годы Тридцатилетней войны составило примерно 6–7 млн, в итоге послевоенный процент населения составлял лишь 60 % от довоенного, а общая численность – 10 млн человек¹⁷.

Война привнесла в демографический уклад немецких земель важную составляющую. Ей стали частые миграции населения, продолжавшиеся до первой половины XVIII века. Однако факторы, приводившие в движение население, способствовали возникновению еще одной характерной черты демографического развития Германии – неравномерности расселения. Запад Германии был заселен более плотно, чем восток, за исключением Саксонии. Там проживало в среднем 32 человека на км², причем даже внутри самой Саксонии расселение шло совершенно неравномерно: 13 человек на км² в районе Ротенбург против 57 в районе Гёрлиц. Послевоенная демографическая политика территориальных князей строилась на предоставлении переселенцам в опустевшие районы различных льгот¹⁸. Переселенческая политика германских государств основывалась на традиционных представлениях эпохи о том, что чем больше в стране населения, тем она богаче. Так, тысячи мигрантов переехали из австрийских земель в Баден и Вюртемберг. Достаточно часто миграция была спровоцирована не столько экономическими, сколько религиозны-

¹³ Ibid. S. 114.

¹⁴ *Theatrum Europaeum*. 1633. Bd. 1. S. 233.

¹⁵ Die betrangte Stadt Augspurg. 1632. Bayerische Staatsbibliothek München (далее: BSB). Einbl. V,8 a-47.

¹⁶ Wir Burgermeistere und Rath der Statt Lübeck / Gustav Freytag- Flugschriften-sammlung. 1622.

¹⁷ Franz G. Op. cit. S. 16.

¹⁸ Henning F.-W. Op. cit. S. 90.

ми факторами. Важной вехой здесь стала отмена Нантского эдикта во Франции в 1685 году, что привело к массовому переезду французских протестантов (гугенотов) в Германию. В первую очередь центрами, принимавшими французских переселенцев, стали Гессен и Бранденбург. В 1700 году 1/3 населения Берлина была французской¹⁹. Среди переселенцев было много высококвалифицированных ремесленников, богатых купцов, которые налаживали экономические связи на новом месте. Перемещение населения способствовало и ускоряло хозяйственную стабилизацию и приводило к последующему экономическому росту. К первой трети XVIII века Германия достигла довоенного уровня населения, а к концу века, в духе общеевропейской тенденции, намечился и его численный прирост – с 15 млн до 18 млн человек²⁰.

1.3. Сельское хозяйство

Свыше 80 % населения германских государств в раннее Новое время проживало в деревнях. Экономической ячейкой в сельском хозяйстве в раннее Новое время по-прежнему оставалась «*большая семья*», в которой все работали для обеспечения себя необходимым прибавочным продуктом. Отношения внутри «*большой семьи*», так же как и представления о ведении хозяйства, оставались архаичными, поэтому сельское хозяйство в большинстве районов развивалось экстенсивно. В XVI–XVII веках в германских государствах возникает два основных типа аграрных отношений. Географической границей для их становления была река Эльба²¹.

К западу от Эльбы земля обрабатывалась на условиях краткосрочной или наследственной аренды. За пользование землей землевладельцы получали ренту, сами же крестьяне были лично свободными. Достаточно свободным было и распоряжение землей. Крестьяне могли ее продавать, делить между несколькими наследниками. Таким образом сформировался тип поземельной зависимости крестьян. С конца XVI века в этих областях распространяется так называемое *мейерское право*, согласно которому запрещалось выселение арендаторов и увеличение арендных платежей. Сумма платежей имела региональные различия. Например, в Баварии они были наиболее высокими. В XVII веке в западном сельскохозяйственном регионе распространяется принцип майората, то есть пере-

¹⁹ Behringer W., Lehmann H. Kulturelle Konsequenzen der “Kleinen Eiszeit”. München, 2007. S. 61.

²⁰ Henning F.-W. Op. cit. S. 181.

²¹ Handbuch der deutschen Wirtschafts- und Sozialgeschichte. S. 93.

дача арендных прав на землю лишь одному сыну. Другие сыновья становились батраками, сезонными рабочими, сельскими кустарями или уходили в города. Майорат способствовал, с одной стороны, сохранению определенного числа крестьянских хозяйств, а с другой – социальному расслоению. Та часть крестьян, которая не могла больше заниматься сельским хозяйством, переходила к ремесленной деятельности²².

К востоку от Эльбы ситуация в сельском хозяйстве была противоположной. Здесь отношения между землевладельцами и крестьянами строились на личной зависимости последних. Землевладельцы сосредоточили в своих руках полицейско-административную и судебную власть и старались ограничивать личную свободу крестьян. Крестьяне восточного сельскохозяйственного региона считались «наследственными» подданными своего господина. Господскую землю они обрабатывали с помощью своего тяглого скота и инвентаря. На различные платежи, включая оброк и государственные налоги, уходила примерно 1/3 дохода крестьянина. Помещики (*юнкеры*) были обладателями крупных земельных латифундий, специализировавшихся на производстве зерна. Зернопроизводство, основанное на крепостном труде, было традиционным и шло экстенсивным, а не интенсивным путем. Однако даже этот экстенсивный путь при остро стоявшей проблеме питания был удобным решением. Важнейшей частью дохода восточных латифундистов был экспорт зерна. Он был экономически рентабельным из-за разницы в цене на зерно на востоке и западе. Во второй половине XVI века она составляла в среднем 53 %. Неурожаи случались примерно каждые 7 лет, что приводило в густозаселенных ремесленных районах к увеличению потребности в зерне.

Начиная с XVI века немецкое сельское хозяйство столкнулось с неизвестной до того времени проблемой – малоземельем. Рост безземельных или малоземельных крестьян способствовал быстрым темпам внутренней колонизации. К середине XVI века в сельское хозяйство было вовлечено свыше 20 % ранее не возделываемых сельскохозяйственных площадей. Необходимость успевать за ростом населения и ростом спроса на сельскохозяйственную продукцию привела к распашке новых «окраинных» земель. На Северном море во второй половине XVI века началось строительство новых дамб, следствием чего явилось систематическое увеличение участков используемой земли. Отвоевывание у моря территорий было крайне трудоемкой работой. Однако это имело важные результаты: только в Шлезвиг-Гольштейне количество обрабатываемых земель увеличилось с 17 тыс. га в 1550 году до 25 тыс. га в 1650 году²³.

²² Ibid. S. 120.

²³ Schilling H. Op. cit. S. 283.

Наиболее динамично развивался район в междуречье Рейна и Майна. Это было обусловлено тремя основными факторами. Во-первых, территории бассейнов Рейна и Майна находились в западной аграрной зоне, где действовало либеральное аграрное законодательство. Во-вторых, в этом регионе располагалось пересечение важных транспортных магистралей. В-третьих, благодаря мелиорации и осушению болот, рейнско-майнский район обладал наиболее плодородными почвами. В этом сельскохозяйственном регионе на рубеже XVI–XVII веков наметился переход к интенсивному землепользованию²⁴. Практическим руководством к улучшению обработки почв стало сочинение Конрада фон Хересбаха, землевладельца и талантливого публициста, «Четыре книги по сельскому хозяйству»²⁵. Он был одним из первых, кто уделил особое внимание удобрению почв навозом, компостом, мергелем, известью или золой. В качестве важной технической культуры, которая способствует мелиорации, Хересбах рекомендует люцерну, так как он может служить кормом для скота, а в неурожайные годы и пропитанием для человека²⁶. В новых «окраинных» районах, а также в бассейне Рейна и Майна, развитие которых было связано с крупными капиталовложениями, крестьяне получали урожай от сам-10 при посеве пшеницы, до сам-26 при посеве гороха. Некоторые крестьяне окраинных районов могли достичь очень высокого благосостояния. Например, крестьянин Йорг Минер из вюртембергской деревни к северу от Штутгарта был собственником 150 га земли, получал ежегодный доход около 1 тыс. гульденов, что значительно превышало доход чиновника городского управления. Своим дочерям Минер обеспечил богатое приданое, а младший сын изучал в Тюбинге и Италии право, готовясь к надежной и доходной карьере юриста²⁷. Символом крестьянского богатства стали низинные регионы, прежде всего, остфризский район, а также некоторые альпийские долины в Тироле. Здесь крестьяне гордо носили на одежде вместо пуговиц серебряные талеры²⁸.

Одновременно крестьяне восточной сельскохозяйственной зоны, в которой, за исключением Тюрингии, Саксонии и Силезии, почва была

²⁴ Henning F.-W. Op. cit. S. 219.

²⁵ Heresbach C. Rei rusticae libri quatuor. Universam rusticam disciplinam complectentes etc. 4 Bücher. Köln 1570.

²⁶ Ibid.

²⁷ Behringer W., Lehmann H. Op. Cit. S. 231.

²⁸ Deß durchleuchtigsten fürsten und herrn, herrn Maximilian, pfaltzgraven bey rheyn etc. auffgerichte satz: und ordnungen von unnothwendiger uberflüssiger koestligkeit der kleyder, und wie dieselb hinfueran in den fuerstenthumb unnd landen obern und nidern bayrn etc. eingezogen werden soll / Gustav Freytag- Flugschriftensammlung. 1626.

неплодородна и сельское хозяйство развивалось лишь экстенсивно, могли снимать только сам-5 при посевах пшеницы.

Важной статьей дохода было животноводство, на продукты которого в XVI–XVII веках спрос постоянно возрастал. В приморских и речных низменностях возникли большие дворы, которые тоннами производили масло и сыр и продавали его за границу. Наиболее интенсивно животноводство развивалось в северных районах. Одна корова в Шлезвиге давала ежедневно 3 литра молока, а в период лактации в среднем от 790 до 850 литров, поэтому фризские крестьяне получали от одной коровы 1350 литров, из которых можно было произвести 43 кг масла и 29 кг сыра на продажу. Иначе обстояло дело в центральных районах. В Гарце от одной коровы можно было получить лишь 20 кг масла и 15 кг сыра, то есть примерно вполтину меньше²⁹.

1.4. Ремесло и мануфактуры

Особого размаха во второй половине XVI – начале XVII века достигло крестьянское ремесло. В германских государствах в сельской местности появляются рассеянные мануфактуры, так называемая *ферлагсистема (Verlagssystem)*. В первую очередь ферлаг развивался в сфере производства тканей. Производство носило надомный характер, но поставки сырья и обработка изделий чаще всего уже были сосредоточены в мастерских. Организация производства в рамках ферлага базировалась на предоставлении крестьянам-надомникам сырья, а иногда и средств на покупку необходимого оборудования для производства. Такие ссуды ставили крестьян в зависимость от предпринимателей. Продажа продукции заказчикам поэтому осуществлялась по заниженным ценам. На рассеянной мануфактуре работала, как правило, вся крестьянская семья³⁰.

Рассеянные мануфактуры стали важным фактором в становлении раннего капитализма. Особенно динамично они развивались в южнонемецких землях, в районе Ульма и Аугсбурга. В этом регионе тысячи деревенских ткачей были плотно связаны с городскими предпринимателями и делали на заказ ткани, которые позже попадали на международный рынок. Самой популярной тканью стала бумазая, производившаяся из смеси хлопка и льна. Такая ткань была значительно дешевле, по сравнению с высококачественными шерстяными тканями, которые производили в городских цехах. К тому же новые ткани соответствовали и меняю-

²⁹ Mottek H. Wirtschaftsgeschichte Deutschlands. Ein Grundriss. Band 1. Berlin, 1974. S. 251.

³⁰ Henning F.-W. Op. cit. S. 274.

шейся моде, становившейся более яркой и легкой. С середины XVI века в бумазейном производстве начался настоящий бум. Если в начале 1500-х годов ежегодно производилось не более 30 тыс. кусков бумазеи, то в 1550-е – уже 300 тыс., а в начале XVII века – 400 тыс. кусков этой ткани³¹. Бумазейное ткачество в период раннего Нового времени являлось одним из ведущих секторов текстильной отрасли Германии. Однако надомники практически были исключены из получения прибыли, которая в полном объеме доставалась лишь предпринимателям.

В XVII веке сельское хозяйство германских земель вступает в полосу кризиса. Он был вызван многими причинами, среди которых самой ощутимой для сельского хозяйства стал так называемый малый ледниковый период – похолодание, начавшееся в Европе с конца XVI века. Современники отмечали ухудшение климата с 50–60-х годов XVI века, характеризовавшееся затяжной холодной зимой и коротким, довольно прохладным летом³². Понижение температуры влекло за собой сокращение вегетационного периода у растений, смещение зоны, благоприятной для земледелия, к югу. Участились неурожаи, сбор зерна уменьшился, что приводило к увеличению его стоимости, с одной стороны, и к усилению страха голода среди не только беднейших, но и средних слоев населения, с другой. Питание населения ухудшилось, наблюдалась нехватка продовольствия в средних слоях городского населения и крайнее обнищание, пауперизация и голод в низших³³.

1.5. Промышленность

Появление и развитие промышленного производства в германских государствах традиционно связывают с горнодобывающим сектором. Немецкий гуманист Себастиан Мюнстер в XVI веке выдвигал как главное условие экономической и политической мощи Германии необходимость создавать «больше шахт, тогда ни одна страна нас не превзойдет»³⁴. Основой системы горнодобычи были богатые залежи руды в горах Гарц, Рудных горах, Тюрингском лесу и Альпах. Они систематически использовались с середины XV века. Здесь развивались передовые технологии горной добычи и плавления руды, а также продуктивные методы финансирования и ведения производства. Рудники приносили большой доход. Быстрая динамика роста горнодобывающих предприятий

³¹ Ibid.

³² Parker G. The General Crisis of the Seventeenth Century. London. 1997. P. 39.

³³ Ibid. P. 271.

³⁴ Münster S. Cosmographia. 1544. P. 459.

наблюдается в новых экономических районах, таких как Рудные горы в Шнееберге, Аннаберге, Йоахимстале и Мариенберге; Альпы в Шваце в Тироле, возле Виллаха в Кэрнтене и около Леобена в Штейермарке; Гарц в графстве Мансфельд. Немецкие предприниматели иногда открывали шахты и за пределами империи, например в Карпатах. Однако и старые районы горной добычи, такие как Фрайберг в Саксонии, Раммельсберг у Гозлара и Куттенберг в Богемии, переживали в XVI веке новый расцвет³⁵.

Огромную роль в интенсификации горного дела сыграла научная революция второй половины XVI – XVII веков³⁶. Она поставила горнодобычу и рудоплавление на совершенно новую основу. Одни только водоотливные машины, работающие от водяного колеса (*Wasserkunst*), позволили устраивать новые шахты глубоко в земле и вновь вводить в эксплуатацию старые шахты, заброшенные из-за прорыва воды, как это было, например, в саксонском Фрайберге. В технологии рудоплавления революционным было открытие вертикального способа переработки руды – доменных печей (*Seiger*). Этот метод, основанный на разнице в температуре плавления различных руд, применялся при добыче меди, свинца и серебра. Это позволило впервые выплавлять серебро из определенных медных руд, из которых до тех пор этого сделать не удавалось. Для успешного внедрения этого метода в рудоплавильное дело необходимо было использовать добавление больших объемов свинца, что стимулировало и его добычу наряду с рудой³⁷.

Плаильни *Seiger* являлись большими сложными предприятиями, которые перерабатывали в течение года многие тысячи центнеров черновой меди. В этом производстве традиционно были заняты в общей сложности сотни людей. Особую роль в горной добыче играл округ Мансфельд в Нижней Саксонии. Географическое расположение вывело его в один из ведущих горнодобывающих регионов. Он был богат не только рудами, но и лесами, и реками, что также являлось необходимым условием для организации шахт³⁸. В XVI веке здесь располагался целый ряд крупных производств, которые заполнили этот некогда труднодоступный лесной регион, по словам современников, «складами угля и дров, сараями с золой, кузнечными мехами, медными молотами и другими орудия-

³⁵ Handbuch der deutschen Wirtschafts- und Sozialgeschichte. S. 162.

³⁶ Niemann H.-W. Op. cit. S. 47.

³⁷ Schilling H. Op. cit. S. 283.

³⁸ Sächsische Lebensbilder. Hrsg. von der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Leipzig, 2003. S. 417.

ми производства»³⁹. Важной составляющей освоения регионов горной добычи было сооружение транспортной сети и интенсивная добыча энергии с помощью воды и тепла. На первых шахтах и у первых плавильных печей горняки и металлурги работали вручную.

Во второй половине XVI века развитие горных предприятий всё чаще стало требовать крупных капиталовложений. Даже богатые купеческие семьи, бывшие пионерами в основании горнодобывающих предприятий, не могли финансировать их в одиночку. Выход был найден в организации специальных монопольных компаний. Так, в округе Мансфельд появляются *Seiger*-компании, членами которых наряду с купцами-предпринимателями из Эрфурта, Лейпцига и Нюрнберга были также знатные семьи графов фон Мансфельд и фон Хеннеберг. Аналогичная ситуация сложилась и в районе Рудных гор, здесь была даже своя доля участия у саксонского княжеского рода Веттинов⁴⁰. Монопольные компании, которыми совместно руководили купцы и княжеские советники, заботились о покупке руды и сбыте металла. Однако их главной задачей стало попечение о получении капитала, необходимого для устройства и эксплуатации производства.

Рост капиталовложений в сфере промышленного производства способствовал появлению новых форм организации предприятия, которые снижали риск капиталовложений. Так возникли первые компании с ограниченной ответственностью. Еще более важным шагом стало появление акций (паев) горнодобывающих компаний, так называемых *кукс* (*Kuxen*). Их можно было свободно купить на ярмарках крупных городов, в частности во Франкфурте-на-Майне⁴¹. Таким образом, став акционерами (пайщиками) шахт, даже простые ремесленники, поденщики или слуги, жившие в регионах, далеких от горнодобывающих районов, получили возможность извлечь выгоду из промышленного бума в горном деле.

Тридцатилетняя война оказала на промышленность своеобразное воздействие. Частично война воздействовала на производство как модернизирующий фактор: довольно активно развивались отрасли промышленности, связанные с обеспечением армий (производство вооружения, амуниции, ткани). Возникновение регулярных армий с единообразным обмундированием и вооружением создавало спрос на продукцию массового производства, что способствовало развитию мануфактур⁴².

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Ibid. S. 219.

⁴¹ Wir hochgeborener Moritz / Landgraf zu Hessen. 23.12.1621. Hessisches Staatsarchiv Marburg (далее: HstAM). Best. 4e, №2713.

⁴² Franz G. Op. cit. S. 163.

1.6. Торговая революция

Как и повсеместно в Европе, на развитие торговли в германских государствах в раннее Новое время влияли два основных импульса: великие географические открытия и спрос на сельскохозяйственные продукты, спровоцированный демографическим ростом. Северное и Балтийское моря являлись важнейшими торговыми путями. Развитию морской торговли в этом регионе во многом способствовало усовершенствование корабельного дела. Германский торговый флот в первой половине XVI века занимал второе место после Голландии. Рейнские земли получали прибыль за посредничество. Сотни предпринимателей и экспедиторов переезжали между Антверпеном и Аахеном, а оттуда дальше на юг и восток, чтобы доставить товары в далекие от моря немецкие регионы.

Важной вехой в развитии немецкой торговли в конце XVI века стали внешнеполитические события, изменившие сложившуюся торговую систему. Речь идет о борьбе Нидерландов за независимость. Война с Испанией привела многие процветающие области Нидерландов в запустение, а кроме этого спровоцировала сильную волну эмиграции. Германия приняла тысячи ищущих убежища голландцев, которые пополнили ряды немецких высококвалифицированных работников и предпринимателей. В германских землях, прежде всего в Гамбурге, Бремене, Эмдене, Рейнских землях, Франкфурте, сформировалась настоящая «диаспора антверпенских купцов», благодаря которой Германия оказалась в центре новой изменившейся северо-западноевропейской экономической и транспортной сети⁴³. Одним из новых ориентиров германской торговли становится экспортный сбыт текстильных изделий массового потребления, а также продажа ремесленных товаров «класса люкс» – ювелирных работ шлифовальных мастерских, ткацких мануфактур, на которых создавались редкие ковровые вышивки. Южные области и города Германии экономически ориентировались на Италию и средиземноморский торговый бассейн, тогда как северные области и города целиком тяготели к рынкам, прилегавшим к Северному и Балтийскому морям, в то время как внутри немецких территорий не существовало прочных торговых связей. Однако формирование национального рынка шло по пути создания единого экономического пространства, о чем свидетельствуют как общеимперские экономические постановления, так и наличие экономических связей между разными регионами Германии.

В каждом регионе Германии сложились важнейшие торговые центры, которые образовывали бесперебойно работавшую торговую сеть.

⁴³ Kroll F.-L. Geschichte Hessens. München, 2010. S. 319.

Среди таких центров были как традиционные морские города Северной Германии, такие как, например, ганзейский город Гамбург, так и новые торговые центры, первое место среди которых занял Франкфурт на Майне⁴⁴. Важным традиционным торговым центром, безусловно, являлся Гамбург. Этот немецкий портовый город стал излюбленной целью для эмигрантов со всего мира: португальские евреи, притесняемые испанцами голландцы, первые пуритане из Англии – все они внесли большой вклад в развитие торговых связей Гамбурга. Гамбургские купцы успешно участвовали в мировой конкуренции и шли в ногу с ведущими заграничными фирмами. 2 марта 1619 года в Гамбурге открылся первый государственный жиробанк в Германии. После банка в Венеции (основанного в 1577 году) и банка в Амстердаме (учрежденного в 1609 году) это был третий банк в Европе. Гамбургская единица расчетов – *марка банк* – вскоре завоевала платежный рынок безналичных расчетов на севере империи. Здесь быстро стала популярна и введенная голландцами система страхования.

Другим важнейшим немецким торговым центром на рубеже XVI–XVII веков становится Франкфурт на Майне. Франкфурт, в котором едва ли проживало 20 тыс. человек, тем не менее, благодаря своему расположению на Майне – крупной водной артерии германских земель, был важнейшим пунктом транзитной торговли. Он стал главным местом проведения ярмарок и считался «торговым домом немцев»⁴⁵. «Не счесть, как рыб в море и как птиц в лесу, как много звезд на небе, так много товаров во Франкфурте»⁴⁶, – так прославлял книгоиздатель из Женевы Генри Эстиенн (1528–1598) метрополию на Майне, книжные ярмарки которой он регулярно посещал. Во Франкфурте процветали, наряду с оптовой торговлей и торговлей с иностранными государствами, прежде всего ярмарочная торговля и частное банковское дело. Город стал европейским центром шлифовки драгоценных камней и ведущей финансовой площадкой империи⁴⁷. Ремесло, прежде всего ориентированное на экспорт производство шелка и позументов, было организовано с учетом передовых европейских технологий, в частности, активно эксплуатировались механизмы, приводимые в движение с помощью использования воды. Это увеличивало производительность труда примерно в десять раз.

Во Франкфурте появился платежеспособный слой наемных рабочих⁴⁸. Эта новая социальная группа оказалась противопоставлена цехо-

⁴⁴ Ibid. S. 5.

⁴⁵ Ibid. S. 39.

⁴⁶ Цит. по: Kroll F.-L. Geschichte Hessens. S. 51.

⁴⁷ Gegen die denen Müntz-Edikten zuwiederlaufende Ersteigerung derer Müntz Sorten. 12.11.1624. HstAM. Best. 4e, №2713.

⁴⁸ Wir hochgeborener Moritz / Landgraf zu Hessen. 2.05.1622. HstAM. Best. 4e, №2718.

вой организации с ее принципом социального и экономического равенства среди членов цеха. Во Франкфурте экономическая система раннего Нового времени находилась уже на полпути от традиционной цеховой организации Средневековья к фабричной системе Нового времени⁴⁹.

В раннее Новое время в германских государствах торговая инициатива принадлежала крупным купеческим домам, таким как Вельзеры, Имхофы, Хёхштедтеры. Однако ни одна торговая корпорация не достигла таких успехов, как торговый дом Фуггеров⁵⁰. Первым «экономическим королем» можно считать Якоба Фуггера Богатого (1459–1525), главу фирмы «Якоб Фуггер и сыновья его братьев». Фуггеры начали свое дело с производства текстиля на рассеянных мануфактурах, который они продавали в дальние страны. На основе семейного предприятия возник торговый и банковский дом Фуггеров. Первоначальный капитал был семейным, но позже стали приниматься чужие вклады⁵¹. Вкладчиками Фуггеров были в основном высокопоставленные особы. Таким образом, семейное предприятие превратилось в открытое торговое общество. В первой половине XVI века Фуггеры начали банковское и горное дело. Доходы Фуггеры использовали для кредитования князей, римского папы и императора. Это приносило не только проценты, но позволяло вмешиваться в их экономическую политику. Особенно тесными были деловые контакты Фуггеров с династией Габсбургов – императорами Максимилианом и Карлом V⁵². Благодаря связям с императорским домом, Фуггеры получили монопольное право на разработку свинца, серебра и меди в наследных землях Габсбургов в Тироле и Каринтии, а позже и в Испании. Благодаря поддержке Габсбургов, Фуггеры смогли принять участие в заокеанских экспедициях, что принесло корпорации колоссальный доход.

Фуггеры организовали свое дело на новых рациональных началах. Важную роль играла информационная политика компании: со всего мира приходили рукописные «фуггеровские газеты» – сведения о политической и экономической обстановке, от которых зависел доход компании. Новой была и попытка социальной политики. Фуггеры стремились обеспечить работников компании медицинским уходом, организовали специальное поселение для бедных, состоящее из 53 домов, в каждом по 2 квартиры⁵³.

В прямой связи с торговой революцией находилась *революция цен*. К ее причинам можно отнести, во-первых, возросший приток серебра из

⁴⁹ Kroll F.-L. Geschichte Hessens. S. 30.

⁵⁰ Schilling H. Op.cit. S. 239.

⁵¹ Ibid.

⁵² Ibid.

⁵³ Behringer W., Lehmann H. Op. cit. S. 270.

Америки. Если в 1470 году в Европе в свободном хождении было около 5 тыс. т серебра, то к 1618 году приток серебра увеличился до 25 тыс. т⁵⁴. Второй причиной революции цен можно считать постоянно растущий спрос на товары широкого потребления, в первую очередь на продукты питания. Эти две причины стали катализаторами инфляции, начавшейся в германских государствах со второй половины XVI века. Так, например, цена на рожь в регионе Страсбурга от 92 пфеннигов возросла к концу века до 266 пфеннигов⁵⁵. Заработки росли параллельно с ценами благодаря законодательно закрепленным максимумам цен и минимумам заработной платы. Однако такие попытки вмешательства в экономику не давали желаемых результатов и в реальности заработки стремительно падали. Покупательная способность снизилась к концу XVI века примерно на 73 %⁵⁶.

Рост цен на сельскохозяйственную продукцию способствовал появлению кризисных тенденций в экономике германских княжеств в целом⁵⁷. Высокие цены на зерно вынуждали горожан тратить большую часть доходов на продукты питания и, следовательно, уменьшали покупательную способность населения, что сказывалось на спросе на ремесленную продукцию⁵⁸. Из-за уменьшения спроса на их продукцию и роста цен на продукты питания ремесленники нищали и разорялись, ухудшалось и положение поденщиков, слуг и других категорий городского населения. От роста цен на зерно не выигрывала и большая часть сельских жителей. Мелкие и средние крестьяне обычно не имели излишка продовольствия, а участвовавшие в неурожае грозили им голодом. Выгоду получали только богатые крестьяне и землевладельцы, торговцы. Рост цен на зерно способствовал их обогащению⁵⁹. Тем самым разрыв между бедными и богатыми увеличивался, что вело к социальной нестабильности. Экономическая децентрализация, являвшаяся следствием децентрализации политической, и отсутствие национального рынка заметно осложняли экономическую ситуацию в германских землях.

Существенным препятствием для дальнейшего развития торговых отношений в германских государствах стала Тридцатилетняя война. Торговля пострадала прежде всего из-за небезопасности торговых путей и общего спада производства и спроса. Наибольшие потери понесла тор-

⁵⁴ Henning F.-W. Op.cit. S. 103.

⁵⁵ Kellenbenz H. Die Münzen und die internationale Bank Ende 15. bis Anfang 17. Jahrhundert (Das oberdeutsche Beispiel) / La moneta nell'economia Europea secoli XIII – XVIII. Firenze, 1982. S. 652.

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ Parker G. Op. cit. P. 290.

⁵⁸ Schilling H. Op.cit. S. 256.

⁵⁹ Schneider K. Der oberreinische Albus. Speyer, 2001. S. 62.

говля на дальние расстояния дорогостоящими предметами, так как при всеобщем обнищании спрос на эти товары уменьшился. Межрегиональная и международная торговля была подорвана, экспорт продукции затруднен. Впоследствии потребовались значительные усилия для восстановления рынков сбыта⁶⁰.

1.7. Финансы

До начала XVI века денежная система была привязана к крупной золотой монете. Важнейшими золотыми монетами, имевшими хождение в германских государствах, были дукаты и гольдгульден⁶¹. С конца XV века в связи с падением добычи золота в Центральной Европе и ростом добычи серебра, а также притоком серебра из Америки начинается новый период в истории денежного обращения, когда основной монетой становится крупная серебряная монета – *рейхсталер*. В 1516 году графом Штефаном Шликом были открыты значительные залежи серебра около города Йоахимсталля в Богемии. От названия города берет свое название и монета – йоахимсталер⁶². Благодаря огромным для своего времени объемам чеканки (до 1 млн монет в год) талеры быстро распространились в разных частях Центральной Европы. Для XVI – начала XVII века характерно противоречие между имперским стремлением к унификации монетной системы, созданию в рамках империи единой системы денежного обращения, и интересами территориальных князей, стремившихся к складыванию собственных монетных систем в своих государствах⁶³. В это же время остро стояли проблемы ухудшения качества разменной монеты и в связи с этим изменения соотношения крупной и мелкой монеты. Противоречия наблюдались и в вопросах о выборе основ имперского денежного обращения. «Партия серебра» (Саксония, Брауншвейг, Австрия) состояла из княжеств, располагавших запасами серебра и чеканивших серебряную монету⁶⁴. Они преследовали несколько целей, основными из которых были три. Они стремились к достижению серебряной монетой как минимум положения второй основной валюты в империи наравне с золотом, а как максимум – статуса основного платежного средства. Второй целью была самостоятельность серебряной монеты – крупная сереб-

⁶⁰ Franz G. Op. cit. S. 117.

⁶¹ Schneider K. Op. cit. S. 18.

⁶² Sprenger B. Das Geld der Deutschen. Geldgeschichte Deutschlands von Anfängen bis zur Gegenwart. Paderborn, München, Wien, Zürich. 1991. S. 11.

⁶³ Schneider K. Op. cit. S. 40.

⁶⁴ Sprenger B. Op. cit. S. 19.

ряная монета (талер, гульден) не должна быть привязана к золотому эквиваленту. Третьей же целью являлось установление выгодного для них соотношения цен на золото и серебро. «Партия золота» была представлена рейнскими курфюрстами и крупными торговыми городами, там золотая монета чеканилась и была основным платежным средством. Они выступали за сохранение золотой монеты (гольдгульдена) в качестве основной имперской монеты и против переоценки серебра за счет золота.

Попытки унификации денежной системы предпринимались в течение всего XVI века. В 1524 году на рейхстаге в Эсслингене был принят первый общенемецкий имперский монетный устав. По нему крупная серебряная монета (гульден), весом 29,43 г с содержанием серебра 27,40 г, равная по ценности рейнскому гольдгульдену, становилась общеимперской денежной единицей. Курс серебра к золоту устанавливался в соотношении 1:11. В 1559 году на рейхстаге в Аугсбурге был принят новый монетный устав⁶⁵. Серебряные монеты не должны были соответствовать гольдгульдену, тем самым подтверждался рост значения серебряной монеты, ставшей самостоятельной. Дукаат (весом 3,49 г при содержании золота 3,44 г), уже чеканившийся в Австрии, был провозглашен общеимперской золотой монетой. В 1566 году в Регенсбурге были приняты дополнения к монетному уставу. В соответствии с ними рейхсталер становился основной серебряной монетой в империи наряду с гульденом. Талер стал при этом тяжелее, чем раньше, весом 29,23 г с содержанием серебра 15,98 г. Чеканился рейхсталер прежде всего регионами, добывающими серебро (Саксония, Брауншвейг), и крупными торговыми центрами Северной и Восточной Германии. Новая система была принята многими крупными торговыми центрами в Южной и Западной Германии (Нюрнбергом, Франкфуртом, Кёльном), до того не соблюдавшими предыдущие монетные уставы⁶⁶. Именно эти города стали основными местами чеканки новых рейхсгульденов. Вскоре здесь сложилась хорошо организованная чеканка монеты. Таким образом сформировалась система, действовавшая в общих чертах в течение 100 лет: денежные отношения в Южной и Западной Германии были основаны на рейхсгульдене, в Северной, Восточной и Центральной – на рейхсталере.

Со второй половины XVI века в германских государствах всё усиливались кризисные явления в монетном деле: *порча монеты*, прежде всего мелкой, чеканка фальшивых монет, обрезка, опилование, переплавка полновесных монет, чеканка монет с меньшей пробой, импорт низкопробной, некачественной монеты⁶⁷. Главной причиной этого было сохранение си-

⁶⁵ Ibid. S. 59.

⁶⁶ Ibid.

⁶⁷ Epitaphium oder deß guten Geldes Grabschrift. 1621. HstAM. Best. 4e, №2710.

стемы, при которой содержание серебра в разменной монете должно было соответствовать ее номиналу. При этом требовалось всё большее количество разменной монеты, ведь именно мелкая монета была основой местной торговли, ею в основном расплачивались за ремесленные изделия, выплачивали заработную плату наемным рабочим. Стоимость же производства мелкой монеты была довольно высокой, поэтому в условиях, когда содержание серебра в ней должно было на 90–100 % соответствовать номиналу, ее производство оказывалось убыточным⁶⁸. К концу XVI – началу XVII века в Германии начал ощущаться недостаток серебра при росте потребности в разменной монете из-за увеличения экономической активности в этот период⁶⁹. Производство разменной монеты с большим содержанием меди приносило значительную прибыль. Именно поэтому качественная крупная монета нередко скупалась и переплавлялась в низкопробную мелкую. Некоторые монетные дворы специализировались на чеканке исключительно мелкой монеты с высоким содержанием меди⁷⁰. Переплавка крупной монеты в мелкие и отток их за границу из-за отрицательного торгового баланса Германии, с одной стороны, и всё большее ухудшение пробы разменной монеты, с другой, привели к тому, что цена крупной монеты в расчете на мелкую постоянно росла.

Имперские власти пытались бороться с умышленным ухудшением монет. Методами такой борьбы были: вальвация (установление курса иностранных валют в местной) в соответствии с содержанием драгоценного металла, создание постоянных инстанций для контроля, учреждение специальных дней монетной экспертизы (пробационных дней) дважды в год с 1574 года и монетной полиции в имперских округах⁷¹. Усложняло

⁶⁸ Abgetruckte Gülgische Sorten. 1621. HstAM. Best. 4e, №2710.

⁶⁹ *Schneider K.* Op. cit. S. 40.

⁷⁰ WIr der Hochlöblichen im Müntzwesen Correspondirenden. 1621. HstAM. Best. 4e, №2711.

⁷¹ С начала XVI века территория Священной Римской империи подразделялась на шесть имперских округов: Баварский, Верхнерейнский, Нижнерейнский, Нижнесаксонский, Франконский и Швабский (в 1512 году было образовано еще четыре округа: Австрийский, Бургундский (до 1655 года), Верхнесаксонский и Куррейнский), границы которых просуществовали практически без изменений до конца XVIII века. Органом управления округа являлось окружное собрание, в котором участвовали представители всех государственных образований, расположенных на данной территории – светских и духовных княжеств, вольных городов и имперских рыцарских владений. Подробнее о политическом устройстве Германии см.: *Болдырев Р. Ю., Невский С. И., Турыгин А. А.* Эволюция территориального и политического устройства Германии в Новое время. Введение // *Экономическая история Германии: от эпохи меркантилизма до наших дней.* Монография в 2-х т. Т. 1. *Экономическая история Германии в Новое время: от аграрного общества к мировой промышленной державе* / Под ред. С. И. Невского. М., 2016. С. 13 и далее.

борьбу с низкопробной монетой и то, что ее чеканка обычно проводилась при покровительстве территориальных князей, поэтому бороться с такой низкокачественной монетой было по сути невозможно. К началу XVII века ситуация обострилась: на рейхстагах в Регенсбурге в 1603 и 1613 году жалобы на проблемы в денежной системе и призывы вернуться к соблюдению Аугсбургского устава были очень многочисленны⁷². В денежной системе царил полная неразбериха: в начале XVII века на территории Германии имели хождение около 5 тыс. видов немецких и иностранных монет, и большая их часть либо чеканилась неполновесной, либо систематически обрезалась. Кризисные явления в монетном деле, появившиеся уже в XVI веке, проявлялись всё сильнее и в начале XVII века, хотя пока эти явления не приобрели той остроты, которой они достигнут к началу Тридцатилетней войны.

Следствием войны в финансовой сфере стала значительная инфляция и наводнение Германии низкокачественной разменной монетой, как собственной чеканки, так и импортной. Основной же причиной кризиса было то, что с началом войны многие князья прибегли к порче монеты как средству пополнения бюджета. Иных источников средств, достаточных для финансирования войны и вооружения огромных армий, не было, ведь при многократном росте расходов, доходы оставались прежними. Ярким примером попыток увеличения доходов может считаться финансовая политика императора Фердинанда II. В 1621 году штатгальтером Богемии Лихтенштейном было постановлено повысить добычу серебра в основном имперском руднике Кутна Горе до 140 марок в неделю. Кроме того, главе пражской еврейской общины Боссеви было поручено закупать 2 тыс. марок серебра в неделю для переплавки в монету. Из одной марки добываемого серебра можно было отчеканить монеты на 46 гульденов, что при стоимости добычи в 18 гульденов означало прибыль в 28 гульденов на марку серебра. Марку серебра покупали за 25 гульденов, то есть при чеканке монет из купленного серебра прибыль составляла 21 гульден⁷³. Таким образом, еженедельная прибыль составляла 45920 гульденов, что было значительной суммой для своего времени. Однако вскоре и этого стало недостаточно, чеканка монет из одной марки серебра повысилась в полтора раза, до 70 гульденов (что, естественно, означало ухудшение качества монеты и уменьшение содержания серебра в ней в полтора раза). Всё это происходило с одобрения императора, ведь большая часть прибыли шла в

⁷² Demnach ein Ehrnvestor Rath / dieser deß H. Reichs Statt Nürnberg unsere Herren und Obrigkeit. 1614.

⁷³ Sprenger B. Op. cit. S. 107.

императорскую казну⁷⁴. В январе 1622 года император сдал в аренду все монетные дворы и рудники в Богемии, Моравии и Нижней Австрии монетному консорциуму⁷⁵. Консорциум получил монополию на монетную чеканку и покупку серебра в этом регионе. Все имевшие хождение деньги должны были быть переплавлены и перечеканены. По договору из марки серебра чеканилось уже 79 гульденов. Консорциум же понизил содержание серебра в монетах еще ниже, чем было указано в договоре. Сумма аренды составляла 6 млн гульденов в год, что было в 6 раз больше, чем эти монетные дворы приносили императору до кризиса. Следовательно, сумма, получаемая от чеканки низкокачественной монеты, была еще больше, ведь и члены консорциума должны были получить значительный доход. В этот период появлялись многочисленные новые монетные дворы, которые не столько чеканили, сколько перечеканивали, переплавляли старую качественную монету. Оценить масштабы позволяет тот факт, что в одном маленьком графстве Мансфельд появилось 40 новых мест чеканки монеты⁷⁶.

Сначала под влиянием огромного потока денег торговля и ремесло даже оживились. Но вскоре мелкие монеты стали быстро обесцениваться, начался значительный рост цен. Цены росли только в разменной монете⁷⁷. Стоимость качественной крупной монеты, напротив, росла быстрее, чем цены на различные товары, то есть на 1 талер можно было купить больше, чем до кризиса. Для немецкого общества инфляция стала одним из ключевых показателей того упадка, в который во время Тридцатилетней войны всё больше погружались германские земли. Население стремилось спрятать старые хорошие деньги, получать плату за работу и прибыль при торговых операциях в полновесной монете, а налоги платить в мелкой и низкопробной⁷⁸. Торговцы зачастую отказывались продавать товары в обмен на низкопробную монету. В городах начались восстания, вызванные инфляцией. Наибольшее число восстаний относится к 1621–1622 годам, что приходится на пик денежного кризиса⁷⁹. Поводом к восстаниям зачастую служило то, что чиновники и торговцы не принимали низкопробную монету в качестве налогов и платы за товары. Причиной же была резкая инфляция в целом, особенно рост цен на хлеб, а также огромные масштабы чеканки низкопробной монеты. Так, восстание в феврале 1622 года в Магдебурге началось из-за того, что совет передал право чеканки монеты

⁷⁴ *Newe Müntzlaitter*. 1624.

⁷⁵ *Henning F.-W.* Op.cit. S. 210.

⁷⁶ *Kellenbenz H.* Op. cit. S. 653.

⁷⁷ *Epitaphium oder deß guten Geldes Grabschrift*.

⁷⁸ *Wlr Burgermeister und Rath der Statt Nürnberg*. 1622.

⁷⁹ *Der Jüdische Kipper und Auffwechßler*. 1622.

частному лицу, в результате чего город захлестнула волна некачественной монеты. После начала восстания совет вынужден был изъять запасы некачественной монеты⁸⁰.

В итоге разменная монета, по сути, потеряла стоимость и тем самым утратила функцию важнейшего платежного средства. В 1622 году властями были предприняты первые попытки стабилизации положения. Оздоровление монетной системы началось в Саксонии⁸¹. Здесь порченые монеты были обесценены, а их владельцы могли получить стоимость драгоценного металла в этих монетах новыми деньгами. В 1623 году нормализуется и ситуация в Южной Германии и Австрии. Находившиеся в хождении низкопробные монеты были девальвированы: их стоимость в габсбургских землях была понижена до 13% от номинала. Подобная же девальвация была проведена в Баварии – здесь порченная монета сохранила лишь 25% от номинальной стоимости. Как мера борьбы с денежным кризисом в этот период в разных частях Германии создавались монетные союзы⁸². Они устанавливали курсы монет для того или иного региона, принимали меры по борьбе с некачественной монетой. Так, например, союзу под руководством Максимилиана Баварского удалось установить единый курс всех важнейших монет для всей Южной Германии и придерживаться его⁸³. Благодаря активно принимаемым мерам, ситуация в монетном деле нормализовалась к 1625 году, а в последующие годы Тридцатилетней войны денежная система империи оставалась относительно стабильной.

§ 2. Развитие германской экономики в 1648–1815 годах

2.1. Демографическая ситуация

Демографическая ситуация в большинстве немецких государств в первой половине XVIII века оставалась достаточно тяжелой. Численность населения Германии до Тридцатилетней войны (15–17 млн человек) смогла быть восстановлена лишь между 1720–1740 годами. Эпидемии и голодные годы, низкая продолжительность жизни, высокая детская смертность, повышение брачного возраста у женщин (в среднем до 25

⁸⁰ WIr Burgermeister und Rath der Statt Magdeburg. 1621.

⁸¹ Sächsische Lebensbilder. S. 419.

⁸² Gegen die denen Müntz-Edikten zuwiederlauffende Ersteigerung derer Müntz Sorten. 12.11.1624. HstAM. Best. 4e, №2713.

⁸³ Wiewoln ein E. E. Rath des H. Reichs Stadt Nürnberg. 1625.

лет) вели к тому, что прирост населения был очень незначительным. Стремясь увеличить численность населения, многие немецкие правители стали принимать мигрантов, уходивших от религиозных преследований из других европейских стран. Многие из них были высококвалифицированными ремесленниками редких для Германии специальностей. Так, 150 тыс. баварских, австрийских и пфальцских эмигрантов осели во Франконии. В Саксонию и Лаузиц переселились протестанты из Чехии и Моравии. Бежавших от Нантского эдикта 1685 года французских гугенотов приняли в Бранденбурге и Восточной Пруссии. Многие переселенцы оседали в годы правления Фридриха Великого (1740–1786) преимущественно в Курляндии и Силезии. Общий приток переселенцев в промежуток между 1685 и 1806 годами составил 350 тыс. человек⁸⁴. В некоторых районах мигранты составили до 20 % населения. Активно заселявшие прусские провинции Альтмарк и Хафельланд голландцы принесли с собой знания в области строительства каналов и осушения болот⁸⁵.

В то же время в XVIII веке Германия сама стала источником эмиграции в Северную Америку и Восточную и Юго-Восточную Европу⁸⁶. Во второй половине XVIII века естественный прирост населения Германии ускорился, что повлекло за собой перенаселение (особенно на юго-западе империи), поэтому значительные миграционные потоки устремились в остэльбские провинции Пруссии, балканские владения Габсбургов и Российскую империю. Внутригерманские миграции населения сказались на военном и экономическом потенциале отдельных княжеств. Если в 1748 году в Пруссии проживало 3,5 млн человек, то в 1770 году – уже 4,2 млн.

Тем не менее, несмотря на усилия правительств, привлечь значительное сельское население в города оказалось практически невозможно, большинство немецких городов оставались мелкими по европейским масштабам: Вена – немногим более 100 тыс. жителей, Гамбург и Берлин – более 60 тыс., Кёльн, Страсбург, Данциг и Бреслау – 40 тыс. человек. К 1800 году население Германии выросло до 23 млн человек, практически достигнув возможного максимума при имеющейся весьма скудной базе питания⁸⁷.

⁸⁴ North M. Vor der Atlantischen Handelsexpansion bis zu den Agrarreformen, 1450–1815 // Deutsche Wirtschaftsgeschichte. Ein Jahrtausend im Überblick / Hrsg. von Michael North. 2. Aufl. München, 2005. S. 127.

⁸⁵ Vierhaus R. Deutschland im Zeitalter des Absolutismus (1648–1763). Göttingen, 1984. S. 28–29.

⁸⁶ К 1750 году в английских колониях Северной Америки проживало уже около 100 тыс. немцев.

⁸⁷ Vierhaus R. Op. cit. S. 30.

2.2. Сельское хозяйство

На развитие сельского хозяйства долгое время влияли последствия Тридцатилетней войны. Брошенные земельные наделы не возделывались и в начале XVIII века, так как для этого отсутствовали экономические стимулы: низкие цены на продовольствие, высокая цена рабочей силы и высокие налоги сдерживали активность землевладельцев. В результате дефицита рабочей силы объемы крестьянского труда в пользу сеньоров увеличились. В XVIII веке окончательно закрепились две основные формы земельных отношений между крестьянами и землевладельцами.

В Восточной Германии в условиях роста спроса на продовольствие на европейских рынках помещики продолжили захват крестьянских земель. В результате крестьяне были прикреплены к земле и обязаны нести барщину в пользу помещика (в отечественной историографии этот процесс получил название «второе издание крепостничества»). Главной отраслью хозяйства было производство зерновых, скотоводство играло подчиненную роль, только на плохих землях держали большие стада овец. В Восточной Пруссии помещики обладали правом первоочередного найма на работы всех свободных людей, проживавших в их владениях. Кроме барщины крестьяне были обязаны выплачивать землевладельцу оброк, состоявший из определенного количества зерна, продуктов животноводства, денег и традиционных феодальных поборов. Нередко эти сборы достигали одной трети валового урожая. Тем не менее, сельское хозяйство в восточных районах страны (при среднем качестве земли и состоянии сельскохозяйственной техники, но при хорошей организации труда) давало рыночную продукцию в достаточных объемах и приносило неплохие доходы.

В Западной Германии, как уже указывалось, землевладельцы в основном не вели собственное хозяйство, а жили на ренту и налоги с крестьян (так называемое *сеньориальное хозяйство*)⁸⁸. В северо-западных областях еще в XVII веке была введена неделимость крестьянского двора (майорат), что способствовало сохранению дееспособных хозяйств, но выталкивало всех, кто не получил наследства, в города – они пополняли ряды наемных работников, ремесленников и нищих. В западных, центральных и южных землях Германии личное прикрепление крестьян к земле ослабело, крестьянские дворы (гуфы) стали практически наследственными. Земельная рента была достаточно высокой, но фиксированной, и землевладельцы не могли ее произвольно повышать.

⁸⁸ Подробнее см. также: Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы. 9 изд. Т. 1–2. Челябинск, 2004. Т. 2. С. 91 и далее.

В большинстве районов Германии господствующей оставалась трехпольная система земледелия, хотя в ряде областей в XVIII веке стали применять уже многопольные севообороты или внедрять однопольную систему с интенсивным удобрением почвы. На неплодородных землях стало практиковаться травосеяние и интенсивное выгонное животноводство. Резко выросло производство различных плодовых и овощных культур, особенно в окрестностях городов. Стали внедряться в производство стручковые, волокнистые, масличные и другие культуры. Развитие животноводства оставалось на относительно низком уровне. Лучшее всего дела обстояли вблизи городов и в районах с хорошими выгонными пастбищами. В самих городах, особенно малых, имелось собственное достаточное поголовье скота, содержавшееся внутри городских стен⁸⁹.

Заметным достижением в сельском хозяйстве стало расширение посевных площадей посредством мелиорации и осушения, окультуривания торфяников и обвалования. Особенно интенсивно эти процессы происходили в Пруссии – в районе Хафель-Одер-Пригниц, а также в Баварии – в заболоченных прибрежных областях Дуная. Более качественному использованию земли способствовали как раздел части сельских общинных участков, так и объединение крестьянских наделов в единое целое вместо ранее практиковавшейся чересполосицы. Этот процесс начался по инициативе крестьян и был затем поддержан правителями. Монархи поощряли расселение в запустевшие и вновь осваиваемые места поселенцев-колонистов, которым предоставлялись разнообразные, в том числе налоговые льготы. Для подъема животноводства стали внедряться корнеплоды и фуражные культуры, а со второй половины XVIII века – картофель. К концу столетия развитие овцеводства стало предпосылкой для производства шерстяных тканей. В итоге за XVIII век посевные площади выросли на 60 %, урожайность на единицу обрабатываемых земель увеличилась на 20 %⁹⁰. Между тем, поскольку рост численности населения и спрос на продукты заметно опережали их производство, в питании населения значительного улучшения не произошло. Главным препятствием на пути интенсивного развития сельского хозяйства выступала сохранявшаяся феодальная система.

⁸⁹ История Германии: Учебное пособие для студентов: в 3 т. Т. 1. С древнейших времен до создания Германской империи / Под общ. ред. Б. Бонвеча и Ю. В. Галактионова. Кемерово, 2005. С. 294 и далее.

⁹⁰ *Vierhaus R. Op. cit. S. 35–36.*

2.3. Ремесло и мануфактуры

Ремесло и торговля во второй половине XVII – XVIII веках развивались быстрее, чем сельское хозяйство. В промышленном производстве предпочтение отдавалось продукции, которая пользовалась растущим спросом как на внутреннем, так и на внешнем рынке, особенно предметам роскоши (фарфор, ковры, шелк). По причине нехватки собственных кадров и технологий для производства приглашались квалифицированные мастера из-за рубежа. Государственная политика была направлена на развитие не только традиционных ремесел, но и новых, удовлетворявших потребности абсолютистских дворов, дворянства и внешних рынков. Для этого использовались такие стимулирующие меры, как помощь монархов при создании предприятий, освобождение от налогов в первые годы, привилегии при сбыте продукции. Эпоха абсолютизма с его пышными ритуалами и празднествами, утонченными вкусами и модами, роскошными резиденциями монархов и придворных вельмож (здесь немцы подражали французам) привели к формированию устойчивого спроса на предметы роскоши внутри немецких княжеств. Соответствующая продукция стала производиться в столицах княжеств, причем нередко уже на мануфактурах.

В то же время сохранившаяся со времен Средневековья цеховая организация производства под влиянием затянувшейся экономической стагнации стремилась к всё большей замкнутости: ограничивалось число мастеров, запрещалась конкуренция между ними, не допускалось применение любых предпринимательских или технических новшеств. Места мастеров стали фактически наследственными, что вызывало массовое недовольство, а иногда и восстания подмастерьев. Это заставило правительство Священной Римской империи в 1731 году принять Ремесленный устав, который облегчил доступ подмастерьев к полноправному членству в цехах. Кроме того, был установлен режим наибольшего благоприятствования для сельских ремесел, организовывался сбыт их продукции и поставки сырья, формировались условия для создания мануфактур.

И всё же цехи были нужны абсолютистским режимам для поддержания порядка в сфере производства. Ликвидация цехового строя и переход к свободной конкуренции были еще невозможны ввиду ограниченных экономических условий того времени: недостатка оборотных капиталов у ремесленников для наращивания производства, нехватки денег у правительств для полномасштабного развития мануфактур. В Пруссии из-за фискальных условий мобильность ремесленников была значительно ограничена: различное налогообложение города и деревни вынуждало

сельских ремесленников, не состоявших в цехах, концентрироваться только на нескольких видах промыслов.

Между тем, развитие мануфактур, пусть и медленно, но шло. Рост потребности населения в тканях способствовал развитию мануфактурного производства именно в текстильной отрасли. Сначала появился слой предпринимателей, снабжавших домашних производителей сырьем и материалами, а затем и организовывавших сбыт произведенной продукции. Наибольшее распространение эта форма мануфактуры (ферлаг) получила в хлопчатобумажном, шерстяном и шелковом производстве. В XVIII веке центр производства хлопчатобумажных тканей переместился из Швабии в Саксонию. Сырье доставляли с Балкан, из Леванта и Западной Индии. Шерстяное и шелковое ткачество сосредоточивалось в Восточной и Центральной Германии, главным образом в городах и в их сельской округе.

Как уже отмечалось, ферлагсистема являлась немецкой ранней формой смешанной мануфактуры. Купцы вступали в контакт с мелкими производителями ткани; производство оставалось децентрализованным, в то время как сбыт, а часто и снабжение сырьем, как и дальнейшая обработка тканей (беление, окраска, набойка) были централизованы. Доминировал в этой системе торговый капитал. Данная система позволила продвинуть продукцию домашнего ремесла на отдаленные рынки и, по сути, уберечь значительные группы ремесленников от разорения. В некоторых случаях купцы сами организовывали ремесленное производство, обеспечивали его ткацкими станами, покупали готовую продукцию по фиксированным ценам. Однако зачастую они лишь брали готовую продукцию для дальнейшего распространения и получали за это определенный процент. К концу XVIII века продукция, произведенная в рамках этой системы, составляла 43,1 % общей массы продукции ремесла (на долю традиционных цехов приходилось чуть больше – 46,9 %). Из них 41 % поставляли текстильные предприятия, остальные 2 % приходились на обработку металлов, дерева и бумажное производство⁹¹.

Только 7 % всей продукции давали *смешанные и централизованные мануфактуры*, которые стали заметным явлением именно в XVIII веке. Мануфактуры, как правило, возникали при появлении новых видов промыслов (производство шелка, предметов роскоши и т. д.). Так, на Лейенской мануфактуре в Крефельде в 1763 году трудилось 2800 человек. Характерным для них было максимальное разделение производственных операций и использование труда как квалифицированных, так и необученных рабочих, а также женщин и детей. Нередко к работам на мануфактурах принуждались обитатели сиротских, работных или арестных

⁹¹ *Vierhaus R. Op. cit. S. 40.*

домов, ночлежек. Неудивительно поэтому, что качество произведенной на подобных мануфактурах продукции было низким. Другими причинами сложности организации и недолговечности существования мануфактур были: неправильный расчет производственных возможностей, недостаток финансирования, низкий уровень предпринимательских и технических знаний владельцев, среди которых нередко встречались и настоящие мошенники.

Некоторые мануфактуры основывались монархами и князьями, но чаще всего – частными предпринимателями, а в последней трети XVIII века – первыми акционерными обществами. Успешнее всего функционировали смешанные текстильные мануфактуры. Некоторые из них объединяли до трех-четырёх тысяч прядильщиков и ткачей. Особой известностью пользовалась шерстяная мануфактура в Линце, основанная частным предпринимателем, а в 1754 году перешедшая в руки государства, на которой трудилось свыше 1 тыс. мастеров ткацкого дела, почти 4 тыс. их помощников и около 30 тыс. прядильщиков и обработчиков шерсти, большинство из которых проживало в Богемии (современной Чехии)⁹². Крупным центром текстильного производства стал также Берлин, где частные и государственные мануфактуры работали бок о бок. Основанный в начале XVIII столетия *Королевский Лагерхауз* получил известность в качестве одной из крупнейших децентрализованных мануфактур по производству униформы, превратившись впоследствии также в важного поставщика шерстяного сукна⁹³. В 1710 году была основана первая в Европе фарфоровая мануфактура в Мейсене, за ней последовали аналогичные предприятия и в других городах. Были организованы мануфактуры по переработке табака, производству сахара, пивоварни.

Сделать какие-либо общие выводы об успешности и рентабельности мануфактур практически невозможно: одни частные предприятия были очень успешны, другие – обанкротились. Доход от централизованных мануфактур был ниже, чем от оптовой торговли или ферлагсистемы. За необходимым капиталом зачастую приходилось обращаться к государству или банкирам. Первые акционерные общества стали создаваться в Германии только в последней трети XVIII века. Несмотря на незначительную долю в общем объеме производства, именно мануфактуры стали предшественниками фабричного промышленного производства, при котором наемные работники не являются собственниками средств производства. Мануфактуры роднила с фабриками и структура оплаты труда: наряду с высокооплачиваемыми специалистами выделялась незначи-

⁹² Ibid. S. 41.

⁹³ North M. Op. cit. S. 153.

тельная группа работников со средним заработком и огромное число низкооплачиваемых рабочих, особенно низко оплачивался труд женщин и детей.

2.4. Торговля и банковское дело

Депрессивная фаза в развитии немецкой экономики, вызванная Тридцатилетней войной и ее последствиями, была в целом преодолена к началу XVIII века. Огромную роль в преодолении кризиса и в восстановлении хозяйства сыграла экономическая политика отдельных немецких государств. Ее теоретической базой был *меркантилизм* – учение о государственном экономическом управлении, главным предметом которого считалось совершенствование экономических структур для повышения государственных доходов. Действенными средствами такого повышения считались увеличение занятого в производстве населения, рост промышленной продукции и внешняя торговля. Деньги, благодаря активному торговому балансу (превышению экспорта над импортом), должны были оставаться в стране и способствовать росту ее благосостояния. Поскольку проводить такую политику на всей территории Священной Римской империи из-за внутренних таможенных границ было невозможно, она осуществлялась лишь в отдельных немецких государствах. Поэтому в Германии меркантилизм приобрел особые черты и вылился в своеобразный немецкий вариант, именуемый *камерализмом*⁹⁴. Его специфическими чертами можно считать: большее внимание к увеличению численности населения и созданию собственных мануфактур; протекционизм, выражавшийся в запрете на ввоз иностранных товаров, имеющих местные аналоги, и запрете на экспорт сырья; контроль качества производимой продукции и использование принудительного труда. Классическим примером камерализма XVIII века можно считать королевство Пруссия: здесь экономика была поставлена на службу укрепляющейся государственной власти, милитаризации страны и «социальному дисциплинированию» населения, но одновременно эта политика подготовила и переход к индустриальному обществу⁹⁵.

В XVIII веке внешняя торговля достигла относительных успехов, хотя камералистско-меркантилистская экономическая политика с ее

⁹⁴ *Vierhaus R.* Op. cit. S. 46.

⁹⁵ Подробнее см., например: *Justi J. H. G. von.* Grundsätze der Policey-Wissenschaft. Göttingen, 1756 (переиздание: Düsseldorf, 1993. §7); *Schmidt K.-H.* Merkantilismus, Kameralismus, Physiokratie // *Issing O.* (Hg.). Geschichte der Nationalökonomie, München, 1994. S. 37ff.; *Blaich F.* Die Epoche des Merkantilismus. Wiesbaden, 1973.

стремлением к автаркии являлась для нее своего рода препятствием. На динамике и объемах торговли сказывались, с одной стороны, рост населения, потребность в сырье и материалах, что вызывало стремление к выходу на международные рынки; с другой – низкие цены на зерно и низкие заработки, которые делали конкурентоспособной немецкую текстильную промышленность. Самыми важными центрами торговли были Лейпциг с его ярмаркой, ориентированной на восток Европы, и Гамбург как центр морской торговли, ориентированный прежде всего на Англию, Испанию и Францию. Через Бремен и нидерландские гавани Германия вывозила лен и аграрную продукцию, а ввозила табак, сахар, ткани и другие товары. Лов и переработка рыбы, а также азиатская торговля сосредоточивались в Эмдене, в устье реки Эмс. В торговле на Балтике, где важное место принадлежало зерну, доминировал Любек. Другие гавани в основном были центрами импорта. Морская торговля велась купеческими компаниями, как немецкими, так и, главным образом, голландскими. Попытки отдельных немецких правителей основать свои колонии в Африке и Азии закончились провалом, поэтому к концу XVIII века Германия оставалась страной, ориентированной на внутренний рынок, и участвовала в заокеанской торговле только через посредников.

Внутренняя торговля в XVIII веке значительно оживилась. Это было связано не только с ростом спроса на продовольствие и предметы роскоши, но и с появлением новых удобных средств передвижения – рек и связывающих их между собой каналов. С конца XVII века по примеру Франции в Германии началось интенсивное *строительство каналов*, которое продвинуло вперед экономику многих территориальных государств, особенно Пруссии, где была сооружена целая система водных транспортных артерий, связывающих Бранденбург, Чехию и Силезию с Эльбой, Одером и Вислой, а через них – с побережьем Северного и Балтийского морей. Это позволило Пруссии, с одной стороны, взять под свой контроль все торговые пути, соединявшие княжества Центральной и Южной Германии с государствами Северной Европы, а с другой стороны, получить прямой путь в Атлантический океан, минуя датские проливы Большой и Малый Бельт, то есть без уплаты *зундской пошлины*⁹⁶. Сухопутные дороги в то время практически не развивались и находились в плохом состоянии. Однако не только неразвитые пути сообщения, но и огромное количество таможенных границ, отсутствие единой денежной системы, существенные различия в оплате труда и ценах препятствовали складыванию единого германского рынка.

⁹⁶ Пошлина, взимаемая Данией в XV–XIX веках за проход иностранных судов черед пролив Эресунн (нем. *Sund*), соединяющий Северное и Балтийское моря.

С начала XVIII века банки стали важнейшим инструментом покрытия потребности в капиталах как государств, так и частных предпринимателей. К концу века в Германии уже имелись эмиссионные и депозитные банки, кредитные учреждения для сельского хозяйства, кассы помощи для низших слоев населения. Развивалось страховое и вексельное дело. Крупнейшим германским финансовым центром становится Франкфурт на Майне. В Южной Германии в банковской сфере в первой половине XVIII века лидировал Аугсбург, но во второй половине столетия его потеснила Вена. На севере Германии выделялись Берлин, Гамбург, Кёльн, Лейпциг, Бреслау, Кассель. Банкирские дома участвовали в организации торговли и производства, выдавали ссуды монархам, зарабатывали на войнах. Особое явление представляли собой еврейские *финансовые придворные конторы* – небольшая группа семей, пользовавшихся монаршими милостями и финансирувавших крупные и малые династии века абсолютизма: Самуил Оппенгеймер и Самсон Вертгеймер в Вене, Йозеф Зюсс Оппенгеймер в Вюртемберге, Файтель Гейне Эфраим и Даниэль Итциг в Берлине, Ротшильды во Франкфурте на Майне⁹⁷.

В целом к концу XVIII века Германия испытывала уже не столь острый дефицит рабочей силы и капиталов. И хотя частное предпринимательство формировалось медленно, были созданы необходимые предпосылки для последующего индустриального развития, которое сдерживалось низким уровнем доходов и спросом на товары, соответствующим феодальной эпохе.

2.5. Политическое развитие германских земель в 1648–1815 годах

XVIII век принято считать веком абсолютизма. Однако в Германии император и князья в большинстве случаев не обладали монопольной властью. Их самовластие ограничивалось органами сословного представительства: рейхстагом – на имперском уровне, ландтагами и другими учреждениями – в отдельных княжествах. Ландтаги всегда выступали против притязаний монархов на абсолютную власть. В большинстве княжеств Германии существовала такая форма абсолютизма, при которой государь признавался носителем высшей законодательной, исполнительной и судебной власти, но в пределах полномочий, предоставленных ему сословным представительством. Он не мог превысить свои прерогативы без согласия сословий, и обязан был соблюдать законные права подданных.

Вестфальский мир 1648 года существенно изменил политическую ситуацию в Священной Римской империи. Формально в империи сохра-

⁹⁷ *Vierhaus R. Op. cit. S. 44–45.*

нялась прежняя вассальная структура. Избранный курфюрстами император представлял империю на внешней арене. Он обладал рядом неотъемлемых прав: 1) рейхстаг превратился в постоянно действующий орган, но император обладал правом абсолютного вето на все принимаемые им законы; 2) император оставался обладателем высшей судебной власти в империи и сохранял право помилования; 3) он имел право присвоения имперских титулов, назначения членов имперских судов, нотариусов, дарования привилегий.

В то же время император не мог использовать свои сеньориальные права для усиления собственной власти, ибо он не мог воспрепятствовать передаче земельных владений (ленов) по наследству, завладеть вакантным ленным поместьем, по своему усмотрению решить вопрос о передаче лена другому лицу. Император не обладал правом принуждения к соблюдению имперских законов. В то время как власть в территориальных государствах (за исключением духовных княжеств) была наследственной, титул и пост императора можно было получить лишь в результате выборов. Выборы осуществлялись курфюрстами только после подписания претендентом Избирательной капитуляции.

Немецкие правители получили благодаря Вестфальскому мирному договору *«территориальный суверенитет»*: право на заключение союзов с другими государствами на международной арене и участие в управлении империей, которое обеспечивалось правом голоса в рейхстаге, — внутри Германии. Компетенция княжеской власти распространялась на юстицию, полицию и религию. В период абсолютизма получили распространение новые представления о сущности государства и его функциях: если ранее считалось, что власть имеет только право обеспечения мира, то теперь к этой задаче добавилась забота о благе подданных (*«хорошее управление»*). К XVIII веку изменилось и представление о роли в государстве самого князя: с позиций теории естественного права и общественного договора он признается обладающим властью от лица и по поручению подданных.

Тридцатилетняя война и ее последствия способствовали усилению централизованного государственного аппарата. Территориальный суверенитет князей требовал изыскания средств на содержание администрации и создание собственных вооруженных сил. Источник был один — увеличение налогов со своих подданных. Но для этого надо было сделать их платежеспособными, что и стало одной из целей государства. Поэтому крупные княжества не только планомерно вводили новые налоги и превращали чрезвычайные сборы в постоянные, но и поощряли создание мануфактур, развитие земледелия, ремесла и торговли.

Окончание войны за испанское наследство (1701–1714) знаменовало превращение Австрии в одну из великих европейских держав. В то же время эта война изменила и ее положение в Священной Римской империи: желание сплотить подвластные народы под своим скипетром всё чаще заставляло императора жертвовать интересами империи, интересы самих Габсбургов всё чаще входили в противоречие с интересами других германских правителей, многие из которых заняли позицию, угрожавшую империи распадом.

По итогам Северной войны (1700–1721) значительно усилилось королевство Пруссия, которое получило от Швеции Штеттин и Переднюю Померанию. Фактически оно превратилось в одну из пяти великих европейских держав, а в Германии – в альтернативный Австрии центр силы (эту ситуацию исследователи называют «австро-прусским дуализмом»).

Пруссский король Фридрих Вильгельм I (1713–1740) стал объединять разбросанные по всей Германии части своих владений, присоединяя сопредельные княжества путем покупки, захватов или династических браков. При нем в Пруссии постепенно происходит милитаризация экономики. Большая часть налогов и поступлений от экспорта хлеба (всего 85 % бюджета) теперь шла на содержание армии и строительство крепостей. Пруссия, занимая в Европе 10-е место по территории и 13-е место по населению, получила 4-ю по численности армию (за годы правления короля она выросла с 39 до 76 тыс. человек, то есть почти в два раза)⁹⁸. Сменивший отца на троне Фридрих II Великий (1740–1786) решил использовать накопленные силы для крупных захватов в Европе. Целью нового монарха стало установление господства над Германией и соединение территорий Пруссии и Бранденбурга за счет польских земель. В ходе двух Силезских войн (1740–1742 и 1744–1745) была разбита Австрия, к Пруссии была присоединена важная в экономическом и стратегическом отношении провинция Силезия (территория 35 тыс. км², население 1,1 млн человек)⁹⁹. В ходе Семилетней войны (1756–1763) Фридриху II удалось удержать ее за собой. В 1772 году при поддержке Австрии и России был осуществлен первый раздел Польши, в результате которого Пруссия соединила свои владения в Поморье. По итогам второго (1793) и третьего (1795) разделов пруссаками были захвачены исконно польские земли вместе с бывшей столицей Варшавой.

⁹⁸ Baumgart P. Friedrich Wilhelm I. (1713–1740) // *Kroll F.-L.* (Hg.). *Preußens Herrscher. Von den ersten Hohenzollern bis Wilhelm II.* München, 2006. S. 142.

⁹⁹ Kunisch J. Friedrich II., der Große (1740–1786) // *Kroll F.-L.* (Hg.). *Preußens Herrscher.* S. 168.

2.6. Наполеоновские войны и аграрные реформы начала XIX века

Возникновение в 1789 году нового революционного государства – Франции, обладавшего значительными внешнеполитическими амбициями, угрожало феодально-абсолютистским режимам всей Европы. В начавшихся в 1792 году войнах антифранцузских коалиций с революционной Францией успех сопутствовал французам. В 1795 году они захватили всё левобережье Рейна и присоединили его к Франции. В 1805 году французский император Наполеон Бонапарт разгромил коалицию Австрии и России, а в 1807 году была разгромлена Пруссия, потерявшая по итогам войны половину территории с населением в 5 млн человек.

Период французской оккупации Германии (1806–1814) оказал огромное воздействие на дальнейшее социально-экономическое и политическое развитие страны. С упразднением Священной Римской империи в 1806 году германские государства, не присоединенные к Франции (кроме Австрии и Пруссии), были собраны в *Рейнский союз* – новую надгосударственную организацию германских земель, но под эгидой Франции. Согласно акту о создании Союза, он представлял собой конфедерацию государств во главе с протектором – Наполеоном. В пору своего расцвета в 1808 году он насчитывал 39 государств общей площадью 325,8 тыс. км², населением в 14,61 млн человек и численностью вооруженных сил в 119,5 тыс. солдат¹⁰⁰. Во внутренних делах государств Рейнского союза политика приближалась к французским образцам: ликвидировались сословные привилегии, феодальные права и повинности, отменялись также и политические привилегии дворянства, провозглашалась свобода предпринимательства. Система государственной власти учреждалась согласно французской модели: создавались государственный совет, государственные комиссии (аналоги министерств по соответствующим отраслям – финансов, юстиции и т. д.). Система местного самоуправления фактически была копией французской. Основой правовой системы становился Кодекс Наполеона, что означало значительную модернизацию правового порядка по сравнению с предшествующими периодами. Судебная система хоть и провозглашалась независимой от остальной власти, однако сами судьи по уголовным и гражданским делам назначались правителем, тогда как мировые судьи избирались властями департаментов. Во внешнеполитическом плане все государства-участники Рейнского союза (а также Пруссия и Австрия) должны были прекратить всякую торговлю с Великобританией и ее колониями, что

¹⁰⁰ Rudolf H. U., Oswald W. (Hg.). Taschenatlas Deutsche Geschichte. Gotha-Stuttgart, 2006. S. 124.

наносило ощутимый экономический урон некоторым из них. Результатом стала активная контрабанда британских товаров, с которой французы пытались безуспешно бороться. В целом французская политика в Германии была направлена на предотвращение конфликтов среди сохранных и увеличенных в размерах германских государств и их активную модернизацию.

Потерпев полное поражение в борьбе с Наполеоном и признав его главенство в Германии, Пруссия и Австрия приступили к модернизации своей государственной, социальной и военной системы.

Идеи о преобразовании прусского государства высказывались Генрихом Карлом фон Штейном, главным советником короля, и Карлом Августом фон Гарденбергом, министром финансов и внутренних дел. Оба реформатора выступали за скорейшую модернизацию государства: допуск представителей всех слоев общества к управлению, создание новой, хорошо отлаженной системы управления, проведение реформ.

«Октябрьский эдикт» 9 октября 1807 года (положивший начало аграрной реформе, известной как *реформа Штейна-Гарденберга*) даровал проживавшим на государственных землях крестьянам личную свободу и предоставлял право выкупа барщины при условии единовременной уплаты 25-кратного годового дохода от нее или выплаты постоянной 4-процентной ренты. Выкупив повинности, крестьяне бесплатно получали в собственность землю, которой ранее пользовались.

Куда более сложным представлялось проведение реформы по отношению к помещичьим крестьянам. Наследственные арендаторы земли сразу получили личную свободу, для пожизненных и срочных арендаторов было установлено несколько лет временно-обязанных отношений. Непростым было решение вопроса о наделении этих категорий крестьян землей. Наследственные арендаторы могли получить в собственность свой участок земли, отказавшись от 1/3 надела в пользу помещика. Пожизненные и срочные арендаторы должны были отказываться уже от половины участка. В 1816 году значительная часть срочных арендаторов была вовсе лишена земли и перешла на положение сельскохозяйственных рабочих. Одновременно с крестьянской реформой произошел раздел общинных земель, выгонов, лесов и пахотной земли¹⁰¹.

Реформа оказалась половинчатой. Немецкий крестьянин хоть получал юридическую свободу, но в вопросах земельной собственности, выкупа земли и аренды, а также в административном отношении он всё

¹⁰¹ Clark C. Preußen. Aufstieg und Niedergang, 1600–1947. München, 2006. S. 381–384.

равно зависел от помещика¹⁰². Наиболее выгодной реформа представлялась для *гроссбауэров*, поскольку позволила им не только закрепить права на выкупленную землю, но и приобретать или арендовать новые земельные участки¹⁰³. Полная отмена личной зависимости благотворно влияла на социальную ситуацию, способствуя социальной мобильности, но в то же время в крестьянской среде нарастало имущественное расслоение, что создало напряженность уже позднее¹⁰⁴.

В соответствии с эдиктом о городской реформе от 19 ноября 1808 года магистраты становились единственными органами власти в городах и прилегающих к ним округах¹⁰⁵. Документ подробно расписывал систему городского права и обязанностей магистрата перед гражданами и государством, а также обязанности государства перед магистратом, что заложило основы для формирования отлаженной системы городского самоуправления¹⁰⁶.

В административно-территориальном отношении Пруссия была разделена на провинции, районы и коммуны. Перестройке подвергся и государственный аппарат: вместо коллегий были учреждены пять министерств – военное, внутренних дел, иностранных дел, юстиции и финансов с четко расписанными структурой и полномочиями. Сами министерства делились на департаменты и секции, отвечавшие за работу по определенным вопросам. Министры были подотчетны государственному канцлеру и королю¹⁰⁷.

В Австрии вопрос о преобразованиях наталкивался на национальную составляющую: венгры и славянские народы могли поднять вопрос

¹⁰² Эдикт относительно облегчения владения и свободного пользования земельной собственностью, а также личных отношений сельских жителей (Эдикт об отмене «Наследственного подданства»), 09 октября 1807 года. Электронный ресурс. URL: <http://www.lwl.org/westfaelische-geschichte/que/normal/que4656.pdf> – Загл. с экрана. [Режим доступа – 20.02.2013].

¹⁰³ Clark C. Iron Kingdom. The rise and downfall of Prussia, 1600–1947. London, 2006. P. 328–330.

¹⁰⁴ Gray M. W. Prussia in Transition: Society and Politics under the Stein Reform Ministry of 1808 // Transactions of the American Philosophical Society, New Series. 1986. Vol. 76. No.1. P. 19–20.

¹⁰⁵ Эдикт о городской реформе. Электронный ресурс. URL: <http://www.lwl.org/westfaelische-geschichte/que/normal/que4657.pdf>. – Загл. с экрана. [Режим доступа – 20.04.2014].

¹⁰⁶ Kroll F.-L. Das geistige Preußen. Zur Ideengeschichte eines Staates. Padeborn u.a., 2001. S. 34.

¹⁰⁷ Указ об изменении устройства высших государственных органов Прусской монархии по внутренним и финансовым делам, 16 декабря 1808 года. Электронный ресурс. URL: <http://www.lwl.org/westfaelische-geschichte/que/normal/que4659.pdf>. – Загл. с экрана. [Режим доступа – 20.04.2014].

о национальной автономии, поэтому реформы носили гораздо более ограниченный характер¹⁰⁸. Вопрос о ликвидации феодальных отношений в деревне также наталкивался на национальную составляющую: в венгерских и славянских землях сохранялись разные формы помещичьего господства в деревне, хотя крестьяне формально уже со второй половины XVIII века были лично свободными¹⁰⁹. Вопрос о реформировании государственного аппарата был оставлен без решения. После поражения от Франции в 1809 году реформаторские настроения сходят на нет. Было принято болезненное решение – сохранить существующие порядки для поддержания целостности империи Габсбургов с целью использования ресурсов всех оставшихся территорий для разгрома Франции, когда для этого представится момент¹¹⁰.

§ 3. Германия в 1815–1849 годах

3.1. Социально-экономическое развитие

8 июня 1815 года был подписан Заключительный акт Венского конгресса, ознаменовавший конец эпохи революционных и наполеоновских войн в Европе. По его условиям политическая карта Германии оставалась чрезвычайно сложной. Военное и экономическое неравенство государств, сложность границ, чересполосица, противоречивые права и взаимные притязания на земли еще более усиливали общую путаницу. Желания мелких немецких князей не шли дальше сохранения статус-кво. Слишком слабые, не способные сформировать между собой прочный альянс, они считали *Германский союз*, созданный на месте бывшей Священной Римской империи, единственным гарантом защиты своих прав и интересов. Во вновь созданный Германский союз вошло 39 государств (35 монархий и 4 вольных города: Гамбург, Бремен, Любек и Франкфурт на Майне), то есть политическая раздробленность Германии сохранилась¹¹¹.

Население Германского союза в 1815 году насчитывало около 30 млн человек, к 1864 году оно выросло до 45 млн. Если к тому прибавить прусские провинции, не входившие в состав Союза, то цифры возрастут

¹⁰⁸ *Ingrao Ch.* The Habsburg monarchy 1618–1815. Cambridge, 1994. P. 234–235.

¹⁰⁹ *Костюшко И. И.* Аграрная реформа 1848 года в Австрии. М., 1993. С. 8–22.

¹¹⁰ *Angelow J.* Von Wien nach Königgratz: Die Sicherheitspolitik des Deutschen Bundes im Europäischen Gleichgewicht. 1815–1866. München, 1996. P. 236.

¹¹¹ *Rudolf H. U., Oswalt W.* (Hg.). Op. cit. S. 136.

до 32 и 50 млн человек соответственно. Это непревзойденное увеличение численности населения соответствовало общеевропейской тенденции и вошло в историю под названием «демографическая революция XIX века». Главную причину этого явления исследователи видят в повышении качества жизни (развитии санитарно-гигиенических условий, повышении качества медицинского обслуживания, улучшении питания). Особенно быстрыми темпами росло городское население, что было связано с процессом индустриализации. При этом демографический рост происходил в немецких землях крайне неравномерно: если для австрийских владений был характерен один из наиболее низких ежегодных показателей прироста населения (6,8 %, при общегерманском уровне в 8,8 %), то для прусских провинций он был одним из самых высоких (12,8 %) ¹¹². Это постепенно вело не только к демографическому, но и к экономическому и военному превосходству Пруссии в Германском союзе, способствуя количественному расширению трудовых ресурсов и призывной базы комплектования армии.

В сельском хозяйстве Германии в это время завершается эпоха средневековой агрикультуры: на смену традиционному трехполью пришло сначала «улучшенное» трехполье (когда поле, оставляемое под паром, использовалось для выращивания листовых овощей), а затем уже и современный севооборот. Посевные площади в Пруссии увеличились почти в два раза, а сбор урожая с гектара возрос на 50–60 %. Среди всех возделываемых культур на передний план вышли картофель и сахарная свекла. Развитие скотоводства заметно отставало от земледелия, но и здесь прогресс был очевиден. Переход от выпасной системы содержания скота к круглогодичному содержанию в хлеву, выведение новых высокопродуктивных пород скота привели к увеличению производства мяса ¹¹³, а также к возрастанию надоев молока в 2,5 раза (к 1864 году) ¹¹⁴.

В первой половине XIX века в Германии шел постепенный переход от аграрного к аграрно-индустриальному типу экономики. Доля занятых в сельском хозяйстве сократилась с 61,8 до 55,2 %, а в промышленности, напротив, увеличилась с 21,3 до 25 %. ВВП Германии вырос в 1,65 раза, причем доля сельского хозяйства в нем теперь составляла 46,5 %, а промышленности – 20,7 % ¹¹⁵. Особенно интенсивно промышленное произ-

¹¹² Lutz H. Die Deutschen und ihre Nation. Band 2. Zwischen Habsburg und Preußen. Deutschland 1815–1866. Berlin, 1990. S. 80–81.

¹¹³ Потребление мяса выросло с 17 кг на человека в 1800 году до 30 кг в 1870 году, хотя по-прежнему было значительно ниже современных показателей – 87 кг в год.

¹¹⁴ Lutz H. Op. cit. S. 84–86.

¹¹⁵ Ibid. S. 88–89.

водство развивалось в Пруссии, и прежде всего в Рейнской области и Силезии, где были открыты богатые месторождения угля и железной руды. Появились крупные промышленные центры: Кёльн, Крефельд, Золинген, Бохум, Эссен, Хемниц и Берлин. Ускоренному развитию промышленности в немалой степени способствовала отмена феодальных порядков и освобождение крестьян, что обеспечивало города дешевой рабочей силой.

3.2. Начало индустриальной революции

В 1820–1840-е годы в Германии начинается *индустриальная революция*¹¹⁶, то есть переход от ручного труда к машинному, от мануфактуры к фабрике и формирование двух основных социальных классов – буржуазии и наемных рабочих. Первая фаза немецкой индустриализации (до 1840-х годов) была всё еще «британской», так что на ранней стадии этот процесс затронул отрасли легкой промышленности¹¹⁷. Так, в королевстве Саксония в период с 1806 по 1813 год было основано 25 «хлопчатобумажных фабрик», а количество веретен, установленных на ткацких станах (так называемых *мюль-машинах*, приводимых в движение силой воды), к 1815 году увеличилось в 20 раз – до 256 тыс. штук. В 1809 году в бывшем бенедиктинском монастыре Святого Власия в Бадене была открыта первая прядильная фабрика и налажено механизированное прядильно-ткацкое производство¹¹⁸.

Постепенно зарождались и машиностроительные производства. Так, в 1818 году Фридрих Харкорт, сын вестфальского помещика, превратил рыцарский замок Веттер на реке Рур в машиностроительную фабрику «Механические мастерские Харкорт и Ко», положив тем самым начало индустриализации этого региона Германии. Первоначально его фабрика производила паровые машины и оборудование для газового освещения, а также холодное и огнестрельное оружие, доспехи. С 1840 года ее перепрофилировали на выпуск осей и колес для железнодорожного транспорта, а с 1850 года – стальных деталей для строительства зданий и мостов¹¹⁹. Происходило укрупнение производства в легкой промышленности: в 1837 году в Аугсбурге была основана первая круп-

¹¹⁶ В историографии начало эпохи индустриализации в Германии относится к 1815 году. См., например: *Kiesewetter H. Industrielle Revolution in Deutschland, 1815–1914. Frankfurt am Main, 1989. S. 17.*

¹¹⁷ *Ziegler D. Die Industrielle Revolution. 3. Auflage. Darmstadt, 2012. S. 13ff.*

¹¹⁸ *Kiesewetter H. Op. cit. S. 35.*

¹¹⁹ *Holst I., Fischer H. Das Ende der alten Zeit // Die Industrielle Revolution: wie Dampf, Stahl und Strom die Welt verändern. Geo-Epoche. №30. S. 22.*

ная текстильная фабрика – «Механическая хлопкопрядильная и ткацкая фабрика». Производство текстиля в Германии в 1815–1849 годах выросло с 1963 т до 15218 т (то есть в 7,75 раза), а производительность труда – с 46 кг до 253 кг на один ткацкий стан (то есть в 5,5 раз)¹²⁰.

Первая половина XIX века произвела настоящую революцию в средствах сообщения. Венский конгресс объявил важнейшие реки Германии свободными для немецкого и международного судоходства. В 1824 году по Рейну пошли первые пароходы, а уже в 1827 году было открыто регулярное пароходное сообщение между Кёльном и Майнцем, а также по Дунаю. В 1831 году был подписан международный договор о свободе судоходства на Рейне. В 1836–1845 годах по инициативе баварского короля был сооружен Людвиг-канал, соединивший между собой Майн и Дунай. 7 декабря 1835 года вступила в строй первая в Германии железная дорога между городами Нюрнберг и Фюрт. Локомотив «Адлер» преодолевал расстояние в 6 км за 9 минут – значительно быстрее, чем любая карета¹²¹. Первая важная с экономической точки зрения железная дорога была построена в 1837 году между Лейпцигом и Дрезденом, ее протяженность составила 115 км. В 1838 году были введены в эксплуатацию железнодорожные линии Берлин–Потсдам, Дюссельдорф–Эркат и Брауншвейг–Вольфенбюттель, в 1840 году – Мюнхен–Аугсбург и Мангейм–Гейдельберг, а в 1843 году – Кёльн–Аахен–Антверпен. К 1840 году общая протяженность железных дорог в Германии составила 580 км, а к 1850 году – более 7 тыс. км (за один только 1846 год было построено 1100 км железных дорог¹²², а с 1870 по 1880 год протяженность рельсовых путей увеличилась с 20 тыс. до 34 тыс. км)¹²³. Появление нового вида транспорта резко увеличило объемы и скорость перевозок пассажиров и грузов: в 1851 году скоростной поезд доставлял пассажиров из Берлина в Кёльн всего за 17 часов¹²⁴. Новые пути сообщения связали Берлин с важнейшими экономическими центрами Германии, что объединяло экономику разных регионов со столицей Пруссии. Прусское правительство способствовало строительству железных дорог и из военно-стратегических соображений – это ускорило переброску войск в случае

¹²⁰ Lutz H. Op. cit. S. 93.

¹²¹ Bischoff J. Vorwärts durch Raum und Zeit // Die Industrielle Revolution: wie Dampf, Stahl und Strom die Welt verändern. Geo-Epoche. №30. S. 57.

¹²² Borchardt K. Grundriß der deutschen Wirtschaftsgeschichte. Göttingen, 1978. S. 49.

¹²³ С 1840 по 1880 год доля всех инвестиций германской экономики, направляемых на железнодорожное строительство, увеличилась с 15 до 25%. Condrau F. Die Industrialisierung in Deutschland. Darmstadt, 2005. S. 56; Walter R. Wirtschaftsgeschichte. Vom Merkantilismus bis zur Gegenwart. 5. Aufl. Köln u.a., 2011. S. 97.

¹²⁴ Bischoff J. Op. cit. S. 67.

войны. Берлин превратился в крупнейший перевалочный и логистический центр торговли, в нем были сосредоточены предприятия обрабатывающей промышленности: машиностроение и металлообработка, текстильная и пищевая промышленность.

Строительство железных дорог вызвало рост спроса на сталь, уголь, а также древесину (до 1890 года около половины всей производимой в Германии стали использовалось на нужды железных дорог)¹²⁵, что способствовало ускоренному развитию этих отраслей. В 1811 году Фридрих Крупп основал чугунолитейный завод в Эссене, чтобы наладить производство высококачественной стали по английскому образцу. Однако спрос на сталь в Германии был тогда низким, да и ее качество оставляло желать лучшего (выплавка велась методом проб и ошибок), поэтому после своей смерти в 1826 году металлург-предприниматель оставил своему сыну Альфреду фирму с высокой задолженностью. Наследник будущей стальной империи продолжил эксперименты с выработкой более качественных сортов стали и стал искать новые рынки сбыта. Важную роль в расцвете предприятия Круппа сыграла железнодорожная лихорадка 1840-х годов, резко увеличившая спрос на металл, особенно на колеса, оси и рельсы. Именно благодаря производству компонентов для железных дорог, прежде всего бесшовных колесных бандажей, фирме Круппа удалось завоевать лидирующие позиции на мировом рынке. В 1848 году в Хемнице Иоганном Циммерманом был основан первый станкостроительный завод в Германии. Увеличение производства стали в свою очередь стимулировало дальнейший рост железнодорожного строительства, таким образом запускался в действие эффект «*прямых и обратных связей*», когда одна отрасль хозяйства приобретала характер производственного ресурса, являющегося важнейшим катализатором роста и модернизации для других секторов¹²⁶.

Железнодорожный бум привел и к увеличению производства в машиностроении. Чтобы преодолеть зависимость от Англии в локомотивах и сбить цены на них¹²⁷, многие немецкие предприниматели подклю-

¹²⁵ На строительство одного километра железной дороги в XIX веке требовалось 160 т стали.

¹²⁶ Ziegler D. Das Zeitalter der Industrialisierung, 1815–1914 // Deutsche Wirtschaftsgeschichte. S. 231–235. Концепцию «прямых и обратных связей» (*forward and backward linkages*) сформулировал американский ученый Альберт Отто Хиршман, один из исследователей теории экономического развития. Подробнее см., например: Hirschman A. O. The Strategy of Economic Development. New Haven, Conn., 1958.

¹²⁷ Покупка у британской компании Стефенсона первого немецкого локомотива «Адлер» обошлась железнодорожной компании Людвига в 14 тыс. гульденов – примерно столько же, сколько город Нюрнберг ежегодно тратил на вновь созданную систему уличного освещения. Bischoff J. Op. cit. S. 62.

лись к этому производству, перенимая технологический опыт и достижения других стран (прежде всего Англии и Бельгии). Вскоре крупнейшим машиностроительным предприятием Германии (и третьим в мире) стал завод Августа Борзига в Берлине, выпустивший в 1841–1858 годах тысячу локомотивов (на нем было занято 1100 рабочих). С 1846 года в Саксонии, а в 1850 году в Нюрнберге было налажено производство товарных вагонов (центры локомотивостроения появились также в Бадене, Вюртемберге, Ганновере и курфюршестве Гессен). Результат не замедлил сказаться: если в 1842 году из 245 курсировавших по немецким железным дорогам локомотивов только 38 (15,5 %) были сделаны в самой Германии, то уже в 1851 году из 1084 локомотивов 679 (62,6 %) были немецкого производства¹²⁸. Таким образом, уже за 1840-е годы немецкие производители локомотивов догнали англичан, и в 1850-х годах немецкие железнодорожные компании импортировали паровозы только в самом крайнем случае¹²⁹. Увеличилось и число людей, задействованных в сфере железнодорожного строительства: в 1841 году в этой отрасли было занято около 30 тыс. человек (в основном рабочими были жители соседних со строящейся магистралью деревень), в 1846 году – уже 178 тыс. человек¹³⁰. В 1840–1860-х годах железные дороги обеспечивали трудовым доходом около 5 % населения Германии, а с 1860-х годов до конца XIX века в сфере железнодорожного строительства (а также смежных отраслях-поставщиках) трудилось в общей сложности более 300 тыс. человек¹³¹.

При этом в развитии железнодорожной отрасли немецкие государства шли различными путями. Так, в 1850 году почти 80 % всех прусских железных дорог находились в частной собственности, 4 % в государственной, а остальные 16 % управлялись государством (только с 1870-х годов в Германской империи началась масштабная национализация железнодорожных сообщений), тогда как в менее крупных немецких территориальных юрисдикциях почти 2/3 всех путей принадлежали государству (монархи были заинтересованы в прокладке железнодорожной линии через их земли, поэтому поддерживали железнодорожное строительство посредством выпуска госзаймов)¹³². В целом в 1860-е годы около половины всех немецких железнодорожных линий управлялись частными компаниями, и конкурентная среда благоприятствовала быстрому

¹²⁸ Rürup R. Deutschland im 19. Jahrhundert, 1815–1871. Göttingen, 1992. S. 72–73.

¹²⁹ Ziegler D. Die Industrielle Revolution. S. 77.

¹³⁰ Bischoff J. Op. cit. S. 70.

¹³¹ Walter R. Op. cit. S. 97.

¹³² Rürup R. Op. cit. S. 75.

развитию в Германии сети железнодорожных сообщений (в отличие от Франции, где государство централизованно контролировало сооружение и эксплуатацию рельсовых путей)¹³³.

Наряду с железными дорогами Германия в первой половине XIX века стала покрываться сетью шоссе – дорог высокой провозной способности с твердым покрытием. Благодаря улучшенному качеству дорожного полотна 5 лошадей теперь могли перевезти столько же груза, сколько 15 лошадей по дорогам со старым покрытием или 25 – по неоснащенным каким-либо покрытием сухопутным маршрутам¹³⁴.

Транспортная революция имела далеко идущие социально-экономические последствия: цены на перевозки снизились на 80 %, значительно возросла социальная мобильность, для полезных ископаемых, продовольствия и товаров массового потребления открылись новые рынки сбыта¹³⁵. Постепенно складывается единый германский рынок, развивается региональная специализация: Рур и Силезия стали главными центрами металлургии и добычи угля, Берлинская агломерация – машиностроения и металлообработки, Хемниц – текстильной промышленности.

Настоящая революция произошла и в сфере *передачи информации и коммуникации*. Появление железных дорог, паровозного сообщения и шоссе, а также распространение почтовых марок стандартного типа (с 1840 года) позволили рационализировать систему доставки почты. Прогрессивным шагом была и отмена почтовой монополии дома Турн-и-Таксис, которые основали свою компанию в 1490 году, а с 1615 года были генерал-оберпочтмейстерами Священной Римской империи¹³⁶. 6 апреля 1850 года был заключен Австро-Германский почтовый союз, установивший на всей территории Германского союза единые тарифы и правила доставки корреспонденции. Мощным конкурентом почты постепенно становится телеграф. Оптический телеграф был известен еще с начала XIX века, но использовался исключительно в интересах правительств

¹³³ *Condrau F.* Op. cit. S. 56.

¹³⁴ *Lutz H.* Op. cit. S. 94. Так, в одной только Пруссии в период с 1816 по 1835 год протяженность сухопутных дорог увеличилась с 3836 до 10120 км. См.: *Hahn H.-W.* Die industrielle Revolution in Deutschland. München, 2011. S. 21.

¹³⁵ *Lutz H.* Op. cit. S. 97.

¹³⁶ В Австрии и Пруссии существовали собственные государственные почтовые службы. В период наполеоновских войн Вюртемберг, Баден и Бавария также учредили свою государственную почту. В 1815 году почтовая компания Турн-и-Таксис действовала в 21 из 39 германских государств, в основном в Южной и Центральной Германии. В 1850 году фирма была вынуждена присоединиться к Австро-Германскому почтовому союзу, что фактически означало ликвидацию ее монополии на перевозку почты в германских государствах. В 1867 году правительство Пруссии за 3 млн талеров выкупило предприятие у его владельцев.

государств. Пионером использования телеграфа в гражданских целях стала Пруссия, которая в 1832–1833 годах построила оптическую телеграфную линию Берлин–Кобленц с 61 промежуточной релейной станцией. Массовое применение электрического телеграфа началось после того, как Вернер фон Сименс и Иоганн Георг Гальске внесли усовершенствование в его конструкцию. В 1847 году была проложена первая общественная телеграфная линия между Бременом и Фегезаком. В 1848 году была построена линия между Берлином и Франкфуртом на Майне. В 1850 году был основан Германо-Австрийский телеграфный союз, приступивший к строительству линий связи вдоль железных дорог (телеграфная связь позволяла лучше координировать движение поездов). В 1851 году с прокладкой подводного кабеля было налажено телеграфное сообщение между Германией и Англией¹³⁷.

Освещая промышленный переворот со всеми сопутствовавшими ему новыми открытиями и революционными изобретениями, нельзя не обратить внимания на роль технического образования и появления всё более широкого круга лиц, увлеченных техникой и инженерным делом. Ведь многие из знаменитых инженеров и предпринимателей были выпускниками технических профессиональных школ и высших учебных заведений, открывшихся в Германии еще на заре индустриальной эры. Так, в 1820/21 году был основан Королевский технический институт в Берлине (под руководством Кристиана Петера Вильгельма Бойта), выпускником которого был, в частности, А. Борзиг. С 1820-х годов открываются политехнические школы: в Карлсруэ (1825), Дармштадте (1826), Мюнхене (1827), Дрездене (1827), Штутгарте (1829), Ганновере (1831), Брауншвейге (1862), Аахене (1870) и Данциге (1904), большинство из которых к концу XIX века были преобразованы в технические вузы. Наряду с этим в Германии имелись многочисленные профессиональные учебные заведения, к обучению в которых допускались молодые люди в возрасте от 15 до 17 лет (от 2 до 6 часов в неделю), а также специализированные школы: строительные (в Мюнхене, Хольцминдене и др., число которых к 1914 году достигло более 50), текстильные (в Эльберфельде, Берлине, Мюльхайме, Крефельде и др.), по обучению часовому мастерству (в Бадене, Саксонии). Все это свидетельствует о большом разнообразии созданных в Германии учебных заведений, занимавшихся подготовкой будущих специалистов самого различного технического профиля¹³⁸.

¹³⁷ Lutz H. Op. cit. S. 98.

¹³⁸ Henning F.-W. Die Industrialisierung in Deutschland 1800 bis 1914. 7. Aufl. Paderborn u.a., 1989. S. 120.

Существенную роль в процессе экономической интеграции германских территорий сыграло создание таможенных союзов. Многочисленность таможен и сложность тарифов парализовали германскую торговлю; из-за «чересполосицы» немецких земель, когда при прохождении каждой границы заново взимались таможенные пошлины, стоимость товара возрастала в несколько раз¹³⁹. Для того чтобы преодолеть эту ситуацию, в Пруссии в 1818 году были ликвидированы все внутренние таможи и введены крайне умеренные пошлины на ввозимые товары, которые взимались на границе по очень простому тарифу: иностранные мануфактурные товары облагались пошлиной в 10 %, транзитные и колониальные товары – более высокой (около 20 %, а иногда и до 30 % от стоимости товара)¹⁴⁰. Такая система, с одной стороны, защищала отечественную промышленность, но, с другой, гарантировала, что не будут введены дальнейшие протекционистские меры¹⁴¹. Первоначально эти действия встретили протест со стороны других немецких государств: Пруссию обвиняли в том, что она противодействует общему таможенному объединению, особенно недовольны были те князья, чьи владения целиком или отчасти лежали в пределах прусских владений. Однако вскоре все осознали выгоду сотрудничества с Пруссией. В 1819 году князь Шварцбург-Зондерхаузен, чьи владения были вкраплены в прусскую территорию, заключил с Пруссией таможенный союз; за ним последовал ряд других мелких князей. В 1828 году был образован единый *Прусский таможенный союз*, в который вошли практически все немецкие княжества, отделившиеся друг от друга прусские земли. Союз был заключен на шестилетний срок. Вошедшие в него княжества приняли прусский таможенный тариф (изменить его можно было лишь с общего согласия), а сами таможенные пошлины должны были собираться только на внешних границах союза и распределяться между государствами соразмерно численности населения; при этом каждое из договаривающихся государств сохраняло свою таможенную администрацию. Договор был заключен на началах формального равенства, но сулил наибольшие выгоды Пруссии: благодаря абсолютному превосходству в численности населения она получала максимальные доходы от таможенных пошлин, кроме того, благодаря Союзу, она объединила свою территорию в единое экономическое целое. Этот альянс стал образцом для всех последующих подобных объединений.

¹³⁹ В одних только старых прусских провинциях к востоку от Эльбы существовало до 57 различных акцизных и таможенных тарифов. См.: *Kiesewetter H.* Op. cit. S. 39.

¹⁴⁰ *Henning F.-W.* Op. cit. S. 88.

¹⁴¹ *Lutz H.* Op. cit. S. 92.

Идея таможенного союза оказалась притягательной и для других германских государств. Так, еще в 1824 году Вюртемберг и Гогенцоллерн, а также Баден и Гессен-Нассау образовали собственные таможенные союзы; в 1828 году за ними последовали Вюртемберг, Гогенцоллерн и Бавария. В 1828–1831 годах существовал Центральногерманский торговый союз, объединявший Саксонию, Кургессен, Брауншвейг, Ольденбург, Ганновер, Бремен, Франкфурт на Майне и ряд мелких государств Тюрингии. Наконец, в 1834 году под эгидой Пруссии удалось создать *Германский таможенный союз* из 18 государств, в который из крупных германских государств не вошли только Баден (он присоединился в следующем году), Люксембург (который стал членом объединения в 1842 году) и Ганновер (он вошел в альянс в 1857 году), а также Шлезвиг-Гольштейн, Мекленбург-Штрелиц и Мекленбург-Шверин (ставших членами союза в 1867 году). В 1871 году в союз была включена завоеванная у Франции провинция Эльзас-Лотарингия, последними в 1888 году свои таможенные границы открыли три вольных ганзейских города – Любек, Гамбург и Бремен (за исключением части территории их гаваней, имевших статус порто-франко). Члены союза договорились проводить совместную таможенную политику, уничтожить внутренние таможи и пошлины. Это был крупный шаг в деле экономического объединения Германии, влияние Австрии в государствах-членах союза было подорвано. По своему экономическому потенциалу Германский таможенный союз намного превосходил Австрию: по производству продукции на душу населения он в 1,67 раза превосходил ее в сельском хозяйстве, в 4,2 раза – в ремесле, в 2 раза – в промышленности и по экономике в целом. Еще сильнее выглядел контраст по применению современной техники в производстве. Так, в 1841 году в Австрии использовалось 223 паровых машины общей мощностью в 2798 л. с., в том числе 49 % – в текстильной промышленности и 24,3 % – в горной промышленности и металлургии. В Пруссии же было задействовано 608 паровых машин общей мощностью в 11641 л. с., из них в текстильной промышленности – 21,3 %, а в горной промышленности и металлургии – 64,1 %¹⁴².

Несмотря на очевидные экономические успехи, уровень жизни большинства населения Германии в первой половине XIX века оставался довольно низким. Города переполнялись разорившимися ремесленниками и крестьянами, ушедшими из деревни под давлением нужды и нищеты. Во второй трети XIX века в связи с неурожаем картофеля и сильным голодом резко возросла эмиграция: в 1834–1846 годах ежегодно уезжало примерно по 20 тыс. человек, а в самые кризисные 1846–1847 годы уже

¹⁴² Lutz H. Op. cit. S. 89–90.

по 100 тыс. человек. Всего за 1846–1855 годы Германию покинули 1,1 млн человек. Кроме того, средства на осуществление модернизации предприятий и закупку новой техники предприниматели изыскивали за счет усиления эксплуатации рабочих: снижалась заработная плата, удлинялся рабочий день. Особенно тяжелыми условия труда были для женщин и детей, рабочий день которых начинался в 5 часов утра и заканчивался в 9 часов вечера. Ситуация еще более обострилась в 1845–1847 годах, когда в промышленности и торговле начался мировой экономический кризис, а в сельском хозяйстве был собран очень низкий урожай.

§ 4. Германия в 1850–1900 годах

4.1. Политическое развитие Германии в 1850–1900 годах: от Германского союза к Германской империи

Ко второй половине XIX века благодаря индустриальной и демографической революции, стремительной урбанизации окончательно изменилось соотношение сил в Германии в пользу Пруссии. В 1866 году население Пруссии составило 19,3 млн человек, а в Австрии – 37,5 млн человек, в том числе доля городского населения в Пруссии – 55 %, а в Австрии – 30 %. Еще сильнее выглядел разрыв в показателях промышленности: добыча угля – 12 и 5,7 млн т, производство чугуна – 850 и 460 тыс. т, число занятых в производстве паровых машин – 15 тыс. штук (суммарная мощность 0,8 млн л. с.) и 3,4 тыс. штук (суммарная мощность 0,1 млн. л. с.), урожай зерновых – 0,8 млн т и 0,7 млн т, государственный доход – 240 млн талеров и 292 млн талеров, государственный долг – 290 млн талеров и 1670 млн талеров, военные расходы – 45 млн талеров и 51 млн талеров¹⁴³. Важные изменения произошли и в прусской политике. В 1857 году король Фридрих Вильгельм IV передал управление в руки своего брата Вильгельма, который после его смерти стал именоваться Вильгельмом I (1861–1888). 23 сентября 1862 года он назначил премьер-министром Пруссии Отто фон Бисмарка, который уже через неделю представил свою программу депутатам, заявив, что все будут смотреть не на либерализм Пруссии, а на ее силу: «Не речами и постановлениями большинства решаются главные вопросы времени – это большая ошибка 1848 и 1849 годов, а железом и кровью»¹⁴⁴. Реформировав армию и до-

¹⁴³ Lutz H. Op. cit. S. 330.

¹⁴⁴ Bismarck O. v. Die gesammelten Werke. Berlin, 1924. Bd. 10. S. 140.

ждавшись благоприятного международного момента, «железный канцлер» приступил к осуществлению своего плана по объединению Германии.

В 1864 году в ходе развернувшейся Датско-германской войны Австрия и Пруссия захватили большую часть Дании и навязали ей мирный договор, по которому Австрия получила Гольштейн, а Пруссия – Шлезвиг¹⁴⁵. 9 апреля 1866 года Бисмарк предпринял попытку реформы Германского союза, предусматривавшую исключение Австрии из Германии. Получив отказ, он оккупировал Гольштейн, в ответ Австрия объявила мобилизацию армии. 16 июня 1866 года началась Австро-прусская война. 3 июля у селения Кёниггрец (Садова) прусские войска в упорном бою разгромили главные силы австрийцев. 24 августа 1866 года в Праге был подписан мир, по условиям которого Австрия выходила из Германского союза и отказывалась от претензий на гегемонию в Германии. Союзные ей северогерманские государства включались в состав Пруссии, в результате обе половины прусских владений соединились в единое целое. Главам оставшихся после войны государств Северной и Центральной Германии было предложено образовать новый альянс под главенством Пруссии – *Северогерманский союз* (его территория насчитывала 415 тыс. км², а население – 30 млн человек). Его наследственным президентом становился король Пруссии. Из ведения государств изъяли вопросы центрального, общегосударственного значения. Особо оговорили возможность присоединения государств Южной Германии, с которыми Бисмарком были подписаны военные соглашения.

В ходе Франко-прусской войны (1870–1871) германские войска вторглись на территорию Франции и 1 сентября 1870 года вынудили войска Наполеона III капитулировать под Седаном. 18 января 1871 года в Зеркальной галерее Версальского дворца Вильгельм I был торжественно провозглашен императором Германии. По мирному договору с Францией, подписанному во Франкфурте на Майне 10 мая 1871 года, в состав Германии вошли Эльзас и Лотарингия¹⁴⁶. Победитель получил и денежную контрибуцию в размере 5 млрд франков золотом. Южная Германия вошла в состав империи, объединение страны было завершено.

¹⁴⁵ Через его территорию по инициативе О. Бисмарка сразу стали сооружать канал, который соединил Северное и Балтийское моря и получил впоследствии название Кильского.

¹⁴⁶ Эти провинции были богаты месторождениями железной руды и имели важное стратегическое значение – в них располагались 28 французских крепостей, прикрывавших путь на Париж.

16 апреля 1871 года вступила в действие Конституция *Германской империи*, состоявшей теперь из 22 монархий¹⁴⁷ и трех вольных городов (Гамбург, Любек и Бремен). Конституция закрепляла гегемонию Пруссии, население и территория которой составляли 2/3 империи: императором мог быть только прусский король, а канцлер одновременно являлся премьер-министром Пруссии¹⁴⁸. Первым канцлером Германской империи стал Отто фон Бисмарк. Его внутривластный курс был направлен на укрепление правящего режима при помощи союза крупной буржуазии и дворянства. Первоочередной задачей Бисмарка стало внутреннее сплочение вновь созданного государства и общенациональное примирение между различными слоями и классами германского общества. Те, кто не хотел интегрироваться, рассматривались как враги империи и изолировались.

Первой в эту категорию попала партия Центра, оказывавшая упорное сопротивление курсу канцлера на централизацию. За спиной партии стояли католики Южной Германии и немецкой части Польши, для которых были свойственны тенденции к сепаратизму. Поводом для конфликта стал вопрос о государственном надзоре за всеми школами и назначением священников в приходы. «*Культуркампф*», как прозвали это направление политики Бисмарка, на самом деле был нацелен на борьбу с римским папой и универсалистским характером католической церкви, самостоятельность которой канцлер стремился ликвидировать на территории Германии. В 1872 году были отменены все привилегии католического духовенства и запрещена деятельность Ордена иезуитов в Германии. В 1873–1875 годах были приняты новые антиклерикальные законы: введено назначение на церковные должности государством, ограничена власть высшего духовенства, ликвидирована церковная автономия и введена обязательная гражданская регистрация брака. Церковь не признала этих нововведений и бойкотировала их. В ответ Бисмарк производил аресты и высылал за границу непокорных священников. Несмотря ни на какие репрессии, полностью подчинить католическую церковь не удалось. Напротив, канцлер встретил мощное сопротивление и был вынужден пойти на компромисс с Ватиканом, а в 1880-е годы большая часть

¹⁴⁷ Четыре из них – Бавария, Вюртемберг, Баден и Саксония – пользовались некоторой внутренней автономией.

¹⁴⁸ С 1878 года и основные министерские посты в Германии были закреплены за соответствующими прусскими министрами.

антикатолических законов была отменена (сохранились лишь закон о регистрации брака и надзор правительства над школами)¹⁴⁹.

Потерпев неудачу в борьбе с католиками, канцлер переключился на рабочее движение. Оно попало в категорию «врагов империи» за выступление против аннексии Эльзаса и Лотарингии, солидарность с Парижской коммуной и Французской республикой, интернационализм. Во второй половине XIX века социалистическое движение охватило всю Германию и стало представлять серьезную угрозу для правящего режима. В 1875 году состоялся съезд в Готе, на котором была создана Социалистическая рабочая партия Германии¹⁵⁰. В условиях экономического кризиса, последовавшего за биржевым крахом 1873 года, популярность партии стремительно росла, на выборах в рейхстаг 1877 года социалисты получили 9,1 % голосов и 12 депутатских мандатов (для сравнения, на выборах 1871 года у них было только 3,2 % голосов и 2 мандата)¹⁵¹. 19 октября 1878 года по инициативе Бисмарка был принят закон «Об общественно опасных устремлениях социал-демократии»¹⁵², согласно которому начались репрессии против социал-демократических организаций и рабочей печати (было закрыто 45 рабочих газет из 47). Несмотря на то что закон считался временным, его действие регулярно продлевалось вплоть до 1890 года.

В то же время Бисмарк понимал, что справиться с рабочим движением одними репрессивными мерами невозможно, поэтому он стал сочетать их с социальными реформами. Изучив программу СДПГ, канцлер заявил, что правительство способно самостоятельно решить «рабочий вопрос». В 1881 году было решено развивать систему социального обеспечения, чтобы убедить рабочих в том, что государство в состоянии создать «общество социальной справедливости». В пропагандистских целях социальную политику Бисмарка называли даже «государственным социализмом». По своей сути она была направлена также на обратный результат – предотвращение распространения идей социализма в рабочем движении¹⁵³.

¹⁴⁹ *Ullrich V. Die nervöse Großmacht: Aufstieg und Untergang des deutschen Kaiserreichs 1871–1918. Frankfurt a. Main, 2006. S. 45–53.*

¹⁵⁰ В 1890 году она была переименована в Социал-демократическую партию Германии (СДПГ).

¹⁵¹ *Osterhammel J. Deutschland 1850–1880 // Das 19. Jahrhundert. Informationen zur politischen Bildung. 2012. №315. S. 57.*

¹⁵² Историки его обычно именуют «Исключительным законом против социал-демократов».

¹⁵³ *Ullrich V. Op. cit. S. 64–73.*

Можно сказать, что современная социальная политика родилась в Германии в 80-е годы XIX века вместе с социальными гарантиями Бисмарка – это был первый пример создания современной *системы социального обеспечения*. Формирование системы социального обеспечения началось в 1884 году с Закона о страховании от несчастных случаев на производстве. Данный закон вводил обязательное страхование рабочих и служащих с годовым доходом не более 2 тыс. марок и гарантировал им помощь при несчастном случае, произошедшем на рабочем месте. Размер пенсии инвалида составлял 2/3 его заработка. В случае смерти работника его семье полагалась пенсия, не превышающая 60 % зарплаты погибшего¹⁵⁴. Закон о медицинском страховании 1883 года касался рабочих и служащих, чей дневной заработок не превышал 6,6 марок. Медицинское страхование вступало в силу только в случае профессиональной болезни или серьезной производственной травмы. Финансирование медицинского страхования на 2/3 осуществлялось за счет взносов трудящихся и на 1/3 из отчислений предпринимателей. Страхование покрывало лечение, в том числе стационарное, бесплатное обеспечение лекарствами, выплату пособия с четвертого дня болезни в размере 50 % от заработка. Закон о пенсионном обеспечении пожилых рабочих и опеке над инвалидами 1889 года предусматривал обязательное страхование рабочих и служащих с годовым доходом не более в 2 тыс. марок. Этот вид страхования давал также право на получение пенсии по инвалидности и по старости (с 70 лет). В создании страхового фонда участвовали в равных долях предприниматели, рабочие и государство¹⁵⁵.

Принятые правительством Бисмарка меры не были временным мероприятием, и после отставки «железного канцлера» курс на социальные реформы был продолжен и углублен его преемниками. За 1885–1903 годы в социальное законодательство было внесено 11 дополнений. В 1885 году страхованием по болезни было охвачено 4,3 млн, в 1900 году уже 9,1 млн человек, из них членами Всеобщих больничных касс (АОК) в те же годы были 1,5 млн и 4,2 млн человек соответственно¹⁵⁶. Число застрахованных от несчастного случая в 1887 году составляло 269 тыс., в 1910 году – 6,2 млн человек. Численность имеющих страховку по старости и

¹⁵⁴ Ziemann B. Die moderne Industriegesellschaft // Das Deutsche Kaiserreich 1871–1918. Informationen zur politischen Bildung. 2016. №1. S. 36.

¹⁵⁵ Ritter G.A. Der deutsche Sozialstaat. Anfänge, historische Weichenstellungen und Entwicklungstendenzen // Rauscher A. (Hg.). Grundlagen des Sozialstaats. Köln, 1998. S. 11ff.

¹⁵⁶ Born K. E. (Hg.). Quellensammlung zur Geschichte der deutschen Sozialpolitik 1867 bis 1914: Einführungsband. Wiesbaden, 1966. S. 148–149.

инвалидности выросла с 1892 года по 1915 год с 11,7 млн до 16,8 млн человек. Началось вовлечение в эту систему и семей застрахованных¹⁵⁷.

В 1891 году в Германии был принят закон об охране труда. Он устанавливал обязательный воскресный отдых, 11-часовой рабочий день для женщин и 10-часовой для подростков, запрещал детский труд младше 13 лет. Закон учреждал арбитражные суды, формируемые из представителей государства, предпринимателей и рабочих, призванные разрешать производственные конфликты. В Пруссии удалось провести еще и налоговую реформу: был введен прогрессивный подоходный налог, который несколько облегчил положение неимущих слоев. Часть налогов передавалась при этом местному самоуправлению на решение его неотложных проблем. В 1899 году была разрешено свободное объединение профсоюзов в крупные организации. В 1900 году расширился круг лиц, подлежащих страхованию от несчастного случая, в сельских общинах вводились арбитражные суды.

Однако в краткосрочной перспективе данные меры оказались недостаточными. Сломить рабочее движение не удалось, наоборот, начавшийся экономический кризис и связанное с ним ухудшение положения трудящихся еще больше способствовали росту влияния социалистов. Были созданы подпольные органы управления партией, открыты заграничные типографии, в которых был налажен выпуск газет и журналов, затем нелегально переправлявшихся в Германию. При содействии социал-демократов окрепли профсоюзы (к 1891 году они насчитывали 278 тыс. членов). Число голосующих за социал-демократов на выборах в рейхстаг непрерывно росло: с 9,7 % в 1884 году до 10,1 % в 1887 году¹⁵⁸. Несмотря на все ухищрения правительства, изменение правил нарезки избирательных округов (городские рабочие кварталы были искусственно объединены с сельскими пригородами), на выборах 1890 года СДПГ получила 19,7 % голосов и провела в парламент 35 депутатов¹⁵⁹.

Внешнеполитический курс Германии после 1871 года также заметно изменился. После победоносного окончания Франко-прусской войны и завершения объединения Германии главными целями для немецкой дипломатии стали: 1) максимальное ослабление и внешнеполитическая изоляция Франции, с тем чтобы сделать невозможным для нее реванш за Эльзас и Лотарингию; 2) обеспечение доминирования Германии в Европе; 3) преодоление «кошмара коалиций», то есть недопущение формиро-

¹⁵⁷ История Германии. Т. 2. С. 29–30.

¹⁵⁸ Ullrich V. Op. cit. S. 73.

¹⁵⁹ Ziemann B. Politik in der Bismarck-Ära // Das Deutsche Kaiserreich 1871–1918. Informationen zur politischen Bildung. 2016. №1. S. 21.

вания в Европе какой-либо коалиции держав, направленной против Германии.

С целью обеспечения внешнеполитической изоляции Франции, Бисмарк пошел на создание в Европе коалиций, направленных против нее. В 1873 году Германия, Россия и Австро-Венгрия заключили «Союз трех императоров» (он действовал до 1884 года). Трижды (в 1873, 1875 и 1877 годах) под надуманными предлогами Бисмарк попытался развязать с французами новую войну. Смысл «военных тревог» сводился к тому, чтобы нанести удар по Франции еще до того, как она успеет подготовиться к новой войне. Однако все три раза замысел канцлера срывался из-за позиции России¹⁶⁰. В связи с этим отношения между Германией и Россией начали ухудшаться. На случай возможной войны с Россией 7 октября 1879 года был заключен секретный австро-германский союз. Против Франции был направлен и австро-германо-итальянский Тройственный союз 1882 года.

Бисмарк стал родоначальником и германской колониальной политики: в 1884 году было установлено немецкое господство над Юго-Западной Африкой (нынешней Намибией), Того и Камеруном, в 1885 году – над Восточной Африкой (нынешними Танзанией, Руандой и Бурунди), Землей кайзера Вильгельма (северо-восточной частью острова Новая Гвинея) и архипелагом Бисмарка (ныне – Новой Британией). Для управления колониями и эксплуатации их природных ресурсов в 1887 году было создано *Германское колониальное общество*¹⁶¹. Однако, боясь ухудшить отношения с ведущей колониальной державой мира Англией, канцлер всячески сдерживал колониальные амбиции немецких предпринимателей, чем вызвал их неудовольствие¹⁶². Можно сказать, что внутренняя и внешняя политика Бисмарка к концу 1880-х годов потерпела крах. Тем временем ситуация на престоле изменилась: в 1888 году¹⁶³ на трон взошел молодой и амбициозный кайзер Вильгельм II, требовавший изменения правительственного курса: большей гибкости и социальных реформ во внутренней политике и активизации германской экспансии во внешней. Престарелый канцлер казался ему помехой в реализации собственных планов. 20 марта 1890 года, после того как рейхстаг отказался в

¹⁶⁰ Ullrich V. Op. cit. S. 79–88.

¹⁶¹ Gründer H. Geschichte der deutschen Kolonien. Paderborn, 2012. S. 85–109.

¹⁶² Ullrich V. Op. cit. S. 92–99; Fröhlich M. Imperialismus: Deutsche Kolonial- und Weltpolitik 1880–1914. München, 1994. S. 31–42.

¹⁶³ Этот год получил название «год трех императоров», так как в апреле 1888 года умер Вильгельм I, через 90 дней скончался его преемник Фридрих III и на престол вступил 29-летний Вильгельм II. Kraus H.-Ch. Friedrich III. (12. März 1888 – 18. Juni 1888) // Kroll F.-L. (Hg.). Preußens Herrscher. S. 284–287.

очередной раз продлить действие закона против социал-демократов, Бисмарк был отправлен в отставку.

Во внешней политике Вильгельм II сосредоточился на решении четырех задач: активное военное и военно-морское строительство; рост влияния Германии на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке (по мысли кайзера символом усиления немецких позиций в Османской империи должно было стать строительство Багдадской железной дороги, которая соединила бы Берлин с портом Басра в Персидском заливе); раскол противостоящего Германии военно-политического блока Антанты путем достижения сепаратной договоренности либо с Россией, ибо с Англией; новые колониальные захваты.

В военную сферу при Вильгельме II были направлены колоссальные средства. Развитие армии и флота были абсолютным приоритетом для кайзера, сами военные расходы утверждались на 7 лет вперед. К 1914 году затраты на военные цели достигли рекордной суммы в 2 млрд марок ежегодно, что составляло около 50 % всей расходной части бюджета. Немецкая армия была увеличена в два раза, под патронажем адмирала Альфреда Тирпица началось строительство «флота открытого моря».

Вильгельм II продолжил захват новых колоний: в 1898 году Китаю был навязан договор об аренде на 99 лет военно-морской базы Циньдао, после завершения Испано-американской войны 1898–1899 годов у Испании за 17 млн марок были куплены Каролинские и Марианские острова, а также архипелаг Палау в Тихом океане. Тем не менее, Германия значительно уступала по размерам колониальной империи Великобритании: по территории – в 11,5 раз, а по населению – в 32 раза. Неслучайно, что устами статс-секретаря Бернхарда Бюлова она всё решительнее требовала себе «места под солнцем»¹⁶⁴.

4.2. Экономическое развитие Германии в 1850–1900 годах

Одной из главных причин, обеспечивших ускоренный рост экономики Германии во второй половине XIX века, стала окончательная ликвидация феодальных порядков в сельском хозяйстве и освобождение крестьян (в Пруссии это произошло 2 марта 1850 года). Крестьянам была предоставлена отсрочка выкупа земли на 41–56 лет, необходимость уплаты выкупных платежей вынуждала их втягиваться в капиталистические отношения, задумываться о росте производительности своего хозяйства. В немецкой деревне в 1850–1860-х годах идет процесс дифференциации: крестьяне, потерявшие в результате аграрной реформы землю, превращаются в

¹⁶⁴ Fröhlich M. Op. cit. S. 161–163.

сельскохозяйственных рабочих, кроме них выделяются мелкие и средние крестьяне, гроссбауэры, юнкеры¹⁶⁵. Рост городского населения обеспечил устойчивый спрос на продовольствие и высокий уровень цен. В сложившейся обстановке лидировали крупные хозяйства, в первую очередь производящие продовольствие на продажу и имеющие средства для внедрения современных технологий сельскохозяйственного производства и новейшей техники: в Восточной Германии – юнкерские, в Южной – гроссбауэров. В 1882 году 58 % от общего количества хозяйств были мелкими (до 2 га), но в их руках находилось лишь 6 % земельной площади. При этом крупные хозяйства (свыше 20 га) насчитывали 5,8 % от общего числа, но имели в собственности более 50 % земли¹⁶⁶. В этот период времени начинается активное внедрение удобрений и механизации труда, что позволило увеличить урожайность в два раза.

Во второй половине XIX века индустриализация в Германии вступает в свою завершающую фазу. Среднегодовые темпы экономического роста в 1850–1871 годах в 2,1 % обеспечивали показатели прироста в сельском хозяйстве на 1,2 %, в промышленности – на 3,9 %, в сфере услуг – на 1,9 %. Происходило изменение соотношения этих трех секторов: доля сельского хозяйства в ВВП снизилась с 46,5 % до 38,6 %, доля промышленности, напротив, выросла с 20,7 % до 29,9 %, а сферы услуг немного снизилась с 32,8 % до 31,4 %. Внутри самого сектора услуг также произошли существенные изменения: резко вырос вклад торговли, банков и страхования, транспорта в общий объем производства¹⁶⁷. Доля занятых в сельском хозяйстве в 1851–1871 годах снизилась с 55,2 % до 49,3 %, а в промышленности, напротив, выросла с 25 % до 28,9 %. ВВП Германии за тот же период увеличился в 1,55 раза (до 14,6 млрд марок), причем в промышленности – в 2,24 раза (до 4,4 млрд марок). ВВП на душу населения вырос на 32 %. Если в 1850 году доля Германии в мировом промышленном производстве составляла 11,4 %, то в 1871 году уже 12,6 %. Страна вышла на

¹⁶⁵ К Германии XIX века трудно применимы российские термины «малоземельные крестьяне», «середняки», «кулаки», так как размеры их земельных владений были значительно больше, чем у русских крестьян. Немецкий «юнкер» не является аналогом русского помещика, поскольку по-прежнему принадлежал к военно-служилому сословию, составляя основу офицерского корпуса Пруссии, в то время как в России манифестом «О вольности дворянской» 1762 года дворяне были освобождены от обязательной военной службы.

¹⁶⁶ Aubin H., Zorn W. (Hg.). Handbuch der deutschen Wirtschafts- und Sozialgeschichte. Bd. 2. Stuttgart, 1971–1976. S. 512.

¹⁶⁷ Так, доля транспорта в ВВП за 1850–1871 годы выросла с 53 до 292 млн марок, то есть в 5,5 раза; доля горной промышленности за тот же период увеличилась с 63 до 284 млн марок, то есть 4,5 раза. При этом доля этих передовых отраслей в сфере услуг и промышленности составляла всего 6%. Rürup R. Op. cit. S. 66.

третье место в мире по объему промышленного производства, уступая только Великобритании и США¹⁶⁸.

К 1873 году общая протяженность железнодорожной сети в Германии насчитывала уже более 24 тыс. км, быстрыми темпами развиваются угольная, сталелитейная, металлообрабатывающая промышленность, машиностроение. В 1875 году железнодорожные общества составляли 72 % от всех основанных в Пруссии акционерных обществ, а доля производственных обществ составляла всего 15 %. Из 94 промышленных акционерных обществ, основанных в 1850–1857 годах в Пруссии, 59 действовали в сфере горнодобывающей промышленности и металлургии, из них 66 были основаны в Рурской области, что предопределило ее доминирование в промышленности Германии в целом¹⁶⁹. Немецкая горная промышленность была практически монополизирована Пруссией (Рурская и Саарская область, Верхняя Силезия): доля Пруссии в добыче каменного угля до 1870 года составляла 80–90 %, в добыче железной руды – 55–70 %¹⁷⁰.

Развитие машиностроения и строительство железных дорог способствовали ускоренному росту других отраслей. Особенно быстрыми темпами создавалась военная промышленность. «Пушечными королями» Германии стали заводы А. Круппа в Эссене. В 1851 году на Всемирной выставке в Лондоне Крупп представил свою 6-фунтовую стальную пушку. В мае 1859 года он получил первый крупный заказ на производство артиллерийских орудий, в течение года доля военной продукции в общем объеме производства его предприятия достигла половины.

В 1850–1870-е годы активно развивалась банковская сфера. В 1853 году в Дармштадте был создан Банк ремесла и промышленности, в 1856 году в Берлине появилось Дисконтное общество. В 1858 году в Вене основывается Австрийское кредитное учреждение для ремесел и производства. В ходе «*учредительской горячки*» 1870–1873 годов на территории Германии появилось 107 новых акционерных банков, правда, 73 из них были ликвидированы до конца 1879 года. К числу самых успешных банков, созданных в этот период, относятся Дойче банк (1870) и Дрезденер банк (1872)¹⁷¹.

Индустриальная революция способствовала дальнейшему расслоению общества, в нем выделяются новые социальные группы: крупная буржуазия, финансисты, инженеры-предприниматели, получающие до-

¹⁶⁸ Lutz H. Op. cit. S. 88–89; Rürup R. Op. cit. S. 66.

¹⁶⁹ Rürup R. Op. cit. S. 68–69.

¹⁷⁰ Ibid. S. 77.

¹⁷¹ Ibid. S. 69.

ходы от продажи своих изобретений¹⁷². Стремительная индустриализация Германии привела к росту численности рабочего класса, который пополнялся за счет разорившихся крестьян и ремесленников. С 1860-х годов положение рабочих заметно улучшилось: применение нового оборудования требовало более высокой квалификации рабочих; с повышением производительности труда увеличивались и заработные платы и сокращалась продолжительность рабочего дня. Некоторые немецкие предприниматели уже в это время начинают заботиться о своих рабочих.

Так, А. Крупп в связи с неуклонным расширением производства вел активный наем персонала на свою фабрику, но вскоре столкнулся с серьезной проблемой: в Эссене было недостаточно квартир для расселения рабочих и не имелось достаточно капитала для крупномасштабного жилищного строительства¹⁷³. Нехватка жилья стала препятствовать дальнейшему росту предприятия, поэтому с 1856 года А. Крупп начал возводить жилье для своих рабочих за счет фирмы. В результате был построен целый фабричный поселок, газ и воду при этом поставляла фабрика¹⁷⁴. Квартиры были тесными, но доступными по цене. За жильцами велось постоянное наблюдение: тех, кто выписывал социалистические газеты, немедленно увольняли и выселяли с принадлежавшей заводу жилплощади. Полицейские получали жилье от предприятия бесплатно, за что должны были предупреждать любые митинги и собрания рабочих и стачки на заводе. К 1880 году на предприятии Круппа работало 12 тыс. рабочих, завод имел собственное газоснабжение, водонасосную станцию, пожарную часть, полицию, госпиталь, школы, магазины и собственную железную дорогу. А. Крупп был одним из первых предпринимателей, кто учредил пенсии по старости и больничную кассу.

Период 1871–1888 годов в Германии связан с окончательным завершением промышленной революции. Более позднее вступление в процесс индустриализации дало немцам определенные преимущества: можно было заимствовать зарубежный опыт и внедрять самые современные технологии. Кроме того, ускоренному развитию благоприятствовал це-

¹⁷² В качестве примера можно назвать крупных промышленников братьев Сименс, старший из которых – Вернер – усовершенствовал конструкцию проволочного телеграфа и впоследствии, с помощью младших братьев, основал всемирно известную компанию «Сименс», построившую в 1849 году первую телеграфную линию в Германии между Берлином и Франкфуртом на Майне, а с 1853 года осуществлявшую строительство телеграфных линий в Российской империи.

¹⁷³ Если в 1840 году в одно-двухэтажном доме в Эссене проживало в среднем 8 человек, то в 1860-х годах – от 18 до 24.

¹⁷⁴ *Berhorst R. Das Prinzip Krupp // Die Industrielle Revolution: wie Dampf, Stahl und Strom die Welt verändern. Geo-Epoche. №30. S. 105.*

льный ряд факторов: 1) контрибуция с Франции в 5 млрд франков; 2) захват Лотарингии, богатой месторождениями железной руды; 3) завершение объединения страны. Послевоенное время прозвали эпохой «грюндерства» – горячки по учреждению акционерных компаний и биржевым спекуляциям. В это время в Германии создаются новые отрасли промышленности – электротехника, химия, динамично развиваются металлургия и добыча угля. Протяженность железных дорог выросла в три раза. Происходят серьезные социальные изменения: ускоряется урбанизация, трудовые ресурсы перемещаются из первичного сектора во вторичный и третичный (в промышленности, торговле и транспорте трудится уже более 50 % занятых). Однако вскоре экономическому буму был положен конец.

Осенью 1873 года разразился второй мировой экономический кризис, продолжавшийся с небольшими перерывами до 1895 года (в литературе данный кризис получил название «долгая» или «длинная депрессия»). Всего за несколько недель обвальный кризис, сопровождавшийся биржевым и банковским крахом, перешел в тяжелую депрессию, непрерывно продолжавшуюся до февраля 1879 года. Шестилетний застой, приведший к сокращению в два раза экономического роста, а в некоторых секторах – к стагнации, спаду производства продукции и всеобщему продолжительному снижению цен, был небывалым до тех пор явлением в немецкой промышленности. Потребление железа – важнейшего для того времени показателя – упало за короткое время на 50 %, заработная плата горняков снизилась вдвое¹⁷⁵.

Краткосрочная передышка (с начала 1879 до января 1882 года) сменилась второй, относительно слабой депрессией, продолжавшейся до августа 1886 года. Несмотря на то что промышленность уже не была так глубоко затронута кризисом, как в 1873–1879 годах, значение этой повторной депрессии заключалось в том, что шок 1870-х годов был лишь еще более усугублен. И предприниматели, и правительство оказались абсолютно беспомощны перед лицом наступившего кризиса, что окончательно разрушило три фундаментальных идеала капитализма: стабильность протекания экономического роста, возможность рационального прогнозирования дохода и надежду на постоянную максимизацию прибыли.

В период экономического кризиса общий спад был усугублен тремя факторами:

1. Комплекс ведущих секторов немецкой тяжелой индустрии – черная металлургия, горная промышленность и строительство железных до-

¹⁷⁵ Wehler H.-U. Das Deutsche Kaiserreich, 1871–1918. Göttingen, 1994. S. 42.

рог – постепенно утратили свою динамику развития. Прежде всего железнодорожное строительство лишилось своей роли ведущего сектора тяжелой индустрии: если в 1870–1879 годах доля этой отрасли в чистых инвестициях в немецкую экономику составляла 25 %, то к 1885 году она сократилась до 13,5 %, а к 1889 году – до 5,7 %. Это оказало радикальное влияние на металлургию и другие смежные отрасли экономики. Только появление в 1890-е годы новых ведущих секторов: электротехники, машиностроения (производство двигателей и промышленного оборудования) и химической промышленности, а также сферы услуг – вновь привели к уверенному экономическому росту.

2. Затяжной характер экономической депрессии затруднял ориентирование предпринимателей. Кроме того, немецкая промышленность в то время интегрировалась в формирующийся мировой рынок, при этом внутригерманский рынок всё еще не получал достаточных импульсов к расширению посредством целенаправленной конъюнктурной политики при помощи динамической заработной платы, роста потребительских ожиданий и проч.

3. С другой стороны, в годы спада произошел существенный прирост численности населения Германской империи: в 1873–1895 годах население страны увеличилось с 41,6 до 52 млн человек, то есть на 10,4 млн, при том что около 2 млн немцев за тот же период времени эмигрировали в другие страны. Изменение демографической ситуации потребовало многократного увеличения числа рабочих мест, а промышленность и сельское хозяйство, стянутые оковами экономического кризиса, не располагали резервами трудоустройства дополнительных рабочих рук (впрочем, до массового пауперизма, характерного для первой половины XIX века, дело так и не дошло)¹⁷⁶.

Воздействие кризиса по-разному сказывалось на различных слоях населения. Производители были сильно затронуты падением цен и сокращением производства, в то время как получатели твердого дохода чувствовали себя значительно лучше. Для массы работающих по найму промышленных рабочих сокращения зарплаты, увольнения или перевод на частичную занятость создали атмосферу безысходности, немало способствовавшую распространению социал-демократических идей.

Заметным социально-экономическим явлением второй половины XIX века стала стремительная урбанизация. В то время как за 1871–1890 годы население возросло на 8,2 млн человек, число городских жителей¹⁷⁷

¹⁷⁶ Ibid. S. 45–46.

¹⁷⁷ В тогдашней статистике под городом понимался населенный пункт, насчитывавший не менее 2 тыс. человек.

выросло почти на 3,5 млн человек, то есть составило 3/4 всего прироста населения Германской империи. Так, например, население Дрездена и Мюнхена за 1850–1880 годы удвоилось¹⁷⁸. В промышленных городах в этот период разрушилось традиционное единство труда и жизни. Работа по найму, прежде характерная лишь для отдельных отраслей, превратилась в правило. Большая семья уходит в прошлое. Индустриализация привела и к росту благосостояния населения. Применение удобрений и сельскохозяйственной техники вызвало многократный рост урожайности: цены на продовольствие упали, железные дороги и паровозное сообщение значительно удешевили транспортные перевозки¹⁷⁹. К концу XIX века семьям рабочих стали доступны уже не только зерновые каши, хлеб и картофель, но даже масло, овощи, фрукты и мясо. Пищевая промышленность стала производить в больших масштабах и продукты длительного хранения (маргарин, сухое молоко и сухие супы). В промышленных объемах теперь производилась теплая одежда, топливо для отопления, медикаменты, доступные по цене даже бедным слоям населения, перестали быть товарами роскоши кофе и сахар¹⁸⁰.

Увеличение доли городского населения обострило продовольственную проблему. С 1852 года Германии пришлось импортировать рожь, с 1876 года – пшеницу, причем объем импорта неуклонно нарастал; аналогичная ситуация сложилась с овсом и ячменем. Таким образом, во второй половине 1870-х годов Германия стала зависеть от импорта зерна. Одновременно с этим произошло необычайное падение цен. Немецкие цены на продовольствие к 1885 году упали на 20 %, только в 1912 году они вновь достигнут уровня начала 1870-х годов; средний годовой заработок в сельском хозяйстве снизился в 1879 году до уровня 1872 года¹⁸¹.

Аграрный кризис во многом стал результатом жесткой международной конкуренции, прежде всего с США и Россией¹⁸². В условиях обвального падения цен на производство и транспортировку дешевая американская пше-

¹⁷⁸ Holst I., Fischer H. Op. cit. S. 23.

¹⁷⁹ Если 1840 году перевозка одной тонны груза стоила 18 пфеннигов за километр, то в 1880 году уже всего 4,4 пфеннига. *Bischoff J.* Op. cit. S. 70.

¹⁸⁰ Holst I., Fischer H. Op. cit. S. 23.

¹⁸¹ *Wehler H.-U.* Op. cit. S. 43–45.

¹⁸² Главной причиной аграрного кризиса стал научно-технический прогресс и связанные с ним изменения в промышленности и торговле. Применение минеральных удобрений и сельскохозяйственной техники привело к росту производства зерновых культур. В США внедряется конвейерная технология забоя скота и производства замороженного мяса и мясных консервов. Благодаря паровозам, пароходам и рефрижераторным установкам появилась возможность завозить зерно и мясо в Европу из Америки, Австралии и России. Всё вместе это привело к обрушению мировых цен на продовольствие.

ница стала с 1879 года серьезно давить на уровень продовольственных цен в Центральной Европе. Россия в 1870–1880-х годах занималась собственной модернизацией, финансируемой по большей части благодаря доходам от экспорта зерна. Канадская и аргентинская пшеница также проникали на немецкий рынок. К такому удару немецкая зерновая промышленность, имеющая высокие затраты на производство, крупную задолженность по ипотеке, привыкшая к самым высоким ценам на свой товар и потерявшая своего главного покупателя в лице Великобритании (которая с тех пор тоже закупала продовольствие у США), оказалась не готова.

Падение цен на прусскую пшеницу с 221 марки за тонну в 1880 году до 157 марок в 1886 году грозило и политическими осложнениями, так как основным производителем зерна в Германии было остэльбское юнкерство, являвшееся главной опорой кайзеровского режима. Немецкие производители зерна стали требовать от правительства введения протекционистских таможенных тарифов на хлеб. Переход от свободной торговли к протекционизму последовал после полной дискредитации либерального рыночного хозяйства и его теории, либеральных идей и ценностей вообще, после первого шока центрально-европейского аграрного кризиса и шестилетней депрессии, затронувшей промышленность. Сельскохозяйственные и промышленные круги настойчиво требовали от властей обеспечить им защиту от иностранной конкуренции – и правительство Германии быстро реагировало на это соответствующими мерами.

В спешном порядке были предприняты меры по выправлению экономической конъюнктуры, включавшие в себя стабилизацию внутренних цен с одновременным демпингом на мировом рынке, а также защиту германского рынка от иностранных конкурентов с помощью таможенных барьеров. Протекционистская таможенная пошлина на сельскохозяйственную продукцию была введена Германией в 1879 году в отношении других стран Европы, в 1885–1887 годах тарифы были увеличены в пять раз. Правительство Бисмарка попыталось с их помощью заморозить «статус-кво» в структуре земельной собственности, прежде всего защитить интересы остэльбских юнкеров и их привилегированное положение за счет нижних слоев городского населения. С чисто экономической точки зрения таможенная политика была более чем сомнительной, а в условиях начавшегося в 1882 и 1890 годах экономического подъема – абсолютно неэффективной. Однако с точки зрения политики, господство крупных земельных собственников в Германии было укреплено, шанс лишить могущества доиндустриальную элиту юнкеров не был реализован.

Несмотря на закрепление привилегий юнкерства, остановить победное шествие промышленности было уже невозможно. Некогда аграр-

ное государство окончательно превратилось в промышленную державу. В 1873 году доля сельского хозяйства в ВВП составляла 37,9 млрд марок, а промышленности – 31,7 млрд марок. В 1889 году промышленность достигла паритета с аграрным сектором, а в 1895 году превзошла его в соотношении 36,8 млрд к 32,2 млрд марок. Стоимость произведенной продукции также опередила сельское хозяйство в пропорции 6,5 к 5,1. Если в 1870 году чистые инвестиции в сельское хозяйство еще составляли 22 млрд марок, то к середине 1870-х годов они уже снизились до 10 млрд марок; при этом в промышленность было инвестировано 33 млрд марок. В условиях первой депрессии в 1879 году был достигнут паритет 10,8 к 10,6. По завершении депрессии промышленность устремилась неудержимо вперед: в 1885 году соответствующий паритет составлял 11,5 к 37,5, а в 1890 году – 13,8 к 45,3. Таким образом, за два десятилетия доля промышленности в чистых инвестициях выросла с 14 до 45 млрд марок!

В чистых инвестициях было скрыто и решение об экономическом будущем Германии; доля в 45,3 млрд марок была гораздо важнее для будущего развития страны, чем тогда казалось многим наблюдателям. Даже такие формальные показатели, как число занятых (без учета производительности труда), объем произведенной продукции и проч. в 1890 году показали, что рубеж пройден. Если в 1871 году в Германской империи доля занятых в сельском хозяйстве к числу занятых в промышленности, транспорте, торговле, банках и страховании соотносилась как 8,5 млн к 5,3 млн человек, то в 1880 году – уже 9,6 млн к 7,5 млн, а в 1890 году – 9,6 млн к 10 млн человек. Таким образом, несмотря на затяжной экономический кризис со всеми сопутствующими ему социально-экономическими проблемами, процесс индустриализации в Германии в эти годы завершился¹⁸³.

Активно в это время развивается и внешняя торговля. На протяжении всего XIX века Германия экспортировала в основном продовольствие, музыкальные инструменты, изделия шитья и другие товары немецких ремесленников. Экспорту продукции немецкого машиностроения и металлургии долгое время препятствовало низкое качество, обусловленное отсутствием капитала, а значит современных технологий и оборудования. «Дешево и плохо» выглядели немецкие экспонаты на Всемирной выставке в Филадельфии в 1876 году. Выход из положения был найден в массовой подделке товаров британских, французских и американских производителей, известных своим высоким качеством. Начало промышленному производству в Германии положила массовая подделка британских товаров, и, прежде всего, продукции британских

¹⁸³ Wehler H.-U. Op. cit. S. 46–48.

металлургов из высококачественной шеффилдской стали (ножей, ножниц, пил, напильников, бритв). Вместо того чтобы заботиться о качественной проковке изделий для обеспечения их прочности, немецкие коммерсанты больше внимания уделяли внешнему виду и обработке поверхности. На готовом изделии ставилось фальшивое клеймо британских производителей. Это вызвало банкротство многих британских фирм и потерю ими рынка сбыта товаров. В 1883 году в Париже было заключено международное соглашение об охране патентов и товарных знаков, введившее крупные штрафы за подделку и плагиат. Представители Германии не приняли участия в подписании этого документа. В 1887 году британский парламент принял Акт о торговых марках, предписывающий на всех импортных товарах, имеющих британские аналоги, ставить клеймо «Сделано в...». Это должно было защитить британских потребителей от дешевых и некачественных иностранных подделок. Немцы первоначально пытались обойти этот закон, ставя клеймо в таких местах, где его практически не мог разглядеть потребитель. Однако в последующем, чтобы не потерять рынки сбыта в Великобритании и ее колониях по всему миру, немецкие производители были вынуждены заботиться об улучшении качества своей продукции, расширять ассортимент экспортируемых товаров, усовершенствовать логистику. На это были направлены средства, заработанные в свое время на подделках и копировании чужих товаров. Со временем клеймо «сделано в Германии» стало гарантией качества и красовалось на самых видных местах произведенной продукции. «Дешевле, привлекательнее, искуснее, легче и быстрее в доставке», – эти слова стали главным девизом немецких поставщиков. Кроме того, немцы использовали целый ряд конкурентных преимуществ: развитую сеть коммивояжеров, предоставление покупателям гибкой системы скидок, а постоянным клиентам – возможности продажи товаров в кредит. Еще одним козырем немецких торговцев стала продажа товаров через универсальные магазины (в то время как британские производители делали ставку на специализированные торговые дома)¹⁸⁴.

Новый экономический подъем на рубеже веков стал важным периодом с точки зрения смены эпох в развитии капитализма. Если до этого времени, независимо от формы организации бизнеса, преобладала относительно свободная конкуренция, то теперь наступает эра доминирования крупных предприятий (акционерных обществ, трестов и концернов) с присущей им олигополией. В борьбе за рынки сбыта немцы первыми осознали преимущества монополий: это позволяло сократить издержки,

¹⁸⁴ Bräunlein P. Made in Germany // Die Industrielle Revolution: wie Dampf, Stahl und Strom die Welt verändern. Geo-Epoche. №30. S. 128–129.

сговориться о демпинговых ценах и лоббировать в правительстве вопрос об увеличении ввозных пошлин на товары конкурентов. Создание монополий началось в Германии раньше и шло быстрее, чем в Англии и Франции. Уже в ходе экономического кризиса 1880–1890-х годов появилось свыше 250 картелей, а к 1905 году их было уже более 600. Прежде всего этот процесс затронул тяжелую индустрию, химическую и электротехническую промышленность. Крупнейшими монополистическими объединениями стали Каменноугольный синдикат, Стальной синдикат, Железный синдикат, предприятия «Крупп», «Феникс», «АЭГ» и «Сименс», пароходные компании «Гамбург-Ллойд» и «Северогерманский Ллойд».

Ввиду ограниченности во времени германская промышленность не успела создать необходимые накопления средств, поэтому деньги на развитие производства пришлось занимать в банках. В результате возросло влияние банков на экономику: «Учетное общество» контролирует весь Рурский промышленный бассейн. Происходит и концентрация банковских капиталов: 6 крупнейших банков контролируют все финансы страны, на долю «Учетного общества» и «Дойче банка» приходилось 50 % всех вкладов.

За 1895–1900 годы промышленное производство увеличилось на треть, в то время как внутреннее потребление выросло только на $1/5$ ¹⁸⁵. Это побуждало немецких предпринимателей к активному вывозу товаров и капиталов за границу. В 1880–1890-е годы в три раза увеличился вывоз капиталов за границу, объем которых составил 15 млрд марок. За этот же период экспорт немецких товаров возрос на 60 %. Вывоз капитала объяснялся более благоприятными условиями для развития промышленности в слаборазвитых странах и колониях: дешевая рабочая сила, богатые полезные ископаемые, сокращение расходов на транспортировку сырья и готовой продукции (произведенные товары сбывались там же). Главными объектами немецких инвестиций стали Турция, Китай и страны Латинской Америки. Активные действия Германия стала предпринимать и для обзаведения собственными сферами влияния и колониями. Они могли стать дешевыми источниками сырья и рабочей силы, а также гарантированными рынками сбыта для немецких товаров.

¹⁸⁵ Wehler H.-U. Op. cit. S. 52.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

Таблица 1. Численность населения Германии в 1816–1864 годах

<i>Государство</i>	<i>1816 год (в тыс. человек)</i>	<i>1864 год (в тыс. человек)</i>	<i>Ежегодный прирост (в %)</i>
Австрия (земли в составе Германского союза)	8691	12025	6,8
Бавария	3607	4815	6,0
Вюртемберг	1411	1748	4,5
Баден	1006	1432	7,4
Саксония	1194	2337	14,1
Ганновер	1610	1926	3,7
Средние германские государства	8828	12258	6,9
Мелкие германские государства	4198	6294	8,5
Пруссия (включая северо-восточные провинции)	10415	19253	12,8
Германский союз в целом	29855	45292	8,8

Источник: Lutz H. Op. cit. S. 81.

Таблица 2. Число занятых в трех главных секторах экономики Германии, 1800–1871 годы

<i>Год</i>	<i>Всего (в тыс. человек)</i>	<i>Сельское хозяйство (в %)</i>	<i>Промышленность и ремесло (в %)</i>	<i>Сфера услуг (в %)</i>
1800	10535	61,8	21,3	16,9
1825	12600	59,0	22,0	19,0
1852	15028	55,2	25,0	19,8
1858	15492	53,2	26,6	20,2
1861	15967	51,7	27,3	21,0
1867	16171	51,5	27,1	21,4
1871	17337	49,3	28,9	21,8

Источник: Lutz H. Op. cit. S. 88.

Таблица 3. ВВП в целом и по трем главным секторам экономики Германии, 1800–1871 годы

Год	Всего (млн марок)	На душу населения (марок)	Сельское хозяйство (млн марок)	Промышлен- ность и ремесло (млн марок)	Сфера услуг (млн марок)
1800	5700	250			
1825	7300	261			
1850	9449	268	4397	1954	3098
1855	9657	267	4142	2135	3380
1861	11364	308	4833	2754	3727
1867	13318	333	5544	3613	4161
1871	14653	347	5662	4384	4607

Источник: Lutz H. Op. cit. S. 89.

Таблица 4. Выпуск промышленной продукции, 1800–1888 годы (в млн фунтов стерлингов)

Год	Великобритания	Франция	Германия	Австрия	Россия	США	Мир в целом
1800	230	190	60	50	15	25	650
1820	290	220	85	80	20	55	865
1840	387	264	150	142	40	96	1314
1860	577	380	310	200	155	392	2404
1888	820	485	583	253	363	1443	4618

Источник: Lutz H. Op. cit. S. 89.

Таблица 5. Производство продукции на душу населения, 1841 год (в гульденах)

Отрасль промышленности	Германский таможенный союз	Австрия
Сельское хозяйство	46,3	27,6
Ремесло	15,2	3,6
Промышленность	8,1	4,0

Источник: Lutz H. Op. cit. S. 89.

Таблица 6. Рост численности населения Германии, 1871–1910 годы (тыс. человек)

<i>Государства и провинции</i>	<i>1871 год</i>	<i>1910 год</i>	<i>Прирост</i>	<i>Среднегодовой прирост</i>
Восточная Пруссия	1 823	2 064	13,2%	3,2%
Западная Пруссия	1 315	1 703	29,5%	6,7%
Берлин	826	2 071	150,7%	23,8%
Бранденбург	2 037	4 093	100,9%	18,1%
Померания	1 432	1 717	19,9%	4,7%
Познань	1 584	2 100	32,6%	7,2%
Силезия	3 707	5 226	41,0%	8,8%
Провинция Саксония	2 103	3 089	46,9%	9,9%
Шлезвиг-Гольштейн	1 045	1 621	55,1%	11,3%
Ганновер	1 961	2 942	50,0%	10,5%
Вестфалия	1 775	4 125	132,4%	21,9%
Гессен-Нассау	1 400	2 221	58,6%	11,9%
Рейнская провинция	3 579	7 121	99,0%	17,8%
Гогенцоллерн	66	71	7,6%	2,0%
<i>Королевство Пруссия</i>	<i>24 689</i>	<i>40 165</i>	<i>62,7%</i>	<i>12,6%</i>
Королевство Бавария	4 915	6 962	41,6%	9,0%
Королевство Саксония	2 556	4 807	88,1%	15,2%
Вюртемберг	1 819	2 438	34,0%	7,6%
Баден	1 462	2 143	46,6%	9,9%
Тюрингские княжества	1 016	1 511	48,7%	10,2%
Гессен	853	1 282	50,3%	10,5%
Гамбург	339	1 015	199,4%	28,4%
Мекленбург-Шверин	558	640	14,7%	3,5%
Ольденбург	317	483	52,4%	10,9%
Брауншвейг	312	494	58,3%	11,9%
Анхальт	203	331	63,1%	12,6%
Бремен	122	300	145,9%	23,2%
Липпе-Детмольд	111	151	36,0%	7,9%
Любек	52	117	125,0%	20,8%
Мекленбург-Штрелиц	97	106	9,3%	2,3%
Вальдек	56	62	10,7%	2,4%
Шаумбург-Липпе	32	46	43,8%	9,3%
Эльзас-Лотарингия	1 550	1 874	20,9%	4,9%
<i>Германская империя</i>	<i>41 059</i>	<i>64 926</i>	<i>58,1%</i>	<i>11,8%</i>

Источник: Aubin H., Zorn W. (Hg.). Handbuch der deutschen Wirtschafts- und Sozialgeschichte. Bd. 2. Stuttgart, 1971–1976. S. 18.

Таблица 7. Плотность населения Германии, 1871–1910 годы

Государства и провинции	Население на 1 км ²		
	1871 год	1890 год	1910 год
Восточная Пруссия	49,3	53,0	55,8
Западная Пруссия	51,9	56,2	66,7
Берлин	13 951,4	24 902,1	32 664,5
Бранденбург	51,1	63,8	102,7
Померания	47,5	50,5	57,0
Познань	54,7	60,5	72,4
Силезия	92,0	104,8	129,6
Провинция Саксония	83,3	102,2	122,3
Шлезвиг-Гольштейн	55,0	64,5	85,2
Ганновер	50,9	59,2	76,4
Вестфалия	87,8	120,2	204,0
Гессен-Нассау	89,2	106,1	141,4
Рейнская провинция	132,6	174,5	263,7
Гогенцоллерн	57,4	57,9	62,2
<i>Королевство Пруссия</i>	<i>70,8</i>	<i>86,0</i>	<i>115,2</i>
Королевство Бавария	64,1	73,7	90,8
Королевство Саксония	170,5	233,6	320,6
Вюртемберг	93,2	104,4	125,0
Баден	96,9	109,9	142,2
Гессен	111,0	129,3	166,8
Мекленбург-Шверин	42,5	43,9	48,8
Гамбург	816,8	1 504,8	2 447,6
Эльзас-Лотарингия	106,8	110,5	129,0
Германская империя	75,9	91,5	120,0

Источник: Hohorst G., Kocka J., Ritter G. A. Sozialgeschichtliches Arbeitsbuch II. München, 1978. S. 50.

Таблица 8. Урбанизация в Германии, 1871–1910 годы

Год	Доля населения, проживающего в общинах с ... жителями					
	меньше 2 000	2 000 и более	в том числе в общинах с ... жителями			
			От 2 000 до 5 000	От 5 000 до 20 000	От 20 000 до 100 000	Более 100 000
1871	63,9%	36,1%	12,4%	11,2%	7,7%	4,8%
1875	61,0%	39,0%	12,6%	12,0%	8,2%	6,2%
1880	58,6%	41,4%	12,7%	12,6%	8,9%	7,2%
1885	56,3%	43,7%	12,4%	12,9%	8,9%	9,5%
1890	53,0%	47,0%	12,0%	13,1%	9,8%	12,1%
1895	49,8%	50,2%	12,0%	13,6%	10,7%	13,9%
1900	45,6%	54,4%	12,1%	13,5%	12,6%	16,2%
1905	42,6%	57,4%	11,8%	13,7%	12,9%	19,0%
1910	40,0%	60,0%	11,2%	14,1%	13,4%	21,3%

Источник: Hohorst G., Kocka J., Ritter G. A. Op. cit. S. 42–44.

Таблица 9. Рост городов в Германии, 1875–1910 годы

Город	Население			Прирост населения		
	1875 год	1890 год	1910 год	1875– 1910 годы	1875– 1890 годы	1890– 1910 годы
Берлин	966 859	1 587 794	2 071 257	114,2%	64,2%	30,4%
Бремен	102 532	125 684	217 437	112,1%	22,6%	73,0%
Бреслау	239 050	335 186	512 105	114,2%	40,2%	52,8%
Гамбург	264 675	323 923	931 035	251,8%	22,4%	187,4%
Ганновер	106 677	163 593	302 375	183,4%	53,4%	84,8%
Дортмунд	57 742	89 663	214 226	271,0%	55,3%	138,9%
Дрезден	197 295	276 522	548 308	177,9%	40,2%	98,3%
Дуйсбург	37 380	59 285	229 438	513,8%	58,6%	287,0%
Дюссельдорф	80 695	144 642	358 728	344,5%	79,2%	148,0%
Кёльн	135 371	281 681	516 527	281,6%	108,1%	83,4%
Кёнигсбург	122 636	161 666	245 994	100,6%	31,8%	52,2%
Киль	37 246	69 172	211 627	468,2%	85,7%	205,9%
Лейпциг	127 387	295 025	589 850	363,0%	131,6%	99,9%
Магдебург	87 925	202 234	279 629	218,0%	130,0%	38,3%
Мюнхен	193 024	349 024	596 467	209,0%	80,8%	70,9%
Нюрнберг	91 018	142 590	333 142	266,0%	56,7%	133,6%
Франкфурт на Майне	103 136	179 985	414 576	302,0%	74,5%	130,3%
Хемниц	78 209	138 954	287 807	268,0%	77,7%	107,1%
Шарлоттенбург	25 847	76 859	305 978	1 083,8%	197,4%	298,1%
Штеттин	80 972	116 228	236 113	191,6%	43,5%	103,1%
Штутгарт	107 273	139 817	286 218	166,8%	30,3%	104,7%
Эссен	54 790	78 706	294 653	437,8%	43,7%	274,4%
Число городов с населением свыше 10 тыс. человек	271	394	576	112,5%	45,4%	46,2%

Источник: Hohorst G., Kocka J., Ritter G. A. Op. cit. S. 45–46.

Таблица 10. Занятость населения Германии, 1882–1907 годы (тыс. человек)

Год	Общее число занятых	в том числе женщин	в %	Членов семьи	Всего занятых и членов их семей	Доля в общей численности населения
<i>А. Сельское и лесное хозяйство, садоводство и рыболовство</i>						
1882	8 236	2 535	30,8%	10 564	18 801	41,6%
1895	8 293	2 753	33,2%	9 834	18 127	35,0%
1907	9 883	4 599	46,5%	7 634	17 517	28,4%
<i>В. Промышленность, строительство и ремесло</i>						
1882	6 396	1 127	17,6%	9 359	15 756	34,8%
1895	8 281	1 521	18,4%	11 652	19 933	38,5%
1907	11 256	2 104	18,7%	14 799	26 055	42,2%
<i>С. Торговля и транспорт</i>						
1882	1 570	298	19,0%	2 665	4 236	9,4%
1895	2 339	580	24,8%	3 344	5 683	11,0%
1907	3 478	931	26,8%	4 458	7 935	12,9%
<i>Д. Домашняя прислуга</i>						
1882	1 723	1 466	85,1%	539	2 261	5,0%
1895	1 772	1 548	87,4%	453	2 225	4,3%
1907	1 736	1 570	90,4%	320	2 056	3,3%
<i>Е. Управление, военная служба и свободные профессии</i>						
1882	1 031	115	11,2%	1 027	2 058	4,6%
1895	1 426	177	12,4%	1 218	2 644	5,1%
1907	1 739	288	16,6%	1 445	3 184	5,2%
<i>Всего от А до Е</i>						
1882	18 957	5 542	29,2%	24 154	43 111	95,3%
1895	22 110	6 578	29,8%	26 501	48 611	93,9%
1907	28 092	9 493	33,8%	28 655	56 747	91,9%
<i>Ф. Безработные и пенсионеры</i>						
1882	1 354	702	51,8%	756	2 117	4,7%
1895	2 143	1 116	52,1%	1 016	3 159	6,1%
1907	3 405	1 792	52,6%	1 568	4 973	8,1%
<i>Итого от А до F</i>						
1882	20 311	6 247	30,7%	24 911	45 222	100,0%
1895	24 253	7 694	31,7%	27 517	51 770	100,0%
1907	31 497	11 285	35,8%	30 223	61 721	100,0%

Источник: Hohorst G., Kocka J., Ritter G. A. Op. cit. S. 66.

Таблица 11. Занятость населения по отраслям промышленности,
1849–1913 годы (тыс. человек)

Отрасль	1849	1855	1875	1880	1885	1890	1895	1900	1905	1910	1913
Горная промышленность и солеварение	95	157	286	297	345	398	432	575	665	816	863
Нерудные ископаемые	142	183	333	382	414	609	595	784	786	760	752
Металлургия	43	66	150	142	173	216	225	314	351	394	443
Металлообработка	290	337	601	644	690	932	964	1394	1459	1647	1887
Химическая промышленность	24	29	65		94	123	138	177	207	240	290
Текстильная промышленность	789	825	926	914	905	987	992	1 030	1 055	1 098	1 101
Кожевенная промышленность	33	34	44		47	55	56	59	59	59	60
Швейная промышленность	816	845	1 078		1 309	1 398	1 392	1 522	1 524	1 549	1 544
Деревообработка	356	382	522		599	674	679	811	882	896	924
Целлюлозно-бумажная промышленность	23	37	84		112	141	161	195	221	257	282
Печатная промышленность	18	19	46		69	82	116	146	176	202	224
Производство украшений, игрушек, музыкальных инструментов	31	41	83		101	119	125	144	162	183	197
Пищевая промышленность	493	523	676		827	933	1 029	1 092	1 199	1 287	1 427
Газо-, водо-, электроснабжение	1	4	15		17	23	27	43	61	82	96
Строительство	337	384	530		648	1 045	1 025	1 239	1 430	1 530	1 630
<i>Итого</i>	<i>3 491</i>	<i>3 866</i>	<i>5 439</i>	<i>5 801</i>	<i>6 350</i>	<i>7 735</i>	<i>7 956</i>	<i>9 525</i>	<i>10 237</i>	<i>11 000</i>	<i>11 720</i>

Источник: Aubin H., Zorn W. (Hg.). Op. cit. S. 535.

Таблица 12. Концентрация промышленного производства в Германии, 1882–1907 годы

Год	Число занятых на предприятии					
	1–5 человек	6–10 человек	11–50 человек	51–200 человек	201–1000 человек	более 1000 человек
<i>Промышленность и ремесло</i>						
1882	59,8%	4,4%	13,0%	11,8%	9,1%	1,9%
1895	41,8%	7,4%	17,3%	17,4%	12,8%	3,3%
1907	31,2%	7,0%	19,4%	20,8%	16,7%	4,9%
<i>Горная промышленность и солеварение</i>						
1882	1,7%	0,8%	5,9%	14,6%	44,0%	33,0%
1895	0,8%	0,6%	4,0%	11,2%	36,8%	46,6%
1907	0,7%	0,3%	2,5%	9,6%	28,7%	58,2%

Источник: Statistik des Deutschen Reichs. 1886. Bd. 6. Buch 1. S. 23.

Таблица 13. Вклад различных секторов экономики в ВВП Германии (в млн марок, в ценах 1913 года)

Год	Сельское и лесное хозяйство, рыболовство	Горная промышленность и солеварение	Промышленность и ремесло	Транспорт	Торговля, банки, страхование, общественное питание	Домашняя прислуга	Прочие услуги кроме обороны	Оборона	Жилье	Итого
1870	5 738	255	3 742	280	1 082	1 014			488	14 169
1875	6 595	356	5 453	412	1 438	1 025	1 586	172	614	17 651
1880	6 427	455	5 194	506	1 437	1 027	1 694	174	765	17 679
1885	7 525	563	6 110	629	1 741	1 024	1 760	185	880	20 417
1890	7 732	674	7 941	878	1 982	1 054	2 074	203	1 051	23 589
1895	8 573	757	9 732	1 073	2 478	1 081	2 383	243	1 301	27 621
1900	9 924	1 049	12 220	1 576	2 881	1 038	2 685	252	1 544	33 169
1905	10 231	1 201	13 931	1 984	3 564	1 060	3 088	261	1 869	37 189
1910	10 625	1 530	17 016	2 621	3 953	1 080	3 651	272	2 233	42 981
1913	11 270	1 903	19 902	3 146	4 415	1 061	4 000	346	2 437	48 480

Источник: Hohorst G., Kocka J., Ritter G. A. Op. cit. S. 88–91.

Таблица 14. Среднегодовой заработок наемных рабочих в промышленности, торговле и на транспорте

Год	Среднегодовой заработок (номинальный)		Индекс стоимости жизни 1895 = 100	Среднегодовой заработок (реальный)	
	марок	1895 = 100		в ценах 1895 года	1895 = 100
1871	493	74	105,8	466	70
1875	651	98	112,7	578	87
1880	545	82	104,0	524	79
1885	581	87	98,6	589	89
1890	650	98	102,2	636	96
1895	665	100	100,0	665	100
1900	784	118	106,4	737	111
1905	849	128	112,4	755	114
1910	979	147	124,2	789	119
1913	1 083	163	129,8	834	125

Источник: Hohorst G., Kocka J., Ritter G. A. Op. cit. S. 107–108.

Таблица 15. Число сельскохозяйственных предприятий в Германии, 1882–1907 годы

Размер хозяйства	1882 год		1907 год	
	в тыс.	в %	в тыс.	в %
< 2 га	3 062	58,0	3 379	58,9
2-5 га	981	18,6	1 006	17,6
5-20 га	927	17,6	1 066	18,5
20-100 га	282	5,3	262	4,6
> 100 га	25	0,5	24	0,4
<i>Всего</i>	<i>5 277</i>	<i>100,0</i>	<i>5 737</i>	<i>100,0</i>

Источник: Aubin H., Zorn W. (Hg.). Op. cit. S. 512.

**МОДЕРНИЗАЦИЯ ХОЗЯЙСТВА И СТАНОВЛЕНИЕ
РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ
(XIII – XIX ВЕКА)**

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Издательство «Перо»
109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29–33, стр. 27, ком. 105
Тел.: (495) 973–72–28, 665–34–36
Подписано в печать 05.08.2016. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л.20,625. Тираж 800 экз. Заказ 512.
Отпечатано в ООО «Издательство «Перо»